К 33 2/21

K33 2/21

К33 2/21.

ОБЗОР

ЗВУКОВЫХ И ФОРМАЛЬНЫХ

ОСОБЕННОСТЕЙ

НАРОДНАГО РУССКАГО ЯЗЫКА

М. КОЛОСОВА.

ВАРШАВА.
В Типографіи М. Земкевича и В. Ноаковскаго.
Краковское-Предмѣстье N. 15.

1878.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректор, Тайный Совѣтник **Н. Благовѣщенскій.**

БИБЛИОТЕКА Г. И. М.
№ 7885
27-III 1931 г.

Издавая эту книгу, я думаю, что удовлетворяю одной из современных потребностей науки о русском языкѣ.

Систематическаго обзора формъ народнаго языка до сих пор у нас не появлялось; а со времени появленія послѣдняго по времени обозрѣнія звуковых черт его [1]) прошло уже около 25 лѣт.

За этот промежуток времени накопилось множество новаго матеріала, пригоднаго для характеристики особенностей народной русской рѣчи.

Пора уже дать себѣ отчет в том, чѣм владѣем мы, и, таким образом, выяснить, чего еще слѣдует искать.

Приводя в этой книгѣ данныя из области великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго нарѣчій, я нашел возможным озаглавить ее „Обзором звуковых и формальных особенностей народнаго *русскаго* языка.“ Но—считаю нужным предварить читателя—спеціальным предметом моего труда было *великорусское* нарѣчіе, в тѣсном смыслѣ этого слова; не только малорусское, но и бѣлорусское я лишь *привлекаю к сравненію* с великорусским; сами по себѣ эти нарѣчія не составляли для меня предмета наблюденій. О полнотѣ данных, их касающихся, я не заботился, и извлек их из немногих, наиболѣе надежных источников.

Что до великорусскаго, то данныя, характеризующія его звуки и формы, я собрал из *всѣх* бывших мнѣ доступными источников, как изданных так и неиздан-

---

[1]) А. А. Потебни О звуковых особенностях русских нарѣчій (Фил. Зап. 1865).

ных. Сверх того матеріала, который дали мнѣ эти источники, многое внесено мною в книгу из личных моих наблюденій над особенностями сѣверо-великорусскаго поднарѣчія [1]).

Разности этого поднарѣчія сравнительно с южным опредѣлены мною во всѣх случаях; но дальнѣйшаго расчлененія великорусскаго нарѣчія на части,—характеристики его *говоров*,—я не имѣл в виду [2]). Моя задача, главным образом, заключалась в том, чтобы опредѣлить звуковой и формальный тип великорусскаго сравнительно с бѣло- и малорусским.

Само собою разумѣется, что я не мог в своем трудѣ ограничиться подбором фактов и сообщеніем их в системѣ. О каждой особенности народнаго языка я должен был высказаться, объясняя ея отношеніе к другим его чертам и указывая на связь явленій современнаго русскаго языка с соотвѣтствующими им в древнерусском.

Связь эту, к сожалѣнію, далеко не всегда можно было опредѣлить: в цѣпи, соединяющей современное с древним, замѣчается нерѣдко недостаток посредствующих звеньев.

С другой стороны, далеко не всегда оказывалось возможным и опредѣленіе взаимнаго отношенія особенностей народнаго языка, а также и выясненіе причин их образованія.

---

[1]) Эти наблюденія относятся ко времени моей командировки в сѣв.-вост. губ. Россіи в 1875 — 6 г. Отчеты (числом пять) о командировкѣ печатались в Записках Академіи Наук и в Сборникѣ II-го Отдѣленія; изданы отдѣльно в 1876—77 г. (Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи в области сѣверно-великорусскаго нарѣчія).

[2]) Книга эта может однако служить и для характеристики нѣкоторых народных говоров, так как при каждой звуковой или формальной чертѣ, в ней отмѣченной, обозначена мѣстность, в языкѣ населенія которой черта эта употребительна.

Неясное я не усиливался представить ясным. Опредѣляя в одних случаях явленія положительно; в других я высказывался относительно их только предположительно, условно; в третьих — совсѣм отказывался от объясненія их.

Я не сомнѣваюсь в дѣйствительности органических сил языка; признаю, поэтому, что даже несходныя между собою его особенности стоят во взаимной связи. Можно разсчитывать—в будущем—на такое состояніе науки о языкѣ, при котором, на основаніи нѣкоторых извѣстных черт, спеціалист будет в силах заключать о прочих, теоретически опредѣляя звуковую физіономію даннаго языка или нарѣчія. Но такое состояніе науки—вѣнец ея. До него далеко еще. Зданіе науки о русском языкѣ еще возводится, а для нѣкоторых частей этого зданія пока только кирпичи обжигаются....

М. Колосов.

Варшава 1878 г. Август.

Перечень источниковъ и объясненіе сокращеній въ обозначеніи ихъ:

1. *А. Г. О.* Рукописи Архива Императорскаго русскаго географическаго общества.
2. *Аѳ.* Народныя русскія сказки А. Н. Аѳанасьева. Изд. 2-ое. 1873 г. Томы I—IV.
3. *Б.* Причитанія сѣвернаго края, собранныя Е. Барсовым. 1872.
4. *Вр.* Сборник русских духовных стихов В. Варенцова. 1860.
5. *Г.* Онежскія былины, записанныя А. Ф. Гильфердингом. 1873.
6. *Д.* О нарѣчіях русскаго языка Ст. В. И. Даля. 1852.
7. *Д. С. К.* Духовные стихи Кирѣевскаго (Чтенія московскаго Общества исторін и древностей. 1848. N. 9).
8. *Д. О. С.* Дополненія к Опыту Областнаго великорусскаго словаря. Изд. II. Отд. Акад. Наук 1858.
9. *К.* Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевским. Выпуски 1—10. 1861—1874.
10. *К. П.* Калѣки перехожіе. Сборник П. Безсонова. 1861.
11. *Л. Р. Л.* Лѣтописи русской литературы и древности. Изд. Тихонравова. Кн. II. IV. 1859—62.
12. *Мн.* Пѣсни крестьян села Бѣловолжскаго Чебоксарскаго уѣзда Казань 1877.
13. *Мжр.* Святочныя пѣсни казанской губ. Ал. Можаровскаго. Казань 1873.
14. *Н. Сб.* Новгородскій сборник. Изд. новг. статист. комитета, под ред. Н. Богословскаго. Вып. I—V. 1865—66.

15. *Нж. Сб.* Нижегородскій сборник, изд. нижег. стат. ком., под редакціею А. Гациссказо. Томы I—V. 1867—75.
16. *О. С.* Опыт областнаго великорусскаго словаря. Изд. II. Отд. Ак. Наук. 1852.
17. *Им.* Памятники и образцы народнаго языка и словесности. (Прибавленія к Извѣстіям II. Отд. Ак. Наук.)
18. *Р.* Пѣсни, собранныя П. Рыбниковым. Томы I—IV. 1861—67.
19. *См.* Пѣсни крестьян владимірской и кастромской губ. А. Смирнова. 1847.
20. *Ш.* Русскія народныя пѣсни, собранныя П. Шейном. 1870.
21. *Э. С.* Этнографическій сборник, изд. Русск. геогр. общества. Томы I, II, III, V, VI. 1853—64.
22. *Як.* Русскія пѣсни, собранныя П. Якушкиным. 1860.

Данныя относящіяся к бѣлорусскому и малорусскому извлечены по преимуществу из сборников:

23. *Б. П. Ш.* Бѣлорусскія пѣсни собр. П. В. Шейном. 1874.
24. *Др.* Малорусскія народныя преданія и разсказы. Свод М. Драгоманова. Кіев. 1876. [1]).

---

[1]) О нѣкоторых источниках в этом перечнѣ не упомянуто: они названы в текстѣ книги.—Нигдѣ не упомянута мною, стоящая однако вниманія, статья Солодовникова „О старо-оскольском народном говорѣ“ напечатанная в Филол. Зап. 1867. NN. II и III. Со стороны объясненій и группировки фактов, статья эта не имѣет значенія; но приведенныя в ней данныя народнаго старо-оскольскаго говора цѣнны. Укажу на нѣкоторыя.

Ударяемое *о=а:* вал=вол II. 65.

Ударяемое *е=и:* диверь=деверь 70.

Ударяемое *а=ы:* ды кык=да как III. 116.

ре=ере: на харошам древи II. 64.

и=е: графен. правела, правельный, истена, истенный, вышена, быстрена 66. Сюда же, без сомнѣнія, относятся: барян,

Не всѣ, конечно, перечисленные здѣсь источники имѣют одинаковую цѣнность. Важнѣе другихъ NN.: 1, 5, 7—9, 16—18, 20—24.

бялет III. 133.,—формы, предполагающія: барсн, белет.

Конечный ъ=ы (и послѣ гортаннаго): ки лугам 70.

Неорганическое отвердѣніе согласнаго: простина, милостина 61. еканоман (= еканомян изъ еканомен) 69. солоный 72. вышня III. 117.

Неорганическое умягченіе согласнаго: рёт, крёт, банкрёт, перё. ребрё=рот и пр. 69. дряхва, кряпива, старяться III. 127. мокряя земля ib. дуплё II. 69.

Ср. с этими примѣрами приведенные в текстѣ моей книги, соотвѣтствующія им (Стр. 4. 51, 59, 94. 109, 115—120, 151 и слѣд.).

Перечень упомянутых в книгѣ мѣстностей и объясненіе сокращеній в названіях их.

Ал. Алексинскій уѣзд.
Алкс. Александровскій.
Алт. Алтайскій округ.
Арз. Арзамасскій уѣзд.
Ард. Ардатовскій [1]).
Арх. Архангельскій.
Ас. Астраханскій.
Бгр. Богородицкій.
Бгр. ст. Багрянская станица (Ас. г.)
Блх. Балахнинскій уѣзд.
Блз. Бѣлозерскій.
Бл. Бѣлевскій.
Брв. Боровичскій.
Брн. Барнаульскій.
Бск. Буйскій.
В. В. Вышневолоцкій.
В. Л. Великолуцкій.
В. У. Великоустюжскій.
Взм. Ваземскій.
Взн. Вязниковскій.
Вд. Валдайскій.
Вл. Вельскій.
Влг. Вологодскій.
Влд. Владимірскій.
Внв. Веневскій.
Врн. Воронежскій.
Врхт. Верхотурскій.
Вс. Василь-сурскій.
Всг. Весьегонскій.
Вт. Вятскій.
Втг. Вытегорскій.
Гж. Гжатскій.
Грб. Горбатовскій.
Грз. Грязовецкій.
Грх. Гороховецкій.
Дм. Демьянскій.
Дрб. Дорогобужскій.
Ег. Егорьевскій.
Ек. Екатеринбургскій.
Ен. Енотаевскій.
Еп. Епифанскій.
Ефр. Ефремовскій.
Ж. Жиздренскій.
Збкл. Забайкальская область
Збц. Зубцовскій.

---

[1]) Симбирской и нижегород. губ.; послѣдній при источниках *А. Г. О.* и *Э. С.*

З. В. Д. Земля войска Донскаго.
Звн. Звенигородскій.
Зр. Зарайскій.
Ин. Инсарскій.
Ирб. Ирбитскій.
Ирк. Иркутскій.
Квр. Ковровскій.
Кдм. Кадомскій.
Кдн. Кадниковскій.
Кз. Казанскій.
Кзл. Козловскій.
Кл. Клинскій.
Клг. Кологривскій.
Клж. Калужскій.
Клз. Калязинскій.
Клм. Коломенскій.
Км. Кемскій.
Кмч. Камчатская область.
Кмш. Камышловскій уѣзд.
Кнг. Княгининскій.
Кнг. Кунгурскій.
Кнш. Кинешемскій.
Кр. Курскій.
Крг. Каргопольскій.
Крл. Кирилловскій.
Крп. Крапивенскій.
Крс. Корсунскій.
Крсн. Красненскій.
Крт. Кротоякскій.
Крчв. Корчевскій.
Ксм. Касимовскій.
Кстр. Костромской.
Кш. Кашинскій.
Кшр. Каширскій.
К. У. Красноуфимскій.
К. Я. Красноярскій.
Лб. Любимскій.
Лв. Ливенскій.
Лж. Лужскій.
Лк. Лукъяновскій.
Лп. Липецкій.
Лхв. Лихвинскій.
Лкт. Локтевскій завод.
М. Московскій уѣзд.
М. А. Малоархангельскій.
Мд. Медынскій.
Мж. Можайскій.
Мз. Мезенскій.
Мкр. Макарьевскій.
Млж. Моложскій.
Млн. Меленковскій.
Мщ. Мещовскій.
Мрм. Муромскій.
Мрш. Моршанскій.
Мс. Мосальскій.
Мх. Михайловскій.
Мц. Мценскій.
Мшк. Мышкинскій.
М. Я. Малоярославскій.
Нвг. Новогородскій.
Нвс. Новосильскій.
Нж. Нижегородскій.
П. Д. Нижнедѣвицкій.
Нкл. Никольскій.
Н. Л. Нижнеломовскій.
Н. Лд. Новоладожскій.
Нлн. Нолинскій.
Н. О. Новооскольскій.
Н. Рж. Новоржевскій.
Н. Т. Новоторжскій.
Од. Одоевскій.
Ол. Олонецкая губернія.
Он. Онежскій уѣзд.
Опч. Опочкенскій.

Ор. Оренбургскій.
Орл. Орловскій.
Ос. Осинскій.
Остр. Островскій.
Острг. Острогожскій.
Остш. Осташковскій.
Ох. Оханскій.
Пвл. Павловскій (Врн. г.).
Пвц. Повѣнецкій.
Пдж. Пудожскій.
Пнз. Пензенскій.
Прм. Пермскій.
Прс. Переяславскій (Влд. г.)
Прхв. Порховской.
Пск. Псковскій.
Птр. Петровскій. (Стр. г).
Птрз. Петрозаводскій.
Пшх. Пошехонскій.
Рж. Ржевскій.
Рз. Рязанскій.
Рмн. Романо-борисоглѣбскій.
Рнб. Раненбургскій.
Рст. Ростовскій (Ярс. г.).
С. Б. Старобѣльскій.
Сбр. Сибирь.
С. В. Сольвычегодскій уѣзд.
Св. Свіяжскій.
Сдг. Судогодскій.
Сзд. Суздальскій.
Сз. зв. Сузунскій завод.
Сзр. Сызранскій уѣзд.
С. К. Соликамскій.
Ск. Скопинскій.
Слб. Слободской.
См. Смоленскій.
Смб. Симбирскій.
Смн. Семеновскій.
Сн. Сенгелейскій.
С. П. Сакт-петербургскій.
Сп. Спасскій.
С. Р. Старорусскій.
Срг. Сергачскій.
Срп. Серпуховскій.
Срт. Саратовскій.
Сткр. Ситкарп (Млж. у.).
Счв. Сычевскій уѣзд.
Тбл. Тобольская губернія.
Тв. Тверской уѣзд.
Тл. Тульскій.
Тм. Томская губернія.
Тмб. Тамбовскій уѣзд.
Тмн. Темпиковскій.
Трж. Торжковскій.
Трп. Торопецкій.
Тт. Тотемскій.
Тур. Турпнскій.
Тхв. Тихвпнскій.
Ур. Уральская область.
Уст. Устюженскій уѣзд.
Уф. Уфимскій.
Хл. Холмскій (Пск. г.).
Хлм. Холмогорскій.
Чбк. Чебоксарскій.
Чрд. Чердынскій.
Чрн. Чернскій.
Чрп. Череповскій.
Чст. Чистопольскій.
Шд. Шадрпнскій.
Шк. Шенкурскій.
Шск. Шуйскій.
Юг. зв. Юговскій завод.
Юхн. Юхновскій уѣзд.
Ярс. Ярославскій.
Ярн. Яренскій.

Сокращенное обозначеніе мѣстности постоянно, в текстѣ книги, *предшествует* сокращенному обозначенію источника. Данныя, при которых означена мѣстность, но не указано источника, относятся к личным моим наблюденіям над языком народа (и—в нѣкоторых случаях —к сдѣланным мнѣ сообщеніям). При этих данных (как и при других) я обозначал мѣстность указаніем на уѣзд; опредѣленіе мѣстности болѣе узкое и точное (указаніе сел и деревень) см. в моих отчетах („Замѣтки“ и пр.).

ЗВУКИ.

А.

гласные.

I.

Замѣны изчезнувшихъ изъ языка звуковъ.

1.

Слѣды и замѣны глухихъ.

В корнях слов современный русскій язык замѣняет постоянно, без исключенія, древній *ъ* через *о*, древній *ь* через *е*.

В нѣкоторых мѣстностях сѣверной Россіи *о*, *е*, являются в корнях на мѣстѣ *ъ*, *ь*, там, гдѣ в литературном языкѣ глухіе изчезают безслѣдно: местить Рз. Д. О. С. прилещает Ол. Г. 311. ро(ъ)жаной, ленная (льняная) Сдг.

О, *Е*, смѣнившіе *Ъ*, *Ь*, имѣют, как извѣстно, в русском языкѣ характер бѣглых звуков, но в нѣкоторых словах в сѣверно великорусском чистые, =древним глухим, выдерживаются как постоянные звуки: левы звѣри Ол. Г. 115. лева звѣря ib. 899. лоб—лоба ВУ. Тт. Кдн. в роту ВУ.

Сохраняются мѣстами в сѣв. влкр. и тѣ *о*, *е*, которые в литературном языкѣ непзмѣнно являются бѣглыми, хотя и незамѣняют древних глухих; ров—рова Кнг. Прм. кореня ib. кореня, каменя Арх. Д. потолоком Втг. Пм. 229. заеца Птрз. К. П. 297. заяца Ол. Г. 545.

Такого рода случаи есть и в малорусском [1]). В южно-великорусском о, е, являются бѣглыми во всѣх тѣх случаях, когда они имѣют такой характер в литературном языкѣ.

---

[1]) См. Потебни Два изслѣдованія. 94.

Конечное *ъ* изчезает в живой рѣчи народа безслѣдно [1]). Формы, подобныя древне-русским берего, посъло и пр, нигдѣ не слышатся. Ситкари говорят, правда, Бог дало Э. С. I. 132, но в их рѣчи сильно развито стремленіе к вокализаціи глагольных окончаній; вслѣдствіе чего *о* является в глагольных формах не только там, гдѣ нѣкогда был *ъ*, но и там, гдѣ его не было: не только-идзёмо, идзёшо (из идзеше, через идзешё), но идзёто, идуто =древним идеть, идуть. Думаю, что *о* двух послѣдних форм также точно не примыкает непосредственно к древним глухим, как и *а* новгородских форм: идёта, летита [2]). Вѣроятно и форма отъидето в Грамотѣ 1229 г. явилась из того же стремленія вокализовать окончаніе, и не стоит в непосредственной связи с формою отъидеть, а равно не предполагает и формы отъидетъ, т. е. смѣны *ь* на *ъ*. Древне-русскій языкъ не знал смѣшенія глухих. Въху и цъто во Вкладной Варлаама 1192 г. указываютъ не на переход *о* в *ъ*, а на потерю в этих словах *ь*: въху=вху, цъто=цто. Тому же вѣку принадлежащая форма Всеволодь вмѣсто Всеволодъ или =Всеволод' или =Всеволоде; т. е. или в ней *ь* есть только знак мягкости *д*, или он есть только графическая замѣна *е*: Всеволоде вмѣсто Всеволодъ, как Варламе вм. Варламъ.

И на форму Варламе не слѣдует, я думаю [3]), смотрѣть как на слѣдствіе перехода *ъ* в *ь*: вѣроятно, по крайней мѣрѣ, что она предполагает форму Варламо и явилась из послѣдней всѣдствіе нерѣдко замѣчаемаго в сѣверно-великорусском стремленія мѣнять твердые согласные па

---

[1]) Только в нѣкоторых собственных именах является *о*, на концѣ: Павло, Петро, Михайло и т. п. Это *о* не предполагает *ъ*; оно условлено группой согласных: Михайло и т. п. нельзя сопоставлять как однородное явленіе с др. русск. Федоро и т. п.

[2]) См. мои Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи в области сѣверно-великорусскаго нарѣчія. Стр. 26.

[3]) Иначе думал я прежде. О формах Варламе и Всеволодь см. мой Очерк исторіи звуков и форм русскаго языка. Стр 74.

мягкіе, широкіе гласные на узкіе и наоборот [1]). А быть может Варламе через форму Варламій [2]).

Странно *лъ*=*ле* на мѣстѣ *лъ* причастія прошедшаго спрягаемаго во Вкладной Варлаама и в Двинской Рядной XIII в. [3]). За исключеніем этих двух памятников, ни в одном из остальных эта звуковая черта не повторяется. Можно бы *ле* объяснять из *ло*, толкуя взяле, имале из взяло, имало, как Смене (Двинская Рядная) из Смено, Завке (ibid.) из Завко; но точки опоры в современном русском языкѣ для такого объясненія не находится; в нем вм. *лъ* постоянно *л* [4]).

Форма подьдали в Грамотѣ около 1300 г. [5]) представляет неорганическое умягченіе *д*: она =подьдали. Ср. в той же Грамотѣ подьдавать.

Возвращаюсь к вопросу о замѣнѣ глухих в современном русском.

Конечное *ъ*, изчезающее, как уже сказано, в живой народной рѣчи безслѣдно, в пѣснях иногда замѣняется через *о:*

Пріѣзжает тут во город во Чернигово Ол. Г. 852.
Пріѣзжают во славный город во Кряково ib. 1283.
Становил да богатыря противо себя ib. 1048.
Доставалосе Чернигов град К. П. 568.

В малорусском даже в пѣснях нѣт таких форм. Конечное *ъ* смѣнилось в малорусском на *о* только в формѣ 1 лица мн. ч. наст. вр. и повел. наклоненія [6]).

---

[1]) См. об этомъ явленіи ниже.

[2]) Ср. Даніилей вм. Даніилъ, Данило—в Псковской II лѣтописи. П. С. Р. Л. V. 19.

[3]) Срезневскій. Замѣтки о малоизвѣстных памятниках В. III. 79.

[4]) Единственное исключеніе (—ло вм.—лъ) выше отмѣчено О мягком *л* в формѣ причастія спрягаемаго, см. мои Замѣтки и пр. 328. Факт требует провѣрки.

[5]) Срезневскій. Древніе памятники русскаго письма и языка.

[6]) По мнѣнію г. Потебни *о* в *мо* этих форм вызвано стече-

Изрѣдка в пѣснях сѣв. влкр. на мѣстѣ конечнаго *ъ* находим *ы:*

А й зговорит стольный князь да Владимір*ы* Ол. Г. 115.

Да не знам*ы* теби ни имени ни вотчины ib. 1072.

Два брата *и* Борис*ы* да и Глѣб*ы* К. II. 626.

Послѣдній примѣр в источникѣ, откуда он заимствован напечатан так: Два братаи....

Очевидно, издатель (г. Безсонов) допустил возможность небывалаго слова брат*ай*. Я не сомнѣваюсь, что нужно читать: Два брата *и*. В этом *и* я вижу вставку, вызванную условіями стиха. Как на факт народной метрики, а не народной фонетики смотрю я и на *ы* приведенных выше примѣров. Что *ы* в подобных случаях является не из стремленія к замѣнѣ чистым гласным древняго глухаго, а вслѣдствіе пѣсеннаго растяженія слогов, доказывается тѣм, что мы находим его в пѣснях иногда там, гдѣ *ъ* никогда не было [1]).

ніем согласных: даймо, напр., есть слѣдствіе перехода *и* в *й*: даймо предполагает дайм(ъ). (Замѣтки о малор. нарѣчіи. Стр. 16). Но можно утверждать и обратное: т. е. что *и* в даим сократилось в *й* именно вслѣдствіе появленія *о* на концѣ слова: даимъ—даймо—даймо.

[1]) См. примѣры в моей статьѣ Матеріал для характеристики сѣверно великорусскаго нарѣчія. Стр. 18 отд. отт. Я не могу согласиться с утвержденіем г. Потебни, что в пѣснѣ „поэтическія вольности..... состоят *лишь* в несовсѣм обычном *удержаніи старины*." (К исторіи звуков. Стр. 39). Кромѣ архаизмов, в языкѣ пѣсни встрѣчаются и такія черты. которыя не имѣют основанія ни в прошедшем ни в настоящем живой народной рѣчи. Указанія на такія черты мною сдѣлано было в вышеназванной статьѣ моей, стр. 18—19. Приведу здѣсь еще нѣсколько примѣров того, что не под вліяніем только особенностей древней или современной нам народной фонетики, я исключительно под условіями мѣры, стиха, проявляются иногда в пѣснях извѣстныя звуковыя черты: Воснована на ней мать сыра земля вося веленная Тл. К. II. 281).

о формы вося только разбивает стеченіе согласныхъ, увеличивая строку одним слогом, и не имѣет никакого отношенія к древнему *ъ*—вьси.

В пѣснях южно-великорусских и малорусских *ы* на мѣстѣ конечнаго *ъ* не встрѣчается.

Конечно *ь* смѣнилось на *е* в живой народной рѣчи только в 3-м лицѣ настоящаго времени глагола *быть*:

есте Ол. Г. 1263. Тв. Д. О. С. Тм. Э. С. VI. 3. Нвг. г. естя Тв. г. Аф. I. 102. Влд..

В говорѣ ситкарей на мѣстѣ конечнаго *е* слышится *и* в этом словѣ: есци (и—есць) Э. С. I. 143.

В пѣснях смѣна древняго конечнаго *ь* на *е* встрѣчается часто:

богатыре Ол. Г. 1161.

лише только ib. 286. (лишо Шк. К. V. 5.) на стежо ib. 598.

во другіе раз ib. 1210 великіе князь ib. праведные суд ib. 1260 терем ужасные Он. К. I. 88.

Формы: Ефимьяне Птрз. К. II. 144 Веньямине Пвц. ib. 157. напоминают вышеупомянутую древнюю форму Варламе.

В—межу лошадеми Кргп. *-е* на мѣстѣ тематическаго *ь*: лошадь-ми.

Двум брата-и-м Борису да и Глѣбу ib. 625. И здѣсь *и* вставное для стиха, как в вышеприведенном примѣрѣ два брата *и*.

Несомнѣнно вставное *и* и в слѣдующих стихах:

Упадаил молодец на сыру землю К. VIII. 102.

Тут добрый молодец испугаился ib. 101.

Извѣстныя пѣсенныя растяженія различных форм прилагательных имен напоминают древнія нестяженныя формы их. Но растяженіе являстся теперь в народных стихах иногда и в именах существительных, гдѣ его, конечно, никогда не было:

В болѣзніях Кр. Д. С. 211. на воздусіи Трп. К. II. 312.

Без отношенія к звуковому строю живой народной рѣчи стоит и удвоеніе гласных в случаях, подобных слѣдующему:

Тут пріѣхалп коо граду ко Кіеву Ол. Г. 750.

Стоит церков сааборная,

Сааборная, богомольная К. II. 271.

В виду всѣх вышеприведенных случаев не слѣдует, я думаю, придавать каждой звуковой чертѣ пѣсни то же значеніе, какое придается данным живой народной рѣчи.

В тонеше Пек. Д. *е*=*ъ* суфикса. сравн. степ. *ьш*.

В суфиксах *ьн*, *ьц* на мѣстѣ *ь* в сѣверно-великорусском находим иногда *е* в таких формах, гдѣ южно-великорусскій и литературный опускают этот звук:

Молебенов М. К. VII. 125 — ены Ол. Г. 1074. Кнг. Тт. к обѣдени Ол. Г. 302. 991. 1147. колодецы ib. 10. Кнг.

Это случаи того же рода, что выше отмѣченные каменя, кореня и пр; т. е. случаи удержанія е=ь, как постояннаго звука.

В южно-великорусском сохраняется *е* лишь в суфиксѣ *ество* = *ьство* слова богатество Кр. Э. С. V. 27, что объясняется стремленіем устранить скопленіе согласных.

В суфиксѣ *ьк* в сѣверно-великорусском *и*, а не *е*, является замѣною древняго *ь*:

Крылечину Ол. Б. 33 — о ib. P. IV. 36. пруточики ib. Г. 108 голубочику ib. 354. замочики ib. 120 пятачики ib. 140 вѣтерочики ib. 125. листочиками P. IV. 153. сердечико ib. 136. Вт. колечико Квр. См. 22. Вт. на ручику на правую Ол. Г. 361.

Суфикс *ик* вм. *ьк*—единственный случай смѣны *ь* на *и* [1]).

ъ в суфиксах, как и в корнях, или изчезает безслѣдно или замѣняется через *о*. В одном только словѣ *ъ* суфикса *ък* смѣнился на *у*: дѣв*у*ку Нж. Аф. III. 497.

Вѣроятно это *у* условлено вліяніем предшествующаго ему *в*. А быть может дѣв*у*ку из дѣ*у*ку. Ср. дѣушка. Лк. у. А. Г. О.

Гдѣ употребляется член *т*(ъ), там перед ним на мѣстѣ древних глухих в темѣ слов является соотвѣтствующая им замѣна, чистый гласный звук:

нос-о-т Птр. К. I. 22, лен-о-т Вт. крест-о-т Ол. Г. 442. день-о-т Вт. погубитель-о-т Ол. P. IV. 150. спльн-а-т Нж. Пм. 81. твой-а-т сын. Нж. К. VII. 76 пр. мое-т пруцко-е-т Смб. К. IX. 76 пр. лебядь-я-т Св. Мжр. 50. мой-и-т (из-мой-е-т) ib. 33. 61. Чбк. Мгн. 7.

---

[1]) Форма богатиство Кр. Э. С. V. 27, являющаяся на ряду с богатество, предполагает послѣднюю, есть видоизмѣненіе ея.

Всѣ вышеприведенныя замѣны глухих показывают, что современный русскій язык, как и древній, ставит обыкновенно на мѣстѣ *ъ—о*, на мѣстѣ *ь—е*, изрѣдка—*и*.

Других замѣн живая рѣчь народа не знает.

Утверждая это, необходимо оговорить форму *сарцо* (==сьрдьце) Он. Пм. 316. 375. 376. 377.

Повторяясь не раз, она, очевидно, не может быть признана опиской или ошибкой записывавшаго. Не менѣе очевидно и то, что *а* в ней не может быть замѣною глухаго. Как же смотрѣть на нее? Трудно отвѣтить на этот вопрос.

Допускаю слѣдующее объясненіе, как предположительное. Быть может, записавшій *сарцо* не точно передал слышанные им звуки, а лишь приблизительно. Быть может, между *с* и *р* в этом словѣ вѣрнѣе бы поставить глухой звук.

Как ни смѣло может показаться такое предположеніе, оно находит себѣ до извѣстной степени оправданіе в языкѣ.

Глухіе звуки, издавна утерялись в русском языкѣ, как особая звуковая категорія, как звуки неизмѣнно являвшіяся нѣкогда в извѣстных опредѣленных случаях; но *возможность произнесенія* глухаго языком и по сю пору в нѣкоторых говорах не потеряна. Я дважды, в двух различных мѣстностях окающаго нарѣчія, слышал глухой звук, близкій к *е* в одном словѣ, к *и*—в другом. Оба раза в суфиксах [1]). Но если спорадически может и в настоящее время появиться глухой в суфиксах, то возможно такое же спорадическое [2]) появленіе его и в корнѣ слова. Во

---

[1]) Рѣдкіи Крг. моцики (= мочики=мочьки). Вт. у. См. мои Замѣтки и пр. Стр. 120. 223. Других случаев дѣйствительнаго глухаго в современном русском языкѣ не знаю. Г. Потебня признает, что в *Куреск* слышатся небное *р* и неявственное *е* (слѣд. глухое). К исторіи звуков. 36. Я слышал в формѣ *Куреск* (в курск. ъ) постоянно чистое, хотя и краткое *е*.

[2]) Едва ли гдѣ глухіе звуки в русском языкѣ слышатся постоянно. Утверждают, что в карпатском говорѣ малорус-

всяком случаѣ, вѣроятнѣе допустить для объясненія исключительной формы *сарцо* такое предположеніе, чѣм признать, что в ней *а* есть замѣна *ь*. Такой замѣны не знал никогда древнерусскій язык и не знает современный на всем пространствѣ его нарѣчій и говоров.

Вышеприведенные данные замѣны глухих показывают, что нѣт вовсе в языкѣ случаев несоотвѣтственной постановки чистых гласных на мѣстѣ древних ъ, ь: никогда *е*, *и* не являются замѣною *ъ*, а *о* замѣною *ь*. Как не смѣшивались глухіе в древне-русском, так не смѣшиваются теперь смѣнившіе их чистые [1]):

скаго они являются не только при плавных, но и при других согласных. Головацкій, приводя из рѣчи горцев Бескида формы trn, wrch, p'n' d'n', видит в них поглощеніе и выбрасываніе (polykáne neb wyhazowani) гласных. Cesta po Halické a uherské Rusi (Casopis česk. mus. 1842 г. в. 1. 59). Вагилевич говорит о глухих *е* и *о* в рѣчи Бойков и видит в них остаток древности. Bojkowe, lid ruskoslawansky w Halicich. (Casopis. 1841. B. 1. C. 51). По словам П. И. Срезневскаго, в карпато-русском нарѣчіи *ъ* и *ь иногда* произносятся как глухой *ъ* (дърва, дънь, пьнь и пр.) Ж. М. Н. Пр. XXXVII. 1843 г.

[1]) И в малорусском *ъ* постоянно =*о*, *ь*=*е*. О формах, как галицкія *лишка*, *дрива* и т. п. см. Потебни Замѣтки о малор. п. стр. 13. Несоотвѣтствія в постановкѣ замѣн глухих тоже нѣт в малорусском. Кто находит возможным утверждать противное, тот не понимает данных, на которыя опирается. Такое утвержденіе находим в книгѣ Житецкаго: Очерк звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. (Кіев. 1866). „Независимо от письменных памятников, говорит этот автор, живые факты современных русских нарѣчій представляют свидѣтельство глубоко древняго затменія глухих в чувствѣ языка. Так, славянскія формы: пръвый, пръстень, тьнькъ, как в великорусском, так и в малорусском нарѣчіях, передаются *несоотвѣтственно* природѣ *ъ* и *ь*, т. е. *ъ* передается посредством *е*, а *ь* посредством *о*: первый (первой), перстень, тонкій (тонкой). Согласіе обоих русских нарѣчей в отношеніи к приведенным нами формам указывает на то, что *паденіе гласных началом своим уходит в доисторическую прарусскую древность*“ (113—14). Эта мысль о доисторическом паденіи глухих в русском языкѣ—одна из излюбленных и основных мыслей г. Жи-

Из тѣх же данных видно, что в сѣв. влкр. больше случаев замѣны глухих чистыми, чѣм в южном. Уже и это обстоятельство, независимо от свидѣтельства древних памятников, может доказывать не раз уже высказанную мысль о том, что глухіе долѣе жили на сѣверѣ, чѣм на югѣ [1]).

тецкаго; она для него исходная точка в даваемых им заключеніях о различных звуковых явленіях рускаго языка. Мысль эта, как и большая часть смѣлых положеній и предположеній его книги, осталась однако недоказанною. Книга г. Житецкаго не в мѣру расхвалена нѣкоторыми (см. напр. рецензію Ягича в Arch. für slaw. Filologie. 2-er B. 2-es H. 348. Г. Ягич, не смотря на его лестные отзывы о талантах г. Житецкаго, ни в чем почти существенно важном с ним однако не соглашается). Рѣдко можно встрѣтить научный труд, который представлял бы столько поверхностности в обработкѣ частностей и вмѣстѣ столько скоропѣлости и отчаянной смѣлости в общих выводах и заключеніях. Выписанныя выше строки могут служить одним из примѣров того, как далек г. Житецкій от должнаго пониманія тѣх данных, на основаніи которых строит он свои выводы. Во первых, если бы и дѣйствительно таковы были *старо-славянскія* формы приведенных г. Житецким слов, то отсюда еще нельзя было бы заключить о смѣшеніи глухих и их замѣнъ в *русском*; во вторых, формы их не таковы и в старо-славянском. Житецкій в своем написаніи этих слов, очевидно, основывался на словарѣ Миклошича. Миклошич же, признающій гласность *р* и *л*, ставит при этих звуках безразлично ъ, не обращая вниманія на то, какой глухой при р, л употреблен в памятниках, откуда он данное слово заимствовал: он пишет равно и тръгъ и врѣхъ и плѣкъ и слъза. Еслибы г. Житецкій обратился к словарю Востокова, он нашелбы настоящія старо-славянскія формы: прьвый, прьстень. Что до слова тьнькъ, то Житецкій упустил из виду характер памятников, гдѣ оно встрѣчается в такой формѣ,—памятников, названных у Миклошича. Всѣ они с чертами сербскаго письма, при том большею частію поздніе. Ъ и ь в них смѣшиваются. Не только тьнькъ, они представляют даже формы хладь, прологь, т. е. формы, никогда и ни в каком из славянских языков не существовавшія.

[1]) См. Потебня. Два изслѣдованія, Замѣтки о млр. нар., К исторіи звуков; мой-очеркъ и пр., Матеріял и пр., Замѣтки и пр. Впрочем, надо замѣтить, что и бѣлорусской пѣсенной рѣчи не чужды случаи замѣны глухаго чистым, подобные вышеприведенным:

К тому же утвержденію приводит и другое обстоятельство: на сѣвѣрѣ гораздо болѣе слѣдов глухаго *ь*, чѣм на югѣ.

Извѣстно, что *ь* изчезая оставляет свой слѣд па мягкости предшествующаго ему согласнаго звука. В южно-великорусском эту мягкость сохраняют лишь согласные, заканчивающіе слово (день', кост' и т. п.) или коренные (лен —л'на и т. п.); в сѣверном в большей части случаев оставил свой слѣд *ь* и на мягкости согласных в суфиксах *ьц, ьств, ьск.*

ьц: гоньцы Ол. Г. 78 коньца ib. 228 вѣньчу Он. Пм. 376.

борьцы Ол. Г. 1330.

купьцю СВ. ВУ.

отьця ib.

ьств: страньство Ол. Б. 256 страньствовать ib. 261.

государьство Нж. Э. С. V царьство Ол. Г. 970 — уют. ib. 330.

ьск: деревеньская Нвг. казаньское Ард. Э. С. V. К. VII. 77. мѣщаньскіе Ол. Г. 1250. бусурманьское ib. 17. доньски ib. 960 (донскіх ib.) ляховиньскому Он. Пм. 370. уланьски Влд пльпньское Вт. правленьской ib.

земьской Вт. СВ. ВУ. шимьской (собств. имя) Новг.

татарьскую Кнг. Як. 77. царьской ВТ. —ое Ол. Г. 778 —ого ib. 514 заморьскому ib 982 (заморскую 984) барьской Нвг.

свьторуськую Нж. Пм. 94 Вт. руськое ib. Ол. — ого ib. Т. 702 поруськи ib. 1294. руськіх ib. 25 спаськой монастырь Мрм. француская Вдм.

---

* С струмен ножики не вымали Б. П. Ш. 237.

паберуць яечки пастушики ib.

Вм. *ък* встрѣчается *ык*:

Расплетуць косынку брацптыки ib. 355.

Замѣчательно *и* вм. *ь* в мѣстоимени что=чьто в одной из пословиц, приведенных Киркором: на тобѣ, небоже, чито мнѣ не згоже. Э. С. Ш. 236.

И так мягкими при суфиксѣ *ьц* являются звуки *н, р, п, т;* при *ьств—н, р;* при *ьск—н, м, р, с.*

в, предшествующее *ьск,* почти не слышится, а смягченіе переносится на *с:*

московськая Нвг. боровського Квгр. Д. поповського Он. Пм. 357.

Такое перенесеніе смягченія на *с* замѣчается иногда и при звуках н, р, д, предшествующих суфиксу *ьск.*

богатырськая Он. Пм. 367 сибирськаго ib. 472 (ib: сибирьского).

ляховицьському ib. 370.

людського Клгр. Д.

И так, при суфиксах *ьц* и *ьств* мягким неизмѣнно является звук, предшествующій суфиксу; при *ьск* в огромном большинствѣ случаев замѣчается тоже, но иногда предшествующій суфиксу звук остается твердым, а умягчается, взамѣн того *с* суфикса; иногда, наконец, уменьшается и *с* и звук предшествующій суфиксу.

В малорусском преобладают формы с смягченіем перенесенным на *с* суфикса *ьск,* независимо от того, какой согласный предшествует этому суфиксу:

христіанськиі И. П. I. 93. бусурманськоі ib. дворянськнх Дргм. 398 українськпі ib. 415.

императорськіи ib. 205 морьскій ib. 6. римського ib. 196 херувимського ib. 233 дьяволськоі ib. 168.

Кіевські ib. 413 Іваньківські ib. 47 и т. п.

На ряду с такими формами встрѣчаются однако и в малорусском случаи умягченія согласнаго, предшествующаго суфиксу:

хрістіяньскі И. П. I. 96. паньского Дрг. 215 — кі ib. 217. 237.

богатырьскаго ib. 106. царьску ib. 405.

ь суфиксов *ьц* и *ьств* в малорусском большею частію пзчезает безслѣдно.

В южно-великорусском он также безслѣдно опускается как в этих суфиксах, так и в *ьск* [1]). Тоже и в бѣло-русском.

---

[1]) Исключеніе представляют лишь тѣ случаи, которые свойствены и литературному языку: день деньскоій и еще немногіе.

Как смотрѣть на формы, встрѣчающіяся в памятниках XIV—XV вѣков, подобныя слѣдующим: гонецци, Боровеск, царество и пр.? [1]). Есть ли *е* этих форм чистый гласный звук, или приблизительное выраженіе глухаго, или обозначеніе мягкости предъидущаго согласнаго?

Из этих трех возможностей вторая кажется болѣе вѣроятною [2]). Но, принимая это, не лишнее будет замѣтить здѣсь слѣдующее. Писцы XIV—XV вѣков писали не по слуху только, а и по преданію. Преданіе это шло с двух сторон: от книг церковных и от свѣтской письменности. То, что в послѣдней могло быть в XII—XIII вѣках чертами живаго языка, позже—в XIV—XV ст. являлось на письмѣ быть может только вслѣдствіе подражательности. Не написаны ли в памятниках этих (XIV—XV) столѣтій, формы гонецы, царество и подобныя только потому, что в такой формѣ онѣ встрѣчались в письменности раньше?

2.

Слѣды и замѣны носовых.

Древне-русская письменность свидѣтельствует с очевидностью, что русской язык не знал носовых в историческую пору его жизни. Но может быть он знал их в доисторическое время?

На этот вопрос нѣкоторые ученые отвѣчали утвердительно и пытались доказать древнерусскій ринезм из данных современнаго русскаго языка. Доказательства однако оказались несостоятельными [3]).

Тѣм не менѣе, есть в народном русском языкѣ одно

---

[1]) См. мой Очерк и пр.

[2]) См. Потебни К исторіи звуков 37.

[3]) См. об этом в моем Очеркѣ и пр. стр. 29 и слѣд.

явленіе, на которое повидимому можно бы опереться тому, кто хочет доказать рпнезм в древне-русском.

Разумѣю здѣсь изрѣдка, в весьма немногих случаях, являющееся сочетаніе *гл. зв + н + согл.*

Старо-славянскій глагол брѧцати должен бы имѣть в русском форму брѧцати, брячати [1]). Но на мѣстѣ ея мы находим обще-русскую форму бре*н*чать и областную: брунчать Пиз. О. С.

И в малорусском галицком это слово является с *н* забрынкотыты [2]). Там же есть и еще нѣсколько слов, в которых древним юсам соотвѣтствуют сочетанія: гласный + *н* + согласный: прындыти (прясти), кужель кундосити, генгивый (гугнивый) [3]).

И в великорусском, сверх бренчати, можно привести еще нѣсколько примѣров того же звукового сочетанія; но слова, в которых является оно, не ясны по корню. Таковы:

бала*нт*рясить Тв. О. С. бала*нд*рясить Кр. ib. бале*нт*рясить и бале*нд*рясить Арх. Прм. Влг. Т. С. Д.

бре*нд*ить Нжг. ДОС.

шлёндать, шля*нд*ать Пск Тв. О. С. шлы*нд*ать ib. шлында,—аць Блрс. Сл. Нев. [4]).

Этим примѣры не исчерпываются, но накоплять их нѣт надобности, так как в приведенных словах и в других, которыя я мог бы привести, ничто не ручается за равенство сочетанія *гл + н* древнему юсу [5]). Быть может, в них

---

[1]) В словарѣ Даля есть брячать, но непоказано в какой мѣстности слово это в такой формѣ употребляется.

[2]) Отчет (1-й) о занятіях славянскими нарѣчіями Кочубинскаго. Стр. 42 отд. от.

[3]) ibidem. Послѣднее слово, быть может, условлено вліяніем полскаго языка.

[4]) *Шлендать* и пр. не стоит ли по корню в связи с *слъд*? Ср. *сѣсти*—*сядж*. *Ш* могло явиться из *с*, как в *пошлю* из послю (посълю). Шмидт сопоставляет с слав. *слъдъ* лит. lendu, listi. Zur Geschichte des Indogermanischen Vocalismus. I. 86.

[5]) Есть случаи такого сочетанія и в сербо-хорватском:

н вставное, как несомнѣнно оно вставное в слѣдующих словах:

зы*н*чивым Ол. Г. 575.

примѣ*н*т (примѣта) Ек. А. Г. О. сту*н*чит — бу*н*чит Ол. Г. 977.

Слѣдует ли смотрѣть на *н* как на вставочный звук и в случаях, подобных бре*н*чать и пр., того не рѣшаю.

Замѣною ѫ непзмѣнно является *у*; на мѣстѣ ѧ находим *я* не только в концѣ слов, в случаях, как время и подобные, но и там иногда, гдѣ в литературном языкѣ *е*:

камяну стѣну Ол.

пятлями ib.

имянной ib. имянины ib. Г. 3 имяно ib. Б. 186.

стрѣмяно Ол.

времячко ib. Р. III. 68 Г. 702 безвремяньицо Г. 258.

сѣмян Нвг. СВ. Тт. Кдн. Ирб.

Из этих примѣров в первых двух имѣем форму болѣе древнюю, чѣм употребительная в литературном языкѣ [1]). В остальных *я* условлено народной этимологіей: стремяно, потому что стре*м*я; сѣмян, потому что сѣ*м*я и т. д.

Как в корнях слов, так и в окончаніях, ѧ, как извѣстно, замѣняется в русском языкѣ обыкновенно через *я*; *е* является только в сочетаніи с *н*, представляя так называемое разложеніе пра-славянскаго носоваго. Так в древре-русском

бренкати. Сербско-русскій словарь И. Лавровскаго. Пр. Петровскій в своей статьѣ Матеріалы для славянской діалектологіи, приводит из сербско-хорватскаго формы: brenčati, zvenčati, zvenk, zvenketati, dombok, dombina, glimbok. Ученыя Записки Казанскаго Унив. 1866. Т. II. 426. Гдѣ встрѣтил г. Петровскій эти формы и какой мѣстности, принадлежат онѣ—неизвѣстно. У Молизских славян—дъмбок вм. дубок (глубок), по свидѣтельству пр. Макушева. О славянах молизскаго графства в южной Италіи. С. 21. (Зап. Ан. Н. 1870.

[1]) В О. Ев. камѧный (Слов. Востокова). Впрочем. возможно что сѣверно-великорусское камян..... образовано по аналогіи с деревян.... Что до пятля, то ср. путо, путать и старославянское патель, пателя (и петля). Lex. pal. sl. Миклошича.

и современном литературном и народном южно-русском. Но из области сѣверно-великорусскаго можно привести цѣлый ряд случаев употребленія *е* на мѣстѣ ѧ в корняк слов и в суфиксах.

Подробный перечень этих случаев привожу ниже под рубрикой *перегласованіе*. Здѣсь ограничусь немногими наиболѣе характерными примѣрами, выбирая лишь тѣ слова в которых *е* стоит на мѣстѣ ударяемаго *я* = ѧ:

взеть Он. Пм. 353 взели Вт.

зеть Млж. А. Г. О. Вт. Прм.

озебнуть Ек. Д.

легу Арх. Аф. II. 44. легем Вт. Втгр.

не глепится Вт.

на проклет Тв. Ш. 329.

прежа Млж. А. Г. О. предено Вл. Э. С. V. 49.

грезь Вт. Втг.

горецяя Оп. Пм. 337 горечь камень Н. Лд. Н. Сб. II. 172 (ib. горячь).

животворещова Млж. А. Г. О.

на мегкой Вл. Э. С. V. 47.

кнезь Оп. К. III. 64 кнеза Вл. Э. С. V. 42.

ве(я)л Млж. А. Г. О.

ходечаго Арх. Аф. II. 44.

родетце (родятся) Вл. Э. С. V. 49.

перекрестесь Вт. Втг.

патегпвает ib.

опеть Вт.

пе(я)ть Млж. А. Г. О. Вт. Ярп. Прм.

И так *е* вмѣсто *я* = ѧ является послѣ звуков: з, л, р, в, п, м, н, д, т, [1]). Послѣ тѣх же звуков имѣем измѣненіе на *е* и *я* = первоначальному *я* [2]). Но число случаев с *е* из

---

[1]) Случаи этого измѣненія послѣ *ц* и шипящих здѣсь не приведены. Эти звуки в сѣв. влкр. в одинаковой степени вліяют на измѣненіе *я* в *е*, независимо от того равняется ли *я* основному *я* или основному ѧ.

[2]) См. ниже под рубрикой *переглосованіе*.

я = *я* гораздо меньше числа тѣх, в которых *е* из *я* = ѧ.

Тоже замѣчается и в карпатских говорах малорусскаго [1]).

Признать на основаніи вышеприведенных случаев, что ѧ в сѣверно-великорусском имѣл на ряду с *я* замѣну *е*, невозможно. Такому признанію противорѣчат формы древне-русскаго [2]) и данныя южно-великорусскаго, а равно и малорусскаго в большинствѣ его говоров. Но численный перевес форм с *е* из *я* = ѧ над случаями перегласованія чистого *я* указывает, как кажется, на то, что сочетаніе: данный согласный звук -|- замѣна ѧ звучало не совсѣм так, как тот же согласный звук, изображаемый нами посредством *я* и равный старо-славянскому *я*.

3.

Замѣны Ѣ.

Обыкновенно принято утверждать, что *ѣ* имѣет в русском языкѣ двоякую замѣну: *е* (с его видоизмѣненіями) и *и*. Но в самом дѣлѣ есть и третья замѣна, именно *я* (точнѣе *а*, смягчающее предъидущій согласный звук). Что такая замѣна должна быть, в числѣ других, признана для русскаго языка,

---

[1]) Пр. Кочубинскій приводит в своем 1-ом отчетѣ слѣдующую выписку из Галичанина. 1863: „гласные *а* и *я* в тѣх случаях, гдѣ они отвѣчают старо-слав. носовой ѧ, звучат у гуцула рѣшительно как *ьe*; *даже*, гдѣ *я* = старо-слав. *я*, гуцул признает его как *е*“ (стр. 42 отд. отт.). Подчеркнутым мноій здѣсь словом *даже* писавшій приведенныя строки, очевидно хотѣл выразить то, что в говорѣ гуцулов по преимуществу смѣняется на *е* то *я*, которому в старославянском соотвѣтствует ѧ.

[2]) В древне-русском *е* из *я* = ѧ является в памятниках XIV—XV столѣтій: кнежо, светой, потегло и пр. См. мой Очерк исторіи звуков и форм русскаго языка. Стр. 105. 134. ѣ(=*е* или *я*?) из ѧ в формах имен имѣет мѣсто уже в XI столѣтіи. Ibid. Стр. 63.

то можно доказать рядом фактов употребленія *я* вмѣсто *ѣ* в корнях, темѣ глаголов и суфиксах

а) я = ѣ в корнях слов:

адай (из ядай=ѣдай?). Влг. Д. О. С.

пояду Грз.

вяха (вѣсть) Клз. О. С.

вьятка и вятка Рз. ib.

па Повянци (имя города) Втг. Пм. 232.

цвяток СВ. гвязда Ол. Г. 765.

злодяйка Крг.

надявывать Т. г. Э. С. VI.

лятали, полятили Уст. Нвг. А. Г. О.

поляз Грзв.

дряво Прм. О. С.

прясной СВ.

сясть Прм. сял ib. Нвг. сяла Шд. Аф. I. 189. 253. ссялось Сбр. Д. О. С.

сячется СВ.

тястица Птрз. ОС.

Смотрѣть на приведенные здѣсь случаи как на позднюю смѣну *ѣ*, через *е*, на *я*, не возможно. Всѣ они, за исключеніем одного, принадлежат окающему нарѣчію, в котором лишь спорадически, очень рѣдко [1]) встрѣчается измѣненіе *е* на *я*. В акающем нарѣчіи измѣнено *е* (и *ѣ*=*е*) на *я*—явленіе обычное, но измѣняется таким образом *е* только под условіем его неударяемости; между тѣм в единственном из приведенных выше примѣров, принадлежащем этому нарѣчію, находим *я* на мѣстѣ ударяемаго *ѣ* (вятка). Только в глаголѣ надявывать можно видѣть измѣненіе *е* = *ѣ* на *я*, условленное этимологической причиной. Ср. повяртывал Влд. Н. Сб. II. 164 [2]). Во всѣх остальных случаях измѣненіе не оправдывается ни звуковыми причинами, ни этимологическими цѣлями.

---

[1]) Примѣры см. ниже.

[2]) надявывать, повяртывать: надѣ (=*е*)вать, вертать=похаживать: ходить и т. п. Т. е. измѣненіе *о* в *а*, *е* в *я* вызывается в этих и подобных случаях измѣненіем глагольнаго вида.

б) *ѣ* = *я* в темѣ глаголов:

аляет Арх. Як. 209.

бѣляется Мзн. ib. 150.

видял Крг. увидял Шд. Аф. II. 561. Шк. ib. III. 418.

смотрял Он. Пм. 357. 364.

же(а)ля(ѣ)ют Трп. Д.

И эти примѣры относятся к сѣверному нарѣчію [1]). Конечно, и в них, как и в предъидущих, *я* на мѣстѣ *ѣ* не предполагает *е*.

Говоря об этой звуковой чертѣ, нельзя не имѣть в виду и того обстоятельства, что в мѣстностях, которым свойственны приведенные здѣсь и выше случаи измѣненія *ѣ* в *я*, первый из этих звуков измѣняется не только на *е*, но и на *и*; мѣстами послѣдній звук является на мѣстѣ *ѣ* даже в огромном большинствѣ случаев.

в) *ѣ* = *я* в суфиксѣ сравнительной степени имен прилагательных:

росляе, свѣтляе, мудреняе и т. п. Нвг. Ол. Вт. и пр. [2]).

Такое окончаніе сравнительной степени встрѣчается в разных частях окающаго нарѣчія; в нѣкоторых оно господствует исключительно, в других слышится рѣдко, уступая мѣсто окончанію *ѣ*(*е*)*е* [3]). Иногда, но очень рѣдко, ср. ст. оканчивается и на *іе*: поскоріе Вл. Э. С. V. 34 [4]).

Южно-великорусскому это окончаніе несвойственно. По крайней мѣрѣ, я могу из области этого нарѣчія привести лишь один примѣр с *я* вм. *ѣ* в срав. степ.: хитряй Кшр. Э. С. II.

В малорусском и бѣлорусском таких форм не встрѣчается.

Как же смотрѣть на *яе* сравнительной степени? Считать ли эту форму болѣе древнею, чѣм литературная и южно-великоруская на *ѣ*(*е*)*е* или наоборот?

Признаю первое.

---

[1]) Не знаю, какой мѣстности принадлежит форма захмеляли. Нар. рус. сказки Эрлепвейна. 102.

[2]) См. мои Замѣтки и пр.

[3]) ibidem.

[4]) Там же и случаи с *яе*.

Звуковых причин для измѣненія в сѣверно-великорусском *ѣе* (=*ее*) на *яе* нѣт. Не могло быть это измѣненіе вызвано и аналогіей. Думать, что окончаніе *яе* в бѣляе и пр. вызвано притяженіем форм, подобных древним глубочан, миожан и пр.,—невозможно. Как допустить, чтобы немногочисленныя формы с *а* (вм. *я* при шипящих) притянули к себѣ массу форм с *ѣ* (=*е*)?

Вѣрнѣе, что при шипящих в случаях, как литературное глубочайшій и пр., *удержался* тот звук (*я* из *ѣ*), который в сѣверно-великорусском сохраняется и при других согласных.

Еще в XVIII ст. формы с *яе* подобныя бѣляе и пр.,не были чужды литературному и народному южно-великорусск. языку [1]).

Я недавно имѣл случай высказать мои мнѣнія о характерѣ *ѣ*, как самостоятельнаго звука в старо-славянском и древне-русском. См. мою статью: Загадочные звуки в исторіи русскаго языка [2]). Не повторяя здѣсь сказаннаго в этой статьѣ, сдѣлаю о древнем *ѣ* лишь нѣсколько замѣчаній, частію в пополненіе, частію в исправленіе высказаннаго раньше.

Как бы ни произносилось *ѣ* в праславянскую эпоху, в період изобрѣтенія письменности и в первые вѣка ея оно по звуку было близко к *я*. Разумѣю здѣсь не *я*=*їа*, а *я*=*а* с смягченным предшествующим ему согласным. Уже в памятниках XI ст. есть случаи смѣшенія *ѣ* и *я* [3]). Смѣшиваться же могут, разумѣется, только сходные между собою звуки.

---

[1]) „Для Бога, пріежжайте скоряй“ пишет Петр В. к Екатеринѣ Алексѣевнѣ в 1708 г. Письма русских государей. М. 1861. I 5. „чтоб я скоряя пріѣхал“ ib. 71, но ib.: „начал веселее воду пить.“ Ломоносов в своей россійской граматикѣ говорит „нерѣдко ради двух или трех *е*, первые склады составляющих: вмѣсто *ѣе* употреляется *яе*: блекляе, свѣтляе. Однако и блеклѣе и свѣтлѣе, равное или лучшее достоинство имѣют.“ (§ 218). Стало быть, и в половинѣ XVIII столѣтія формы на *яе* существовали еще на ряду с формами на *ѣе* даже в рѣчи образовавшаго класса общества.

[2]) Варшавскія Университетскія Извѣстія. 1876. N. VI. 1877 N. I, и отдѣльными оттисками. В статьѣ этой высказал я и свое отношеніе к мнѣніям о *ѣ* Гейтлера, Житецкаго, Потебни и др.

[3]) См. Срезневскаго Памятники носоваго письма. Из дан-

Случаев употребленія *е* вм. *ѣ* очень мало в древних памятниках; а обратных вовсе нѣт. Есть слѣдовательно случаи (рѣдкіе) *замѣны ѣ* на *е*, но нѣт *смѣшенія* этих звуков. Значит по произношенію они были не сходны [1]).

Я не могу поэтому согласиться с тѣми учеными, которые в древнем *ѣ* видят долгое *е* [2]).

Переход *е* в *ѣ* в случаях замѣнительнаго растяженія [3]) и при возвышеніи перваго из этих звуков [4]) еще не доказывает сходства в произношеніи этих звуков: *е* могло возвышаться в *ѣ* и в том случаѣ, если послѣднее звучало близко к *я* (*'а*).

Обычное возвышеніе *е* есть *о*.

Послѣдній звук, слѣд., сильнѣе перваго. Но не всегда так. В нѣкоторых случаях *е* должно быть признано звуком равносильным *о*: и *е* и *о* являются нерѣдко на славянской почвѣ равными замѣнителями основнаго индо-европейскаго краткаго *а* [5]). Допуская в тоже время звуковое равноспліе,— по крайней мѣрѣ в извѣстных случаях, если не всегда, —*ѣ* и *а*, получим отношенія:

о : а = е : ѣ, или о : е = а : ѣ, т. е. а > о = ѣ > е, или о < а = е < ѣ.

Признавая *ѣ* за звук *близкій* (хотя и *не тожественный*) в древнее время (хотя, может быть, и не искони) с *я* (в указанном значеніи), я конечно, считаю случаи с *я* вмѣсто *ѣ* в живых славанских нарѣчіях болѣе древними чѣм тѣ, в кото-

---

ных этих памятников видно, что *ѣ* рѣдко употребляется вм. *я* в началѣ и концѣ слов, то есть тогда, когда *я*=*йа*; напротив мѣна *ѣ* на *я* послѣ согласных в срединѣ слов явленіе почти постоянное. Иногда *ѣ* послѣ согласнаго стоит вмѣсто *а*. В этом случаѣ отношеніе согласнаго +*ѣ* к согласному +*а* я понимаю как отношеніе мягкаго слога к твердому. Трѣва : трава = ря : ра. Корень *тру*, его видоизменіе *трю*. Ср. рюти и рути.

[1]) Другіе случаи, противопоставляющіе зв. *ѣ* зв. *е*, см. в упомянутой статьѣ моей: „Загадочны звуки."

[2]) См. ibid.

[3]) Schleicher Formenlere.

[4]) Miklosich. Vergl. Gramm. der sl. spr. I. 134—5. Ср. тоже Schmidt. Zur geschichte etc. I. 14, 22.

[5]) Schleicher. Formenlere.

рых на мѣстѣ послѣдняго звука являются другія замѣны его [1]).

На всѣ вышеприведенные примѣры употребленія *я* вм *ѣ* в современном св. влр. я смотрю, согласно с сказанным здѣсь, как на случаи архаическіе; случаи, в которых задержалась весьма древняя ступень произношенія *ѣ*.

Малорусское таких примѣров не представляет; но есть однако и в нем случаи употребленія *я* вм. *ѣ* в *концѣ* нѣкоторых слов: після, опісля, відкіля, видтіля, бпля и пиля из підля [2]). Аналогическія с этим случаи встрѣчаются и в велико-русском: опосля Чев. Д.

---

[1]) А. А. Потебня думает, что из двух замѣн *ѣ*, свойственных польскому языку,—ie и ia первая ближе к древнему звуку *ѣ*. К исторіи звуков. 72. Того же мнѣнія и г. Бодуэн де Куртенэ. О древне-польском языкѣ до XIV столѣтія. Лейпциг. 1870. Он доказывает выписками из памятников, что „в древности *ѣ* являлось в польском в видѣ *e* во многих случаях там, гдѣ оно теперь приняло вид (звук) a.“ § 74. стр. 76. Но там же в прим. 2-ом он говорит: „замѣчательно (в древних польских грамотах) употребленіе букв *ea* для выраженія гласнаго, замѣняющаго древнее *ѣ*: Beala (1193)“ и пр. В этом *ea* автор видит тоже изображеніе *ѣ* и из него объясняет двойную замѣну этого звука в польском: „краткое ѣ=ea перешло в *e*, долгое *ѣ*=ea перешло или в *a* или тоже в *e*.“ ibid. 77. Я думаю, что сочетаніе *ea* только приблизительное и не совсѣм удачное изображеніе звука, свойственнаго *ѣ*. Различить в нем двѣ части также не возможно, как и в ia на мѣстѣ *ѣ* современной польской графики. Если же так, то нѣт объясненія для перехода в польском ie ('e=ѣ) в ia ('a). Вѣроятнѣе, что послѣдняя замѣна древнѣе первой. Она не чужда и нѣкоторым другим славянским нарѣчіям. Так находим ее в древнѣйших памятниках сербскаго письма. Serbische Lesekörner Шафарика § 15. Встрѣчается она и в древне-чешском, а иногда и в новом. Hattala. Zrukoslovi §§ 30, 55. Есть в словацком. А. Кочубинскій. 3-ій Отчет. Стр. 35. В болгарском произношеніе *ѣ* за *я* весьма распространено. Миклошич изображает болгарскій звук *ѣ* через сочетаніе ea, Vergl. Gram. I. Но этому сочетанію, говорит г. Безсонов, „в дѣйствительности ничего не отвѣчает подобнаго или точнаго, ибо все таки в ново-болг. является звук *я*, а не *ea*, хотя бы под скобкой.“ Болгарскія пѣсни. Главные вопросы языка новоболгарскаго. 37.

[2]) См. Потебни Замѣтки о малор. нар. Стр. 48.

Есть ли случаи в южно-великорусском смѣны *ѣ* на *я*, того нельзя рѣшить: в нем *ѣ* по звуку слилось с *е* и подвержено тѣм же переходом, что и это послѣднее. Поэтому в нем *я* на мѣстѣ *ѣ* может быть тѣм же явленіем, что *я* на мѣстѣ *е*.

Если современный народный русскій язык представляет нѣкоторые случаи смѣны *ѣ* на *я*, то в древне-русском число таких случаев должно было быть больше. Прямых свидѣтельств на то памятники однако не представляют. Уж в XI ст. есть несомнѣнные случаи перехода *ѣ* в *е* [1]). Поэтому форму пѣтицѣ = пѣтипя (пѣтица) Сб. 1073, можно уравнивать с пѣтице, объясняя послѣднюю из пѣтиця, через перегласованіе. Но возможно и то, что в ней буквой *ѣ* выражен звук *я*. В то время как часть *ѣ* в XI ст. являлась уже в видѣ *е*, часть могла оставаться при звукѣ *я*. И весьма вѣроятно, что форма горазнѣе в Посл. к О. Ев. звучала как и теперь на сѣверѣ: горазня.

Отношеніе трех главных замѣн *ѣ*—я, 'е, і—может быть до нѣкоторой степени уяснено тѣми случаями, когда *ѣ* начинает слово.

Из основнаго напр. *ѣсти*, через приставку *й* к *ѣ* явилась форма *ясти* (iасти) [2]). Позже развилось то воздѣйствіе *й* на *а*, которое превращает этот звук в *е* (перегласованіе). Вслѣдствіе этого воздѣйствія из *ясти* должно было явиться *ести* (т. е. *йести*). Наконец, *й* этой послѣдней формы, дѣйствуя ассимилирующим образом на слѣдующее за ним *е*, превращает его в *и*: исти.

Если в срединѣ слов послѣ согласных и не было явственнаго *й* перед *ѣ*, то мягкость (небность) согласнаго, предшествующаго этому звуку, могла вызвать в нем измѣненія, аналогичныя с означенными.

Согласно с сказанным, допускаю, что послѣдовательность замѣн *ѣ* опредѣляется так: я ('а), е ('е), и.

Замѣну *е* находим во всѣх частях русскаго языка; *и* — в малорусском и сѣверно-великорусском [3]).

---

[1]) См. мой Очерк и пр. 61. 66.

[2]) Geitler. Starobulharska Fonologie. § 43. Загадочные звуки и пр. 41, 42.

[3]) И в южно-великорусском есть случаи с *и* вм. *ѣ*, но

В послѣднем замѣна *ѣ* на *и* распространена неравномѣрно. В однихъ говорах она господствует; в другихъ встрѣчается очень рѣдко, ограничиваясь немногими словами [1]).

В большей части области сѣв. влкр. слышится *и* вм. *ѣ* в различных формах глаголов *ѣсть* и *ѣздить*:

ись. Шк. К. I. 80. Ол. Г. 785. Рж. Э. С. I. 257. Нвг. Рмп. — исть ВВ. А. Г. О. Ол. Г. 775. Тм. Э. С. VI. 3. — истн Нвг. поистн Сдг. — съпстн Крг. — ист. Счв. Вз. А. Г. О. — спидовать Пнз. О. С.

издить Нвг. — поизжант ib. — съиздить Вт. (по-ѣхати, ѣздя ib.) — идьте Ол. Р. IV. 94. не идь ib. 257. — изда Кнг. А. Г. О.

В корнях *ѣ*; в различных частях сѣв.-влкр, встрѣчается в слѣдующих словах, послѣ слѣдующих согласных:

б:

Бида Ирб. А. Г. О.
Бидная Вл. Э. С. V. 33.
Биляе ib. 49.
Обидная Ол.

в:

Вик ВВ. А. Г. О. вики (мн. ч. от вѣк) СВ. обезвичили Ол. Г. 1061.
Виник СВ.
Витер ib. Ек. А. Г. О. витры Вл. Э. С. V. 39. в витрѣ Ол. Б. 63.
Віе(я)ть СВ.
Вис(т)ь Ек. А. Г. О.
Ви(ѣ)спть СВ. повиспл Ол.
Вирит Ирб. А. Г. О.
Звирь Ек. ib. Ол.
Медвидя Чрд. Аф. III. 546.
Невистѣ СВ. (но — певѣста ib.) нявиста ВВ. О. С.
Свит ВВ. А. Г. О. — у Вл. Э. С. V. 23. — а свитліе Пшх. Э. С. II. свитает Ол. свитлово Вл. Э. С. V. 17. засвицей свицу ib. 22.
Чоловик Нвг.

о них слѣдует сказать тоже, что выше сказано о *я* вм. *ѣ* в том же нарѣчіи: измѣненіе на *и* неударяемаго *ѣ* есть, по всей вѣроятности, измѣненіе неударяемаго *е*, с которым *ѣ* в южно-влкр. по звуку отожествилося.

[1]) См. мои Отчеты Академіи Наук (Замѣтки и пр.).

д:

Дпло Млж. А. Г. О. Нвг. Вт. Крг.
на дилу Вл. Э. С. V. 29.
бездилья Втг. Пм. 234.
бездилицы Пшх. Э. С. II.
рукодилье Втг. Пм. 234.
злодійскую Вл. Э. С. V. 25.
дієтся Ол. на недилѣ СВ. (но недѣля ib.).
одіяло Ол. одиться ib.
роз—Блз. надить ib.
надія Арх. Д. О. С. Ол. Б. 320 (но—надѣя ib. Г. 700.)
Дидшну Чрд. Аф. III. 545.
Дитя Вт. дитё Ол. Б. 85 (но дѣтятко ib. 86).
дитей Ол.

з:

Ротизій СВ. зиваешь Крги.

л:

Клить СВ.
Лис Нвг. в лисѣ Ол. Б. 2 — ях Г. 927 (но—лъсу ib.)
лиса Вл. Э. С. V. 23.
Линь СВ.—ив ib.
Лисница ib. Ол. листи ib.
Литняя пора СВ.
Нелипая Тх. Д. О. С.
Полипце СВ.
Хлиб ВВ. Трж. А. Г. О.—ца. Нвг. Млн. Д.

м:

Мійсце (мѣсто) Ол. Р. III. 195. мпстечко СВ. в мпсти Ирб.
Мидь СВ. мидпая Вл. Э. С. V. 28
миденпця СВ.
Мине(я)ть ib.
Смію Ол.
Усмишка Пск. Тв. Д. О. С.
Мире(я)ть СВ.
Мисец ib. — яця Вт.
Митить СВ. запримитить Ол. Б. 233.

н:

Нигѣ СВ. (но—пѣга ib.)
Гнивно Вл. Э. С. V. 22. Ирк. А. Г. О.
Спигу Вл Э. С V. 49.
Никто Влд. Д. О. С.

п:

Писпя Кмш. А. Г. О. Вт. СВ.
писенка ib. Вл. Э. С. V. 23.
писни пить Тм. Э. С. VI. 3.
пили пѣтухи Вл. Э. С. V. 46.
пить СВ. пипье ib. писельник Вт.

р:

Рпчь СВ.
Рпчька ib.—цьку Вт. рпку ib.

Ризвыя Лк. А. Г. О. [1]).
Рпище С. В.
Встрича ib. Вл. Э. С. V. 13.
стритить Ол. Б. 88.
стрпле(я)ть С. В.

О. С. Млж. А. Г. О.—ій
Прх. ib.
Сивер С. В. в сиверѣ Ол. Б. 63. сиверко Тмб. О. С. Орл. Д. О. С. Мщ. Д. [2]).

с:

Сить Вт.—ка С. В.—очка ib.
Сипп С. В. сппечки Ол. Г. 169. Вт.
Спицё С. В. за спном Нвтр. А. Г. О.
Сіять Тм. Э. С. VI. 3. сіеть С. В.
Систи С. В. спс(т)ь Ол. Б. 164.
спдѣлко С. В.—сусид В. В.

т:

Типь С. В.
Затія ib.
Тила Вл. Э. С. V. 22 тильцё СВ.

ц:

Цип С. В.
Цидить ib.
Цплую Вт.

Есть такія мѣстности, которым свойственны почти всѣ приведенные здѣсь слова в такой звуковой формѣ (с *и* вм. *ѣ*); есть такія, которыя знают из них лишь немногія. Число говоров с *е* вм. *ѣ* значительно перевѣшивает число смѣнивших этот звук на *и*.

Из приведеннаго здѣсь списка слов с коренным *и* на мѣстѣ *ѣ* видно, что лишь в немногих словах сѣверно-великорусское, взятое во всем его объемѣ, не знает такой замѣны *ѣ* в корнѣ послѣ согласных. Но я не ручаюсь за полноту списка. Весьма быть может, что недостающія

---

[1]) В акающем говорѣ.

[2]) Едва ли южно-влкр. *с*иверко предполагает *с*ъверко. Корень *с*иверко и *с*ъвер, разумѣется, одни; но возможно, что *и* перваго не замѣна *ѣ* послѣдняго, а ослабленіе его, существовавшее на ряду с ним исконп. Иное дѣло вышеприведенная форма ризвыя. В нем *и* несомнѣнно из *ѣ*, но эта форма принадлежит говору, в котором, не смотря на аканье, есть нѣкоторыя черты сѣверно-великорусскаго нарѣчія.

в нем слова с *и* вмѣсто кореннаго *ѣ* гдѣ либо и слышатся.

Нерѣдко в сѣв.-влкр. находим *и* как замѣну *ѣ* в темѣ глаголов:

загор*и*лисё Вл Э. С. V. 36 (но — закип*ѣ*лисё ib.) доспили Чрд. Аф. III. 545. летили ib. облетить Ол. досидили Нвг. шумить Кмш. А. Г. О.

В акающих говорах встрѣтилось лишь три глагола с *и* вм. *ѣ*: зрить Од. К. П. 209, Рнб. 227. узрил Св. Мжр. 9. смотрился Чбк. Мгп. 148.

Первый из этих глаголов, неупотребительный в живой народной рѣчи, принял такую форму, вѣроятно, вслѣдствіе какой либо ложной аналогіи (ср. напр. бр*и*ть); второй, я думаю, тоже не предполагаетъ смѣны *ѣ* на *и*. Форма смотр*и*ть и производныя встрѣчаются и в древне-русском языкѣ; она могла существовать искони при смотрю, как гонити при гоню [1]). Это мнѣніе подтверждается присутствіем ея в нѣкоторых современных говорах южно-великорусскаго нарѣчія.

Встрѣчается в сѣверно-великорусском *и* вм *ѣ* и во флексіях имен и мѣстоименій:

на отласи Ол. Г. 1209 в сѣдли ib. 626 на столи Дм. в сем свити Втг. Пм. 230 в сем свѣти Птрз. К. П. 278 на утри ib. 297 в котли ib. 498 на руки Влд. Н. Сб. II. 161 в поли Он. Пм. 361.

дви Влд. Н. Сб. II. 169. Втг. Пм. 231 всп Ол. Г. 475 (ib.: всѣ) всим Втг Пм. 234.

мни Вл. Э. С. V. 23. Ол. Г. 436. теби ib. себи ib. 627. Влд. Н. Сб. II. 169. сиби Втг. Пм. 226.

за цим ib. 233. Крг. (ib.: за цѣм).

Такія формы со смѣною конечнаго *ѣ* на *и* во флексіях слышатся в меньшинствѣ случаев; онѣ не часты даже в тѣх говорах, в которых смѣняется на *и* почти каждое *ѣ*, принадлежащее корню слова [2]).

---

[1]) Очерк исторіи звуков и форм. 37. 67. 77.

[2]) См. мои Замѣтки и пр. 323.

Нарѣчія гдѣ и здѣсь имѣют в большей части краев сѣв. влкр. формы: гди Нвг. и пр. зди Ол. Г. 12. (ib. здѣка) здись Нвг. Ол. Вт. и пр.

Хотя *ѣ* в этих словах и встрѣчается уже в памятниках древних, но древнѣйшіе и лучшіе из них представляют постоянно формы къде, сьде (см. Словарп Миклошича и Востокова). Вѣроятно поэтому, что *и* в гд*и*, зд*и* явились не из *ѣ*, а вслѣдствіе аналогіи с словами, смѣнившими конечное *ѣ* на *и*.

Форма нельз*и* Он. Пм. 364. Вт. предполагает нельз*ѣ*, дѣйствительно представляемое древними памятниками. Нельз*я* не основная форма; оно относится к нельз*ѣ*, как вышеупомянутое опосл*я* к опосл*ѣ* и т. п.

На основаніп всѣх выше приведенных данных можно сдѣлать слѣдующіе выводы об измѣненіп *ѣ* в *и* в сѣверновеликорусском: измѣненіе это не зависит ни от ударенія ни от качества слога; оно имѣет мѣсто в началѣ слов, в срединѣ и в концѣ; в корнѣ, в темѣ и суфиксах.

Не ясно, чѣм объясняется чередованіе двух замѣн *ѣ*—*и* и *е*—в одних и тѣх же говорах, в словах одного образованія. Фонетическихъ причин для такого различія не видно. В нѣкоторых словах *е* на мѣстѣ *ѣ* явилось из *и* [1]), но в большинствѣ случаев *е*=*ѣ* не предполагает *и*.

По причинам, для нас неясным теперь, но без сомнѣнія существовавшим в языкѣ, часть слов в сѣв. влкр. осталась при звукѣ *е* на мѣстѣ *ѣ*, часть дошла до *и*, послѣдней ступени измѣненія этого звука. Разпость по говорам в количествѣ случаев с *и* и *е* из *ѣ* показывает, что условія для измѣненія *ѣ* не вездѣ были одинаковы. Только спеціальныя обслѣдованія каждаго говора порознь могут до извѣстной степени выяснить причины, вызвавшія различіе в замѣнах *ѣ* [2]).

---

[1]) Вслѣдствіе вліянія городской рѣчи на сельскую и литературнаго языка (при посредствѣ школ) на народные говоры. См. мои Замѣтки и пр. Стр. 3. 4.

[2]) Ср. Замѣтки и пр. 8—9.

И в малорусском замѣны *ѣ* не одинаковы. Сѣверные малорусскіе говоры большею частію ставят *е* на мѣстѣ *ѣ* [1]); галицкіе и угорскіе чередуют *е* и *и*, как замѣны *ѣ* [2]), только в украинском является *и* вм. *ѣ* послѣдовательно. Однако и в нем есть случаи с *е* = *ѣ*: гниздо Хрк. у. Дрг. стріетился ib. 26. болiезни ib. отвiечали ib. решета ib. 73. седить ib. 78 Алекс. у крепкій ib. 72 крепко ib. 202 променяв ib. 124 бедноі ib. 414 у. недіели ib. 186.

Из этих немногих примѣров, сопоставленных со случаями *и*=*ѣ*, видно, что и в малорусском качество слога и ударяемость *ѣ* не являются причиною той или другой замѣны его.

Есть случаи, в которых *і*, *е* как замѣны *ѣ* чередуются, смотря по том, прямой ли слог или обратный [3]). Но можно думать, что они вызваны аналогіей с отношеніем *і* к основному *е*; т. е., что, напр. біль : бели = сліз : слеза и т. п. [4]).

В сѣверных малорусских говорах находим и вліяніе ударенія на измѣненія *ѣ* [5]). Но другія части малорусскаго этого вліянія не знают. Г. Потебня принимает, что разность в замѣнѣ удараемаго и неудараемаго *ѣ* была нѣкогда свойственна всѣм частям малорусскаго [6]). Но это только предположеніе. Если допустить его, то почему не допустить, что разность в замѣнах *ѣ* под условіем его ударяемости знало нѣкогда и сѣверно-великорусское. Правда, нигдѣ в об-

---

[1]) Потебня. Два изслѣдованія. III. Замѣтки о малорусском нарѣчіи. 41 и слѣд.

[2]) Кочубинскій. Отчеты о занятіях славянскими нарѣчіями. I. 41. III. 47.

[3]) Потебня. Два изслѣдованія. 110.

[4]) Замѣтки о малор. нарѣчіи. 47.

[5]) Указано г. Потебней с свойственном этому ученому тонкою наблюдательностью фактов. Замѣтки о малорусском нарѣчіи. 41.

[6]) Ibid. 47. „Я нахожу *вѣроятным*, что в украинском говорѣ и других, не отличающих *ѣ* ударяемое от неударяемаго, это различіе нѣкогда существовало.“

ласти великорусскаго, на сколько извѣстно, удареніе не оказывает вліянія на разность замѣн *ъ*; в малорусском же, как сказано, вліяніе это обнаруживается сѣверными говорами. Но почему непремѣнно „скорѣе можно думать, что сѣвер. говоры в этом отношеній столь же архаически по отношенію к укр., на столь же связаны с нпм, как и в замѣнах *о, е* посредством *уо, юо . . . . .і*?“ [1]).

Возможно и то, что разности в замѣнѣ *ъ* под вліяніем его ударяемости или неударяемости древность вовсе не знала нп в малорусском, ни в великорусском, что эта разность — явленіе относительно новое. Вообще вліяніе ударенія на качественное измѣненіе гласных древности было чуждо; оно выступает только в историческую пору, как о том свидѣтельствуют памятники. Именно то обстоятельство, что в большей части области малорусскаго смѣна *ъ* на *і* не условливается нп удареніем, нп качеством слога, и указывает, по моему мнѣнію, на древность в нем этой замѣны.

Когда впервые явилась эта замѣна в малорусском опредѣлить, по отсутствію древнѣйших памятников южнорусскаго письма, трудно [2]); несомнѣнно лишь то, что явленіе это древнѣе смѣны о, е на і (и даже на у, ю), и вообще всѣх тѣх явленій малорусскаго вокализма, которые условлены качеством слога или удареніем.

---

[1]) Ibidem.

[2]) Мнѣнія об этом неодинаковы. Г. Потебня о времени появленія *і* из *ъ* высказывается осторожно: „там, гдѣ оно есть теперь, оно было уже несомнѣнно в концѣ XVI в. и вѣроятно уже в XIV, даже в XIII.“ Два изслѣдованія. 112. Житецкій *каждую* из существующих теперь замѣн *ъ* относит к *доисторической* древности. Очерк зв. исторіи малоруск. нарѣчія. Гл. 2. О странных мнѣніях этого автора касательно *ъ*, я уже имѣл случай говорить, см. Загадочные звуки. „Подлясскіе дифтонги“ на мѣстѣ *ъ*, возводимые им тоже и доисторическому времени, могут быть явленіем и новой поры. Впрочем самое существованіе этих дифтонгов в том видѣ, как представляет их г. Житецкій, требуетъ еще провѣрки.

В виду меньшей выдержанности замѣны *ѣ* через *і* в сѣв. влкр., можно думать, что в нем она явилось позже чѣм в малорусском. Когда,—опредѣлить с точностью тоже нельзя. Уже в одном памятникѣ XII столѣтія есть случай употребленія *и* вм. *ѣ* [1]; но случай этот стоит одиноко и заключать от него, что в XII вѣкѣ *ѣ* уже смѣнялось на *и* в сѣв. влкр, невозможно.

II.

Полногласіе.

В сочиненіи такого характера как настоящее нѣт возможности остановиться спеціально на вопросѣ, столь сложном, как русское полногласіе. Но вопрос этот занимает такое важное мѣсто в ряду других вопросов русскаго вокализма, что, говоря о звуках русскаго языка, нельзя и обойти его.

В силу исключительной принадлежности полногласія русскому языку, оно издавна обратило на себя вниманіе ученых. Касательно происхожденія русскаго полногласія и его отношенія к соотвѣтствующим звуковым сочетаніям других славянских нарѣчій, высказан уже цѣлый ряд мнѣній [2].

---

[1]) идѣяху вм. ѣдѣяху Юр. Ев. Изл. Ак. Наук. Т. VIII. Вып. V. стр. 356.

[2]) Перечень этих мнѣній см. в статьѣ г. Лавровскаго О полногласіи (Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики. т. V. 1862) и в моем Очеркѣ ист. звук. и форм русск. яз. 28. С 1871 по настоящій год явились слѣдующія сочиненія, или спеціально посвященныя вопросу о полногласіи или касающіяся его:

1) V. Jagic. Napredak slovinske filologie posljednich godina. Rad jugoslavenske akademije. Кн. XIV. 1871. 200—209.

Тѣм не менѣе вопрос о нем едва ли может считаться окончательно порѣшенным.

Есть, как извѣстно, в русском языкѣ двоякаго рода полногласіе: *первое* и *второе* : *оло* и пр. = ст. сл. *ла* и пр. и *оло* и пр.=ст. сл. *лъ* и пр. Вопрос о том и другом стоит в связи с вопросом о постановкѣ глухих при плавных. Предлагаю в послѣдующем нѣкоторыя замѣчанія о каждом из этих явленій.

1.

Глухіе при плавных. 2-е полногласіе.

Максимович был убѣжден, что форма волкъ ископная русская; он противопоставлял ей не только форму влъкъ, но и вълкъ, считая ту и другую чуждой русскому языку, признавая их принадлежностью старо-славянскаго [1]).

Это рѣшительно ложное мнѣніе странным образом возродились недавно. Его новым представителем и защит-

---

2) L. Geitler. Starobulharska Fonologie. 1873. C. 40 и слѣд.

3) I. Schmidt. Zur Geschichte des indo-germanischen Vocalismus. II. 1875.

4) V. Jagic. Ueber einige Erscheinungen des slawischen Vocalismus (рецензія на предъидущее сочиненіе). Archiv für slawische Filologie. 1-er B. 3-es H. 1876.

5) Отвѣт Шмидта на эту рецензію. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. B. XXIII. 5-es H. 1877. C. 429—57.

6. А. Потебня. К исторіи звуков русскаго языка. 1876. Гл. VI и VII.

7) А. Кочубинскій. Основная вокализація плавных сочетаній конс. + л, р + ъ, ь + конс. I. 1877. II. 1878.

[1]) Начатки русской филологіи. 1848. Новыя письма к Погодину о старобытности малорусскаго нарѣчія. Письмо 3. День. 1863. N. 15.

ником явился пр. Кочубинскій. В сочиненіи своем „Основная вокализація“ и пр., добросовѣстно собирая и группируя данныя разных славянских парѣчій, он старается доказать, что *ол* и пр. есть основная русская, а вмѣстѣ и основная обще-славянскаа форма.

Нельзя не пожалѣть о том трудѣ, который потратил г. Кочубинскій на доказательства этого мнѣнія. Что ъл, лъ, ър, ръ, и различныя звуковыя сочетанія на мѣстѣ их в живых славянских парѣчіях предполагают пра-славянскія формы ол, ло, ор, ро — это вѣроятно [1]); но вполнѣ невѣроятно то, что русское *ол* и пр. есть остаток праславянской старины и не предполагает *ъл* и пр.

Г. Кочубинскій, задавшись мыслею доказать, что *ъл*, *ър* и пр. в древне-русском равнялись *ол*, *ор* и пр., должен был бы предварительно убѣдить своих читателей, что глухіе вообще не были свойственны древнерусскому. Он должен был бы отстранить и побороть всѣ тѣ доводы, которымі, на основаніи данных старинных памятников и современнаго народнаго языка, подкрѣпляется мнѣніе о глухих в древнерусском [2]). Пока не доказано, что напр. в лъбъ, дьнь *ъ*, *ь* тоже, что *о*, *е*, нельзя утвердить будто бы „излишне упоминать, что *ъл* могло = только *ол* в памятниках русских или под пером русскаго писца [3]); нельзя утверждать, что „глухая вокализація *ър* вм. *ор* — плевел на русской почвѣ“ [4]).

Если глухіе возможны были в словах подобных лъбъ

---

[1]) Хотя возможно, конечно, и то, что *ър* и пр, возникло непосредственно из *ар*. Ср. Schmidt Zur Geschichte. II. 59.

[2]) Много таких доводов, и с ними считаться дѣло нелегкое. Со времени появленія знаменитаго „Разсужденія“ Востокова (1820 г.) почти каждый из русских ученых, писавших о звуках древняго языка, доказывал, что глухіе не были чужды русскому языку. Возможно, что всѣ ошибались, но вѣдь надо же доказать это.

[3]) Основная вокализація I. 75.

[4]) Ibidem. II. 11. Шмидт предвидѣл возможность такого мнѣнія о русских ор, ол, и указал на его ошибочность. Zur Geschichte. II. 58—9.

дьнь, то тѣм болѣе возможны они были, в словах как вълкъ, пьрвый и т. д. Памятники показывают нам даже, что при плавных глухіе держались долѣе, чѣм при других согласных [1]). Это и естественно: полугласная природа плавнаго звука могла облегчать произношеніе при нем глухаго даже в ту эпоху, когда при других гласных явилось стремленіе к замѣнѣ глухих чистыми.

Близостью плавных к гласным объясняется и слѣдующее звуковое явленіе, которое, на первый взгляд, может показаться нарушающим обычныя звуковыя отношенія славянскаго языка (и которое г. Кочубинскій мог бы привести, как теоретическое доказательство своей мысли, что ъл, лъ=ол, ло).

Звук *а* в старо-славянском ослабляется в *о*, которое, в свою очередь, дает при ослабленіи глухой *ъ*. Слѣдовательно между *ъ* и *а* обыкновенно посредствующим звеном является *о* : а—о—ъ. Эта обычная градація звуков нарушается в корнях, имѣющих впереди гласнаго или позади его плавный: при словах, имѣющих в корнѣ ра, ла и пр., находим слова с коренным ръ, лъ и пр., но не находим форм, которыя должны бы, казалось, между ра и ръ и пр. быть посредствующими, т. е. форм с ро, ло и пр. При в*лага*, напр., (=р. в*олога*) имѣем вл*ъгъкыи* (=р. вългъкый), но не имѣем *волг*.... При плавных, слѣд., непосредственным ослабленіем первоначальнаго ар, ал, и ра, ла, являются ър, ъл, ръ, лъ; тогда как результат непосредственнаго ослабленія *а*, перед которым или за которым слѣдует

---

[1]) Так в XI ст. еще нѣт случаев смѣны глухаго при плавном на чистый. См. мой Очерк и пр. В нѣкоторых живых славянских нарѣчіях глухой при плавных удержался по настоящее время. Если точно существуют в рѣчи Лемков формы, подобныя п'н' (пьнь), д'н' (дьнь), то и формы тр'н', врх того же племени трудно объяснять вліяніем словацкаго, как то дѣлает г. Кочубинскій. Осн. вокал. II. 12. Он, впрочем, в такой степени предубѣжден против возможности глухих при плавных, что даже в старо-славянском сочетаніи *лъ* склонен видѣть *ол*. Ibid. I. 156. Об *ръ* в том же нарѣчіи см. ibid. II. 72—3.

не плавный согласный, есть *о*. Причина этого явленія заключается, как уже сказано, в характерѣ плавных. Природа звуков р, л такова, что она приближает их к согласным, поэтому сочетанія их с данным гласным звуком количественно сильнѣе сочетаній других согласных с тѣм же гласным. Полугласная природа р, л позволяет звуку *а* нисходить при них сразу до послѣдняго ослабленія—*ъ*, минуя посредствующую ступень *о*. Поэтому формы р + ъ, л + ъ и пр., количественно могут считаться равными формами: согласный *не* плавный + *о* и проч.

Признавая нормальность отношеній *ра* к *ръ*, независимо от ступени *ро*, я расхожусь, слѣдовательно, и с точки зрѣнія чисто теоретической, с вышеприведенным мнѣніем г. Кочубинскаго.

Никак не могу согласиться и с той его мыслію, что в тѣх случаях, когда русской язык имѣет *ор* и пр., в других славянских нарѣчіях гласный звук (или *о* или *ъ*) тоже предшествовал плавному [1]). Признаю это вѣрным лишь по отношенію к праславянскому языку. Что же касается до отдѣльной жизни славянскнх нарѣчій, считаю несомнѣнным, что тѣ из них, которыя имѣют *ра* и пр. в соотвѣтствіе русскому *оро* и пр., издревле имѣли и *ръ* и пр. в соотвѣтствіе русскому *ър* и пр. Как *ра* так *ръ* вызваны одним стремленіем — перенести гласный звук, исконп стоявшій *перед* плавным, *за* плавный. Гдѣ это стремленіе было, там в одинаковой степени оно сказалось, как при чистом гласном так и при глухом. Но об этом ниже. Теперь упомяну о том явленіи древперусскаго, которое соотвѣтствует современному нам, так называемому, *второму* полногласію.

Это сочетанія—Остр. Ев. и нѣкоторых других сѣверно-великорусских памятников — ъръ, ълъ и пр. на мѣстѣ обычных ър, ъл и пр.

Как смотрѣть на них?

---

[1]) Развитію и доказательству этой мысли и посвящено изслѣдованіе г. Кочубинскаго.

Я думал, что в сочетаніях этих лишь первый глухой имѣет дѣйствительное значеніе; второй же поставлен лишь по вліянію памятников старо-славянскаго письма [1]).

Иначе посмотрѣл на это явленіе г. Потебня. В *ъръ* и пр. он признал діалектическую черту сѣверно-великорусскаго нарѣчія,—формы второго полногласія. [2]).

Шмидт в *ъръ* и пр. видит не діалектическую только черту велико-русскаго а обще русскую и даже обще-(пра-)славянскую черту [3]).

Ягич, наконец, не только не соглашается с таким мнѣніем Шмидта, но и с вышеприведеным мнѣніем г. Потебни. На ъръ г. Ягич смотрит также как посмотрѣл на них и я [4]).

Касательно *ъръ* и пр. высказано, таким образом, три неодинаковых мнѣнія [5]).

На чьей же сторонѣ, спрашивается, истина, или—по крайней мѣрѣ—вѣроятность истины?

Хотя и теперь считаю возможным, что второе *ъ* в группѣ *ъръ* являлось по вліянію старо-славянскаго правописанія; но, в виду остроумной догадки г. Потебни, допускаю,

---

[1]) Очерк исторіи звуков и форм. Стр. 59 пр. 2.

[2]) К исторіи звуков русскаго языка. 85—108.

[3]) Zur Geschichte. II. 60. 61. 62.

[4]) Einige Erch. etc. Archiv. 1876. 1-er B. 2-es. bl. 366.

[5]) Есть, пожалуй, и четвертое, как бы примиряющее мнѣніе г. Ягича и вышеупомянутое мое. Это мнѣніе г. Кочубинскаго. „Я полагал бы, говорит он, что истина в срединѣ: извѣстная часть двойнаго *ъ* старых рукописей русских имѣет основаніе в языкѣ: *ълъ=оло*.“ Основн. вокализ. 78. Даже в Остр. Ев.? С точки зрѣнія г. Кочубинскаго на *ъ* при плавных, конечно, на этот вопрос должен послѣдовать отвѣт утвердительный. Само собою разумѣется, что я, считая *ъ*, *ь*, при плавных глухими, как и в других случаях, должен признать такой взгляд на значеніе группы *ъръ* в XI ст. безусловно ложным. Также как Кочубинскій смотрит на *ъръ* и Житецкій. Он думает, что „уже одна постановка двух глухих, одного впереди, а другаго послѣ плавнаго, заставляет предполагать в них полные звуки (почему?) и наводит на мысль о так называемом „полногласіи.“ Очерк и пр. 63.

что в нѣкоторых случаях сочетанія *ъръ, ьрь* и пр. могли имѣть отношенія к народной фонетикѣ сѣвернаго говора.

Формы с двумя глухими при плавных могли быть формами втораго полногласія, различаясь от тѣх же форм, современных нам, не сущностью явленія, а лишь количественною разностью гласных (стълъбъ : столоб = вълкъ : волк).

Однако такое значеніе за формами *ъръ* и пр., можно, я думаю, признать с большою вѣроятностью лишь в тѣх случаях, когда в соотвѣтствіи с ними находим в той или другой части нынѣшняго народнаго русскаго языка формы *оро* и пр. Не встрѣчая нигдѣ теперь формы, напр. волок вм. волк, я считаю и древнюю форму вълъкъ фактом письма, не имѣющим отношенія к особенностям живой народной рѣчи. Может быть и нельзя навѣрное заключать от формы столоб к формѣ стълъбъ, но обратное заключеніе, кажется, обязательно. Стоящее за плавным *ъ* в группах *ъръ* и пр. считаю я явленіем вторичным. Если он явился раз вслѣдствіе извѣстных причин в данном словѣ, то не мог вслѣд за тѣм изчезнуть в нем безслѣдно. Вѣроятно, стремленіе, вызвавшее второй глухой при плавном, не было на столько сильно, чтобы сказаться на всей массѣ слов, имѣвших сочетанія ър и пр + согл. Даже как діалектическая черта, ъръ и пр. не была всеобщею чертою.

Думая так, я, понятно, ое могу признать вѣрным вышеприведеннаго мнѣнія Шмидта о праславянской древности групп ъръ, ьрь и пр.

Тѣ доводы, которые приводит этот ученый в подкрѣпленіе своей мысли, неубѣдительны.

Польское wierzch, на которое он опирается [1]), быть может предполагает не древнее вьрьхъ (с двумя глухими при плавных) а современное русское верьх (с мягким *р*). В виду форм верех, верёх можно, конечно, утверждать, что верьх (а слѣдовательно и wierzch) предполагает вьрьхъ. Но это будет несомнѣнно лишь по отношенію к тѣм гово-

---

[1]) Zur Geschichte. II.

рам, в которых возможны и верех и верьх. Гдѣ первой из этих форм не встрѣчается, там мягкость *р* во второй, хотя и может указывать на основную форму вьрьхъ, но можетъ объясняться и иначе: не невозможно, по крайней мѣрѣ, что мягкость *р* в верьх условлена вліяніем предъидущаго мягкаго слога [1]).

Впрочем, на формы подобныя верьх, верех, wierzch еще можно, до извѣстной степени, опираться как на указанія глубокой древности сочетаній *ьрь* и пр. Но эта не вполнѣ рѣшительная точка опоры есть в тоже время и единственная. Другіе доводы в пользу праславянской древности двух глухих при плавных или мало убѣдительны или даже прямо не вѣрны. Так невѣрным является, по моему мнѣнію, утвержденіе Шмидта, что остромправская форма сълъньце лежит в основѣ форм: русской солнце, польской słońce, в. лужицкой słónco и чешской slunce; что русская форма объясняется через потерю втораго *ъ*, остальныя через потерю перваго [2]). Что до русской формы, то она, на сколько знаю, составляет принадлежность только книжнаго, литературнаго языка. В народѣ постоянно, на мѣстѣ ея слышится *сонце*. Эта послѣдняя предполагает, конечно, не сълъньце, а сълньце, откуда солнце: *сонце* из *солнце* — через опущеніе *л*, вызванное потребностью устранить группу *лнц*, образовавшуюся вслѣдствіе потери *ь* суфикса *ьц*. Той же потребностью объясняются и формы słońce, słónco, slunce. Для достиженія одной и той же цѣли язык пользуется иногда, гдѣ можно, различными средствами; так в данном случаѣ русскій язык устранил группу *лнц* опущеніем *л*, а

---

[1]) Сверх того, надо замѣтить, иногда проявляется в языкѣ неорганичееке смягченіе нѣкоторых согласных, ни с какой стороны не оправдываемое древней фонетикой. Таковы, напр. бѣлорусскія формы: дзвѣ, дзвюх и пр. Слов. Носов. Здѣсь смягченіе может объясняться только воздѣйствіем конечнаго гласнаго на *д* через *в*. В вышеприведенной формѣ из древне русскаго—подьдаваеть,—если только я вѣрно толкую ее,—нѣт и этого условія для смягченія *д*.

[2]) Zur Geschichte. II.

польскій перестановкою замѣны глухаго: słońce из sołńce. Тоже слѣдуетъ сказать и о формах в. луж. и чешской. Вообще группа *лн* + согласный русским языком и другими славянскими не терпима. Оттого на мѣстѣ молнія литературнаго языка находим в народном: молонья, т. е. молон'йа. Будь это слово в польском, оно имѣло бы вид młonia.

Хотя и несомнѣнно, что второе полногласіе составляет одну из отличительных черт фонетики *сьверно*-великорусскаго [1]), но форма *молонья* слышится и за предѣлами его: маланья Лк. у. Нж. г. Кшн. у. Т. г. Крп. у. Тл. г. А. Г. О. В Курской губ. я постоянно слышал мóланья или маланья́. Эта распространенность формы молонья указывает, по моему мнѣнію, на общую русскому языку потребность устранять сочетаніе *лн* + согл., в данном случаѣ *лнй*. Между молонья и мълния я допускаю ступени: молния, молнья (сокращеніе *ия* на *ья*), молнья = молн'йа. Если это так, то остромировское *мълънии* принадлежит к числу тѣх форм этого памятника, в которых второе *ъ*—факт не языка, а письменности.

Нельзя, впрочем, сказать, что второе полногласіе чуждо южно-великорусскому. Формы его встрѣчаются в нем несравненно рѣже чѣм в сѣверном, но изрѣдка слышатся. Так в тульской губ. говорят *задерёжка* = задержка (занавѣс) О. С.; форма *сутолока* (= сутолка Пнз. О. С) слышится не только в вологодской, новгородской, тверской, но и в московской. О. С. Прибавим к этому уже омѣченное г. Потебней тамбовское *шерешь* [2]). Найдется, вѣроятно, и еще нѣсколько примѣров.

В виду того, что южно-великорусское нерѣдко сокращает, как увидим ниже, формы перваго полногласія, опуская в них вторые *о*, *е*; возможно, что в старину в нем

---

[1]) Г. Кочубинскій думает, что формы втораго полногласія не чужды и галицкому малорусскому и указывает на терен, човен, повен. Основная вокализація II. 6. Но об этих формах см. вѣрныя замѣчанія г. Потебни. К исторіи звуков. 91.

[2]) К исторіи звуков. 93.

было большее число слов втораго полногласія, чѣм в настоящее время. Не невозможно даже и то, что сѣвер Россіи от юга относительно этой звуковой черты в древности и не разнился.

Список слов втораго полногласія в сѣверно-великорусском представлен г. Потебней [1]). В пополненіе его могу привести здѣсь лишь четыре слѣдующія формы:

всутереп Пск. Д. О. С. (всутерп Тв. ib.).

жерело Нж. О. С.

свороб Арх. ib.

тверя(е)же Хлм. Пск. А. Г. О.

Изрѣдка замѣчается в сѣверно-великорусском сокращеніе форм втораго полногласія, через опущеніе гласнаго слѣдующаго за плавным:

голбец Арх. О. С.

терть (=тереть) ib.

сморд (смород) Опч. Пск. ib.

хорхориться Влг. ib.

дервца (=деревца) Вт. ib.

золва (=золова, золовка) Ирк. ib.

Во многих словах, имѣвших в древности ър, ъл, ьр, ьл, полногласія нѣт и, на сколько извѣстно, никогда не было. Таковы: волк, волпа, жолт, вертѣть, горб, горд, горсть, порт, серп и пр.

И так, — есть слова, в которых неизмѣнно является второе полногласіе (молонья); есть слова, в которых его нѣт и не было; есть слова, в которых возможна и полногласная и неполногласная форма.

Все это, по моему мнѣнію, свидѣтельствует, что гласный за плавным (*ъ*, *ь* в древности, *о*, *е* теперь) в формах втораго полногласія вызывается не природою только плавнаго (сварабакти Шмидта), а стремленіем устранить непосредственное сочетаніе *р*, *л* с нѣкоторыми согласными. Стремленіе это не существовало в русском языкѣ искони;

---

[1]) Ibid. 92—4.

появившись в нем оно никогда не было на столько сильно, чтобы вызвать гласный за плавным во *всѣх* случаях перед слѣдующим согласным. В характерѣ послѣдняго заключалось, кажется, главное условіе для появленія гласнаго за плавным.

Из всего сказаннаго видно, что я признаю: 1) что *ър* и пр. есть основное сочетаніе для русскаго языка, 2) что *ъръ* и пр., а слѣдовательно и второе полногласіе, есть явленіе, хотя и древнее, но вторичное.

Вторичное не значит *позднее.* Если хотя нѣкоторым из форм *ъръ* и пр., представляемым О. Ев. и нѣкоторыми другими памятниками, придать то значеніе которое придано им г. Потебней, то, значит, в XI ст. несомнѣнно, а весьма возможно что и ранѣе, второе полногласіе уже существовало.

Ъръ вторично по отношенію к *ър*, быть может так, как *оро*=ст. сл. *ра*, вторично по отношенію к основному *ар*.

Нельзя не замѣтить однако, сопоставляя эти явленія, что между ними есть слѣдующая важная разность: *оро*, = ст. сл. *ра*=первичному *ар*, является неизмѣнно во всѣх корнях извѣстнаго строенія; тогда как *ъръ*, развившееся из *ър* и встрѣчается и невстрѣчается в корнях одного и того же строенія.

Не смотря на такую разность, между этими явленіями есть однако аналогія: как *ъръ* (теперешнее второе полногласіе) так и *оро* (первое полногласіе) возможно лишь в тѣх корнях, в которых основной гласный звук *предшествовал* плавному.

Не дают ни формы втораго полногласія основаній к заключеніям об образованіи форм перваго?

2.

Первое полногласіе: оро и пр. = ст. сл. ра и пр.

В вопросѣ о происхожденіи перваго полногласія произошел за послѣдніе годы рѣзкій поворот мнѣній.

30 лѣт тому назад Максимовіч доказывал, что русское *оро* древнѣе ст. сл. *ра* [1]).

---

[1]) Начатки русской филологіи. 1848.

П. А. Лавровскій объясняет *оро* и *ра* независимо одно от другаго, выводя то и другое из *ръ* [1]).

А. А. Потебня объяснял *оро* из *ра* [2]).

Ту же мысль, хотя на других соображеніях, развил и Ягич [3]).

---

[1]) О полногласіи. 1862.

[2]) Два изслѣдованія. 1864.

[3]) Napredak и пр. (см. выше). Положительно вопроса о полногласіи Ягич не рѣшает. Почему из *градъ* явилось *городъ*— это, говорит он, тайна русскаго языка, равно как и *ро* в польском и лужицком. Вѣрным считает он лишь то, что *ра*, встрѣчающееся в большинствѣ славянских нарѣчій, должно быть признано основной формой и что, слѣдовательно, из двух гласных русских подногласных форм—древнѣйшая, основная есть та, которая слѣдует *за* плавным: Предположительно *оро* из *ра* Ягич объясняет слѣдующим образом. Стремленіе к перестановкѣ гласнаго звука при плавных – обще-славянская принадлежность. Но в нѣкоторых славянских нарѣчіях, как русское и польское, могла издавна появиться реакція этому стремленію. Реакція эта сказалась в польском измѣненіем *а* на *о*: *ро* вм. *ра* и т. д.; в русском таким же измѣненіем и сверх того вставкою гласнаго перед *р*, *л*:

готск. gards. лит. gardas
|
слав. градъ
|
польск. grod, рус. гъродъ
|
городъ.

Другое предположеніе, допускаемое Ягичем: послѣ измѣненія *ар* на *ра*, перед плавным, как слѣд нѣкогда бывшаго чистаго гласнаго, остался глухой; который во всѣх нарѣчіях, кромѣ русскаго, изчез; в русском же превратился с теченіем времени в чистый гласный звук:

gardas
|
гърадъ
|
градъ, гъродъ
|
grod, городъ.

(Rad. XIV. 208).

Поворот к старому мнѣнію сдѣлан г. Гейтлером, который доказывает тоже, что нѣкогда доказывал Максимович, т. е. что *ра* явилось из *оро* [1]).

Шмидт в своем замѣчательном вышеназванном трудѣ также доказывает старшинство *оро* перед *ра*. Полногласныя формы, развившіяся через сварабакти из основных *ар*, *ал*, были, по его мнѣнію, нѣкогда обще-славянскою принадлежностью. Нарѣчія, имѣющія *ро*, потеряли *о*, предшествовавшее плавному; нарѣчія имѣющія *ра*, стянули два *о* в *а* [2]). В *о* сочетанія *оро* того времени, когда произошло это стяженіе, Шмидт видит звук близкій к *а* [3]).

---

[1]) Starobulharska Fonologie. 1873. § 70. с. 46. Главные доводы г. Гейтлера заключаются в слѣдующем. По общему правилу краткое *а* родственных языков дает на славянской почвѣ *о*. Между тѣм слова, имѣющія в ст. сл. *ра* = р. *оро*, составляют в этом случаѣ исключеніе: брада = л. bărzda. Слѣдовало бы в соотвѣтствіе с bărzda ожидать брода. Отсутствіе этого соотвѣтствія Гейтлер объясняет тѣм, что брада явилась из борода вслѣдствіе стяженія. При стяженіи двух *о* надо бы ожидать *о*; но старо-славянскій язык долгаго *о* не знает, почему, в замѣн его, и является *а*. Так из двух *е* формы *ере* является, как результат стяженія же, *ѣ* формы *рѣ*. Образованіе *оро* из основнаго *ар* объясняется так. Из *ар*, *ал* явились *ор*, *ол* на славянской почвѣ. Когда же в языкѣ развилась нетерпимость к сочетаніям *р*, *л* с слѣдующим согласным, явилось второе *о*, *е*. И так:

galva—голва—голова—глава.

Что не *оро* из *ра*, а *ра* из *оро* видно из того, что никогда в старо-славянском *ра* и пр. не разлагается на *оро* и пр., между тѣм как есть несомнѣнные случаи стяженія *оро*, *оло* в *ра*, *ла*: saracenus—сороцининъ—срацинынъ, пладніе из полодніе. Разбор мнѣній Гейтлера о полногласіи см. в книгѣ Потебни. „К исторіи звуков русскаго языка.“

[2]) Zur Geschichte. II. 143.

[3]) Iibid. 169. 170. 172. 173. Шмидт свое мнѣніе о таком характерѣ славянскаго *а* доказываег (с. 170) тѣм, что в словах запмствованных звук *а* передается в славянском через *о*: олътарь—altare, поганъ—paganus, порода—paradisus и пр. Доказательство не убѣдительно: в сѣверно-великорусском и в настоящее время часто начальное *а* и нерѣдко срединное обращаются

Послѣднее по времени мнѣніе о полногласіи [1]) принадлежит А. А. Потебнѣ. Отказавшись от прежняго своего взгляда, г. Потебня доказывает теперь, что как *ра* так и *оро*, одно от другаго независимо, образовались из пра-славянскаго *ара* [2]). Эта форма *ара* и подобная ей *ала* предположительны. Чтобы не считать их произвольною фикціей, пригодной для объясненія неяснаго явленія, но неоправдываемой языком, необходимо доказать положительными фактами возможность их существованія нѣкогда. Звуковыя сочетанія *ара*, *ала* получают вѣроятность лишь тогда, когда в живых славянских языках найдем какія либо на них указанія. Вполнѣ сознавая это, г. Потебня ищет такія указанія и находит их в словах: нрав, журавль, муравей и нѣк. др. [3]).

Слово норов г. Потебня считает образовавшимся из пра-славянскаго наравъ, откуда и нрав и другія формы этого слова, представляемыя живыми славянскими парѣчіями.

Но точно ли *а*, слѣдующее за *р* в этом словѣ, должно быть относимо к корню? Не принадлежит ли оно суфиксу—*ав* (образующему, большей частію, имена прилагательныя, но встрѣчающемуся и в существительных)?

в *о*, как в словах туземных так и заимствованных, между тѣм сѣверно-великорусское *о* звук рѣзко опредѣленный, не имѣющій вовсе наклоненія к *а*.

[1]) Выше в перечнѣ новых взглядов на полногласіе я не упомянул о высказанном мимоходом странном мнѣніи г. Житецкаго. Он думает, что полногласіе „развивалось по мѣрѣ паденія глухих гласных.“ Очерк. 65. Повидимому в мыслях автора, когда он писал это, носились лишь такіе случаи, как городъ, холодъ и пр.; такіе же, как золото, ворота и пр. ему не вспомнились!

[2]) К исторіи звуков. Гл. VII.

[3]) Ibid. 137—140. Шмидт о тѣх же словах—Zur Geschichte. II. 131. 132. Невѣроятным кажется мнѣ мнѣніе этого ученаго о том, что польское narów из norów вслѣдствіе сближенія, по народной этимологіи, с словом narównać. Не вижу, почему народ мог бы сблизить слова, неимѣющія между собою никакого соотношенія. Мало вѣроятно и то, что сказано Шмидтом о словинском narav. ibid. 173.

Миклошич дѣлит ст. сл. нравъ на нр-авъ, сближая это слово с лит. noreti (vélle) [1]). Это сближеніе и дѣленіе весьма вѣроятны. Корень слова на славянской почвѣ или нор или *нър* [2]); первичная форма слова будет, слѣдовательно, или нор-авъ или нър-авъ. Из этих форм легко могут быть объяснены существующія теперь формы в живых славянских нарѣчіях. Русское поров могло возникнуть из уподобленія втораго слога первому; словинская narav — наоборот—из уподобленія перваго слога второму; ст. слав. правъ объясняется так, как сращинъ и пладне [3]); польская форма narów, вѣроятно, из naraw, через позднѣйшее измѣненіе суфикса aw на ow.

Относительно слова *журавль* г. Потебня не соглашается с мнѣніем Миклошича, который „считает за корень *гру, жру*, sonum edere, стало быть, допускает растяженіе корня: *жера-вль*“ [3]).

Сам г. Потебня принимает за корень этого слова *gar* и объясняет форму журавль слѣдующими посредствущими формами: гарв—гарав—жерав (с суфиксом *ја*)—жорав—журав(ль) [4]).

И я не сомнѣваюсь, что корень слова *жеравь* есть *гар*, а не *гру*: из *гар* возможно *жер* (как, напр., из bhar—бер), но *гру* могло дать только *гров, грав*, откуда через суфикс *ь-гравь*, через суфикс *јъ-гравль* [5]).

---

[1]) Lexicon pal. sl. 456. Vergleichende Stammbildungslehre der sl. spr. (3-я ч. Сравн. Грам.) 1875. с. 220.

[2]) В словах Григорія Богослова XI вѣка—нъравьнъ. Lex. Миклошича.

[3]) См. Потебни К исторіи звуков. 143.

[4]) Мнѣніе Миклошича передано здѣсь не совсѣм точно. Согласно его пониманію состава слова жеравь, оно должно быть разложено на жерав-ь, так как Миклошич считает в нем за суфукс *ь*, а не *јъ* и в *ав* видит возвышеніе *у* корня *гру*. Vergleichende Stammbildungslehre. 52

[5]) Вѣроятно жеравь того же корня что и горло. Птица эта названа так не по звуку, ею издаваемому, а по своей длинной шеѣ, горлу. Ср. жаравец Арх. Прм. Тмб. О. С., жаровец Том. ib.

Но, принимая за корень *гар*, я в этом словѣ, как и в *норов*, гласный слѣдующій за плавным, отношу к суфиксу, разлагая жеравь на жер-ав-ь.

В современном областном великорусском слово это имѣет слѣдующія формы:

жора̀в Хлм. Пск. Ост. Тв. О. С. жо́рав Ост. Тв. ib. жарав Арх. Д. О. С. жорова и жоровы Пск. Тв. ib. жаравій СВ.

И так, в словѣ этом находим сочетанія *оро*, *ара*, *ора*. Считаю послѣднее за непосредственно возникшее из ера (жер-ав-ь), объясняя остальныя двѣ формы через уподобленіе слогов (как выше в норов, narav).

Что касается до слова муравей, то, хотя сближенія его с соотвѣтствующими звуковыми формами родственных языков [1]) и указывает на корень *мур*, но данныя славянских языков заставляют согласиться с Шмидтом и Потебней, которые считают основною славянской формой этого слова marv, мар-в [2]).

Г. Потебня указывает на древнюю форму Моровіеск (собственное имя в Ип. лѣт). Прибавим к этому, что *оро* вм. *ура* сохраняется и теперь кое гдѣ в народном русском языкѣ: моровей. Грз.

Форма мара*ш* Млж. А. Г. О. вѣроятно из мораш, через уподобленіе перваго слога второму. Но как объяснить *а* в мура*в*ей? По всей вѣроятности оно явилось по аналогіи с жура*в*ль, аналогіи тѣм болѣе возможной, что в том и другом словѣ совершился один и тот же процесс превращенія *о* в у: мур.... из мор...., так как жур.... из жор.... (жер—жёр—жор—жур).

=журавец—рычаг, которым поднимается вода из колодца. Быть может к тому же корню слѣдует отнести и жаровый лѣс—высокоствольный лѣс Арх. О. С. жаравый—высокій ib. Д. О. С..

[1]) Сближенія эти смотри в Словарѣ Миклошича, в Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen (1871) Фика и в Grundzüge d. gr. Spr. Курціуса.

[2]) Zur Geschichte. II. 132. К исторіи звуков. 140.

Приведенными здѣсь замѣчаніями о словах норов, журавль, муравей, я хотѣл показать, что возможно относительно форм с *ора*, *ара* и пр. и не то толкованіе, которое дает им г. Потебня. Сам почтенный автор в заключеніи своих замѣток об этих и подобных словах говорит, что многое из сказаннаго им о них он оставляет под сомнѣніем [1]).

Но если в *ора* и пр. можно и не видѣть остатков праславянскаго предполагаемаго *ара*, то теорія русскаго полногласія гг. Шмидта и Потебни лишается одного из наиболѣе вѣских фактических доводов.

Признавая очень важными многія частныя замѣчанія, высказанныя в названных трудах гг. Шмидта и Потебни, и не отрицая рѣшительно их общих заключеній, я думаю только, что вопрос о полногласіи все еще не может считаться окончательно закрытым.

В этом убѣжденіи позволю себѣ высказать свой взгляд на явленіе русскаго полногласія. Замѣчу наперед, что считаю его не *вѣрным*, а только *вѣроятным*.

Нѣсколько лѣт тому назад [2]) я утверждал, и теперь утверждаю, что постановка глухаго перед плавным стоит в связи с русским полногласіем, что

ър и пр. : оро и пр.=ръ и пр. : ра и пр.;

2) что корни слов, имѣющих в русском языкѣ *ър* и пр., также отличаются по строенію от корней, имѣющих в русском языкѣ ръ и пр., как корни слов с оро и пр. от корней, имѣющих в русском ра и пр. [3]).

Признавая теперь, как то выше уже сказано, что ъръ и пр. в извѣстных случаях являются фактами живаго языка, а не письменности только, я думаю, что

---

[1]) Ibidem.

[2]) В книгѣ Очерк звуков и форм русскаго языка. 1872 г.

[3]) Очерк и пр. 24—27. Шмидт признал эти мои положенія вполнѣ вѣроятными. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. B. XIII. 1877. s. 435—36. В книгѣ своей Zur Geschichte. II. 1875, он, еще не будучи знаком с моим названным выше сочиненіем, развивал и доказывал тѣ же мысли.

ър и пр. : ъръ и пр.=ор и пр. : оро и пр.

Объясненіе этой послѣдней пропорціи и будет выраженіем моего взгляда на явленіе русскаго полногласія.

Смысл этой пропорціи таков: как *ъръ*, какова бы ни была древность этого сочетанія, явленіе болѣе позднее чѣм *ър*, так и сочетаніе *оро* позже *ор*.

В эпоху нераздѣльности славянскаго племени, в період единаго, цѣльнаго славянскаго языка в нем были сочетанія *ар*, *ал*, там, гдѣ представляют их другіе языки родственные. В то время, когда из чистых появились глухіе, наряду с формами *ар*, *ал*, должны были существовать и формы *ър*, *ъл* в корнях того же строенія.

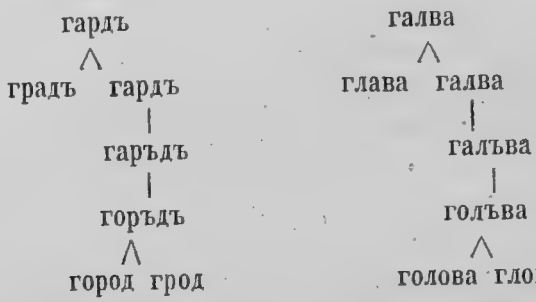
Было ли так в эпоху абсолютнаго единства славянскаго міра или когда уже обозначились отдѣльныя особи славянскаго языка другими звуковыми чертами — это все равно. Я допускаю только, что *ар*, *ал*, *ър*, *ъл* были свойственны нѣкогда *всему* славянскому міру.

Цѣльность славянскаго языка относительно этой звуковой черты, с теченіем времени (в глубочайшей, конечно, древности) нарушилась тѣм, что в одной его части обнаружилось стремленіе к перестановкѣ гласнаго предшествовавшаго плавному за плавный. Стремленіе это условилось развившеюся в этой части славянскаго языка потребностью устранять сочетанія *р*, *л* + согласный звук. Вслѣдствіе перестановки, корни с ар, ър и пр. слились по звуковой формѣ с корнями, имѣвшими ра, ръ.

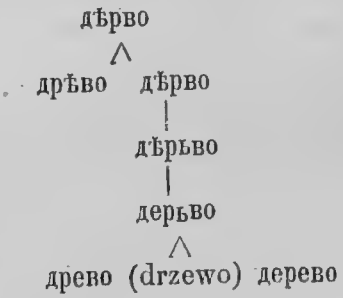
Другая часть славянскаго языка в ту эпоху еще терпѣла сочетанія *р*, *л* + согл., и оставалась при старинѣ относительно корней с *ар*, *ър* и пр. Но позже и в этой части явилось тоже стремленіе устранять сочетанія плавных с слѣдующими за ними согласными. Стремленіе это не вызвало однако в ней перестановки гласнаго за плавный. Группа: гласный + *р*, *л* + согласный была измѣнена на группу: гласный + *р*, *л* + *ъ* (*ь*) + согласный. Т. е. сочетаніе *р*, *л* + согласный было устранено вставкою глухаго послѣ плавнаго: вмѣсто гардъ, галва—гаръдъ, галъва, как

вмѣсто алдія, алкати,—алъдія, алъкати. Появленіе новаго гласнаго,—глухаго за плавным – вызвало ослабленіе гласнаго предшествующаго плавному. В этом сказалась, если можно так выразиться, звуковая экономія слова, стремленіе нерѣдко обнаруживаемое языком к сохраненію звуковаго равновѣсія в словѣ Из гаръдъ, галъва, вслѣдствіе указанной причины, развились формы—горъдъ, голъва. Затѣм, в дальнѣйшей жизни этой вѣтви славянскаго языка, произошло раздвоеніе: одна часть стала превращать в сочетаніях *оръ, олъ* глухой в чистый, уравнивая звук слѣдующій за плавным с предшествующим послѣднему, и таким путем образована сочетанія оро, оло и пр.; другая часть, наоборот, стала терять глухой за плавным в сочетаніях *оръ* и пр., и вновь образовавшійся сочетанія *р, л*+согласный устранять перестановкою гласнаго, стоявшаго впереди плавнаго, за плавный; таким путем явилось гродъ, глова.

Выясненный здѣсь процесс на примѣрѣ может быть наглядно представлен в слѣдующем видѣ:



Тот же процесс развитія предполагается, конечно, и для другой группы полногласных слов: *ере, еле*:



По этой теоріи, польскій языкъ (и верхне-лужицкій) примыкает, относительно развитія групп ар, ал и пр., ближайшим образом к русскому. Что относительно этих групп польскій языкъ дѣйствительно дѣлил до извѣстнаго предѣла судьбу русскаго, доказывается, по моему мнѣнію, слѣдующим.

Когда старо-славянскім *рь, ль* в русском соотвѣтствуют *ре*(=*рь*), *ле*(=*ль*), тогда в польском находим *rza, la*: трѣскъ — треск — trzask, блѣскъ — блеск — blask. Но когда на мѣстѣ старо-славянских *рь, ль* в русском *ере, еле* (*оло*), тогда в польском являются *rzo, ło*: брѣза—береза—brzoza, жлѣбъ—żłób—жолоб и т. д. [1]).

Эта разность явленій в польском языкѣ объясняется так.

Слова с плавным праславянским *рь* имѣли в польском, как и в других славянских, постоянно одну и туже звуковую форму: современное русское треск, польское trzask отличается от основного трѣскъ на столько лишь, на сколько замѣны *ь* отличаются от этого послѣдняго звука.

Но слова с основным праславянским *ър* должны были, согласно вышесказанному, уже в глубокой допсторической древности, измѣнить *ь* на *е*. Современная польская форма brzoza предполагает, по моему мнѣнію, слѣдующія ступени: brzoza—брёза—бреза—берьза—бѣрза.

Как бы однако—теоретически—ни казались возможны и вѣроятны высказанныя здѣсь положенія о процессѣ развитія русскаго полногласія, фактическими указаніями они подкрѣплены быть не могут: памятники сочетанія *аръ*, предполагаемой переходной ступени к *оро*, не представляют (что, впрочем, естественно, так как ступень эта относится к допсторическому времени). Косвенным подтвержденіем мнѣнія об *аръ* могло бы быть указаніе на краткость втораго *о* в группѣ *оро*. Но и этого указанія не дают па-

---

[1]) Мнѣніе Шмидта о trzask и пр. с одной стороны, brzoza с другой, см. в его Zur Geschichte. II. 88.

мятники. Исключеніе—один: это грамата 1229г. [1]). В ней второе *о* сочетанія *оро* замѣняется через *ъ*. На это *ъ* я не смотрю как на глухой. Такой взгляд тѣм менѣе возможен, что в грамотѣ этой, и в других случаяхъ, *ъ* не раз поставлен *на мѣстѣ о*. Но не равняется ли *ъ* сочетаній *оръ, олъ* этой грамоты краткому *о?* Можно бы так думать в виду того обстоятельства, что в ней именно *второе о* групп *оро* и *оло* замѣняется чрез *ъ*. Грамота 1229 г. однако *единственный* памятник, представляющій *оръ* вм. *оро*. Трудно поэтому на нем основывать рѣшительныя заключенія, тѣм болѣе, что и в самых древних памятниках русскаго письма, памятниках XI вѣка, *оро* всегда является с двумя *о* и никогда в видѣ *оръ*.

Современный язык также не дает основаній к заключенію о большей краткости втораго *о* в *оро* сравнительно с первым.

Не невѣроятно, впрочем, что неизмѣняемость в малорусском втораго *о* группы *оро* на *і* условливается основною краткостью этого *о*.

В народном великорусском нѣт данных ни за, ни против высказанных мыслей.

Слѣдующія замѣчанія можно сдѣлать касательно полногласных форм в современном великорусском.

Число их меньше в литературном и народном южновеликорусском, чѣм в сѣверном.

Послѣдній хранит многія полногласныя формы, утраченныя первыми двумя. Таковы:

Володимер Грб. А. Г. О.

веремя Мзн.

вередить Шк. К. I. 79. Мзн. Тт. СВ. Ирб. Рмн. вередно Счв. А. Г. О. Рмн.

морок ВУ.

оболоко Мрм.—у Ол. Г. 112—чки ib. 484. оболокаться Мрм.—ал Шпк. К. I. 83—ат Тм. Э. С. VI. 3. —ись Чрп.

---

[1]) Собраніе государственных грамат и договоров. Т. II.

смород Лк. А. Г. О. Тм. Э. С. VI. 3.—ом. Аф I. 172.

хоробрый Ол.

черезвый Лк. А. Г. О.

шеломя Ол. Р. 103.

Уменьшеніе числа полногласных форм в литературном языкѣ, естественно, объясняется вліяніем церковно-славянскаго. Но объяснять уменьшеніе их в народном южно-великорусском нельзя тою же причиной; нѣт никаких основаній допускать, что язык церковных книг болѣе воздѣйствовал на южно-великорусское нарѣчіе, чѣм на сѣверное. В виду того обстоятельства, что на сѣверѣ болѣе распространен раскол чѣм на югѣ, можно даже утверждать противное. Между тѣм даже средп раскольников сѣверной Руси (в живом, конечно, говорѣ) употребляются многія полногласныя формы, не слышаныя в южной. Неполногласіе нѣкоторых слов южно-великорусскаго при полногласіи их в сѣверном я объясняю из особенностей фонетики перваго.

Гласные неударяемые в нем, как извѣстно, отличаются крайней неустойчивостью. Они или видоизмѣняются, или скрадываются в произношеніи, а затѣм и совсѣм пзчезают.

Вслѣдствіе этого сокращаются и полногласныя формы.

Когда в оро, оло и пр., видоизмѣненных в ара, ала и пр., неударяемый слог первый, в результатѣ их сокращенія получаются формы ра, ла и пр.

Так из об*ло*ко через об*ала*ко является, тожественная с книжной, форма о́б*ла*ко.

Сюда же относятся:

младой Мс. А. Г. О. младыш Тв. Д. О. О.

гламя Пнз. Тв. О. С. пыклатил Лп. у. Аф. II. 62. храша Тмб. ib. I. 262. храшо ib. II. 525. шпвро(а?)ток М. О. С. похро(а?)ни Тмб. Аф. II. 262.

Изрѣдка однако встрѣчаются формы с *ра* и прп ударяемом *о* сочетанія *оро*: смрад=сморо́д, через смарод. Измѣненіе в подобных случаях вызвано вѣроятно дѣйствіем аналогіи.

Из *ере* при неударяемости перваго *е* и ударяемости втораго получается *ре*: время, вредить.

Такія же формы иногда получаются и при неударяемости обоих *е* в *ере*: по́брежь Пск. Тв. Д. О. С.

Страпно — древо Врн. О. С. Ср. вышеприведенное дряво Прм. ib.

Из области сѣверно-великорусскаго могу привести лишь один примѣр сокращенія *ере* в *ре*: брежный Прм. О. С. *Оро, оло* сокращаются в нем в *ро, ло.*

Очень рѣдко, впрочем, замѣчается такое сокращеніе. В живой рѣчи слышал я его лишь в одном словѣ: об*ло*чись Блз. Слѣдующіе примѣры из пѣсен:

по злотому (по вѣноцьку—) Вт. злотой казны Ол. Б. 4. у злоченых Квр. Смр. 89.

дроги Ол. Г. 923. дрогоцѣнную ib. 455. 513.

Думаю [1]), что такія формы явились непосредственно из полногласных и не предполагают сокращенія послѣдних в ра, ла, как в южно-великорусском.

В пѣсенной рѣчи послѣдняго такое сокращеніе, очень при том рѣдко, замѣчается лишь в том случаѣ, когда второе *о* в *оро, оло* стоит под ударенієм:

со своею со мло́дою княгинею Крсц. К. П. 119.

Приляцели вро́ны Б. П. Ш. 36.

Возьми, браця, вострый меч,

Сними гло́ву з бѣлых плеч ib. 146.

Также наш князь мло́дый купиу вянок дро́гіи ib. 367.

Всѣ эти примѣры относятся к бѣлорусскому. И в нем, как и в других частях южно-великорусскаго, при отсутствіи ударенія на втором *о* в *оро, оло,* пѣсенное сокращеніе этих сочетаній будет *ра, ла*:

А дѣ тая корчемка,

Што млы(а)да́я шинкарка ib. 146.

а наш князь млады́й не сам подаваецьѣ, але намѣстничька маець ib. 367.

---

[1]) В противоположность прежнему своему мнѣнію. Матеріал и пр. 7.

до вашей воеводы младóй присылан ib. [1]).

В пѣснях сѣверно-великорусскаго такое сокращеніе встрѣчается (злата—серебра Сткр. Э. С. I. 149), но рѣдко; в пѣснях южнаго оно обыкновенное явленіе.

Замѣчательно однако, что и здѣсь сокращеніе это ограничивается лишь извѣстным кругом слов. Постоянно слышится—златой перстень, млад ясён сокол и т. п.; совсѣм, на сколько знаю, не слыхать, напр., брада вм. борода или врата вм. ворота. Для нѣкоторых полногласных слов даже не мыслимо это сокращеніе. Таковы: колос, холод, соловей, горох, дорога и др.

Не думаю, чтобы пѣсенныя формы злат, млад, можно было объяснять вліяніем книжнаго языка. Вѣрнѣе, что они вызваны аналогіей с словами искони имѣющими *ла, ра.* А быть может, между ними и полногласными формами стоит, как средняя ступень, сокращеніе послѣдних в *ро, ло*: золотой — злотой — златой. Злáт, млáд не из злóт. млóд, а предполагают златой, младой; т. е. формы полных прилагательных уже с измѣненным *о* в *а.*

Хотя, как выше уже показано, сокращенія *оро* и пр. в *ра* и пр. слышатся в южно-великорусском не только в пѣсенной, но и в живой рѣчи, но в послѣдней чаще встрѣчается иное сокращеніе полногласных форм.

Когда в группѣ *оро* и пр. второй гласный звук неударяем, он опускается, и вмѣсто оро, оло является сокращеніе *ор, ол,* если ударепіе падает на первое *о* сочетанія *оро*; *ар, ал,* если и первое *о* неударяемо. Вмѣсто *ере* в тѣх же случаях получается или *ер* или, согласно южно-великорусской фонетикѣ, *яр, ир:*

бóлго=бóлого Срт. О. С. вартá=воротá Кр. Э. С. V. 114, вертенó=веретено Врп. Д. О. С. вертеница М. Яр. ib., кóлкал Кр. Э. С. V. 57, карвай ib. 50, у галвах ib. 150. пи(е)рпёлушка ib. 67., первези ib. Д., лептой первитое Чбк. Мжр. 28 первиваючи ib. персыпаючи ib. пиргапяется

---

[1]) В двух послѣдних примѣрах в сборникѣ Шейна не поставлено ударенія.

Тмб. Аф. I. 54., сморд Опч. О. С. [1]), сердовый Кр. Д. О. С.

Бывают случаи в языкѣ, когда в результатѣ долгаго и сложнаго процесса звуковых измѣненій, являются звуковыя формы близкія и даже тожественныя с основными, первоначальными. Так в южно-великорусском слово, напр., голова дошло до первоначальной праславянской формы галва слѣдующим—если вѣрно все сказанное о полногласіи выше —путем:

галва—галъва—голъва—голова—голва—*галва*.

III.

Мѣна гласных звуков.

1.

Звуки категоріи *а*.

а вм. *о*.

Современный великорусскій язык распадается, как извѣстно, на два главныя нарѣчія: сѣверное или окающее, сохраняющее неизмѣнно неударяемое *о*, и южное или акающее, превращающее неударяемое *о* в *а*.

На сколько можно судить по памятникам, это превращеніе началось не ранѣе XV вѣка. [2]).

Что вызвало эту звуковую смѣну, рѣзко различающую южно-великорусское не только от остальных частей русскаго языка, но и от всѣх других славянских нарѣчій [3]).

---

[1]) В сѣверно-велцкорусском таких сокращеній полногласных форм не встрѣчается, немногія исключенія из этого выше (с. 39) приведены. Из них—*терть* может и не предполагать тереть, как и млр. терти.

[2]) См. мой Очерк и пр. 131.

[3]) Привожу здѣсь сообщеніе сдѣланное мнѣ письменно пр. Бодуэном де Куртенэ о сходном явленіи в нѣкоторых словенских

Отвѣчая на этот вопрос, я могу лишь повторить то, что раз было уже мною по этому поводу сказано: „причина превращенія *о* в *а* должна лежать в общем строѣ фонетики древне-русскаго языка той полосы Россіи, гдѣ теперь акают“ [1]).

Не вижу возможности, не впадая в область предположеній, опредѣленно отвѣтить на дальнѣйшій, естественно здѣсь представляющійся вопрос: в чем же именно заключалось особенность фонетическаго строя названной полосы, условившая собою такое звуковое превращеніе? И почему только с XV ст. оно возымѣло мѣсто?

Можно указать, в каком соотношеніи стоит эта звуковая черта с другими, свойственными теперь южно-великорусскому, но указаніе это, понятно, не будет объясненіем причины ея возникновенія.

говорах. „Измѣненіе *о* в *а* свойственно большинству говоров юго-восточной полосы крайно словенскаго нарѣчія (область так называемых Нотраньцев и Доленьцев. Так напр. в Випавѣ и ближайших мѣстностях я слыхал: gaspud (господин), gaspadina (хозяйка), kakus (кокош), kalu (колесо).... Гораздо обширѣе область измѣненій *о* в *а* в говорах Тольминском (Tolmein, Tolmino, Tmin) и Цирклянском (н. Kirchlein, пт. Cirkina, сл. Cirkno) Горицкаго графства. Здѣсь она захватываетъ всѣ случаи появленія гласнаго *о*, отражающаго (рефлектирующаго) краткое, *как неударенное так и ударенное*, сербское *о*. Так напр. kȁjn (конь), kȁjna (коня), gȁspȕd (господин), gȁrȃ (гора), odgavarì (отвѣчает), klȃ̀bȕk (шапка), dȁmou (домой), prȁč (прочь), pad akno (под окном), ȁkna (окно), patjem (потом), atrȁka (ребенок, отрак), mȁglȉ (могли), pawjȅdou (сказал), majga (моего) и т. п. Это произношеніе до такой степени свойственно особенно Толминцам, что даже, говоря по нѣмецки, французски или итальянски, они не могут от него отдѣлиться. Но во всяком случаѣ измѣненіе *о* в *а* в этих говорах находится в связи *не с неударя́емостью*, но скорѣе с краткостью гласных.“ Слѣдовательно, измѣненіе *о* в *а* в словенском явленіе только похожее на тоже измѣненіе в южно-великорусском, а вовсе не тожественное с послѣдним.

[1]) Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи в области сѣв. вл. руск. нар. 309.

Признаки, отличающіе теперь южно-великорусское от сѣвернаго, явились, конечно, не вдруг, а были унаслѣдованы от старины, когда они существовали уже в зародышѣ.

Совокупность таких признаков, обрисовывая теперешнюю звуковую физіономію двух великорусских нарѣчій, должна дать нам понятіе о разности, так сказать, той почвы, на которой с теченіем времени развились они. Эти различающіе два великорусскія нарѣчія признаки обнаружатся из послѣдующаго обзора звуковых черт великорусскаго языка. Здѣсь о сущности смѣны неударяемаго *о* на *а* замѣчу слѣдующее:

Кажется, это явленіе вызывается стремленіем к уравненію слогов ударяемых с неударяемыми. Ударяемый слог чувствуется болѣе сильным чѣм неударяемый. Измѣненіе *о* в *а*, с точки зрѣнія древней фонетики, есть усиленіе перваго из этих звуков. Таким образом ударяемое *о*=неударяемому *а*: ходи́ть, напр, = хо́дит и т. п. Звуковым измѣненіем в этом и подобных случаях достигается сохраненіе звуковаго равновѣсія в словѣ.

Обращаюсь к частным замѣчаніям о явленіи аканья в великорусском.

Оно, за немногими исключеніями, идет сплошною полосой. Сѣверное нарѣчіе даже там, гдѣ оно соприкасается с южным, аканьем не заражается. Немногіе случаи измѣненія в *а* неударяемаго *о* в сѣверном нарѣчіи отнюдь не дают основанія предполагать, что в нем о получает наклонность к измѣненію в *а* и что в будущем можно ожидать фонетическаго уравненія двух великорусских нарѣчій [1]). Еслибы такое уравненіе когда либо получилось, то оно было бы слѣдствіем объединяющаго дѣйствія литературнаго языка; а не органическаго развитія звуков сѣвернаго нарѣчія.

Есть, правда, говоры, которые из окающих превратились в акающіе [2]), но превращеніе это, без сомнѣнія, усло-

---

[1]) Как—ложно, хотя и неувѣренно,—предполагал я прежде. Ст. „Матеріал“ и пр. 7.

[2]) Есть такіе говоры в нижегородской, псковской, тверской, костромской губ. О вліяніи акающаго нарѣчія на окающее см. мои Замѣтки и пр. (4-й отчет).

вилось не общими, в языкѣ коренящимися, а частными, случайными причинами, — сильным воздѣйствіем на эти говоры окружающих их акающих говоров, смѣшеніем в одних и тѣх же селах индивидуумов окающих и акающих, с перевѣсом послѣдних над первыми в количественном или моральном отношеніи.

Не знаю ни одного акающаго говора перешедшаго в окающій. Если такого случая дѣйствительно нѣт, то значит возвращеніе от аканья к оканью невозможно, при каких бы то ни было условіях [1])

Превращеніе неударяемаго *о* в *а* в сѣверно-великорусском — явленіе чисто спорадическое, как и в малорусском. Круг слов с *о*, измѣненным на *а*, в нем не велик. Большая часть таких слов относится к одной из слѣдующих двух категорій:

1) Слова, занесенныя на сѣвер, слова чужія, которыя хотя и должны бы имѣть *о*, но вѣроятно никогда на сѣверѣ с этим звуком не слышались. Таковы напр. слова: *са*лдат, *са*вдат Влг. *а*фицерушкам Ол. Г. 962.

2) Слова — занесенныя и туземныя — в которых измѣненіе *о* в *а* условилось вліяніем послѣдующаго слова на предъидущій, или на оборот:

карабь Мрм. — п, ВУ — пь Рст. карабли Шк. К. I. 77 — блю Ол. Г. 283. 399 — ей ib. 273. манах Яр. Влг. манастырь ib. — п Ол. Г. 261, палаты (др. р. полаты) Арх. К. V. 93. — у Ол. Г. 733. Р. III. 258.

параход Тт. Кдн. Ирб.

В послѣднем примѣрѣ *а* во втором слогѣ потому, что *а* в первом; в остальных *а* в первом, потому что оно во втором. Всѣ приведенные случаи — слѣдствія ассимилирующаго дѣйствія одного слога на другой. Послѣдующій слог на предъидущій дѣйствует чаще, чѣм на оборот.

Тѣм же уподобленіем одного слога другому объясняю

---

[1]) Колонисты из южно-великорусских губерній сохраняют на сѣверѣ свой говор, не воспринимая окружающаго их аканья. См. мои „Замѣтки“ и пр.

я и спорадическіе случаи смѣны *о* на *а* в древне-русских памятниках до XV вѣка: Манамахъ, манастырь [1]).

Также, думаю, слѣдует объяснять и малорусскія слова с *а* вм. *о*, за исключеніем, конечно, тѣх, которыя несомнѣнно заимствованы из южно-великорусскаго, и неиногих других. И в малорусском, как и в сѣв.-влкр., измѣняется на *а* большею частію то *о*, за которым слѣдует слог с звуком *а*. Даже круг слов с *а* из *о* в малорусском почти тот же, что в сѣв.-влкр. [2]).

Очень немного слов в том и другом, в которых *а* из *о* неударяемаго является независимо от уподобленія слогов. Таково малор. *зазуля*, и в сѣв.-влкр.слѣдующія слова:

таперь Ол. Г. 350. 369. таперица Вт.

тачмяная (из теч(с)мяная через точмяная) ib. 212.

палтара Вт.

маставая Рст. скварница Мрм.

маланьей Ол. Р. IV. 153.

Два предпослѣднія слова можно и не принимать в разсчет: маставая — городское слово, скварища — слышится в мѣстности, сосѣдящей с акающим нарѣчіем (за Окою); малонья и палтора могут быть приявленіем особенности личного говора: тѣже слова чаще слышатся с неизмѣненным *о*. Остается, таким образом, лишь два слова, в которых измѣненіе срединнаго *о* на *а* не является слѣдствіем уподобленія слогов.

Столь же рѣдко измѣняется на сѣверѣ в *а* и конечное неударяемое *о*: нада-ль Нж. К. I. 37.

Михайла Ол. Г. 349 пѣтушейка ib. Олександра Вт.

Других случаев не знаю. Но нерѣдко и во многих мѣстностях сѣв.-влкр., смѣняется на *а* конечное неударяемое *о* в род. п. ед. ч. имен прилагательных: *ава* вм. *аво*, *ова* вм. *ово*; Арх. (К. I. 77. 80, 81 и пр. Л. Р. Л. II. 120—

---

[1]) См. мой Очерк 91.

[2]) Большая часть этих слов перечислена г. Потебней: Два изслѣдованія 113.

22) Ол. (Г. 393. 307. Б 121) Тт. Кдн. ВУ. Яр. Прм. и пр. (см. мои Замѣтки и пр.).

Наряду с этими формами слышится, в нѣкоторых мѣстностях являющаяся исключительною (см. ib.), форма—*ово*.

Эту послѣднюю форму объясняю вліяніем послѣдующаго слога на предъидущій; *ава* обратным вліяніем дредъидущаго на послѣдующій; *ова* явилось вѣроятно из *ово*, как результат неполнаго уподобленія форм *ава*.

Странная форма мн*ово* вм. много Он. К. III. 62., вызвана, без сомнѣнія, ложной аналогіей с прилагательными и мѣстоименіями на *ова* в род. п.

В малорусском обыкновенно *ого*, но изрѣдка встрѣчается и *аго*: идучаго Дрг. 119.

Начальное неударяемое *о* на *а* в сѣв.-влкр. не смѣняется, если не считать чередованія *а* и *о* в нѣкоторых собственных именах: Андрей и Ондрей, Александра и Олександра (что имѣет мѣсто и в малорусском: Андрея Дрг. 74. Арина ib. 76).

*а*ще (= още = еще) Пск. О. С. относится, кажется, к акающему говору; *а*хид Прм. В. Вл. ib. быть может занесено на сѣвер: в такой формѣ оно слышится и в области южно-великорусскаго.

Непонятны слѣдующіе случаи, в которых измѣнилось на *а ударяемое о*:

а́крапи (и—, братець, сахарьни уста) Вр. 76. аще (= =още=еще) Птрз. О. С. [1]) в*а*шь (вошь) Тв. О. С., в*а*-(о)ять ib. п*а*(о)т(д)ь Чбк. Аф. I. 213 ха(о)ть(я) ib. III. 133., до калѣ Кз. Вр. 156. на бѣлую на з*а*реньку ib. 69. знак*а*мый Влд. О. С. т*а*щится (золота казна не—) Ол. Г. 614. хр*а*(о)м (он на ножку—) ib. 166 пощалкивать ib. 274. п*а*вымолвить ib. 927. за ж*а*рновом ib. 267. рѣшатчатый ib. 162 Кргн. в жалѣза Он Пм. 368.

Нѣкоторые из этих примѣров, быть может, и не при-

---

[1]) Вѣрно ли? Вездѣ на сѣверѣ, не исключая и олонецкой губ., я слышал это слово постоянно в формѣ *о*ще.

надлежат окающему нарѣчію: в казанской и тверской губ. окающія села перемежаются с акающими. Но смѣна на *а* ударяемаго *о* — явленіе на столько же необычное и для южнаго нарѣчія, как и для сѣвернаго. Она не только не стоит в связи с особенностями русской фонетики, но прямо противорѣчит им. В одном из приведенных примѣров *а* условлено, кажется, этимологическими причинами (пощалкивать), в другом оно быть может и не предполагает *о* (заренька от заря, как зоренька от зоря); в остальных *а* вызвано вѣроятно дѣйствіем какой либо ложной аналогіи [1]).

я (*'а*) вм. *е*.

Смѣна *е* на *я*, — точнѣе на *а* с мягкостью предъидущаго согласнаго звука, — представляет прямую параллель смѣнѣ *о* на *а*.

Всѣ тѣ случаи, которые отмѣчены для послѣдней смѣны замѣчаются и в первой.

В южно-влкр. смѣняется на *я* неударяемое *е*. Очевидно, что для вокализма этого нарѣчія существуют такія звуковыя отношенія:

о : а = е: я ('а).

Параллель была бы полнѣе, еслиб пропорція могла быть выражена в слѣдующем видѣ:

о : а = ё ('о) : я ('а).

Т. е. можно бы ожидать, что *е* не непосредственно переходит в *я*, а при посредствѣ *ё*: неударяемое *о* обраща-

---

[1]) В южно-влкр. каждое неударяемое *о*, без исключенія, переходит в *а*. Но, необходимо замѣтить, это *а* из *о* не вездѣ звучит одинаково. В московском говорѣ, как и в литературном языкѣ, оно не звучит рѣзко опредѣленно: слышится звук средній между *о* и *а*. В впду того обстоятельства, что московскій говор представляется со стороны нѣкоторых звуковых черт болѣе архаичным, чѣм другіе южно-великорусскіе, можно предполагать, что в нем сохранилось болѣе древнее чѣм в других произношеніе *а* из *о*. Возможно, что неударяемое *о* не сразу перешло в чистое *а*, а мало по малу наклоняясь к этому послѣднему звуку.

ется в *а*, неударяемое *е* (*ё*) в *'а* (*я*). В нѣкоторых случаях вѣроятно так и было, но в большинствѣ их *е* перешло непосредственно в *я*. Утверждать это можно в виду того, что лишь в немногих словах южно-великорусскому *я* из *е* отвѣчает сѣверно-великорусское *ё*.

Переход *е* в *я* имѣет мѣсто как в словах, предшествующих ударяемому слогу, так и в послѣдующих за ним. Большею частью обращается в *я* звук *е* перваго слога перед ударяемым или позади его.

ѣ, слившееся в ю.-влкр. по звуку с *е*, подвержено тому же переходу и в тѣх же случаях, что и это послѣднее.

Слѣдующіе примѣры подтвердят все сказанное здѣсь.

а) *я* вм. *е* и *ѣ*, предшествующих ударяемому слогу:

яво Пск. Ш. 330. Ягорій М. А. Як. 18 (Игорій ib. 26). бяз вѣтру Кр. Э. С. V. 59. вярхушачки ib. 56. на дявшнику ib. 43. заплятися плитень ib. 102. сястрою ib. 26. затяпляеть Гж. К. П. 561 (затипляеть ib. 569). звярину М. А. Як. 19. ляжить ib. 99, лясы. Кр. Э. С. V. 52 нявѣсту ib. свяди Н. Трж. А. Г. О. перякуспть Кдм. Аф. III. 312. пячаго ib. ня вялик и ня мал ib.

б) *я* вм. *е* и *ѣ*, слѣдующих за ударенным слогом:

золотое перья Пск. Ш. 393. на кургапя Кр. Э. С. V. 87. у лѣся Н. Д. А. Г. О. на базаря ib. Д. у городя Врц. А. Г. О. проворян Кдм. Аф. III. 312 в синія(ее) моря(е) Кр. А. Г. О. не лѣзя Пск. Ш. 121. купя Ос. ib. 245 найдя ib. 542 не ѣздя Кр. Э. С. V. 26. приведпя Орл. Як. 86. положьтя М. А. ib. 99. слухайтя Мц. Д. подитя Гж. К. П. 567.

В сѣвер. влкр. неударяемое *е* на *я* измѣняется также спорадически, рѣдко, как и неударяемое *о* ни *а*. При личных наблюденіях над языком народа и в источниках встрѣтились мнѣ лишь слѣдующіе немногіе сюда относящіеся случаи:

серядь Вт. кучяр. Крг. чая(е)м ib. в теплоя лѣто Шд. Аф. I. 144. почернѣя (ср. ст.) К. V. 40. вставая Ол. Г. 742 не влазя ib. Р. III. 439.

К этому слѣдует присоединить еще вышеприведенные

случаи обращенія *е* в *а* (через *е*, *о*) при шипящих: *жа*лѣзо и пр.

Форма повяртывал Н. Сб. II. 164 объясняется как по*ща*лкивал.

Также рѣдки случаи измѣненія *е* в *я* и в малорусском: ялинка Дрг. 187. орудія(е)м ib. 297. знадобья(е)м ib. 393. и под. Случаи, как зілля=зель*е* сюда не относятся [1]).

В нѣкоторых, немногих словах смѣняется в сѣв.-влкр. на *я* и *ударяемое е*:

головя́шка Крг. словя́сно Прм. О. С. тя́еть ib.

Объясненіе этой смѣны тоже, что и смѣны ударяемаго *о* на *а*: дѣйствіе аналогіи.

В южно-влкр. ударяемое *е* никогда не мѣняется на *я*: *я* в—ус*я* яво тѣл*а* М. А. Як. 20. — объясняется согласованіем: тѣла вм. тѣло (пм. ед. ч.), вслѣдствіе смѣны *о* на *а*, понято как слова женскаго рода.

о вм. *а*.

Неударяемое *а* в сѣв.-влкр. во многих случаях смѣняется на *о*.

Смѣна эта в началѣ слов, свойственная и малорусскому, унаслѣдована от древности [2]). Без сомнѣнія, ее знал русскій язык во всѣх его частях: теперешнее южно-влкр. начальное *а* — явленіе вторичное, объясняемое свойством южно-великорусской фонетики [3]).

На сѣверѣ и в настоящее время, как и в древности, хотя не исключительно но повсемѣстно, слышится *о* вмѣсто начальнаго *а*, и в собственных именах и в нарицательных.

Ондрей Ас. А. Г. О. СВ. Кдн. Тт. Олександр Вт. Онтон Влд. Яр. Онтоновна Ол. Р. III. 252. Ографена СВ. Кдн. Тт. Олексѣй ib. Олена Ол. Г. 461 Офонасей Нвг. и пр.

---

[1]) См. о них Потебни Два изслѣд. 120.

[2]) См. мой Очеркъ и цр. 91.

[3]) Ср. Потебни Два изслѣдованія 76.

Опріль Грб. А. Г. О.

олтарь ВУ. ортиль Прм. онбар Мрм. отлас Вт. и пр.

Выше уже замѣчено, что в св.-влкр. и малор. встрѣчается и *а* в началѣ слов, что слѣдует объяснять, вліяніем или книжных или южно-великорусских форм.

В срединѣ *о* вм. неударяемаго *а* является в слѣдующих словах:

боета—разговор (от баять?) Вт. Д. О. С.

боран Вд. зовопил Ол. Г. 700. закотается ib. 736. не зомай ib. довнёхонько Блз.

жолковать Арх. Д. О. С.

комяпной Р. Д. К. VII. 63. 65. кросота Влд. Д. О. С. колики Вл. Э. С. V. 28. корман Ол. Г. 157 (кармана ib.)—а 252 — ную 96. корету ib. 915—ей Вт.—ник ib. комчатные Слб. кортинушку Квр. См. 74.

ломпадка Влд. локей СВ. Мрм.

надовал Ол. Г. 152 палогаю ib. 476.

потріархи ib. 171. полату Ол. Т. 254. 448. Р. III. 258 полат. Хлг. Як. 195 пороход С. Р. Нкл. полачей Вд. К. VI. 55 пором. Нл.

окоянной Ол.

рокита Нкл. рокитова Тв. Ш. 295.

ровне(я)ть СВ.

робота и другія слова того же корня почти вездѣ на сѣверѣ: Нвг. Ол. Влг. Прм. Влд. Яр. и пр.

сондук Он. К. I. 89. Пм. 356. стокан Нж. А. Г. О.

сомовар Ирб. ib. сопоги ib.

тровеной Он. Пм. 368. тонцовать СВ. торелка Крг.—у Он. Пм. 380.

Примѣры эти относятся к разным частям сѣвер.-влкр. В одних мѣстностях их болѣе, в других менѣе. Но нѣт ни одного говора, в котором смѣна на *о* неударяемаго *а* составляла бы правило. Напротив, в большинствѣ случаев *а* остается неизмѣнным.

Постоянно, за немногими исключеніями, смѣняется на сѣверѣ неударяемое *а* на *о* только в корнѣ *роб* вм *раб* и в предлогѣ *роз* вм. *раз*, при сочетаніи его с глаголами

и именами Нвг. Ол. Вт. Влг. Прм. Влд. Яр. Кстр. и пр. (см. Замѣтки и пр.).

Тоже и в малорусском. Исключенія в том и другом рѣдки, но встрѣчаются: *разъѣхались* Он. Пм. 358. *разорвал*, *размѣтал* ib. 356. *раздорожье*. Дрг. 283. *разбойники* ib. 126.

Во всѣх вышеприведенных случаях с *о* вм. неударяемаго *а*, это звуковое измѣненіе совершилось в слогах, предшествующих ударяемому. В слогах слѣдующих за ударяемым *а* постоянно сохраняется. Знаю лишь два слова, составляющія исключеніе из этого правила:

знахорей Арх. К. I. 97.

ратоя Ол. Г. 436.

Сверх того, часто в сѣв.-влкр. в род. п. ед. ч. прилагательных имен вмѣсто *аво* слышится *ово*: *дóброво*, *чистово* и т. п. Нвг. Ол. Влг. Арх. и пр. (см. мои Замѣтки и пр.).

В южно-велкр. *ово* (ого) вм. *аво* (аго только под условіем ударяемости *а*.

Малорусское относительно этой формы сходится с сѣв.-влкр.: как в послѣднем независимо от ударенія *ово* вм. *аво*, так и в первом *ого* вм. *аго*,

Конечное неударяемое *а* в сѣверно-великрусском остается не измѣненным.

Евго вм. Евга Вр. 40—случай одинокій и исключительный, который, слѣд., не может колебать этого положенія.

Форма *крапиво* Тл. К. V. 72 — сомнительна: там же—*крапива*.

Слѣдующіе случаи с *о* вм. конечнаго *а*, кажется, должны быть объясняемы, как особенность народнаго синтаксиса:

саходило се правда с кривдою Вр. 19.

(Ср. два заеца соходило се Птрз. К. II. 297).

Золотая казна запечатано Ол. Г. 1122.

У нас баенка истоплёно.

Шелков вѣничек пепареной,

Ключева вода наношено Крг. Зм. 140.

Уж как наша парна баенка,

Во сыром да бору рублено ib. 139.

Что касается до форм слов, подобных батюшко, дядюшко, слышимых постоянно по всему сѣверу (см. мои Отчеты), то я не сомнѣваюсь теперь, что онѣ вовсе не предполагают форм — батюшк*а*, дядюшк*а* и т. д. Не *ко* в этих случаях развилось из *ка* [1]), а наоборот — *ка* в южновлкр. явилось из *ко*, вслѣдствіе неударяемости в нем *о*. Что это так видно из слѣдующаго. Еще в XVIII ст. косвенные падежи от батюшк*а* имѣли окончанія *у*, *ом* и пр., т. е. окончанія, указывающія на основную форму имен. ед. батюшко: государю моему батюшк*у*, с.... государем моим батюшк*ом*, но —государь батюшк*а* [2]).

В бѣлорусском и в настоящее время при именительном бацюшк*а*, дательный на *у*:

Бог суддзя мойму бацюшку Б. П. Ш. 135.

Конечно, для таких форм не было бы причины, еслибы окончанію *ка* не предшествовало *ко*.

Ударяемое *а* в срединѣ нѣкоторых слов смѣняется на *о* в обѣих частях великорусскаго:

поло(а)т Як. 44. цоп (=цап) Нж. О. С. тонцы Ол. Г. 370. Б. 320. Р. IV. 59. загодку загону ib. Р. II. 304. на сло(а)ву ib. III. 154. сло(а)ва ib. 155. сожелка Пск. Д. О. С. соженая С. Бл. Э. С. III. 10. плов (=плав) Пск Тв. Д. О. С. комьи (от камья-челн) Пск. ib. ско́мьи (от скамья) Кз. козни Тл. К. IX. 205. VII. 4. за кросу Кр. Э. С. V. 58. дорма Орл. О. С. дром Кр. (ср. дрям Пнз) ib. по чужим рѣчом, по моим плечом В. Л. Ш. 401. троур Нвг. троворное Вл. К. VI. 56. до́леко Рнб. К. П. 541. не видо́мши Крс. К. I. 41. двожды Нвг. О. С. плочено Ол. Р. III. 201. выпорхивал Смб. К. I. 5. Ол. Г. 1141. пере— К. I. 73. будорожить Тхв. (ср. будоражить Влг. Нж.) О. С. оспоривать Блз. бронить Срт. О. С. броются Рж. Э. С. I. 240. заволокивать Пск. Тв. Д. О. С. зориться Пск. ib. утой (от утапить) Ал. Тл. К. V. 70. Б. Вр. Вр. 16. не зомь (=не

---

[1]) Как думал я прежде. Матеріал. 6.

[2]) Письма русских государей. III. 1. 33 и пр

замай) Пнз. Д. О. С. пóкостить В. С. О. С. вско(ó?)тились Ск. Эрл. 131. надорим Збц. Д. [1]).

Не всѣ приведенные здѣсь случаи объясняются одинаково. В одних *о* из *а* вызвано вѣроятно вліяніем сосѣдняго слога (полот); в других оно явилось вслѣдствіе забвенія этимологическаго значенія перехода *о* в *а* (выпорохнвать, оспоривать—порхать, спорить); в третьих — и это большинство случаев—*о* из *а* явилось вслѣдствіе аналогіи, принаровленія данной звуковой формы извѣстнаго слова к формѣ сходных (или кажущихся сходными) по образованію слов (брóнить—ср. хóдить, утóй—ср. постóй).

Измѣненіе *а*—ударяемаго и неударяемаго—в *о* нечуждо и малорусскому, хотя и рѣдко замѣчается в нем: кóтиться Дргм. II. спрóщувати ib. уговóривають ib. 391.

жóден (жаден=пск. żadny) ib. 88. комишом ib. 133. могорича ib. 222. копитана ib. 233.

И в малор., слѣдовательно, как и в сѣв.-влкр., смѣняется на *о* то неударяемое *а*, которое предшествует ударяемому слогу [2]).

Общее заключеніе из всего вышесказаннаго о смѣнѣ *а* на *о*: смѣна эта ни в одной части русскаго языка не представляет постояннаго явленія, вызываемаго извѣстными, опредѣленными условіями. Являясь в одних случах и не являясь в других — сходных и даже, по видимому, тожественных,—она носит на себѣ характер, так сказать, случайности. Объясненія этого явленія, кажущіяся мнѣ вѣроятными, вышепредложены.

е — э.

Произношеніе звука *е* малорусское разнится от всѣх

---

[1]) См. сверх того нѣсколько сюда относящихся примѣров в Филолог. Разыск. Я. К. Грота I. 321.

[2]) На одно из исключеній относительно этого положенія выше указано (*ого* вм. *аго*). Псѣв.-влкр. знахорь вм. знахарь повторяется в малорусском. На такое звуковое измѣненіе в этом словѣ указывает форма знахурка, предполагающая знахорка. Потебня Два взслѣдованія 114.

частей великорусскаго: в послѣднем оно постоянно мягко, в первом постоянно твердо [1]).

Какое произношеніе древнѣе? Отвердѣло ли с теченіем времени *е* в малорусском, или умягчалось оно в великоруссом?

По мѣткому замѣчанію г. Потебни, формы повелит. накл. в малорусском, как берить, ходить, указывают на основныя для них—берит*е*, ходит*е*, а не берит*э*, ходит*э*; из послѣдних, через опущеніе *э*, должны бы получиться формы берит, ходит [2]). Мягко должно было в древности произноситься в малорусском *е* и в тѣх случаях, когда оно смѣняется на *ё*, которое предполагает *ге* (*'е*), а не *е* (*э*).

Несомнѣнно, слѣдовательно, что *е* когда-то произносилось и в малорусском в *извѣстных* случаях так, как теперь звучит оно в великорусском; но трудно рѣшить, было ли так во *всѣх* случаях.

Возможно, что в русском праязыкѣ были слова и с *е* (*э*) и с *ге* (*'е*); с теченіем времени в одной части раздѣлившагося русскаго языка первые слились со вторыми, в другой наоборот [3]).

Хотя и вполнѣ справедливо противопоставленіе великорусскаго малорусскому со стороны произношенія звука *е*, но, надо замѣтить, и в первом согласные предшествующіе *е*, не всегда произносятся мягко или тонко, или—другими словами—*е* не всегда послѣ согласных звучит мягко. Такое не мягкое *е* слышится в очень немногих словах немногих

---

[1]) Исключенія см. у Потебни. Два изслѣд. 19—20.

[2]) Ibidem 120. Впрочем он считает не вѣроятным, „чтоб когда либо *е* в украинском произносилось слишком мягко.“

[3]) Выраженіе—*твердое* и *мягкое е* слѣдует понимать условно: *е*, как и всякій другой гласный звук, взятый сам по себѣ, всегда имѣет одно и тоже произношеніе; не он сам, а предшествующій ему согласный, является то твердым, то мягким: *е* (*э*) : *ге* (*'е*) = *а* : *я* (*'а*) = *у* : *ю* (*'у*). Разница напр., между млр. се(ло) и влкр с'е(ло) таже, что между са(д) и ся(дь), лу(к) и лю(дн) и т. п. Ср. Филологическія Разысканія Я. К. Грота Т. II. 1876. С. 29. 31.

говоров сѣверно-великорусскаго. Могу привести слѣдующіе сюда относящіеся случаи:

отэцкого Ол. Б. 381—ой ib.

молодэшенька ib. Р. III. 318 молодэпькая ib. 429. молодэцкоюу ib. 368. пэпь Вт. (см. Замѣтки 221) пдэт, шлэт Н. Т. А. Г. О.

Что еще болѣе замѣчательно, можно отмѣтить нѣсколько случаев такого произношенія *е* даже в началѣ нѣкоторых слов и послѣ гласнаго:

эще Ол. Г. 757—8. 780. 843. эщо Мрм. эслп Клгр. суэтлпвую Ол. Б. 101. 271. читаэт СВ. (Замѣтки п пр. 325).

На послѣдній примѣр можно смотрѣть, как на переходную форму от читает к читаат читат. Но как понимать остальные? Позднѣйшія ли это все явленія, пли остатки древности, указанія на то, что нѣкогда, в великорусском на ряду с *е=’е* было и *е=э?* Мпѣ кажется вѣроятнѣй послѣднее.

Необходимо замѣтить при этом, что *э* в нѣкоторых из приведенных случаев (а может быть во всѣх?) звучит не так как *э* в *э*том (т. е. не так как нѣмецкое *ä*, напр. в *Ä*hre), а как чистое нейотованное *е* (как нѣмецкое *e*, напр., в *E*hre). Даже в *э*тот мѣстами *э* имѣет такое произношеніе (см. мои Отчеты 221) [1]).

е вм. *о*.

Изрѣдка в сѣв.-влкр. слышится *е* вм. конечнаго *о*:

Садке Ол. К. V. 34. Петре ib. Т. 896. 1085. батюшке Мс. А. Г. О.

Тоже явленіе замѣчается и в срединѣ немногих слов:

стежек (стог, стожек) сѣнца Пск. Ш. 548.

бесомыга Тв. Яр. О. С. Ср. босомыга Смб. Тоб. ib.

пелевня Тхв. ib. Ср. пеловня Тв. ib.

---

[1]) *е* в *е*ва вмѣсто эва Пск. О. С. пропзносится как іе: ср. *ѣ*ва ib.

оттель Пск. Тв. ib. срезь Пск. Св. Ср. скрость Кр. Д. О. С.

однева Арх. ib. Ср. однова Врн. ib.

Нельзя смотрѣть на такія формы как на случаи смѣны *о* на *е*, условленные извѣстными звуковыми причинами: онѣ являются или как слѣдствіе ложных аналогій, или вовсе не предполагают форм с *е*, представляя особенность в своем образованіи. Только формы с конечным *е* вм. *о* имѣют отношеніе к народной фонетикѣ; вѣроятно онѣ условливаются замѣчаемым нерѣдко в сѣв.-влкр. стремленіи замѣнять твердые согласные мягкими, широкіе—узкими и наоборот.

о вм. *е*.

В средпнѣ немногих слов замѣчается обратное явленіе: *о* вм. *е*:

робепок Нвг. Влг. Вт. рабята ib.

топеря Оп. К. III. 46. Мшк. А. Г. О. Кдп. Тт. таперь Пск. А. Г. О.

лобаду Кр. Э. С. V. 105.

попел М. А. О. С.

Сюда-же слѣдует отнести и формы дат. и предл. падежей мѣст. личнаго 2 л. и возвратнаго: тобѣ, собѣ (и табѣ, сабѣ), которыя в обѣих частях великорусскаго слышатся мѣстами вмѣсто тебѣ, себѣ.

Эти формы представляют разности говоров, и одна другую не предполагают. То же слѣдует сказать п о вышеприведенных словах с *о* на мѣстѣ *е*: в них как *о* так *е* явились друг от друга независимо из основного *а* [1]).

В началѣ слов русскій язык издревле, как извѣстно, ставит не рѣдко, хотя и не всегда, *о* на мѣстѣ *е* старо-славянскаго и других славянских парѣчій: олень, один—елень, един и пр.

---

[1]) Исключеніе: теперь, предполагающее теперь, если только вѣрно, что это слово есть видоизмѣненіе *теперво*.

Предполагают ли первыя из этих форм вторыя, или наоборот, или тѣ и другія возникли самостоятельно из основных с *а*—рѣшить трудно и мнѣнія по этому вопросу неодинаковы [1]).

Тѣ из слов, сюда относящихся, в которых *о* несомнѣнно вторичное явленіе—слова заимствованныя, напр. собственныя имена людей, — указывают, во всяком случаѣ, что начальное *о* могло возникать из начальнаго чистого нейотованнаго *е*: Олена, Овдоким из Елена, Евдоким, а не из Іелена, Іевдоким. Если поэтому данное незаимствованное слово является или являлось в русском языкѣ и в формѣ с начальным *ге* и в формѣ с начальным *о* и если первую из этих форм, нѣт основаній выводить из второй, то каждая из них предполагает форму с чистым *е*. Так, быть может, ежь и ожь возникли независимо одна от другой,—представляя собой разности говоров,—из основной для них ежь. Что форма ожь возможна для древнерусскаго языка, доказывается теперешней народной формой: *а*жпще Орл. О. С. [1]). Сюда же относятся и вышеприведенное *а*хид Прм М. ib.

В словах с начальным *о* вм. *е* можно теперь различить два разряда: один в такой формѣ встрѣчаются постоянно по всей области русскаго языка: один, олен и пр. [3]); другія, в которых, по нарѣчіям и говорам, *о* чередуется с *е*. Так сѣв.-влкр. сохраняет *о* в нѣкоторых словах, имѣющих уже *е* в южном:

одва Он. Пм. 375. Мшк. А. Г. О. Ол. Р. IV. 39. В. У. Арх.

---

[1]) См. мой Очерк. 15. 16. Потебня К исторіи звуков. 17—24. Шмидта Zur Geschichte II. 55. 97 прм. Считаю поэтому вопросу вѣрным лишь одно: если *о* в олень и под. не явилось прямо из основнаго *а*, то оно явилось из *е* а не из *ге*. Ср. Очерк 16 пр. 2. Отчеты 290. 291.

[2]) Эта народная форма говорит против мнѣнія, что ω в ωж (не звѣрь во звѣрех ωж) Дан. Зат. по сп. XV в.—„лишь неточное написаніе непзвѣстнаго тогда *ѣ*.“ К исторіи звуков. 20.

[3]) Немногія исключенія, как іезеро и под., без сомнѣнія, должны быть поняты как вторичныя, поздніе явленія. Об этом см. ниже.

ощо Кшн. А. Г. О. още Ол. Р. I 147. 405. IV. 37. Уст. Прм. ошше Вт. С. В. аще Пск. А. Г. О.

Олена С. К. V. 63—4. Олисава (Елисавета) Мкр. А. Г. О.

Сѣверно великорусское является таким образом в этом случаѣ, как и во многих других, болѣе архаичным чѣм южное [1]).

Что начальное чистое *е* обращалось в *о* и в теперешнем южно-великорусском, доказывается формами:

А(*О*)лгинья (Евгенія) Кр. Э. С. V. Алдокимовнч (Евд—) ib. и под.

ë = йо вм. *е = йе*.

Как начальное чистое *е* обращается в *о*, так начальное *ге*, т. е. йотованное *е*, обращается в *ë = йо*:

ён Ол. ёй ib. ёво Чбк. Мгн. 8. С. Р. ёму Нж. К. I. 38.

ёва=ева=эва Пск. О. С.

ёсть Влд.

ёлоха Кстр. О. С.

ёлозить Влд. ib.

ёрлуки Ол.

Слѣдовательно, начальное *ге* в *йо* переходит в нѣкоторых словах независимо от ударенія, как и *е* в *о*. Даже начальное *ѣ*, слившееся по звуку с *е*, иногда переходит в *йо*:

ёдя Кстр. А. Г. О. ёзжáти К. VII. 42. [2]).

ë = 'о вм. *е = 'е*.

От ë = *йо* из *йе* слѣдует отличать *ë* из *е* в срединѣ и концѣ слов послѣ согласных. Это послѣднее *ë* не заклю-

---

[1]) Если только, конечно, объяснять ѣедва, ѣеще из одва, още, а не допустить для тѣх и других форм основных *е*два, *е*ще.

[2]) Послѣдній примѣр представляет исключительное для южно-влкр. явленіе: в нем смѣнилось на *йо*, вопреки общему правилу, неударяемое *ѣ=е*. Это так необычно, что является сомнѣніе,—точно ли лицо, от котораго записана пѣсня, южно-великорус по рѣчи.

чает в себѣ *й* и=*о*. Разница напр. между нос и нёс заключается не в характерѣ гласнаго, а в характерѣ предшествующаго ему согласнаго звука: нёс=н'ос, как лёд=л'од, т. е. lod. Послѣ обращенія срединаго или конечнаго *е* в *о* мягкость предшествующаго согласнаго не измѣняется. Этим отличается измѣненіе *е* в *о*, вызванное звуковыми причинами (вёз=в'оз вм. вез) от того же измѣненія, условленнаго этимологическими цѣлями, — явленія подъема или усиленія (воз от вез).

Иногда согласный послѣ превращенія *е* в *о* отвердѣвает и тогда различіе между этими случаями теряется: жгот=жгёт =жгет, доржи=дёржи=держи и пр. См. ниже.

Измѣненіе *е* в *ё* послѣ согласных свойственно всему русскому языку; оно роднит его с польским и отличает от всѣх других славянских нарѣчій. [1]).

Условія при которых совершается это измѣненіе для разных частей русскаго языка неодинаковы. В южно-велкр. онѣ опредѣленны. Для смѣны *е* на *ё* послѣ согласных требуется в нем ударяемость *е* и твердость слѣдующаго слога: ель—ёлка, село́—сёл. Исключеній из этого общаго положенія не много [2]).

В сѣв.-влкр. и малорусском—напротив—условія измѣненія *е* в *ё* послѣ согласных отличаются крайней неопредѣленностью. Для этих нарѣчій нельзя выставить общаго

---

[1]) Произношеніе *е* за *ё* не чуждо впрочем и бѣлорусскому. Геров в предисловіи к своему болгарскому словарю перечисляет десять случаев измѣненія в болгарском *е* в *ё*. (Матеріалы для сравв. и объясн. словаря и грам. Т. Ш. С. 179). Нѣкоторые из этих случаев тѣже, что и в русском. Г. Безсонов говорит, что в „ново-болг. сильно развит звук столь нелюбимый и рѣдкій в ц. славянск., именно *ё* или и ю." (Главные вопросы яз. ново-болг. 24). Г. Петровскій приводит из вост. моравскаго говора форму lon = лён, не указывая гдѣ он её встрѣтил (Матеріалы и пр. 453), и форму zajcov из словинскаго, указывая на сб. Враза (ib. 437).

[2]) Потебня Два изслѣдованія. 65—7. Ак. Грота Филологическія Разысканія. Изд. 2. Т. II. 292—7.

правила относительно того, когда *е* должно остаться неизмѣнным и когда оно непзбѣжно превратится в *ё*. Нерѣдко в одних и тѣх же, повидимому, случаях оно то измѣняется, то непзмѣняется.

Представляю, как описаніе явленія, возможно полный перечень случаев, в которых замѣчается измѣненіе *е* в *ё* в сѣв.-влкр.

Конечное *е* измѣняется в нем:

а) будучи ударяемым—общая черта с южно-влк.:

кольцё Смб. К. I. 1. на лицё Ол. Г. 118 и т. п. [1]).

б) будучи неударяемым, чего никогда не бывает в южно-влкр:

в именах сущ. ср. р. с суфиксом ьц:

соньчё Он. К. III. 62. сердчё Ол. Б. 59;

в именах сущ. того же рода двусложных:

морё Ол. Г. 248. 330. в полё ib. 1048;

в двусложных и трехсложных именах сущ. того же рода с суфиксом *мя=мѫ*:

времё Сткр. Э. С. I. 152. Ол. Г. 527. 1323 имё Як. 49. полымё Млж. А. Г. О;

в именах сущ. того же рода на *ище*:

гостсбищё Ол. Г. 19. осищё ib. 118;

в именах сущ. того же рода на *ге, ье*:

знаніё Ол. Г. 1165. званіё ib. 233. говореніё Вт. воскресеньё Ол. Г. 1057. успеньё Нвг;

в прилаг. именах ср. р. ед. ч.:

царскоё Шд. Аф. III. 426. гусноё Ол. Г. 25. овечеё ib. 27. скромноё ib. 164. милоё ib. 215. бѣлоё Крг. заднёё ib.;

в прилагательных разных родов и падежей ед. и мн. чисел на *ые*:

провожатыё Млж. А. Г. О. вострыё Вл. Э. С. V. 26. пьеныё ib. 36. бѣлыё Сткр. Э. С. I. 150;

---

[1]) Когда такія слова являются в соединеніи с другими, они удерживают *ё*, не смотря на потерю ударенія: лицёмѣрить Чбк. Мгн. 127.

в сравн. степени имен прилаг.:

бѣляё Вл. Э. С. V. 49. тепляё, порняё, голодняё Тт. Кдп.;

в числительных с окончаніем на *ое*:

на двоё Он. Пм. 360;

в мѣстоименіях двусложных ср. рода:

нашё Ол. Г. 1248;

в мѣстоименіи сё=ся при глаголах;

в повелительном наклоненіи глаголов:

розбійцё Вл. Э. С. V. 25. становпцё Сткр. ib. 150;

во втором лицѣ мн. ч. настоящаго времени глаголов (как под удареніем так и без ударенія):

хотитё Уст. дадитё ib.;

в нарѣчіях на *е*:

неправильнё Ол. Г. 186.

Еще разнообразнѣе случаи измѣненія срединнаго *е*.

Оно смѣняется на *ё* в корнях слѣдующих слов:

а) *е ударяемое* [1]):

вёрх В. К. верёху Шд. Аф. I. 48.

вёшной Ол. Г. 12. 156. Прс. Сзд.

дёржит Ол. Г. 885 (но—держит 349). Нвг. дёржится Р. IV. 30.

жоць (=жёць=жець=жечь) Млж. А. Г. О.

зёрняти Арх. К. V. 97.

крёст Ол. Г. 122. 249.

лёв Блз.

нёбо Ол. до пёба Вт.

надёждѣ Ол. Г. 174.

трёснула ib. 240. 684. Арх. Як. 73.—л. Нвг.

трёхнется Сзр. К. VI. 194.

цёстен (честен) Он. ib. IV. 72.

штёпочки Он. К. III. 45.

Часто обращается в *ё* второе *е* полногласной формы *ере*:

верёх Нвг. мерёга Ор. О. С. мерёда Влд. ib. смерё-

---

[1]) Привожу здѣсь лишь тѣ слова, которыя в южно-великорус. сохраняют *е*.

тушка Ол. Б. 41. (но—смёрётушка Р. IV. 225). забе-рёга Нвг.

Смѣняется мѣстами на *ё* и коренное *ъ*. В южно-великр., кромѣ общеизвѣстных случаев: сёдла, гнёзда, звёзды, ударяемое *ъ* переходит в *ё* лишь в—отбёг. Тл. Д.; в области сѣвернаго *ё* вмѣсто ударяемаго *ъ* находим в слѣдующих словах:

блёдый Пск. Д. О. С. бесёда Арх. Влг. О. С. в бесёдкѣ Ол. Г. 173. вёшка (вѣха) Сзд. Прс. Мрм. рёдка (=рѣдька) Опч. ВВ. О. С. Хл. А. Г. О. свирёпая Крг. сусёд Ол. О. С. телёжную Ол. Г. 1185. цоп (=цёп=цѣп) Нж. О. С. хрён Пск. ib. колёчить Пск. Тв. Д. О. С. ч(ц)ёлый Вт. ib.

Во всѣх почти этих случаях *ъ* могло бы и в южновелкр. обратиться в *ё*, но однако не обращается. Как извѣстно, *ъ* в южно-влкр. по звуку = *'е* и, подобно послѣднему, переходит, под условіем неударяемости, в *я*. Почему же при условіях, когда *е* превращается в *ё*, *ъ*, за немногими исключеніями, не знает этого превращенія? Сѣверное произношеніе *ъ*, там, гдѣ оно не звучит как *и*, не разнится от южнаго. Слѣдовательно, причина явленія коренится не в разности *е*, смѣнившаго *ъ*, на сѣверѣ и югѣ. Кажется, так слѣдует понимать различіе в данном случаѣ южно-влкр. от сѣвернаго. И в послѣднем, в огромном большинствѣ случаев *ъ* остается неизмѣнным, но преобладаніе в нем форм с *ё* вмѣсто *е*, вызвало и превращеніе *ъ* в *ё* в нѣкоторых, относительно немногих словах. Это дѣйствіе аналогіи. Оно не совсѣм чуждо и южно-влкр.; и если в южном число случаев с *ё* вм. *ъ*, меньше чѣм в сѣверном, то это лишь потому, вѣроятно, что в нем не с такой силой, как в послѣднем, господствует и стремленіе к смѣнѣ *е* на *ё*.

Из вышеприведенных примѣров можно видѣть, что в южно-влкр. иногда даже и *е* остается неизмѣненным там, гдѣ есть всѣ условія для его перехода в *ё* (треснул — трёснул).

б) *е и ъ неударяемыя*:

бѣда Мрм. Прс. Сдг. бёдро ib. бёдрам Нж. К. I. 34. Пм. 116.

вёрста Мрм. Прс. Сдг. вёдро Нвг. вёршки Ол. Г. 1099. отвёзи Нж. Пм. 114. твѣтов Квр. См. 80.

дѣвал Нж. К. VIII. 35. дёржал Он. К. III. 46. удёржи ib. доржал Вр. 92 доржи Бгр. ст. Ас. г. Д. Ас. у. А. Г. О. Вт. доржаць Ткр. Э. С. I. 133. доржать Кстр. О. С. Нж. А. Г. О. задоржать Сбр. Д. О. С.

лёнуть Влд. Д. О. С. лётит Он. Пм. 315. вылётала Ол. Г. 301. вылётать Мрм. Сдг. Прс. Лёксандра Чбк. Мгп. 14. слёза Мрм. Сдг. Прс. Нвг. плётовище Ол. Г. 512.

мёртва Он. Пм. 377. мёдовую Вр. 63.

гнѣзда Нж. А. Г. О.

нёсла Нвг. Влд. Д. О. С. прінёсла Квр. См. 7.

отнёхнуть Нвг. пёхнуть Крг. пёсок Мрм. Сдг. Прс. пѣтух Влд. О. С. пѣун Влг. ib.

рёбро Вт. рёготать Арх. Ол. О. С. Кр. (?) ib. в трп рёда Квр. См. 89. рѣка Мрм. Сдг. Прс. рѣку Ард. К. VI. 48. трёпала Ол. Г. 1253. трёмя Нж. Пм. 120 — и Квр. См. 32. сберёгла Вт.

сёло Нвг. Мрм. Сдг. Прс. сёстра ib.

затѣущій Яр. О. С. Стёпан Нж. А. Г. О. тёкут Квр. См. 77. тёпла Нж. А. Г. О.

до чёрна Нж. Пм. 116. чёло Чбк. Мгп. 160.

на цёсном Он. ib. 363. цолуют=цѣлуют Вр. 93.

шёлуха Тв. О. С. щолуха Нвг. ib.

Во всѣх этих случаях измѣнилось на *ё* то *е*, которое предшествует ударяемому слогу. Измѣненіе, *е* слѣдующаго за ударяемым слогом, замѣчается рѣдко в корнях слов:

пóгрёб Ол. Г. 1202.

нá берёг ib. 512.

зáбё(ѣ)да, забё(ѣ)дно Влг. О. С.

Что положеніе *е* относительно ударяемаго слога не имѣет однако значенія в дѣлѣ превращенія его в *ё*, видно из того, что некоренное *е* обращается в *ё* также часто, если

не чаще даже, в слогах, слѣдующих за ударяемым, как и в слогах, предшествующих ему.

В смѣнѣ некореннаго неударяемаго *е* на *ё* в сѣверновеликр. можно различить слѣдующіе случаи.

Измѣненіе это происходит:

а) В слогѣ *ер* в концѣ слов в именах и глаголах: озёру Он. Цм. 396.—а ib. К. П. 512. одёр Ол. Г. 53. шабёр Ас. Вт. Влд. О. С. кивёр Ол. Г. 298. мастёры ib. 396.

умёр Шд. Аф. II. 68.

б) В слогах *еб* и *ед* из *яб, яд* = ѧ*б*, ѧ*д*: ястрёб Ол. Г. 331. колёдовщик Крг.

в) В суфиксѣ *еб*=др. *ьб*: сва́дёбный Нвг.

г) В суфиксѣ *ел* (=др. *лъ*), со вставным *е*: узолок Кстр. О. С. (=узёлок=узелок —ꙁ-лъ).

д) В суфиксѣ *ьп*: свирѣпая Крг.

е) В неясном по корню и образованію словѣ: телёжную Ол. Г. 1185.

ж) В суфиксѣ *ем*—видоизмѣненіи суфикса причастія прош. вр. дѣйств. залога —*и-в*(*ъ*): сварёмши Смб. К. I. 5

з) В суфиксѣ *ек*: рубечёк Ол. Г. 249. рыбонёк ib. Б. 232. няпёк ib. Г. 261. рученёк Крг.

Сюда же слѣдует отнести и колѣчить (ко(а)лѣка : ѣк =ек) Пск. Тв. Д. О. С.

и) В суфиксѣ *ен* имен прилагательных=др. *ьн*: прибыточёи Ол. Г. 32. цесон (=ц(ч)ес ён=честен) гость Вл. Э. С. V. 43. есон сокол ib. (но—ясе́н Ол. Г. 349). огнённу рѣку Вр. 74. булатён Он. Пм. 359.

і) В суфиксѣ *ен* причастія прош. вр. страд. залога: насажёно Он. Пм. 355 поженёны ib. 372 нагонёно ib. 364 топлёна Крг. пущёно Ол. Г. 894.

к) В *ен*=ѧ (*ы*): бѣлокамённой Он. К. Ш. 47.

л) Во вставном *е* слога *ен* родит. пад. суш. имен. ж. р. на *я*: деревён Ол. Г. 884.

м) В суфиксѣ *еч*=*ьц*: спнёчкам Пск. Ш. 546.

н) Перед *й* в окончаніи *ей* вм. *ій* имен. пад. ед. ч.

прилагательных: дороднёй Ол. Г. 472 колокольнёй звон ib. 365 Господнёй Влг. спнёй ib.

о) В *ей* пз *ïй* род. пад. мн. ч. имен существ. темы на *и*: лебедёй, гостёй Вд.

п) В *ей* твор. пад. имен существительных и мѣстоимѣній: Устпньёй Вт. осьёй Шк. К. V. 8. грязьёй ib. саблёй Ол. Г. 684. Опраксеёй Он. Пм. 369. своёй Ол. Г. 230. Вт.

Сюда же, конечно, относятся и формы того же падежа с *ёю* вм. *ею*: твоёю Од. Тл. К. П. 209. со всёю Ол. Г. 464.

о) В суфиксѣ *ев* имен прилагательных: лазурёвы Он. Пм. 361. царёвна Ол.

п) В *ев* родительнаго падежа мн. числ. им. существ.: царевицёв Он. К. I. 89. спокоёв Вт.

р) В *ев* вм. *их* в неорганической формѣ родит. пад. мн. ч. имен прилагательных: чужіёв Млж. А. Г. О.

с) В *ев* — глагольной примѣтѣ: выклёвали Он. Пм. 361. царовать Арх. О. С. горёвать Нвг.

т) В род. падежѣ ед. ч. прилагательных, числительных и мѣстоим. м. и ср. рода—*его, ёго* вм. его, *ево*: колпсьнёго Он. Пм. 362. среднёго ib. 365 третьёго ib. 367. сёводня Ол. Г. 1305 соводня Вт.

у) В дат. падежѣ слов тѣх же частей рѣчи = *ёму* вм. *ему*: Господнёму Ол. Г. 236. всёму Он. Пм. 367.

ф) В предл. пад. слов тѣх же частей рѣчи—*ём* вм. *ем*: на окованоём Ол. Г. 360 в третьём Квр. См. 158.

х) В твор. п. ед. ч. сущ. имен. м. р. — *ём* вм. *ем*: зетём Он. К. IV. 76. каменём Ол. ib. V. 36. Шд. Аф. III. 426. антелём Смп. А. Г. О. гоголём Ол. Г. 887. перстнём ib. 356.

ц) Во 2 л. н. вр. глаголов—*ё-шь* вм. *е-шь*: потеряёшь Он. К. III. 46. вольничаёшь Ол. Г. 114. разговорпваёшь ib. 1202. проѣдёшь Нлн. сымёшь Нвг. оставляёшь Оп. Пм. 360.

ч) В 3 л. н. времени *ё-т* вм. *ет*: кукуёт Арх. Ш. 555 кицёт ib. 556. слушаёт Он. К. Ш. 89. будёт Ол. Г.

319. будё ib. 1054. ѣдёт ib. 201. 296. роёт ib. 122 сѣкёт ib. 41. (но—отсѣкает ib. 203). пловёт ib. 887. можот Вт. текот, пекот Ас. А. Г. О. Блх. Нж. Сб. III. 156—7. недосягот ib. жготся Смн. А. Г. О. Шск.

ш) В 1 л. мн. ч. н. вр. и пов. наклоненіи—*ё-м* вм. *ем*: отвѣдаём Ол. Г. 461. незнаём ib. 249. станёмте ib. 200 (но сожгем ib. 863). скажём ib. 1067. запрягом. переволоком, россѣком Вт.

Из этого длиннаго перечня случаев перехода *е* в *ё* ясно, что переход совершается независимо от того, будет ли *е* основным звуком или замѣною *ъ* и *ь* и видоизмѣненіем *и*, стоит ли *е* под ударенiем или без ударенія, предшествует ли ударяемому слогу или слѣдует за ним, сопровождает ли его слог твердый или мягкій. (В значительном большинствѣ случаев замѣчается однако первое). Из за этого множества случаев и разнообразія условій, при которых *е* переходит в *ё* в сѣв.-влкр., вовсе невидно общей причины, вызывающей этот переход.

Не всѣ выше означенные случаи встрѣчаются в каждой мѣстности области сѣверно-великорусскаго нарѣчія; однако большая часть их встрѣчается на всем ея протяженіи (частныя замѣчанія о степени распространенности этого явленія см. в моих Отчетах).

Неопредѣленность явленія еще болѣе увеличивается тѣм обстоятельством, что иногда *е* остается нѣизмѣненным там, гдѣ можно-бы не только по аналогіи с южно-влкр., но и по сходным случаям в сѣверном—ожидать его измѣненія в *ё*:

ещё Вт. вёдра (ю. в. вёдра) Тт. Прм. Нвг. лев, Петр. Прм. колёную Вт. жёнушки ib. пелёккая (нелёгкая) Втг. Пм. 226. при всем Квр. См. 139. далёко Нж. К. П. 2. (далкó ib. 14). Прс. Нвг. чёрненькій, тепленькій Прс. Сдг.

Впрочем, и в ю.-влкр. есть нѣкоторые случаи сохраненія *е* при условіях, по общему правилу требующих измѣненія его:

слезѣ(ё)ная Кл. Як. 95. прет (от—переть) Лк. А. Г. О. берётся Мц. Д. припёс Н. О. А. Г. О. прихлебавала Мс. ib.

Причина сохраненія *е* в этих случаях непонятна.

Встрѣчаются пзрѣдка такіе случаи и в бѣлорусском: цéмнаго Э. С. III. 205.

Есть в бѣлорусском, но нѣт в других частях юж. влкр., и случаи отвердѣнія согласнаго предшествующаго *ё*: в свято́ (ё)лечцѣ. Э. С. III. 230. цясо(ё)мочки Б. П. Ш. 149. [1]).

Хотя бѣлорусское превращает *е* в *ё* при тѣх же вообще условіях, которыя представляют другія части юж. влкр., но в нѣкоторых случаях оно относительно этого превращенія сходится с сѣв.-влкр. Так, хотя по общему правилу в нем смѣняется на *ё* лишь то ударяемое *е*, за которым слѣдует твердый слог, но оно представляет формы: ёсь, ёснь Б П. Ш. 647. 293, встрѣчающіяся и на сѣверѣ. Формы—твоёй, ёй также роднят бѣлорусское с сѣверно-влкр. Есть *кажется*, в бѣло-русском случаи измѣненія на *ё* даже неударяемаго *е*. Так глагол летать, имѣющій на сѣверѣ форму *лётать*, в такой же формѣ встрѣчается и в бѣлорусском, *если только* в слѣдующих примѣрах *е* этого глагола не стоит под ударенiем:

Лётау, лётау соловейка воколо сада Б. П. Ш. 324.

Лётало стадо куропат по полю ib. 323.

Ударенія в сборникѣ не поставлено, а теченiем стиха опредѣлить его мѣсто здѣсь трудно. В той же пѣснѣ, гдѣ находим лётало, есть и приляцѣли.

В других частях южно-влкр. *е* неударяемое постоянно остается при своем звукѣ. Однако в Тмб. г. (п—на сколько знаю—нигдѣ больше) в нѣкоторых случаях и неударямое *е* смѣняется на *ё*, как в сѣверном:

молодильноё яблоко Тмб. Аф. II. 27. крыльёв ib. 26.

Быть может, тому же говору принадлежит и вышеприведенное ёзжати.

Малорусское относительно измѣненія *е* в *ё* разнится с сосѣдним ему южно-великорусским и сходится с отдаленным от него сѣверным.

---

[1]) В пѣснях Киркора такіе случаи являются даже при *л*: зялоны, слозками. Э. С. III. 229.

Близость его к послѣднему в этом случаѣ могут показать слѣдующіе примѣры [1]).

е в пем=*ё*

а) Послѣ шипящих: жопа, чоловік, мачоха, пшоно.

б) В косвенных падежах мѣстоименія он: ёво, ёму. (Эти формы условлены, я думаю, именительным ён. Так как ён слышится и в южно-влкр., то вѣроятно и в нем были формы ёво, ёму, измѣнившіяся потом вёяго, яму).

в) В слогѣ *ев* различных этимологических значеній: зятёва, яблонёв (в галицком), царёвна (ib. Дрг. 284), крілёвичу (ib. 270), полёванье (ib. 283), малёвать (в гал.).

г) В род. пад. ед. ч. прилагательных и мѣстоименій: крайнёго Дрг. 126. человѣчьёго ib. 67. сёго и т. п.

д) Перед *р*: вётёр, кавалёр (гал. Дрг. 275).

е) Перед *м* в формах имен и мѣстоименій: усёму цёму Др. 173. морём, зільем (преимущественно в галицком),

ж) В концѣ слов (в галицком): господынё, яблонё. вовсё.

з) В суфиксѣ *ен* (кажется только в заблудовском говорѣ): сосён, одзён (один).

и) В суфиксѣ *ец* из *ьц* (в галицком): сонёце Дрг. 314.

Сравненіе этих примѣров обращенія *е* в *ё* в малорусском с соотвѣтствующими вышеприведеннымі примѣрами сѣверно-великорусскаго показывает, что одни и тѣже (неясныя) причины вызвали в том и другом эти звуковыя превращенія. Хотя в сѣв.-влкр. число случаев *ё* на мѣстѣ *е* больше чѣм в малорусском, но — надо замѣтить— в послѣднем многія слова и формы, имѣвшія *ё*, потеряли этот звук через превращеніе *ё* в *і*. Если возстановить *ё* на мѣстѣ *і*, то сходство сѣв.-влкр. с малор. относительно этого явленія окажется еще большим. Нельзя не замѣтить при этом, что из подпарѣчій малорусскаго ближе других стоит к сѣв.-влкр. в данном случаѣ, как и в нѣкоторых других, галицкое.

---

[1]) Примѣры, при которых не означено источника заимствованы из книги г. Потебни Два изслѣдованія.

Выше замѣчено уже, что превращеніе *е* в *ё* — почти исключительно свойственно из всѣх славянских нарѣчій только русскому и польскому. Разница между ними относительно этого явленія лишь та, что в польском на переход *е* в *ё* оказывает вліяніе характер послѣдующаго за *е* согласнаго звука, чего нѣт в русском. Так перед гортанными и губными *е* в польском остается неизмѣнным, а в русском может превращаться в *ё*: pogrzeb, но—свр. погрёб, ciepły, idziemy, но—южвлкр. тёплый, идём. Перед мягким послѣдующим за *е* слогом в польском *е* неизмѣняется, как в южно-влкр. и—большею частью—в сѣверном. Ударяемость *е*, как условіе его измѣняемости, требуется только южновеликорусским; в польском, сѣв.-влкр. и малорусском может измѣняться на *ё* как ударяемое так и неударяемое *е*.

Это сродство двух русских нарѣчій между собою и с польским и их разность с южно-великорусским вызывает вопрос: чѣм эта разность условилась и на сторонѣ котораго из этих нарѣчей большая древность в условіях измѣненія *е* в *ё*?

Так как южно-влкр. в своем вокализмѣ является вообще менѣе архаичным, чѣм сѣверное; так как в нем удареніе получило большее чѣм гдѣ либо в других частях русскаго языка вліяніе на звуковыя измѣненія; и так как значительное сходство между сѣверно-влкр. и малорусским в условіях превращенія *е* в *ё* не может быть, конечно, случайным; то слѣдует, кажется, признать, что эти два нарѣчія,—не смотря на всю неопредѣленность представляемых ими условій для этого явленія и не смотря на всю опредѣленность их в южно-великорусском, — стоят в этом случаѣ на болѣе древней ступени чѣм послѣднее.

Возможно, что и в южно-влкр. превращеніе *е* в *ё* не условливалось прежде непремѣнно ударяемостью его и что, таким образом, лишь впослѣдствіи часть слов, имѣвших *ё*, или возстановило *е*, или превратило неударяемое *ё* в *я*, как превращает неударяемое *о* в *а*.

Быть может, теперешнія юж.-влкр. формы — сяло, ся-

стра, бядро и под. возникли не непосредственно из село, сестра, бедро, а через ступени сёло, сёстра, бёдро.

Вышеприведенныя тамбовскія формы с *ё* вмѣсто *неударяемаго е* (если только говор, которому принадлежат онѣ, не превратился в акающій из окающаго) могут быть остатками того времени, когда ударепіе в южно-влкр. не было еще неизбѣжным условіем для измѣненія *е* в *ё*.

Замѣчательно, что и древне-русскіе памятники впервые обнаруживают это измѣненіе независимо от ударенія. Так в XIII ст. является (только однако при шипящих) *о* на мѣстѣ *е* как в ударяемых так и в неударяемых слогах [1]).

Конечно, не всѣ случаи с *ё* вм. *е*, представляемые теперь сѣв.-влкр. и малорусским, одинаково древни. Нѣкоторые (быть может и многіе из них) вѣроятно относятся к позднему времени, объясняясь успленным развитіем стремленія к измѣненію *е* в *ё* и дѣйствіем аналогіи. Но другіе случаи могут относиться к отдаленной древности. Хотя с очевидностью памятники свидѣтельствуют о превращеніи *е* в *ё* при согласных не шипящих только с XV ст. [2]), но возможно, что оно совершилось в языкѣ гораздо раньше и не отмѣчалось в памятниках только по недостатку в алфавитѣ знака для изображенія *ё* [3]).

---

[1]) См. мой Очерк. 93.

[2]) Ibid. 133.

[3]) В одном из памятников XV ст. находим форму *рублов* (ibid). Очевидно, эта форма таже, что теперешняя *рублёв*: *о* в ней есть попытка выразить на письмѣ *ё* (*'о*). Быть может, поэтому, и формы XIII вѣка: княжо, емъшо, жона и пр. (см. Очерк 93) = княжё, емъшё, жёна и пр. В XIII же столѣтіи находим *о* из *е* и при *ц*: купцом (ib.). И здѣсь возможно, что *о* стоит на мѣстѣ *ё*: купцём. Если же допустить, что слово это нужно читать так, как оно написано (с-*цо* вм. *цё*), то слѣдует принять, что превращеніе *е* в *ё* началось раньше XIII ст.; между формою с *цо* из *це* и этою послѣднею лежит средняя ступень *цё*; раньше, слѣд., чѣм явилось *цо* было уже в языкѣ *цё*.

Что вызвало превращеніе *е* в *ё* в древне-русскім — остается неяснымъ. С вѣроятностью можно допустить, что на превращеніе это вліял характер слѣдующаго за *е* слога. Однако и конечное *е* в XIII уже столѣтіи превращается в *ё*.

Почему не каждое *е* превращается в *ё* при одних и тѣх же, по видимому, условіях? Быть может, это обстоятельство слѣдует понимать, как указаніе на то, что не каждое *е* в древнерусском звучало одинаково. Выше я допустил уже предположеніе, что древне-русское *е* = в одних словах теперешнему *е*, в других теперешнему *э*, или—точнѣе—малорусскому *е*. В *ё* могло, разумѣется, превратиться лишь то *е*, которое звучало мягко.

2.

Звуки категоріи *У* [1]).

у — в.

В южно-великорусском, со включеніем бѣлорусскаго, и в малорусском *у* мѣняется с *в*. Всего чаще эта мѣна замѣчается в началѣ слов:

усѣ Пск. Ш. 307. уся Клж. Д. усѣ, усп В. Л. А. Г. О. усё Ал. ib. Рж. Аф. I. 237

удова Лх. А. Г. О.

узять Трп. Пск. О. С. устань Счв. А. Г. О.

---

[1]) Из звуков категоріи *и* в русском языкѣ уцѣлѣл один только—*и*. Остальные два — *ъ* и *ь*—давно уже в нем не существуют. О них см. выше. *И* во всей области великорусскаго языка звучит одинаково, как тонкій звук, смягчающій предъидущій согласный. В началѣ слов он то облекается йотом, то произносится чисто. В малорусском чистое тонкое *и* в срединѣ и в концѣ слов является, по общему правилу, лишь как замѣна других звуков: ѣ, е, о; на мѣстѣ основнаго *и* слышится *и* среднее. Нѣкоторыя замѣчанія об этом явленіи см. ниже.

узъпзжають Кр. Э. С. V. 67. устрѣла Рз. Ш. 471.
у дорогу В. Л. А. Г. О. у вызбу Рж. Аф. I. 386.
укусно Хл. Пск. А. Г. О.
да таго уремя Рж. Аф. I. 384.
утарой ib. Э. С. I. 237.
по усей землѣ Трп. К. П. 312.

В срединѣ слов эта смѣна замѣчается рѣдко, равно и в концѣ:

дѣуки Мс. А. Г. О. дзѣуки Рж. Э. С. I. 237.
Грекоу, Иваноу Счв. А. Г. О.

Сѣверно-великорусскому эта смѣна почти несвойственна:

удовка Ол. Г. 969. удовец ib. Б. 316.

Других примѣров не знаю.

Гдѣ конечное и среднее, слѣдующее за гласным звуком, *л* смѣняется на *в*, там это послѣднее нерѣдко произносится как краткое *у*. В области сѣв.-влкр. это явленіе — смѣна *л* па *в* и *в* на *у*—замѣчается только в нѣкоторых говорах вологодской губ.,—в уѣздах вельском и сольвычегодском [1]).

Не свойственна сѣв.-великорусскому и обратная смѣна—*у* на *в*.

В южно-влкр. *в* вм. *у*, как *у* вм. *в*, слышится по преимуществу в началѣ слов:

врок Пск. О. С. врёк ib. вжё ib. Д. О. С. не вжо Опч. О. С. вродовать ib. вларила Рз. Ш. 470. вхватил Кр. Э. С. V. 67. вснув Рж. Э. С. I. 281. ввойдишь (=уйдешь) ib. 239. втѣшапть Кр. А. Г. О. навчина ib. Э. С. V. 76. невдалый Хл. Пск. А. Г. О. втиральник ib. вотнял в меня Счв. ib. вьѣхал у дорогу В. Л. ib.

---

[1]) Примѣры и замѣчанія об этом исключительном для сѣв.-влкр. нарѣчія явленіи приводятся ниже—в отдѣлѣ согласных звуков. *У* вм. срединаго *в* слышится мѣстами в череп. у. См. Даля О нарѣчіях 22. Шевырева Поѣздка в Кирило-бѣлозерскій монастырь II. 107. Утвержденіе Даля, что *у* и *в* одна из черт сѣвернаго нарѣчія (О нарѣчіях 19. 34) — не вѣрно. См. мои Отчеты.

Мѣна *у* и *в*—черта очень древняя для русскаго языка: ее представляют уже памятники XI и XII вѣков [1]); но едва ли и в древности ею характеризовался русскій язык во всей его области. Хотя в одном южном памятникѣ XIII ст., который дошел до нас в сѣверном спискѣ, находим *в* вм. *у*; но, в виду отсутствія такой смѣны в современном сѣв.-влкр., можно думать, что смѣна эта в нем осталась, как слѣд южно-русскаго подлинника [2]).

у вм. *ы*.

В нѣкоторых, относительно немногих словах, как в сѣверном так и в южном великорусском, *ы* смѣняется, в корнях и суфиксах, на *у*:

сколубаться Прм. сколубалось Шк. Аф. III. 418. сколубалосе Ол. Г. 1127. (но—сколыбалось ib. 666. сколыбнулось ib.). колубень ib. 1126. колубается ib. 1134 (но—колыблются ib. 534). колубели Б. П. Ш. 191.

стугпуть (ср. сты(г)путь) Пск. Тв. Д. О. С.

умувалася Кр. Э. С. V. 48.

завувопт (=завывает) Ард. А. Г. О.

мутарсливый Ол. Б. 112.

умысель Пск. Тв. Д. О. С. отдух Влд. ib. ерлуки Ол. Г. 110. 749. гмур Сбр. (ср. гмыр ib.) О. С. косуньку Вт.

Вѣроятно сюда же относится и жупун Рз. Тмб. О. С. Ср. зипун (вм. зыпун?)

В малорусском *у* вм. *ы*, как извѣстно, только в глаголѣ *бути*. В такой формѣ неопр. накл. этого глагола в великорусском нигдѣ не встрѣчается; но в других его формах и в влкр. находим мѣстами *у* на мѣстѣ кореннаго *ы*:

було́ (и было) Вт. побувал ib. був. Чрп. Тл. А. Г. О. бувал Вс. Кр. А. Г. О. бувало ib. бувалача ib. Рз. Мс. А. Г. О. буват Ол. Прм. О. С.

---

[1]) См. мой Очерк и пр. 62. 78.

[2]) Памятник этот – Житіе Феодосія Нестора. Чтен. Общ. ист. и др. 1858. III.

Есть такія формы и в бѣлорусском: була Б. П. Ш. 428. бувай ib. 79. бувау ib. 85.

Прпчина появленія *у* вм. *ы* в различных формах глагола быти пе одна для великорусскаго и малорусскаго: в первом *у* в данном случаѣ явилось потому же, почему в колубель и прочих вышеприведенных примѣрах: *у* вм. *ы* в пем,—как и обратное явленіе,—спорадическая мѣна двух близких между собою звуков; в втором *у* в бути вытекло из потребности удержать в этом словѣ память о коренном обще-славянском *ы* [1]),—потребности, быть может, условленной стремленіем различить со стороны звуков корни *бы* и *би* (быти и бити).

На разность явленія—смѣны *ы* и *у*—в том и другом нарѣчіи указывает и то обстоятельство, что в формах малорусскаго *бути* находим *у* как в ударяемых так и в неударяемых слогах; в великорусском же, как в формах этого словах, так и во всѣх других вышеприведенных случаях, *у* заступает мѣсто только неударяемаго *ы*. Исключеніе лишь стугнуть, но весьма возможно, что в нем *у* вовсе не предполагает *ы*, что форма стугнуть—основная. Ср. студ, стужа.

ы вм. *у*.

Также спорадически, как *у* вм. *ы*, в обѣих частях великорусскаго нарѣчія, но гораздо чаще в сѣверном чѣм в южном, встрѣчаем и смѣну *у* на *ы*. Эта смѣна, в противоположность обратной, по преимуществу имѣет мѣсто в ударяемых слогах:

бырѣть — краснѣть (бурѣть) Вт. Д. О. С.

быролом (бурелом) Рж. ib.

быдь Ол. Р. I. 32. не забыдь ib. Б. 250. бытто Чст. Аф. II. 216. Вд. Нвг. г.

быйну голову Млж. А. Г. О. Сткр. Э. С. I. 144. от быйпыеф ib. 152 [2]).

---

[1]) См. Потебни Замѣтки о малор. нар.

[2]) В виду этих форм вѣрнѣе полагать, что малорусское бйінні (кобр. у.) возникло не из буй.... (Потебня. Замѣтки 31), а из бий...., т. е. что в нем *ы* смѣнилось на *и*, а это послѣднее на *і*.

вѣтрышки Ол. Б. 127. лебедышки ib.

глыбоко Пск. Ш. 201. глыбиною Орл.

слых Нвг. слыху Ол. Г. 576 па слыхѣ ib. Б. 112. не послышал Г. 886. послыхай ib. 706 (по—послухал ib.).

откыда Кр. Д. О. С.

жирав Тв. О. С. Ср. журав.

житорить Сбр. ib. Ср. гуторить.

В послѣдних двух примѣрах *и* = йотованному *ы*. Считаю несомнѣнным и теперь, как и прежде [1]), что *ы*, как и всякій другой гласный, может быть йотовано и что при йотаціи оно обращается в *и*, вліяющее, как и всякій другой йотованный гласный, на предъидущій согласный.

Всѣ вышеприведенные примѣры смѣны *ы* на *у* и обратно, указывают на близость этих звуков, сродство их. Возможность их взаимной мѣны теперь служит, по моему мнѣнію, одним из доказательств того, что и в древне-русском *ы*, как звук категоріи *у*, имѣл тоже произношеніе, какое имѣет он в настоящее время в великорусском и польском. Другіе доводы этого положенія были уже высказываемы мною нераз [2]); не повторяя их здѣсь, укажу коротко на общія заключенія свои о характерѣ *ы* в древности:

1) Как бы ни произносилось *ы* в праславянской древности, оно никогда не имѣло звука равнаго или подобнаго нѣм. ü, греч. υ [3]).

2) Теперешнее произношеніе его в великорусском и и польском если и не ископное, то очень древнее.

3) *ы* не возникло из сочетанія *ъ*+*и* и не разлагалось на эти звуки.

---

[1]) Звук *ы* в его отношеніях к *оу* в старо-славянском. Филолол. Зап. 1872 г. Замѣтки о звуках русскаго и старослав. яз. ibid.

[2]) Тѣже статьи. Очерк и пр. Загадочные звуки в исторіи русскаго языка. (Варш. Унив. Извѣстія 1876—7 и отдѣльн. оттиск) 1—20.

[3]) Как думает пр. Гиттала Zvukoslov jazyka českého. 55.

4) Разложеніе *ы* есть *ъв*, которое : *ов* = *ы* : *у*.

5) *ы* могло йотоваться, и разложеніе йотованнаго *ы* есть *ьв* (ьв(=jъв) : ъв=ы : и(=jы).

3.

Смѣшеніе звуковых категорій.

В отдаленной, почти предъисторической древности, славянскіе языки вообще и русскій в частности, в своих звуковых измѣненіях не представляли случаев смѣшенія звуковых категорій. Измѣненія эти, вызывавшіяся почти исключительно этимологическими причинами,—внутренними причинами слова,—были замкнуты в кругу звуков извѣстной данной категоріи. За немногими исключеніями, нормальный порядок звуковых отношеній и смѣн звуков в древности опредѣляется слѣдующими строками:

а — о — ъ

а — о — е — ь

у (=ов) — ы (=ъв) — ъ

(аj) — ѣ (=оj) < п — ь / е — ь.

Измѣненіе в характерѣ нѣкоторых звуков, потеря нѣкоторых из них и другія причины произвели издавна нарушеніе этих звуковых градацій, повели к смѣшенію этих звуковых категорій. Смѣшеніе это в русском языкѣ обнаруживается, хотя конечно в незначительной только степени, уже в первых вѣках нашей письменности. С теченіем времени смѣшеніе это все болѣе и болѣе усиливалось. Теперь русскій язык, в его діалектических особенностях, представляет слѣдующіе случаи смѣшенія звуков разных категорій:

а = у = ы.

о = у = ы = и (і).

е = и = ю ('у).

ѣ = е.
ы = о = а = э.
ы = и.
Разсмотрим эти измѣненія.

ы — и.

По всей области великорусскаго языка *ы* удерживает свое древнее, по моему, произношеніе. Оно постоянно является широким звуком, рѣзко отличающимся от *и* не только узкаго, но и средняго. Лишь в очень немногих отдѣльных случаях *ы* смѣшивается в великорусском с *и*:

колы=коли Тл. Ш. 166. глиба Кшн. Кстр. О. С. довыча М. А. ib. висок Крп. А. Г. О. протикал Смб. К. VI. 113. лодирь Тмб. О. С. Ср. лодырь Тв. Яр. ib. ми = мы Нж. ib. стидено (=стыдено. Ср. студено) Тмб. ib. стикан Клж. ib. (через форму стыкан из стакан), ми, мило, полинь (мы, мыло, полынь) В. В. Д. мыло, мылость (мило, милость), ib. [1]).

Всѣ эти и подобные им случаи [2]) отнюдь не указывают на наклонность какого либо говора в великорусском к потерѣ *ы*. Там, гдѣ спорадически встрѣчается *и* вм. *ы*, находим и обратную смѣну. И нѣт ни одного говора, в котором *ы* не сохраняло бы в огромном большинствѣ случаев свойственнаго ему произношенія. Изрѣдка встрѣчающееся в влкр. *ы* вм. *и* есть результат отвердѣнія предшествующаго послѣднему согласнаго; обратное явленіе — слѣдствіе неорганическаго умягченія его.

Поэтому со стороны произношенія *ы* с полным правом и основаніем можно противопоставлять великорусскому малорусское.

В послѣднем *ы* с тѣм произношеніем, какое имѣет оно в влкр. и польском, почти вездѣ потеряно. Только в пѣ-

---

[1]) Формы крык и производных от этого слова не отношу сюда: в них *ы* основное, о чем см. ниже.

[2]) Примѣры см. ниже в отдѣлѣ согласных звуков.

которых галицко-карпатскихъ говорахъ сохраняется широкое *ы* [1]), по всей остальной области малорусскаго нарѣчія на мѣстѣ его находимъ постоянно среднее *и* [2]). Относительно замѣны *ы* малорусское стоитъ, такимъ образомъ, по срединѣ между влкр. и польскимъ, сохранившими широкое *ы*, и остальными славянскими нарѣчіями, не различающими *ы* от *и* (*i*) [3]).

Не различаетъ *ы* от основнаго *и* и малорусское, но в немъ и *и* не осталось в большей части случаев [4]) при свойственномъ ему в древности, и теперь в великорусском, произношеніи: *и* в немъ, как выше уже замѣчено, представляетъ звукъ средній между великорусскимъ *и* и великорусскимъ *ы*. В своем измѣненіи *ы* и *и* в малорусском совершили, так сказать, движеніе по направленію одинъ к дру-

---

[1]) Два изслѣдованія. 120. Г. Кочубинскій в одном из своих отчетов говоритъ, что в горах Шариша и Спиша он слышалъ *ы* произносимое как дифтонг *уи*. II 47. Не знаю, как примирить с таким опредѣленіем характера *ы* там же приведенные примѣры его произношенія: съни, бъити. Эти формы напоминаютъ г. Кочубинскому начертаніе *ui* фрейзингишских отрывков которое, думает он, „вѣроятно и обозначало звукъ подобный *ы* в выговорѣ русина Шариша или Спиша“ ibid. Я касательно этого начертанія остаюсь при мнѣніи, высказанном в статьѣ Загадочные звуки. Есть свидѣтельство, что в карпатском *ы* выговаривается—„по одним—близко к *е* (*э*), по другим (Wagilewicz) сходно с *ой* или *уй*“ Потебня. Замѣтки и пр. 60. Странно это разногласіе и важно было бы опредѣлить, кто в данном случаѣ болѣе правъ.—Что за звукъ выраженъ необыкновеннымъ сочетаніем *юы* на мѣстѣ *ы*: бюыкюы=быка? Кочубинскій 1-й отчет. 41.

[2]) За немногими исключеніями, напр. глібоке Дрг. 15.

[3]) В чешском на мѣстѣ *ы* в нѣкоторых говорах слышится *ej*. См Sembera. Zakladowě diolektologie česko-slovenske. 1870. стр. 10. Jiriček. Podžeči wychodnich Cech (Casopis musea kr. českého. 1863. sv. IV. 332). По моему мнѣнію, это *ej* ничего не дает для характеристики *ы* и явилось лишь тогда, когда *ы* слились с *i*. См. Загадочные звуки. 18.

[4]) Иногда *и* = *i*: смерті Дрг. 2. ходім 5. 49. подурітп 5. косарі 11. зіма 16. зімувать 398. миші 22. ходіт 262. Примѣры эти относятся к разным мѣстностям украинскаго и галицкаго поднарѣчій.

гому: *ы* стало менѣе широким, *і* узким; для обоих, таким образом, выработался один и тот же средній звук. Как это случилось? Одновременно ли измѣнился характер того и другаго звука, или одно измѣненіе предшествовало другому и условило его? Вѣроятнѣе то, что среднее *и* на мѣстѣ основнаго узкаго *и* явилось позже перехода *ы* в *и*. По памятникам раньше можно отмѣтить случаи употребленія *и* вм. *ы*, чѣм обратные [1]).

Превращеніе тонкаго *і* в среднее *и* есть явленіе аналогичное с отвердѣніем *е* (*е* вм. *'е*).

Быть может оно вызвано потребностью языка различить в корнях и формах *и* основное от того же звука смѣнившаго *ъ*. Потребности этой, понятно, язык мог удовлетворить лишь тогда, котда в нем выработалось (из *ы*) *и* отличное от древняго.

Опредѣлить с точностью время потери *ы* в малорусском трудно; но, без сомнѣнія, потеря эта должна была совершиться в историческое время, „вѣроятно не раньше XIII—XIV в.“ [2]). Несомнѣнно и то, что превращеніе *ы* в *и* древнѣе тѣх явленій малорусской фонетики, которыя условлены качеством слога, как превращеніе в *і* звуков *о* и *е*.

---

[1]) Замѣтки о малор. нар. 60.

[2]) А. А. Потебни Два изслѣдованія. 122. Ср. его же Замѣтки 60. Г. Житецкій в своем стремленіи возвести в глубокую древность звуковыя черты современнаго малорусскаго увлекся до того, что в малор. среднем *и* на мѣстѣ *ы* видит звук болѣе древній, чѣм великорусское *ы*. Он даже в Остр. Ев. он находит *и* на мѣстѣ *ы* (Очерк 134). Такія увлеченія с наукой, разумѣется, не имѣют ничего общаго. Мое мнѣніе о доводах г. Житецкаго—в вышеупомянутой статьѣ „Загадочные звуки.“ Здѣсь кстати замѣчу, что сдѣланная мною в концѣ первой главы этой статьи (19—20) попытка опредѣлить приблизительно время потери *ы* в малорусском временем измѣненія *ый* на *ой* в великорусском—едва ли может быть признана удачной. Нѣт положительных оснований предполагать, что в малорусском *ый* смѣнилось бы на *ой*, если бы *ы* в нем уцѣлѣло: бѣлорусское не потеряло *ы* и однако же удерживает *ый*.

о вм. *ы*.

Очень рѣдко, в корнѣ немногих слов и в двух суфиксах, кое гдѣ вмѣсто *ы* слышится *о*:

отдох Арх. О. С. Ол. Г. 87. 244. 291. 308. рохлый Тхв. С. Р. Д. О. С. Вт. по точиночкѣ Ол. Р. I. 488. рочаг Лк. Нж. Сб. V. 338. государоня Кдп. Тт. В. У. осудароня Сткр. Э. С. I. 150. бароня, барошня Шд. Аф. II. 524. Кдп. Тт. ВУ. гуселошка Ол. Г. 456. (гуселушка ib. 607).

В—полонья СВ. Яр. имѣем форму болѣе древнюю чѣм полынья: послѣдняя относится к первой, как полымя к поломя.

Слѣдующій случай представляет измѣненіе *ы* в предлогѣ *вы*, слившемся с глаголом: ворастал (=выростал) В. Л. Ш. 300.

Почти всѣ приведенные примѣры относятся к сѣверн. влкр. Как видно из них, смѣна *ы* на *о* не стоит в зависимости от ударенія. В звуковом строѣ русскаго языка эта смѣна не имѣет основаній: обратной смѣны *о* на *ы* в сѣв. влкр. нѣт. Вѣроятно *о* вм. *ы* является слѣдствіем аналогіи (отдох ср. вздох, рохлый ср. дохлый и т. д.).

а вм. *ы*.

Иначе должна быть понимаема смѣна *ы* на *а*. Хотя случаев, сюда относящихся, немного, но они видимо коренятся на физіологическом средствѣ звуков и не стоят внѣ звуковых законов языка.

Извѣстные мнѣ случаи смѣны *ы* на *а* слѣдующіе:

не бал В. Л. Ш. 300 (трижды) бал ib. рад ба ib. 316. прибал Лп. Аф. III. 48. купил ба (бы) Ж. Д. пащеничнаим К. I. 92. прибаюкавает Т. ib. VII. 195. васылал Рпб. К. П. 564. 569. прихлебавала Мс. А. Г. О. буйнаи вѣтры Кр. А. Г. О. бѣлаи лебедые ib. за рябаи перья ib.

Всѣ эти случаи относятся к южно-великорусскому. Во всѣх смѣнилось на *а* неударямое *ы* [1]).

ы вм. *а*.

И *ы* вм. *а*, можно сказать, несвойственно сѣверно-великорусскому. Только в союзѣ *да*, лишенном ударенія, и то очень рѣдко, слышится на сѣверѣ *ы* вм. *а*:

сына любимого ды й прекрасного Втг. Пм. 226.

Хожу от бездилья, ды й то рукодилье ib. 234.

В южно-великорусском *а* смѣняется на *ы* чисто, как предшествуя ударяемому слогу, так и сопровождая его:

захрыпѣл Пск. Ш. 351. пысматрѣть Тмб. Аф. I. 54. ны дароги ib. III. 513. пызадумылся К. I. 92. о́тдыл Тмб. Аф. III. 53. русскыва ib. куплипыва Лп. ib. 118. поварачивыйся ib. 386.

Такое и в бѣлорусском: плакыти Б. П. Ш. 77. с дѣткыми ib. и т. п.

Есть в южно-влкр. нѣсколько случаев смѣны на *ы* даже ударяемаго *а*:

удырь Кр. Э. С. V. 57. удыря Н. О. А. Г. О. удырила Кр. ib. дыля Пск. Д. О. С. подыля Пск. Тв. ib. тык (=так) Чст. Аф. I. 218. кык Тмн. Д.

Сюда же, может быть, слѣдует отнести и кы́рша (из кырша?) Из. О. С. Ср. ка́рша Прм. Сбр. ib.

ы вм. *о*.

И ударяемое *о* в южно-великоруском, также рѣдко как и ударяемое *а*, смѣняется на *ы*. Извѣстны мнѣ лишь слѣдующіе три сюда относящіеся случаи:

мы́рда Кр. Д. Кр. Врн. Д. О. С. Н. О. А. Г. О. ды́(о)м

---

[1]) Односложное *бал* не противорѣчит этому: теченіем стиха оно лишено ударенія:

Бӑл я бӑл у сӯмерок без огня Ш. 300.

В. В. А. Г. О. дычка (до́чька или дочка́?) Лк. Нж. Сб. V. 337. тыт Б. П. Ш. 419.

Смѣна ударяемых *а* и *о* на *ы*—явленіе неясное. Переходят в *ы* эти звуки послѣ предшествующих им согласных *м, д, т, к.* Таков факт, свидѣтельствуемый вышеприведенными примѣрами; но имѣет ли он какое либо значеніе в дѣлѣ этого перехода?

Быть может, приведенныя слова с *ы* на мѣстѣ ударяемаго *о*, отдѣльно взятыя, и не имѣют такой звуковой формы; быть может, она условливается для них положеніем их в фразѣ, гдѣ, при скороговоркѣ рѣчи и при паденіи усиленнаго ударенія на окружающія их слова, они являются как бы лишенными ударенія?

Неударяемое *о* в сѣв.-влкр. в *ы* не обращается. В предложном падежѣ прилагательных и в творительном существительных слышится часто *ым* и в южном и в сѣверном:

во чистым Нж. К. I. 34. на добрым Смб. ib. 7. в темным лѣсу Срт. ib. V. 84. по милым Тв. Ш. 213. па тихиньким Дунаѣ ib. 253. в новым ib. 214. в астраханским царствѣ Ас. Д. по милым Чбк. Мгп. 53 (см., сверх того, мои Отчеты. 304).

Но эти случаи—результат смѣшенія форм, а не фонетическое явленіе.

Тоже слѣдует сказать об окончаніи творительнаго падежа нѣкоторых существительных на *ым* вм. *ом*, замѣчаемом иногда на сѣверѣ: с Татарпым Ол. Г. 1282. со городом Кіевым ib. 362.

Не знаю какому говору — окающему или акающему—принадлежит болыго (=болого) Кз. О. С. Ср. полымя (=поломя).

Странно—пырато (вм. порато) Влд. Д.

Кое гдѣ замѣчается на сѣверѣ измѣненіе *о* на *ы* в суфиксах *онька, очька, очек*: яблынька Хлм. К. VII. 44. пр. березынька Смб. ib. I. 25.—ю. Млж. А. Г. О. перехрестычку ib.

Сюда же относятся (непзвѣстно—окающему или акаю-

щему говору принадлежащія) формы: частёхынько, тошнехынько Чбк. Мгн. 32.

В южно-влкр. *ы* на мѣстѣ *о* является во множествѣ разнообразных случаев, как можно видѣть из слѣдующих примѣров:

кыза Опч. О. С. хытя́ Пск. ib. сы дороги Тл. Ш. 180. кы двару М. В. Як. 18. вы паход Тл. Ш. 302. пывялѣл М. А. Як. 18. пыдъизжал ib. сыбирай Тмб. Аф. I. 262. Быгародица М. А. Як. 18. мынастырь Тмн. Д. бѣлополынянка Рз. К. VII. 56. бырада Тмп. Д. пыразорены Лх. К. VII. 40. гыварит Тмп. Д. огырнуться Пск. Тв. Д. О. С. крышить Счв. А. Г. О. зылаты яблочки Лп. Аф. I. 61. зылатуя Гж. К. II. 561. 568.

В этих—немногих—взятых из множества—примѣрах *ы* стоит на мѣстѣ неударяемаго *о*, предшествующаго ударяемому слогу. Столь же часто замѣчается эта звуковая смѣна и в слогах, слѣдующих за ударяемым:

горыд М. А. К. II. 332. по мырю Рпб. ib. 40. по ягыды Тмб. Аф. II. 513. рубшкію (вм. рубашкыю, из рубашкою) Мц. А. Г. О. в золытѣ М. А. Як. 18. по лавычкѣ ib. 98. примѣтычка Нж. К. II. 16. к этыму, этыва Тмб. Аф. I. 260. вѣрывать ib. 565. радышно Нж. К. II. 32. IV. 86 падыть Тв. О. С.

Бѣлорусское относительно этого звуковаго явленія не разнится от других частей южно-великорусскаго:

сѣтычку Б. П. Ш. 4. сыбак ib. 79. дрыжить ib. 59. рыпык ib. 146. гыспадах ib. разырвали ib. 185. лымаючи, рыняючи ib. у стыгах ib. 216. усякыму ib. 427. згыварылись ib. рыгами 420. кыла ib. и т. п.

Таким образом, неударяемое *о* в южно-влкр. смѣняется или на *а* или на *ы*. Естественно возникает вопрос: когда происходит одна и когда другая смѣна? По этому вопросу высказано было мнѣніе [1]), что „в большей части южно-великор. говоров *о* измѣняется различно, смотря

---

[1]) А. А. Потебня. Два изслѣдованія. 61.

по степени его удаленія от ударяемаго слога:“ *о* в третьем слогѣ перед ударяемым переходит в *ы* [1]) во втором слогѣ —в *а*, в слогѣ слѣдующем за ударяемым, как в третьем перед ударяемым.

Вышеприведенные примѣры показывают, что чаще *ы* является на мѣстѣ *о* в третьем слогѣ перед ударяемым чѣм во втором; но что и в этом послѣднем оно возможно. Значит, не мѣсто *о* относительно ударяемаго слога условливает его превращеніе в *ы*. Что же вызывает разность в переходах неударяемаго *о*? Считаю лишним самый этот вопрос, так как, по моему мнѣнію, переход неударяемаго *о* в *ы* есть явленіе кажущееся, а не дѣйствительное: не *о* переходит в *ы*, а возникшее из него по извѣстному закону южно-влкр. фонетики *а*: кыза, напр. не непосредственно из коза, а через форму каза. Основаніе этому мнѣнію заключается в слѣдующем: ударяемое *о* в юж.-влкр. не переходит в *ы*; не знает этого перехода и неударяемое *о* в сѣв.-влкр. и малорусском, т. е. в тѣх нарѣчіях, которые не смѣняют *о* на *а*; основное *а* в южно-влкр. смѣняется на *ы*. Послѣднее обстоятельство в связи с первыми двумя свидѣтельствует, что и то *ы*, которое стоит на мѣстѣ *о*, предполагает измѣненіе послѣдняго на *а*. Отношенія этих трех звуков опредѣляются, слѣд., такою пропорціей:

ы : а = а : о.

ый — ой.

В сѣверно-великорус. почти постоянно вм. *ый* в окончаніи им. п. ед. ч. прил. м. р. слышится *ой*, независимо от того, стоит ли *ы* под удареніем или не имѣет его (см. мои Отчеты).

---

[1]) Иногда *ы* из *о* произносится неясно, глухо; иногда совсѣм, как звук, изглаживается, изчезает: формы с *ол, ла* и пр. на мѣстѣ полногласных (см. выше) вѣроятно предполагают, как посредствующія, формы с *олы, ыло*: болого—(болаго)—болыго—болго.

Лишь в рѣдких случаях является *ый* на ряду с *ой*: духовный Вл. Э. С. V. 35. лукавой ib.

В южно-влкр. вм. *ый—ай*: желѣзнай Тмб. Аф. II. 25. и т. п. Сохраненіе *ый* и здѣсь такая же рѣдкость как и на сѣверѣ: младый (млáдый или млады́й?) Тл. Ш. 237.

Малорусское смѣны *ый* на *ой* не знает: в нем *ый=ий*.

Сохраняет неизмѣнно *ый* и бѣлорусское. Относительно этой звуковой черты оно сходится слѣдовательно с малорусским и разнится от великорусскаго. В послѣднем смѣна *ый* на *ой*, независимо от ударенія, утвердилась в XV вѣкѣ [1]). Можно думать, что и в южно-влкр. *ай* на мѣстѣ *ый* явилось через форму *ой*, которая сохраняется в нем и в настоящее время, если на *о* падает удареніе [2]).

Обща всему великорусскому, за исключеніем бѣлорусскаго, смѣна *ы* на *о* и в настоящем времени, а равно и в повелительном наклоненіи глаголов, подобных мыть — мою [3]). В бѣлорусском и в этих случаях сохраняется ы: накрыиться Б. П. Ш. 254. умыиться ib. и т. п. Даже там, гдѣ бѣлорусское соприкасается с сѣв. и южным влкр., *ы* в этих формах сохраняется: рыетсь, мыетсь Рж. Э. С. I. 238.

Смѣна *ый* на *ой* как в прилагательных так и в глаголах [4]) не может быть сопоставляема как однородное явленіе с смѣною *ы* на *о* в случаях подобных вышеприведенным (с. 93.), при объясненіи ея *ы* не может быть

---

[1]) См. мой Очерк и пр. 132.

[2]) Ср. Я. К. Грота Филол. Разысканія II. 38. Гейтлер выводит *ой* из *ъи*. Starobulh. Fonologie 37—8, чему противорѣчит как прошлое русскаго языка так и современное его состояніе (*ый* в малор. и бѣлор.).

[3]) По свидѣтельству Даля (О нарѣчіях. 47) в калужской губ. (гдѣ именно?) говорят—накрыеть. Нигдѣ ни в сѣверн. ни в южном влкр. подобных форм я не встрѣтил—ни в живой народной рѣчи, ни в изданных памятниках ея.

[4]) Явленіе там и здѣсь тожественное; мыю, напр.,=мыj-у; сочетаніе *ый* в таких формах скрывается лишь особенностями русскаго алфавита.

разсматриваемо отдѣльно от слѣдующаго за ним *й* : *ый* на *ой* смѣняется вслѣдствіе нелюбви великорусскаго нарѣчія к сочетанію *ый* [1]). Но почему в нем развилась эта нелюбовь в извѣстную пору его жизни и почему сочетаніе *ый* смѣняется именно на *ой*—не ясно. Если и поставить *ой* вм. *ый* в ближайшую связь с *ей* из *ій* [2]), то для форм, подобных *мою, рою*, все таки нѣт аналогіи.

ый — эй.

Выше замѣчено, что бѣлорусское непзмѣнно сохраняет *ый*. Это вѣрно лишь в том смыслѣ, что *ый* в нем никогда не переходит в *ой*. Но в именах прилагательных иногда вмѣсто *ый* является в бѣлорусском *эй*:

Конь воронэй не ѣсць, не пьець,
Князь молодэй не покушаиць. Б. П. Ш. 471.
Святэй Микола унимаиць ib. 77.
Другэй мѣсячка—маладый Паулючок ib. 53.

И так, *э* является на мѣстѣ ударяемаго *ы*, гдѣ в юж.-влкр. *о*. В одном и том же говорѣ, как видно из послѣдняго примѣра, ударяемое *ый* может и перейти в *эй* (другэй) и остается непзмѣнным (маладый). В Рж. каждое ударяемое *ый* обращается в *эй*: рябэй, худэп и пр. Э. С. I. 238. Кажется, тоже мѣстами и в нижег. г., в говорах с оттѣнками бѣлорусскаго нарѣчія: слѣпэй Вс. у. А. Г. О.

Там же смѣняется на *эй* и неударяемое *ый*: русскэй, чувашскэй; бѣлэй Нж. А. Г. О.

Эти случаи и формы, подобныя слѣпэ=слѣпы=слѣпые Вс. А. Г. О. показывают, что *э* может возникать непосредственно из *ы*. Быть может, поэтому, что и в рябэй, худэй и пр. *э* не из *о*, а из *ы*.

На непосредственное появленіе *э* из *ы* указывают и формы: слѣпэх, слѣпэм Вс. А. Г. О. в краснэих Нж. ib. и. т. п.

---

[1]) Ср. Филологическія разысканія Я. К. Грота. 275.
[2]) См. мой Очерк. 45. Об *ей* из *ій* см. ниже.

Иногда *э* является на мѣстѣ *о*. Думаю, что в случаях, сюда относящихся, *э* явилось не непосредственно из *о*, а при посредствѣ звуков *а* и *ы*. Таковы: эт тея Нж. А. Г. О. (т. е. от тебя). пэкалатил ib., через формы *ат* тея́, *ыт* тея́, пакала́тил, пыкала́тил; *о* в этих примѣрах неударяемое и говор, которому принадлежат они, акающій. Быть может, сюда же слѣдует отнести и форму — сдѣлалэсь вм. сдѣлалась ib. Но встрѣчается однако такая смѣна и в одном окающем говорѣ той же мѣстности: старэста ib.

В тѣх же говорах тв. п. ед. ч. существительных м. р. оканчивается на *эм* вм. *ом*: с возэм, под окошкэм ib. Это черта бѣлорусскато нарѣчія. В других частях великорусскаго ея не замѣчается. Говоры нжг. г., гдѣ слышится *эм* вм. *ом*, носят на себѣ нѣкоторые бѣлорусскіе признаки.

Там же иногда *э* на мѣстѣ наударяемаго *а*: испужалэсь (=испужалась) Нж. А. Г. О.

Кажется *э* можэт являться и из *ы* (ударяемаго и неударяемаго) и из *а* (неударяемаго).

В дат. твор. и предл. падежах прилагательных и мѣстоименій ед. ч. ж. р. в бѣлорусском постояно *эй* вм. *ой* [1]), независимо от ударяемости или неударяемости *ой*. Об этом явленіи а равно и об *эй* вм. *ой* в тв. п. ед. ч. сущ. ж. рода—см. ниже, в отдѣлѣ форм.

о вм. *у*.

В немногих словах, почти исключительно в сѣв.-влкр. *у*—как ударяемое так и неударяемое—смѣняется на *о*:

а) *у ударяемое*:

ож (=уж, уже) М. О. С. нярошь (не рушь) Лк. Нж. Сб. V. 338. ожготить Влд. Влг. О. С. жготить Смн. ib. Ср. ожгутить Кр. ib. павок (паук) Арх. ib. баломотить, ib. Ср. баламутить, пск. bałamucić. конью шубу Рз. К. VII. 56.

б) *у неударяемое*:

кокуша Ол. Г. 332. Яр. Прм. коковать ib. Ол. Б. 102. морзомецкое Смб. К. I. 4. окроти Ол. Г. 246. достоплю Вл. Э. С. V. 40.

---

[1]) Шейн Бѣлор. пѣсни. 531.

Вмѣсто *ую* вин. п. ед. ч. прилагательных ж. р. иногда слышится *ою* (в южно-влкр. *аю*): перехожою Ол. Г. 234. 945. новобрашною Смб. К. II. 8. не трудною Вр. 41. краснаю дѣвку Кр. А. Г. О.

Смѣна *ую* на *ою*, хотя и в другой формѣ (именно в род. двойств. ч. встрѣчается уже в XII столѣтіи [1]).

Приведенными примѣрами изчерпываются всѣ, кажется, случаи смѣны *у* на *о* в великорусском. Переходит в *о*, как основное *у* так и *у* соотвѣтсвующее ѫ. Замѣчается изрѣдка эта звуковая смѣна и в бѣлорусском: опохницъ, обрусы Б. П. Ш. 274. 327. Не вполнѣ она чужда и малорусскому: ід дрогому (к другому) Глц. Дрг. 263 (но ib.: другу ніч).

у — о.

Гораздо чаще замѣчается обратное вышеупомянутому явленіе: смѣна *о* на *у*. Оно имѣет мѣсто во всѣх частях русскаго языка, по преимуществу в слогах неударяемых:

буяре Квр. См. 165. буярыня ib. 36. 69. на буяр Ол. Р. III. 219. бухмору (бахрому) Квр. См. 47. бутинки Прм. благувѣрная М. А. Як. 23. благучестивая ib. бустись Шк. О. С. Бугородица Мрм. палку буевую К. III. 12. 15. вуздержитесь Рж. Аф. I. 384.

кувыль Ол. Г. 31. 186. 745. 1152. Р. III. 253. IV. 3. кувиль Квр. См. 74. кувылять Кстр. О. С. пскуверкать Тмб. ib. купны Ол. Г. 478. 487. куледа М. III. 26. кулобродить Пск. Тв. Д. О. С. куса Рз. О. С. куторова Ас. А. Г. О. куго Кр. Д. Микулай Ол. Г. 397. Микулаевной ib. 1015. мугазейнаго ib. 1063. морусит Вд. мугорыч Пнз. О. С.

пуди Ол. пушел Ас. А. Г. О. пуиграйте К. Д. К. V. 58. преубразится Вр. 29. пріубила ib. 39.

скурѣя Ол. О. С. скуряе Арх. ib. самуварцик Мрм.

на туго Ол. Г. 1025. трупить Пск. Тв. Д. О. С. Ср. тропать ib.

---

[1]) См. мой Очерк. 84.

учутился Чбк. Мгн. 71. Нж. Пм. 123. ут (=от) Кстр. Д. удѣяло, утопок ib. угурцы Влг. уборона Ол. Г. 1017. убмануць Рж. Аф. III. 497. утдыхаць ib. утымать Тл. О. С. [1]).

Во всѣх этих случаях перешло в *у* неударямое *о*, предшествующее ударяемому слогу. Разстояніе *о* от ударяемаго слога, как видно из приведенных примѣров, на переход его в *у* вліянія не имѣет: он совершается и в первом и во втором слогѣ от ударяемаго, в словах двусложных и многосложных. Гораздо меньше случаев смѣны на *у* неударяемаго *о*, слѣдующаго за ударяемым слогом:

бабучка Кстр. О. С. куручку Тв. Ш. 267. патрущить Ол. Б. 250. (но—патрошить ib.) яблунь Ол. Б. 108 (но—яблони ib.) яблуни Р. IV. 59. юнуш Рнб. К. П. 221.

Сверх того замѣчается иногда в тв. п. ед. ч. сущ. ж. р. смѣна окончанія *ой* на *уй*: палкуй М. Я. Врн. Д. мамыньку Тмн. ib.

Конечное неударяемое *о* на *у* не смѣняется [2]).

Ударяемое *о* переходит в *у* и в срединѣ и в концѣ слов; но в том и другом случаѣ переход этот является очень рѣдко. Мнѣ извѣстны лишь слѣдующія слова с *у* на мѣстѣ ударяемаго *о*:

мерлуга Кр. Д. О. С. во утрубы Вр. 28. со ладушками Пск. Ш. 544. попурхивить Ол. Р. IV. 28 перепурхивать ib. Г. 151 пудь Ол. хуть Тв. Ш. 217. Мрм. хужбы Лп. Аф. III. 388. ужу Крсн. К. П. 125. шту Мс. А. Г. О.

Предпослѣднее слово в этой формѣ является и в бѣлорусском: ужу Б. П. Ш. 426.

---

[1]) Суюз Ол. Г. 886. сугласен Нж. Аф. III. 497 быть может и не предполагают форм с *о*. Ср. *сусѣд* и *сосѣд*, *сумнѣніе* и *сомнѣніе*: *о* в этих случаях из *ъ* предлога *съ*, *у* из *ж* предлога *сж*.

[2]) Встрѣчающіеся изрѣдка конечное *у* вм. *о*, представляет явленіе формальное, а не фонетическое. О случаях, сюда относящихся, см. отдѣл форм.

Аналогію с влкр. хуть представляет бѣлорусское хуць ib. 81. 347. 456.

Неударяемое *о*, согласно с другими частями великорусскаго, смѣняется в бѣлорусском большей частію в слогах, предшествующих ударяемому: вурчиць ib. 16. вуркупть ib. 233. спулюбила ib. 253. скували ib. 377. кувалык ib. 428. — у ладушецки ib. 390. хустучку ib. 347. пирапелучку ib. 348. жонучку ib. 254 пóкуй ib. 422.

Послѣднее слово быть может заимствовало свою звуковую форму с польскаго.

И в малорусском спорадически являющееся *у* из неударяемаго *о* по преимуществу слышится в слогах предшествующих ударяемому:

тупори Дрг. 298. кумпанію ib. 311. яблун ib. 113 яблунев ib. 263. яблучок ib. 302 убуешь ib. 316. знахурів ib. 398. См., сверх того, примѣры, приведенные г. Потебней в его статьѣ о малорусском нарѣчіи [1]).

И так, *у* из *о* обще всем трем частям русскаго языка, и в каждом из них эта звуковая смѣна является спорадически, при неопредѣленных условіях.

Просматривая вышеприведенные примѣры, нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя слова и формы являются с *у* вм. *о* во всѣх частях (хотя и не повсемѣстно) русскаго языка. Так, напр., и в малор. и влкр. является иногда *у* вм. *о* предлога, слившагося с именем или глаголом; в том и другом имѣют *у* вм. *о* слова бояре и яблоня [2]); в влкр. и бѣлорусском — ладуши вм. ладошш; в том и другом встрѣчаются слова на *учка* вм. *очка*.

Такое совпаденіе звуковых форм в разных частях русскаго языка, конечно, не может быть дѣлом случайности [3]). Чѣм же условливается это спорадически являющееся измѣ-

---

[1]) Два изслѣдованія 113—14.

[2]) О словах яблонь, яблоко см. Шмидта Zur Geschichte II. 44. 146. Кочубинскаго Основн. вокализація I. 165.

[3]) Исключительно малорусскому свойственно постоянно выдерживаемое превращеніе *ова* глаголов в *ува* (и *ева* в *юва*): напувати и т. п. См. Два изслѣдованія 114.

неніе *о* в *у*? Почему, при одних и тѣх же по видимому условіях, *о* то остается неизмѣнным (в сѣв.-влкр. и малорск.) или превращается в *а* (в южно-влкр и бѣлор.), то измѣняется в *у*? Из звуковаго строя современнаго русскаго языка нельзя объяснить этого явленія. Не указывает ли оно на различный в разных случаях характер древне-русскаго *о*? Трудно доказать, но можно считать вѣроятным, предположеніе, что *о*, превращающееся теперь в *у*, и *о*, превращающееся в *а* (гдѣ возможно такое превращеніе) не были тожественны, разнясь между собою быть может количественно. Не ко всѣм однако вышеприведенным случаям примѣнимо это предположительное объясненіе смѣны *о* на *у*: в нѣкоторых оно могло условиться аналогіей, в других ассимиляціей слогов (*куручку*, из *руду*, *севогуду*).

Спорадическіе случаи смѣны *о* на *у* и обратной не чужды и древне-русскому. Уже в XI ст. они встрѣчаются, проявляясь изрѣдка и в послѣдующіе вѣка [1]).

а вм. *у*, *у* вм. *а*.

Неударяемое *у* иногда, но очень рѣдко, смѣняется на *а*: жоладки Всг. О. С. баерак Т. ib. пахмарно Кр. Д. О. С. высанул Пск. Ш. 363. [2]).

---

[1]) См. мой Очерк и пр. Стр. 62, 78. 92. 104. 132. Наклонность звука *о* переходит в *у* замѣчается почти во всѣх славянскіх нарѣчіях, но не в каждом она обнаружпвается в одинаковой степени. Только в болгарском почти каждое неударяемое *о* переходит в *у*. Miklosich Vergl. Gr. I. 267. Безсонов Главные вопросы языка новоболгарскаго (Болгарскіе пѣсни) 28. В чешском мѣна это является спорадически. Hattala. Sravnav. mluvn. 136. Zvukoslovi 50. В сербском *у* вм. *о* в заимствованных словах. Miklosich V. Gr. 302. Польское, чешское, лужицкое *у* (ó, ů) вм. *о* в словах как Bóg — явленіе, сюда не относящееся.

[2]) В вин. п. ед. ч. имен прилагательных ж. р. часто *аю* вм. *ую* (на краснаю, харашаю Кр. Э. С. V. 54), но *а* в этом случаѣ возникает не непосредственно из *у*: между *аю* и *ую* вѣроятно стоит *ою*. Ср. род. и пр. дв. ч. на *ою* вм. *ую* уже в XII ст. См. мой Очерк и пр. 84.

Еще рѣже встрѣчается обратная смѣна:

хвастует Шк. К. VI, 34. (б. м. предполагает неопр. н. хвастовать?).

сумоварцик Мрм. (б. м. через форму сомоварцик?)

и (*і*) вм. *о*).

От *у* из *о*, встрѣчающагося в малорусском спорадическп, слѣдует отличать то *у* из *о* сѣверных малорусскпх говоров, которому в других частях этого парѣчія соотвѣтствует *и*(*і*): *у* и *і* из *о* являются в извѣстных опредѣленных случаях, при извѣстных опредѣленных условіях. Смѣна *о* на *і*—самая рѣзкая отличительная черта малорусской фонетпки. Великорусскому, со включеніем бѣлорусскаго, она совершенно чужда. Ни одно из звуковых явленій современнаго русскаго языка не стоит в таком рѣзком противорѣчіи с характером его древняго вокализма, как это превращеніе *о* в *і*. В памятниках первых столѣтій нашей письменности нѣт и намека на возможность такого рѣзкаго смѣшенія звуковых категорій, какое представляет измѣненіе *о* на *і* [1]).

Измѣненіе *о* на *і* чуждо и другим словянским нарѣчіям.

На позднее появленіе этого измѣненія в малорусском указывает, между прочим, самое условіе, при котором оно со-

---

[1]) Г. Житецкій думает, что уже в древнѣйшую эпоху были случаи смѣны о и у на і. Такими случаями он считает Рим, жид, кричати, сопоставляемыя им с Roma, Ἰουδαῖος, krocati. Очерк зв. ист. малр. н. 130. В первом из этих слов и Я. К. Грот допускает „древнее измѣненіе *о* в *і*“. Филол. Разысканія II. 336. Я остаюсь относительно этого слова, а равно и крик, кричать, при прежнем своем мнѣніи (ст. „Звук *ы* в его отношеніи к *оу* в старо-славянском“), т. е. утверждаю, что *и* в словѣ Рим, не из *о*, а из *у* (как то принимает и Миклошич. Vergl. Gr. I. 303), из формы Румъ, а не Ромъ. Конечно, и из *у* не могло *и* возникнуть непосредственно; оно предполагает ступень *ы*, котораго является видоизмѣненіем. *Рум* — *Рым* — *Рим*. Тѣм же путем образовалось и *жид*. Въ кричати *и* есть также видоизмѣненіе *ък* в корнѣ этого слова *у*, а не *а*. См. Fick. V. W. der Indogerm. Spr. 50. 352. 515.

вершается. Переход *о* в *і* стоит, как извѣстно, в зависимости от качества слога [1]). В великорусском нѣт вовсе звуковых явленій, условленных качеством слога. Зависимостью смѣны *о* на *і* от характера слога малорусское нарѣчіе сходится с польским [2]).

І на мѣстѣ *о* есть явленіе господствующее в малорусском, но не исключительное.

По разным говорам этого нарѣчія встрѣчаем слѣдующія измѣненія *о*: оо, уо, у, уи, у, и, і [3]). Само собою разумѣется, что такое разнообразіе не могло быть исконным. Или слѣдует

---

[1]) Об условіях измѣненія *о* в *і* см. Потебни Два изслѣд. С. 93 и слѣд. Тамже исключенія из правила, по которому *о* переходит в *і* только в слогах средних. Об этих исключеніях говорит и Житецкій, который находит, что „закон (по которому *о* измѣняется на *і*) находится еще в своем развитіи, или же наоборот ослабѣл, помутился в чувствѣ языка“ Очерк 108. Ни то, я думаю, ни другое. Многочисленныя исключенія из вышеупомянутаго правила об измѣненіи *о* и *е* в большинствѣ случаев, по моему мнѣнію, лишь кажущіяся исключенія. Так формы дзвінок, жінок, ластівок, кінець и т. п. могут объясняться тѣм, что народное чутье раздѣляло в них слоги, не сливая суфикса с коренными звуками: жін—ок, кін—ець, а не жі—нок, кінець и т. п. Не составляют дѣйствительнаго исключенія в тѣ случаи, когда *о* предлога, слитаго с глаголом, измѣняется на *і*: одібрать, зігнать. В них отдѣльность предлога от корня, очевидно, народом не чувствуется; раздѣленіе слогов этих слов в народном сознаніи стоит в рѣзком противорѣчіи с этимологическим дѣленіем их: о-діб-рать, зіг-нать.

[2]) П. А. Лавровскій замѣтил, что превращеніе *о* в *і* в малорусском во многим сходно с превращеніем *о* в *у* в польском (Обзор замѣчательных особ. млр. нар.). Но не только превращеніем *о* в *у* сходится в этом случаѣ польское с малорусским, а вообще всѣми тѣми звуковыми превращеніями, которые польскіе граматики называют pochylenie: Сходство малр. с польским не доходит однако в этом явленіи до тожества: в первом как и во втором превращеніи *о* зависит от качества слога, но во втором, сверх того, от качества послѣдующаго согласнаго, чего нѣт в первом.

[3]) См. Потебни Два изслѣдованія. 100 и слѣд. Житецкаго Очерк 113.

всѣ приведенныя замѣны *о* отнести на счет позднѣйшаго времени, или одну из них признать за наиболѣе древнюю (относительно других) и из нея объяснять остальныя. Древнѣйшее измѣненіе *о* по памятникам есть *у*. Древнѣйшее ли оно в дѣйствительности? На этот вопрос одни отвѣчают утвердительно [1]), другіе отрицательно [2]).

Было бы неумѣстно останавливаться здѣсь на этом сложном, спеціально-малорусском явленіи — измѣненіи *о* в *і*. Замѣчу только, что оно принадлежит к числу тѣх явленій русской фонетики, которыя остаются пока далеко еще не выясненными. В существующих об измѣненіи *о* в *і* мнѣніях несомнѣнно могут быть признаны вѣрными лишь слѣдующія два положенія: 1) *о* не непосредственно перешло в *і*,— между этими двумя звуками есть ряд ступеней [3]); 2) качественное измѣненіе *о* условлено в малорусском долготою этого звука, которая вызвана превращеніем прямаго слога в средній, совершившимся вслѣдствіе отпаденія конечнаго глухаго.

Таже причина не вызвала в великорусском долготы *о*,

---

[1]) Miklosich Vergl. Gram. I. 344.

[2]) Потебня Два изслѣдованія. 103—4. Житецкій Очерк и проч.

[3]) По мнѣнію г. Потебни между о и *і* стояли слѣдующіе звуки, как посредствующія одна между другой ступени: уэ-у уи—и (ibid.): носъ—нуос—нус—нупс—нис—ніс. Нѣсколько иначе представлает ход превращенія *о* в *і* Житецкій: о—оо—уо—у—ы—и—і (Очерк 113 и слѣд.): нос—ноос—нуос—нус—ныс—нис—ніс (*ы* понимается этим автором как нѣмецкое *ü*). Мнѣнія эти вѣроятны, но не болѣе. Нѣкоторыя из предложенных ступеней в развитіи *і* из *о* лишь изобрѣтены, как возможное звено между двумя неродственными непосредственно звуковыми явленіями. Так неясно, почему из *у* должно было развиться *уи*. Сверх того,—хотя ряд: у—ы—и—і и возможен,—спрашивается: почему ступень *ы* должна была через *и* перейти в *і* в том именно случаѣ, когда это *ы* (через *у*, *уи*) явилось из основнаго *о*, тогда как основное *ы* не сливается с *і*, а остается, за немногими исключеніями, в видѣ *и*?

а если допустить, что вызвала, то долгота эта не развила в нем дифтонга [1]).

Так или иначе, но возможность качественнаго измѣненія *о* в малорусском и отсутствіе этого измѣненія в великорусском, к какому бы времени это измѣненіе ни относилось по своему началу, указывает на существовавшую издревле нѣкоторую разность в звуковом строѣ двух главных нарѣчій русскаго языка.

и вм. *е*.

Полную аналогію с измѣненіем *о* представляет измѣненіе *е* в малорусском. И это измѣненіе есть спеціально-малорусское явленіе. Оно является при тѣх же условіях, какія вліяют на измѣненіе *о*. Конечный результат в превращеніях того и другаго звука один и тот же—*і*. Но в массѣ случаев с *і* из основнаго *е* далеко не всѣ предполагают ступени, аналогичныя с возможными ступенями для *і* из *о*. Для многих случаев с *і* из *е* слѣдует допустить ступень *ё* [2]). В других

---

[1]) Предположеніе г. Житецкаго о различіи в влкр. и млр. дифтонгов *уо́* и *уо* совершенно произвольно. Легко объяснять разность существующих по нарѣчіям звуковых явленій такими фикціями; легко строить такія гипотезы и создавать призрачныя теоріи. Но что толку в этих измышленных теоріях, не имѣющих под собою фактической почвы! Впрочем, измышленіе г. Житецкаго уже осуждено наукой. См. по этому поводу мѣткія замѣчанія г. Потебни в его книгѣ К исторіи звуков русскаго языка 46—47. Ср. также Ягича Archiv für slawische Filologie 2-er Band 2-es Heft. 355. 356.—Замѣчательно, что отпаденіе конечнаго глухаго не вызвало качественнаго измѣненія того срединаго *о*, которое явилось замѣною *ъ*. Явленіе это объясняется не одинаково. См. Потебни Замѣтки о малор. нар. 35. 36. Ср. К исторіи звуков 50. 51. Житецкаго Очерк и пр. 108.

[2]) Ср. сказанное выше и Потебни Два изслѣдованія 104—5. Подробности об измѣненіи *е* в *і*, сходство и различіе этого измѣненія от измѣненія *о* в *і* см. тамже 95 — 109 и Замѣтки 23—36.

случаях *і* могло явиться непосредственно из мягкого *е* (іе) через ассимилирующее дѣйствіе *й*. В третьих *і* из *е* могло явиться результатом такого же сложнаго процесса развитія как и і из *о*.

Измѣненіе *е* на *і* при условіях, вызывающих его в малорусском, на столько же чуждо великорусскому, как и переход *о* в *і*. Но иногда, очень рѣдко, в малорусском является *і* и *и* на мѣстѣ *е*, независимо от качества слога: спбі Дрг. 2. ище (еще) ib. 403. приходе ib. 72. прихристився ib. 106. в пичі ib. 110. прибагате ib. 114. брихала ib. 391 и т. п. Это—спорадическое явленіе, причина котораго, как и всѣх такого рода явленій, не ясна.

С таким же характером спорадичности и неопредѣленности находим смѣну *е* на *и* в сѣверно-великорусском. Хотя в послѣднем она, в нѣкоторых по крайней мѣрѣ говорах, встрѣчается и чаще чѣм в малорусском; но и в нем условія, при которых она возникает, причины ее вызывающія, остаются неуловимыми.

Смѣняется на *и* как ударяемое *е* так и неударяемое; в послѣднем случаѣ, как предшествующее ударяемому слогу так и слѣдующее за ним.

а) ударяемое *е* = *и*:

шшиль (щель) Шд. А. Г. О. щиль Квр. См. 177. либедь СВ. Тт. Кдн. пистик ib. плить Втг. Пм. 226. диверя ib. 234. дивердь Ол. Б. 321. миль, мильница Млж. А. Г. О. журавиль ib. динь ib. пирвой ib. воинные ib. трих царевичив Нж. Пм. 116. жипт Нвг. гризлись Вл. Э. С. V. втимить 45. Нвг. Д. О. С. напилси (из напилсе?) Уст. пойдимте Нвг. дани Крг. выдани ib. стелется да вытся ib.

В нѣкоторых из этих случаев *и* явилось, вѣроятно, из *ё*. В слѣдующих оно условлено вліяніем *й*: иль (ель) Млж. А. Г. О. ивтот (из евтот а не эвтот) ib. ивтом ib. исть (= есть) ib.

б) неударяемое *е* = *и*.

Тѣм же вліяніем *й* слѣдует объяснять *и* вмѣсто начальнаго неударяемаго *е*:

ище Он. К. I. 86. Ол. Г. 1009. Кдн. Грз. Влг. Прм. ищо

Вл. Э. С. V. 27. ише Оп. К. II. 99. IV. 75. пешо Нлп. ицо (из яйцо, через ейцо—ецо) Нж. Д. О. С.—м ib. К. IV. 87.—ижидённый Шк. Д. О. С.

Сюда же относится и *и* вм. срединнаго *е*, слѣду́ющаго за гласным: знаит, слушаит Ол. баит ib. шатаитсе Оп. К. II. 66.

В большинствѣ случаев срединное неударяемое *е* смѣняется на *и* при неопредѣленных условіях, по неясным причинам:

миня Вл. Э. С. V. 23. Оп. Пм. 368. тибя Вл. Э. С. V. 23. тибѣ, сибѣ Влг. Одн. Грз. сибѣ Тт. питля Кдн. Грз. Влг. пирстом Ол. Г. 621. тисовая ib. 1054 (но—тесовая 1053). полиницы Шк. II. 62, по гризѣ Вл. Э. С. V. 26. с рибятами Ол. либедка СВ. сило ib. писяной (песчаной) ib. прикрасно Ирб. прикрасная Вл. Э. С. V. 35. запристольная ib. тичёт СВ. потире(я)ть ib. видѝ ib. ведина Втг. Пм. 226 (но—плетена ib.). нильзя Нлп. далико Нж. К. II. 14. ору́чиво Ол. Г. 692. свѣ́тил ib. 592—3. лазу́рив Вл. Э. С. V. 25. противо ого́ничка Вд. Н. Сб. II. 157. сѣ́мины Нж. К. I. 35. вдругоридь ib. машит Ол. Г. 787. ре́вит ib. 1561 (п—ре-ви́т 1150).

По преимуществу, слѣд., смѣняется на *и* неударяемое *е* непосредственно предшествующее ударяемому слогу; рѣже слѣдующее за ним. Иногда измѣненіе это условливается вліяніем гласнаго ударяемаго слога на гласный неударяемаго:

невѣста—по *нивистѣ* СВ. *недѣля*—на *нидилѣ* ib.

Такіе случаи с очевидной причиной явленія однако рѣдки. Необходимо замѣтить, что в сходных по звуковому составу и образованію и даже в одних и тѣх же словах одних и тѣх же говоров неударяемое *е* то переходит в *и*, то остается непзмѣнным. Это обстоятельство еще болѣе усиливает неопредѣленность явленія. Почти всѣм говорам сѣвер.-влкр. свойственно измѣненіе неударяемаго *е* на *и*, но стрѣмленіе к этому измѣненію распространено по говорам далеко не с одинаковой силою: в одних оно проявляется слабѣе, в других сильнѣе. Но вездѣ в сѣв.-влкр. сохраненіе *е* неударяемаго составляет привило, а измѣненіе его в *и*—исклю-

ченіе. Этим сѣверно-великорусское отличается от южнаго. В послѣднем ударяемое *е* лишь очень рѣдко обращается в *и*: щиц Мс. А. Г. О. совьите ib. [1]); но *е* неударяемое никогда почти не сохраняется, переходя или в *я* (см. выше с. 60 и сл.) или в *и*.

Естественно думать, что такая разность в измѣненіи *е* вытекла из разности причин, его вызывающих; условій, при которых совершается оно.

Попытка опредѣлить эти причины и условія была уже сдѣлана А. А. Потебней [2]). Он ставит разность измѣненій *е* в зависимость от отношенія неударяемаго слога к ударяемому: *е* по преимуществу обращается в *и* в 3 слогѣ, предшествующем ударяемому; во 2 перед ударяемым *е* большею частью смѣняется на *я*: бирягу, в тиряму и т. п.

Исключенія из этого положенія так, однако, многочисленны, что оно никак не может имѣть значеніе общаго правила.

Не говоря о формах, подобных — пща Пск. О. С. пще Кп. А. Г. О. пхма Пск. Тв. О. С. игиенок Лк. А. Г. О. пчмень Кп. ib. иво Инс. ib. изык ib., в которых *и* из *е*, по всей вѣроятности, вызывается ассимилирующим воздѣйствіем *й*; *е*, и в других случаях, смѣняется в 2 слогѣ перед ударяемым на *и* столь же часто (если не чаще) как и на *а*, по нѣкоторым говорам:

систра Кр. Э. С. V. 26 тибѣ 28 мидами 35 лихка 54 тицла 52 лижала 26 типерь 54 типеря 67 на бидрам 53 на личам 54 бирёзу 67 ниволюшка ib. сирдешнаго 60 писочки 27 зилёнага 74 у тирём 77 плитень 109 и т. п.

Всѣ эти примѣры относятся к одному говору. Не рѣдко и в других *е*, непосредственно предшествующее ударяемому слогу, обращается в *и*:

жировая Лк. А. Г. О. видро Прх. ib. впиридѣ Рз. ib. писок, чисы Инс. ib. сичас Тл. Ш. 159 и т. п.

---

[1]) падли (=подлѣ) Кр. Э. С. V. 53. на кани (на конѣ) ib. 68, в которых ударяемое *ѣ* = *е* превратилось в *и*, вѣроятно, условлены аналогіей.

[2]) Два изслѣдованія 63—8.

Не накопляю примѣров, которых можно бы привести здѣсь множество.

Даже и там, гдѣ число случаев с *я* из *е* перед ударяемым слогом значительно перевѣшивает число их с *и* из того же звука, встрѣчаются в большем или меньшем количествѣ и послѣдніе. Так по всему южно-великорусскому. Так и в бѣлорусском: сяробром Б. П. Ш. 23. но сирабранных (сира́бринных?) ib. 418. жирабца ib. 282; но—жярабок ib. 33 и т. п. [1]).

И в словах слѣдующих за ударяемый южно-влкр. *е* смѣняется и на *я* (см. выше) и на *и*: вечира Кр. Э. С. V. 32 семира ib. 54. сѣили ib. 107. по́ папс ib. 54. кулик куликаи Лх. К. VIII. 78 вздо́хнится Пск. Ш. 205. ото́рвится ib. 362. мигаит ib. 295. летаит Рз. ib. 331 гоняи(ет) Тв. ib. 165 вовси М. А. Як. 18. в се́рибри ib. колодизи Пск. Ш. 520.

Двойственность измѣненія *е* в одних и тѣх же по видимому или, по крайней мѣрѣ, близко сходно между собою случаях, представляет полную аналогію с двойственностью измѣненіи *о*. Но двойственность измѣненіи послѣдняго есть (по моему мнѣнію) явленіе не дѣйствительное, а кажущееся: неударяемое *о*, как выше показано, обращается не в *а* и *ы*, а только в *а*; *ы* же является уже из этого послѣдняго. Не есть ли кажущееся только явленіе и двойственность измѣненій неударяемаго *о* в южно-великорусском?

Я(*'а*) и *и* занимают такое же мѣсто в ряду узких звуков, как *а* и *ы* в ряду широких. Несомнѣнны по этому слѣдующія звуковыя отношенія:

е : о = я : а = и : ы,

е : я = о : а, е : и = о : ы,

е : я : и = о : а : ы.

---

[1]) Вообще относительно бѣлорусскаго нѣт, по видимому, возможности опредѣлить, когда в нем *е* превращается в *я* и когда в *и*. По крайней мѣрѣ Шейн в Замѣткѣ о выдающихся чертах бѣлорусскаго нарѣчія, приложенной к его сборнику бѣлорусских пѣсен, говорит, что „часто в одних и тѣх же мѣстностях (особливо Витебской и Могилевской губ.), даже одними и тѣми же лицами, *е* выговоривается и как *и* и как *я*.“ Бѣлор. нар. пѣсни. 525.

Вывод из этих отношеній тот, что *я* [1]) есть средняя ступень между *е* и *и*; что, напр. между формой б*и*рягу и основной б*е*регу стоит форма б*я*рягу.

За вѣрность этого вывода ручается несомнѣнность приведенных звуковых отношеній. Нельзя оспаривать того, что *е* переходит в *и* через *я*, если только признать, что *о* переходит в *ы* через *а*. Но, надо замѣтить, сходство этих двух параллельных явленій — *е—я—и* и *о—а—ы* — не доходит до тожества. Есть основанія думать (см. выше), что *ы* непремѣнная ступень между *о* и *ы*, и есть в то же время основанія допустить, что градація: *е—я—и* не всегда имѣет мѣсто; что *и*, являясь в одних случаях из *е* через *я*, может в других и не предполагать этого послѣдняго звука, возникая из *е* непосредственно. Что *и* может прямо возникнуть из *е* доказывают спорадическіе случаи с *и* вм. *е* в старинном русском и в тѣх частях современнаго русскаго языка, гдѣ *е* не смѣняется на *я*, т. е. в сѣверновеликорусском и малорусском.

еій вм. *іій*.

еій вм. неударяемаго *іій* как в именах существительных (Игнатей, Лаврентей Пшх. Э. С. II. 2 и т. п.) так и в прилагательных (лисей, Господнёй Влг. и т. п.). слышится почти постоянно в сѣв.-влкр. нарѣчіи [2]).

В южном рѣдко слышится опредѣленное *еій* вм. *іій*:

старшей Пск. Д. хорошей дом Тмб. Аф. II. 24. младшей сын ib.

Чаще неударяемое *іій* произносится неопредѣленно, со звуком средним между *і* и *е* [3]), *е* и *я* (*а* послѣ шипящих).

---

[1]) Т. е. *а* с мягким предшествующим ему согласным звуком (’а). Измѣненіе *я=йа* в началѣ слов и в срединѣ, послѣ гласных, сюда не относятся: *и* из *я=йа* является через *йе*. См. об этом ниже под рубрикой *перегласованіе*.

[2]) См. мои Отчеты Академіи (Замѣтки и пр.).

[3]) См. Филол. Раз. Я. К. Грота. II. 28.

Эта неопредѣленность гласнаго звука в *ій* указывает на то, что сочетаніе это неудержалось и в южно-великорусском: *ій* и в нем измѣнилось на *ей*, а *е* послѣдняго, будучи неударяемым, не остается, согласно вышесказанному, при свойственном ему произношеніи.

Когда на *ей* из *ій* падает удареніе (людей, соловей), *е* слышится отчетливо.

Смѣна *ій* на *ей* в повел. накл. глаголов (пей, бей) свойственна обѣим частям великорусскаго.

В бѣлорусском ударяемое *ій* смѣняется на *ей* только в им. п. ед. ч. м. р. (воробей, соловей) и в род. п. мн. ч. сущ. (людей, свиней и пр.). В тѣх же формах неударяемое *ій* сохраняется: коній Б. П. Ш. 851. грошій ib. 427.

Неизмѣнным остается *ій* в бѣлорусском, даже под удареніем, в прилагательных и в пов. накл. глаголов: чужій ib. 486. не убій ib. 109.

Малорусское относительно измѣнія *ій* на *ей* сходится с бѣлорусском [1]).

Древне-русскіе памятники свидѣтельствуют, что *ей* вм. *ій*, как в ударяемых, так и в неударяемых слогах, имѣет мѣсто уже в XIII ст.; в XIV же становится обычным явленіем [2]).

Слѣдовательно, сохраненіем в извѣстных случаях *ій* не только малорусское но и бѣлорусское выдѣлились от других частей русскаго языка уже в XIII ст.

Превращеніе *ій* в *ей* представляет близкую аналогію с измѣненіем *ый* в *ой*. Объясняется оно, с вѣроятностью, диссимиляціей слога, вызванною нелюбовью языка к сочетанію *ій* [3]). Но неясно, почему нетерпимость к этому сочетанію сказалась в языкѣ лишь в извѣстную пору его жизни [4]).

---

[1]) Два пзслѣдованія. 57. 58.

[2]) См. мой Очерк 91. 105. Случаи с *ей* вм. *ій* раньше XIII. ст.—не русская черта. См. ib. 40—42.

[3]) Ср. Филол. Раз. l. c.

[4]) Мнѣніе, что это „звуковое явленіе должно быть объ-

Нельзя, впрочем, сказать, чтобы и в настоящее время *іи* в великорусском неизмѣнно превращалось в *ей* во всѣх вышеизложенных случаях. По крайней мѣрѣ, в сѣв.-влкр. есть примѣры с *іи* там, гдѣ слѣдовало бы ожидать *ей*:

Тимофій, Елисій, Пшх. Э. С. II. 2. (Ср. вышеприведенныя Игнатей, Лаврентей ib.). Матвій Кшн. А. Г. О. из ушій Млж. А. Г. О. у дверій ib. сусидій ib. выпій Чбк. Мгн. 122 (2-жды). Сюда же относятся: о вирію (=о вирійу) Он. К. II. 13. на скаміечку (= на скамійечку) Ол. ib. 37.

Трудно рѣшить, сократилось ли в этих, изрѣдка встрѣчающихся случаях, первичное *іи*, или развилось оно из *ей* (*іи—ей—іи*). Возможно и то и другое.

В южно-влкр. таких случаев нѣт: тучіій Кр. Э. С. V. 75. несомнѣнно из тучей. Ср. княгинію ib.—79 из—княгинею. В линіяк (линійак) Мц. Д. сохранилось однако даже ударяемое *и* перед *і*.

Это единственный мнѣ извѣстный случай из южно-великорусскаго.

е вм. *и*.

и смѣняется в русском языкѣ на *е* не только в сочетаніи *іи*, но и во многих других разнообразных случаях. Переходит в *и* начальное, срединое и конечное *е*, как ударяемое, так и неударяемое.

В началѣ слов *е* вм. *и* является очень рѣдко. Могу отмѣтить лишь два сюда относящихся случая:

ясняемо не из фонетики языка, а из причин внѣшних“ и пр. Очерк 45),—совершенно ложно. Нѣт сомнѣнія, что мы имѣем дѣло здѣсь с чисто фонетическим явленіем; нельзя сомнѣваться в том, что, обнаружившись в извѣстное время, оно стоит в связи с другими звуковыми измѣненіями, совершившимися около того же времени. Неясно только, в чем именно заключается соотношеніе между им и другими, одновременными с ним и предшествовавшими ему, перемѣнами в звуковом строѣ русскаго языка.

смя́ (=обычному во многих мѣстах сѣв.-вост. Россіи *имя* вм. им) Юг. зв. Прм. г. А. Г. О.

е́стино (истинно) Арх. О. С. [1]).

Чаще, но не чисто, измѣняется на *е* конечное *и*. Многіе из относящихся сюда звуков представляют лишь кажущійся переход *и* в *е*, являясь на самом дѣлѣ по вліянію аналогіи и вслѣдствіе смѣшенія форм. Таковы слѣдующія:

по всей Русѣ Смб. К. VI. 121. Ол. Г. 775. по родителѣ ib. 329. по любѣ ib. Р. II. 53. по гризѣ Вл. Э. С. V. 26. на грудѣ Смб. К. VII. 201. пр. в кровѣ ib. VI. 112.

В этих случаях имена темы на *и* приняли окончаніе, свойственное именам темы на *а*.

Дѣйствіем аналогіи объясняются, вѣроятно, и слѣдующія формы:

онѣ (они) Нж. О. С. Блз. однѣ Ол. Г. 1072. этѣ (сѣдла) ib. 1113. позадѣ Шк. К. V. 4. впередѣ Блз. пздале ib.

Быть может сюда же относятся:

тѣ вм. ти Ол. Б. 104. Г. 1234. чье вы Крг. заводы вы мое фабричные, мое горемычные Квр. См. 81. мое Нж. К. I. 35. 7. Чбк. Мгн. 124. свое ib. К. I. 39. Мгн. 86. Господе Пдж. К. П. 697.

Не вижу аналогіи для объясненія слѣдующих случаев, почему и предполагаю в них фонетическую смѣну *и* на *е*:

ле (=ли) Нлн. не (=ни) Блз. (как небудь ib.) Ол. Г. 264. але ib. 836.

скопите, купите, поспте (неопр. наклоненія) Пск. Ш. 531. Ср. в древне-русском узяте Грам. 1229. грабите (см. Очерк. 152).

ушедце, пріѣхавше Нвг. бравше ib. недостроивше Нвг. Н. Сб. III. 9.

---

[1]) Из древне-русскаго извѣстны мнѣ только слѣдующіе случаи смѣны начальнаго *и* на *е*: Еван XV ст. (см. мой Очерк 132). Евана Михайловича Пск. 1-ая лѣтоп. П. С. Р. Л. IV. 185, Ерина XVI ст. (Ист. Христ. Буслаева 899). Что послѣдняя форма дѣйствительно имѣла мѣсто в языкѣ доказывается формами *О*рина (с. вр.), *А*рина (ю. вр): *о* не могло возникнуть непосредственно из *и*.

села с поселкаме Ол. Р. III. 372. Ср. в древне-русским: перед судьяме Грам. 1229.

Фонетическое же явленіе представляют, по всей вѣроятности, и формы—коне (им. мн. ч.) Блх. Нж. Сб. III. 155. уговаривале Крг. [1]).

Но особенно часто проявляется смѣна *и* на *е* в срединѣ слов,—в их корнях и нѣкоторых окончаніях.

Коренное *и*=*е*:

лѣнуть Влд. Д. О. С. левень Арх. О. С.

вехорь Ол. Г. 233. вехоря Он. Пм. 379. вехорочками Ол. Г. 163.

православный мер. ib. 433 весь пер ib. 149. перок, перогом Втг. Пм. 232. пережка ib. 234. перога, перок Пшх. Э. С. II. 38.

серотски Ол. Г. 10.—ими ib. 776.

обедил (=обидѣл. Через смѣну *и* на *е*, или б. м. об*ѣ*дил, от бѣда?) Рз. Д.

ле(и)нь Ур. Д. О. С.

теуна Рст. Ш. 35.

цепленок Пск. ib. 147.

венокурня Кр. Д.

охетать Тмб. О. С. Ср. ох*и*тить Арх. Вт. ib.

бреться Вст. Сб. О. С. (по аналогіи с настоящем вр. бре(ѣ)ю?)

хезнуть Вт. ib. Ср. х*и*знуть Кз. Нж. ib.

Кеева Ол. Г. 114. в Кеевѣ ib. 475. у Кеевскаго Нж. Пм. 81. кеевски Ол. Г. 672—82.—ой Он. Ш. 82—ого Нвг. К. IV. 86.

прешить Втг. Пм. 231.

---

[1]) Формы: коне вм. кони и уговоривале вм. уговоривали показывают, что, в нѣкоторых по крайней мѣрѣ случаях, и древнерусская форма с *ъ* вм. конечнаго *и* в пм. п. мн. ч. имен м. р. и в причастн на *лъ*, могут быть понимаемы как формы, смѣнившія конечное *и* на *е*. См. об этом явленіи—мой Очерк и пр. 105. 132. Потебни Замѣтки по исторической граматикѣ рус. яз. Ж. М. Н. Пр. 1873 и К исторіи звуков. І. Житецкаго Очерк и пр. 80—85. Ст. Загадочные звуки 32.

отпехнуласе Ол. Г. 253. отпехнуть Нвг.

доберается Ол. Б. 136. заберал ib. Г. 81. 165. сберал ib. 436. сберает ib. 825. выберать ib. Р. III. 247. оберает ib. 331—37.

под ём (под ним), за ём (за ним) Смб. К. I. 19 (через уподобленіе по начальному звуку род. и дат. падежам).

полев, слев Тм. Э. С. VI. 3.

Сюда же относятся и нѣтоторыя иностранныя слова:

жолетка (из желетка) Ирб. А. Г. О. СВ. Тт. Кдн. девизію Крг. белет Тм. Э. С. VI. 3.

Некоренное *е*=*и*:

а) Слог *ер* вм. *ир*.

мундер Ирб. А. Г. О. СВ. Тт. Кдн. квортера ib. бригадерушка К. X. 113. командеры ib. Володимера Смб. К. I. 30. Владимера Он. ib. II. 41. [1]).

Встрѣчается это имя и в формѣ Володемір М. К. II. 275—78.

б) Слог *ен* вм. *ин*:

воен Пск. Ш. 551 (2-жды). барен Мрм. Годенович Ол. Г. 255. каленовую ib. 927. долёна Рз. О. С. достоен Ол. Г. 1182. к невѣстену Крг.

в) Слоги *ец* и *еч* вм. *иц* и *ич*:

братьеца Олг. Г. 201. ножечка ib. 1229. мужечки Шк. Як. 192. яец Врн. Д. на подворьецѣ Срт. Ш. 560. опречь Чст. Аф. III. 183.

г) Слог *ев* вм. *ив*:

опочев Ол. Р. III. 210—78. ib. IV. 62. цужіеф Сткр. Э. С. I. 149. моеф ib. 150.

---

[1]) *е* во Владимер (уже в XII стл. так. См. мой Очерк. 78.) может считаться и непосредственно возникшим из *ь* древней формы Владимьр. Lexicon Миклошича. Его же Bildung der slaw. Personennamen. Морошкина Славянскій именослов. Вс. Миллера Arysky Mitra a slovansky mir (Casopis ceskeho musea. 1874. Sv 2 и 3). С древнѣйшаго времени *ь* и *и* чередуются в этом словѣ, и каково бы ни было отношеніе их, во всяком случаѣ мнѣніе, что *и* в мир вм. мьр южно-русская черта (Кочубинскій 1-й Отчет. 15), несомнѣнно ложно.

д) Слог *ем* вм. *им* (вм. *ив*):

охватёмши Пск. Тв. Д. О. С. напоемши Срт. К. V. 198, повыстроем Чбк. Мгн. 85. своем (дат. мн.) Нлн. Вр. 34.

е) *ех* вм. *их* в вин. п. мн. ч.:

на моех товарищев Чбк. Мгн. 46.

ж) Слог *ет* вм. *ит*:

Ирбет Кмш. А. Г. О.

з) Слог *ег* вм. *иг*:

коврега Кр. Э. С. V. 70. ракетов куст Ол. К. II. 35.

и) Слог *ес* вм. *ис*:

купарес Вр. 14.

Сверх этих случаев, смѣняется *и* на *е* в нѣкоторых глагольных формах, вслѣдствіе смѣшенія спряженій или тем:

видеть, чистеть Кр. Д. ѣздет Ол. Г. 836. я намѣре-(ѣ?)л тея взять Квр. См. 81. поставел, положел Мрм.

Первые три случая представляют переход глаголов из второго спряженія в первое; остальные три, кажется, условлены измѣненіем глагольной темы *и* на *ѣ*. Тѣм же измѣненіем темы объясняется *ѣ(е)* вм. *и* и в слѣдующих примѣрах:

топѣлась пѣчь Тм. Э. С. VI. 3. притопѣлась свѣча Ол. Б. 210. стопѣлось ib. 319. разгромѣлося ib. 297. пыль вспылѣла ib. Г. 18. разсерѣл ib. 305. царѣл ib. 620. угорѣт Тм. Э. С. VI. 3. говорѣла Блз. ходѣли ib.

Почти всѣ вышеприведенные случаи смѣны *и* на *е* относятся к сѣв.-влкр.; южному принадлежат немногіе.

Смѣна *и* на *е*, как и аналогичная ей—*ы* на *о*, является при неопредѣленных условіях, не завися ни от ударенія ни от качества слога. Она имѣет мѣсто как в ударяемых так и неударяемых слогах; как в слогах, предшествующих ударяемому, так и послѣдующих за ним; как в слогах твердых так и мягких.

В бѣлорусском мѣна *и* на *е* является рѣдко и при столь же неопредѣленных условіях, как и в других частях русскаго языка:

ломѣ(е)ць Э. С. III. 202. своеми ib. 207. огнѣ(е) 205. прихѣ(е)лю се ib. 209. залеваитца ib. 259. яечки Б. Ц. III. 481. свенцовыми 83.

Не чужда эта смѣна звуков и малорусскому, в котором также нельзя опредѣлить причин и условій, при которых она совершается. Привожу нѣкоторые примѣры из изданія Драгоманова:

іден 80. оден 120. 317. еден 404. ездебки 360. яец 341. з вулеци 71. пребигають 5. преспилось 130. превъязав 303. Господе 275. зберати 97. заберается 122. набе-рать 176. зберав 257. уберайсь 304. придивесся 94. варе 214. (и под.) своем 121. серделись 214. періжків ib. 224. пережка 295. 355. ожевіла 270. жевіт 130. жевое 304. напоем поети 314. водою поев 314. перечетаю 316. девіт-ся 327.

Легко замѣтить, что нѣкоторые из этих примѣров тожественны с вышеприведеннымн великорусскими, другіе аналогичны с ними. Очевидно, слѣдовательно, что явленіе это в обоих нарѣчіях вызывается одною причиною, остающеюся для меня неясною.

Странно, что есть случаи смѣны неударяемаго *и* на *е* даже в тѣх частях русскаго языка, гдѣ наудяряемое *е* обыкновенно не остается при свойственном ему звукѣ, а переходит или в *я* или в *и* [1]).

IV.

Измѣненія гласных [2]).

От вышеразсмотрѣнных случаев *мѣны* гласных звуков, условленной или удареніем, или качеством слога, или неопредѣленными причинами, отличаю нижеслѣдующія *измѣненія* гласных, вызываемыя вліяніем на них других глас-

---

[1]) Изрѣдка встрѣчаются случаи смѣны *и* на *е* в нѣкоторых других славянских нарѣчіях. См. Casopis č. mus. 1863. sv. 4. 5. 331. Бодуен де Куртенэ. Опыт фонетики резьянских говоров. 60. Петровскій Матеріалы и пр. Уч. Зап. Кз. Ун. 1866. П. 456. (zema, nosele, prešil и пр.).

[2]) Заголовок не точен: не всѣ ниже разсматриваемыя явленія представляют *измѣненія* гласных. Допускаю эту неточность

ных или согласных или тѣх и других совмѣстно, — всѣм звуковым строем даннаго слова. Сюда относятся явленія— сокращеніе гласнаго (переход его в согласный: *и* в *й*, *у* в *в*). стяженіе и растяженіе, ассимиляція и диссимиляція, опущеніе, вставка, приставка, перестановка и перегласованіе.

1.

Сокращеніе.

О переходѣ *у* в *в* сказано выше; *и*, иногда *е*, переходят в *й*, когда им предшествует другой гласный звук.

Господи Йсусе Тв. Ш. 156. мойво Пск. ib. 230. мойму Оп. Пм. 367. ядом змѣйным Шк. К. VII. 3.

Тоже замѣчается и в бѣлорусском:

ды й уздула Б. П. Ш. 419. ды й придумал ib. 425. у мойго ib. 5. пойшла ib. 11. (Ср. ишла ib. 8. 65).

Когда за *и* слѣдует гласный звук, *и* (ослабленное до *ь*) изчезает, смягчая предшествующій ему согласный: общерусскія формы—бьет, льет и т. п. Иногда однако *и*, *е* перед гласным остаются: леёшь Бгр. ст. Д. піе С. Б. Э. С. III. 2.

2.

Ассимиляція и стяженіе.

Всего чаще ассимиляція и за тѣм стяженіе гласных замѣчается в глагольных формах, по преимуществу в сѣверно-великорусском:

как безвредную, и подвожу всѣ перечисленныя ниже явленія под одну рубрику вслѣдствіе сходства причин их условливающих, связи и соотвѣтствія нѣкоторыми из них представляемаго. Так *опущеніе* стоит в связи с *сокращеніем*; *вставка* и *приставка* соотвѣтствуют *опущенію*, как явленія противоположныя.

знаш Пнз. Д. Ен. А. Г. О. послушаш ib. дѣлаш Лк. ib. умѣшь Бгр. ст. Д. баш Вт. почиташ, думаш Нвг.

бат Вс. Аф. III. 493 (акающій говор). Пнз. Д. Нвг. Вт. знат Чст. Аф. I. 217. Бгр. ст. Д. дѣлат Лк. А. Г. О. побыват Вл. Э. С. V. 21. приказыват Лв.Аф. III. 31. собирается ib. бѣга(е)ть Ж. Д.

сшивам Вт. разгулямся Св. Мгр. 31 вздумам Чбк. Мгн. 43.

И так, соединительный гласный звук *е* ассимилируется с коренным или тематическим *а* и *я* во 2 и 3 л. ед. ч. и в 1 мн. настоящаго времени глаголов. Вѣроятно уподобленіе *е* звуку *а* совершается через превращеніе перваго в *я*. Кое гдѣ встрѣчаются формы с *а—я*, *я—я* вм. *а—е*, *я—е*: дѣлаят Грб. А. Г. О. гулят ib.

В глаголах на *ѣ—е* (=*е—е*) является, в тѣх же формах, через стяженіе *ѣ* (=*е*): умѣшь Бгр. ст. Д. имѣт Ард. А. Г. О. не довлѣт Нвг.

я вм. *ѣе* в насмялися Ен. А. Г. О. есть результат прогрессивной ассимиляціи, превратившей коренное *ѣ* (=*е*) в *я*.

При стеченіи *а—я* в формах прошедшаго времени является стяженіе в *а*: пробал Нж. К. VI. 79 и т. п.

В—мот (=моет) и сердитут (=сердитует) Лк. А. Г. О. едва ли можно видѣть уподобленіе и стяженіе звуков: мало вѣроятно, чтобы *е* уподобилось *о* и еще менѣе вѣроятно уподобленіе *е—у*. Не представляют ли эти случаи выпаденія *е*?

Вм. *а—ю* 1-го лица наст. вр. в нѣкоторых глаголах находим *у*: работу (= —аю) Квр. См. 134. сказыву (= —аю), дѣлу (= —аю) Инс. А. Г. О.

Вѣроятно, это результат не стяженія, а удобленія форм: дѣл*у* по аналогіи с бер*у* и под. А быть может *у* вм. *аю* в 1 л. вслѣдствіе опущенія темарическаго *а*, сокращенія слова, условленнаго стяженными формами других лиц: дѣлу вм. дѣлаю, потому что дѣлашь вм. дѣлаешь и т. п.

Слог *еу* послѣ согласных стягивается иногда в *ю*: нютолимо (неутолимо) Квр. См. 8. нюмѣет (неумѣет) Тмб. Аф.

I. 280. Такое стяженіе находится в полном соотвѣтствіи с древним разложеніем *ю* на *ев* (*в=у*): *реву* из *рюти* и т. п.

Но почему *ы* является стяженіем *ой, ои*: пымать Нж. Пм. 83. пымал Чбк. Мгн. 90. пыграй ib. 22. пыграть Смб. К. II. 9.

Вѣроятно, между этими формами и основными с *ои, ой* лежит какая либо средняя ступень.

Формы, подобныя *свым* Нж. Пм. 84, сюда, я думаю, не относятся; *свым* явилось не через стяженіе *своим*, а вызвано аналогіей с стяженными формами, нѣкоторых других падежей: сва вм. своя, сваго вм. своего и т. д. Ср. тва и пр. Тмб. Аф. III. 497.

Вм. *ое=оль* — *поѣхал* и пр. слышится мѣстами *э*: пэхал, пэхали Мрм. И эти формы нельзя выводить непосредственно из основных с *оль=ое=ойе*. Не условлены ли онѣ выпаденіем *й* и не являются ли из *поэхал* и т. д? [1]).

3.

Диссимиляція и растяженіе.

Диссимиляція звуков замѣчается иногда в растяженных формах имен прилагательных: пожилыех Квр. См. 88. у широкіех ib. 89. горькіеф Сткр. Э. С. I. 148. могучепх Он. Пм. 384. бѣлыем платком, по сухіем дорогам Чрп. Н. Сб. V. 39.

Во всѣх этих случаях и подобных *іе* вм. *іи*, если только принять, что приведенныя формы, большею частью условленныя народной метрикой, совпадают вполнѣ с древними формами нестяженных прилагательных.

О растяженіи, вызываемом условіями стиха, выше уже упомянуто (с. 4—5). В пополненіе вышесказаннаго приведу здѣсь еще нѣсколько примѣров нѣсеннаго растяженія слов: ко-

---

[1]) О стяженіи в малор. см. Два изслѣдованія. 115.

нюшнюю Тл. К. VII. 199. в болѣзніях Д. С. К. 211. на дѣвичьюю Крг. Зм. 148. на воздусіи Трп. К. П. 312. старыя сударин Ол. Г. 1299 и т. п. [1]).

Иногда при пѣсенном растяженіи удвоивается гласный звук, как то выше указано.

Такое пѣсенное удвоеніе гласнаго не имѣет ничего общаго с долготою гласных, несомнѣнно присущею живой народной рѣчи нѣкоторых говоров сѣв.-влкр. нарѣчія. Это явленіе долготы весьма знаменительно. Подробное обслѣдованіе его быть может уяснит нѣкоторыя неясныя пока явленія русскаго вокализма. Но для заключеній о русской долготѣ гласных пока еще не собрано матеріала [2]).

Дифтонги великорусскому языку можно сказать несвойственны. Есть однако в нем нѣсколько случаев употребленія *оу* вм. *у* и *уо* вм. *о*: оглоушить Срп. Д. О. С. дуобрай Ен. А. Г. О. хорошоу, дѣвкоу Внв ib. [3]).

Свѣдѣній о степени распространенности такого произношенія звуков *о* и *у* в тѣх говорах, гдѣ оно встрѣчается, не имѣется.

4.

Опущеніе.

В началѣ нѣкоторых слов опускаются звуки *о* и *и*: (о)жерелья Врн. Д. О. С. (о)сока Лк. А. Г. О. (О)ле-

---

[1]) Не знаю случаев пѣсеннаго растяженія в малорусском. В бѣлорусском оно встрѣчается, но очень рѣдко:

Мы горы понижíим
И воды поближíим Б. П. Ш. 350.

[2]) См. нѣкоторыя замѣтки об этом явленіи в моих Отчетах (Замѣтки и пр. 218—20). *Пѣвучесть*, замѣчаемая в нѣкоторых говорах (Даль О нарѣчіях 31 и пр.), есть вѣроятно также результат долготы гласных.

[3]) О случаях с *ау* вм. конечнаго *а* см. Даля О нарѣчіях 31. 47. и мои Замѣтки и пр. 318 — 19. В бѣлорусском часто слышится *оу, уо* вслѣдствіе превращенія *в* в *у*: орѣхоуя.

ксѣй Влг. Мрм. под (о)дѣяло Тл. Ш. 248. не по(о)бычью Рз. ib. 355 от (о)гняной ножоги, (о)т водяной потопи Д. С. К. 222. (В послѣднем примѣрѣ *о* отпало по условіям стиха).

(п)менины Влг. Мрм. Крг. (п)граить Кр. А. Г. О. (п)спугался Крг.

В бѣлорусском опускается *и* предлога *из*: з лѣсу Рж. Э. С. I. 241 и т. п.

В концѣ слов замѣчается иногда отпаденіе слѣдующих звуков:

о: Михайл Ол. Р. IV. 73. окол Тв. Ш. 244. ницог (=ничего) Рж. Э. С. I. 281. не пад(о) Ол. Г. 884.

а (перед *о*): н(а) обум Нж. О. С.

и: сам(и) Ол. Г. 876.

е (и *ѣ*): наѣзжай(е) ib. 228. боль (=боле, болѣе) ib. 1006.

у: в ту пор ib. 1323. Иногда в 1 л. наст. вр: дѣлай (=дѣлаю=дѣлайу), слушай Арз. А. Г. О. не знай Орл. Д.

ю: дочерь королевскою Ол. Г. 679 (Пѣсенное сокращеніе).

я и *е* (*йе*) отпадают в нѣкоторых мѣстностях в окончаніи мѣстоимѣній притяжательных: ма, тва, мо Вс. А. Г. О. тва Аф. III. 497. сво востро копье Нж. Пм. 85.

Чаще чѣм в началѣ и концѣ, опускаются гласные в срединѣ слов:

е: маму (вѣроятно, через форму майму) Кр. Э. С. V. 59 сваво, тваво Пск. Ш. 541. 560.

мня Ол. Г. 293. 389. Б. 50. 57. у мне Г. 1202.

племинчка Ол. Г. 106. Б. 50. косматьвпча Г. 846. игумны ib. 305.—а Св. Мжр. 64. сиврѣть Врн. Д. О. С. мутовзок Тл. О. С. (Ср. мутовезок Нж. ib.).

ѣ (=*е*): завьять В. Л. О. С. провидла Ол. Б. 321. увидла Г. 279. 345. 649. 780. видла ib. 34.

а: вытращить Кр. Д. О. С. (и т. п. См. выше—с. 53) вытщпл Тмб. Аф. II. 515. гварпл ib. 513. спаги ib. 529. плящіе огни Ол. Б. 247. плит Мрм. плящій Тм. ВУ. СВ. Яр.

и: воспримная Вл. Э. С. V. 46. дивца Ол. О. С. объ-

ми Тмб. Аф. I. 262. вильчають Кр. А. Г. О. Э. С. V. 72.

у: из пазхи Тмб. Аф. II. 29.

о: в ту п(о)ру Пнз. О. С. голбец Арх. Ср. О. С. (голобец Тв. ib.) пугвицы Ол. Г. 1062. Арх. К. IV. 33—а Арх. Тт. бархту Тмб. Аф. I. 262. казленчик ib. 54. урки Трж. ВВ. А. Г. О. гразд Кр. Д. О. С. хтѣть Влг. О. С. отвор(о)чусь Ол. Р. III. 368.—Вм. мою, моет в Прм. г. (Устьс., Солик.)—мью, мьет О. С.

Обратное послѣднему явленіе представляют формы поеть, боеть, вм. пьеть, бьеть. Онѣ условлены пѣсенным размѣром:

Ен вина пива не поеть,
Всегда пьян живеть.
Ен и боеть жену понапрасницу В. Л. Ш. 401 [1]).

5.

Приставка и вставка.

Приставка гласнаго—явленіе противоположное его опущенію в началѣ, вставка — опущенію его в срединѣ слов.

Приставными звуками являются *у*, *и*, *о*, *а*.

у приставляется рѣдко и только перед *в*: увойти Мц. А. Г. О. у во ржи Рж. Э. С. I. 242.

и приставляется перед согласными *г*, *з*, *с*, *л*, *р*, *ш* ишла Пск. Ш. 222. Нвг. Н. Сб. IV. 9. ишли Пск. Ш. 543. игнет Пск. Тв. Д. О. С. изря ib. ильгота ib. ильзя Пск. ib. ильёт Пск. Тв. ib. пльстец ib. исдѣлать Мц. А. Г. О. ижа Пск. Д. О. С. издула Ол. Б. 27.—йте ib. 296.

Во всѣх этих случаях слово начинается парою согласных. Лишь в слѣдующем приставное *и* стоит перед словом, начальный согласный котораго опирается на гласный: с *и*нажным Ол. Г. 1293. В этом случаѣ *и* разбивает группу *ск*

---

[1]) Об опущеніи в малор. см. Два изслѣд. 116.

о и *а* приставляются перед *в, г, з, л, р, п, х, щ,* большею частью тогда, когда за этими согласными слѣдует еще согласный, но, иногда и при послѣдующем за ними гласном: авторник Кр. Д. О. С. Тм. Э. С. VI. 3. Тт. Кдн. овторник Нвг. А. Г. О. авчера Врн. Д. О. С. аграмада Тм. Э. С. VI. 3. агорох Лк. А. Г. О. азгорода Пск. Д. О. С. альяной Кр. Э. С. V. 48. Нвг. Н. Сб. IV. 2 вальгота Кр. О. С. вальготно Влг. Рз. ib. аржаной Тм. Э. С. VI. 3. аржанина Пск. Тв. Д. О. С. алимон Кр. Врн. Д. О. С. Ал. А. Г. О. апослѣдній ib. Пск. Д. О. С. опослѣ Тм. Э. С. VI. 3. охлѣв Нвг. А. Г. О. ащепка Врн. Д. О. С.

Вставными гласными являются звуки: *а, о, е, и.* Вставкою этих гласных разбиваются слѣдующія группы согласных:

рв: черéв—чéрева Тв. Д. О. С. варивор К. П. 628.

рг: вариганить (и варганить) Влг. О. С.

рж: тверяже Хл. А. Г. О.

рш: ерешь В. Л. О. С.

рц: барец Тм. Э. С. VI. 3. бороцына (= барчина = барщина) Инс. А. Г. О. обоцына (община) ib.

др: бодер Пнз. Д. О. С.

пр: веперь Прм. О. С.

вр: вируп (=врун) Арх. ib.

бр: себер Кр. Д. О. С.

кр: искары Мрм.

лш=лч: алашный (алчный) Пнз. О. С.

лх: ёлоха Кстр. ib.

лн: челонок Арх. Д.

дл: долинá Тм. Э. С. VI. 3. Влд. Нвг.

пл: капели Грб. А. Г. О. соноля Пск. О. С. (Ср. сопля Тмб. ib.) под пелецко Ол. Г. 776 (под плецко ib. Р. I. 298).

сл: мысел Арх. О. С.

зн: на казень Ол. Г. 146. без казани без смёртныя Он. Пм. 372.

см: при семёртном часѣ Влд. К. П. 97. при сёмератныем ib.

шв: шевец Пск. Д. О. С.

г, д, к, н, п+ш: легоше Пск. Д. лягоше Хл. А. Г. О. мякоше Пск. Тв. Д. О. С. крѣноше Пск. Ш. 526. тонеше Пск. Д. сладоши Хл. А. Г. О.

скв: скаворец Мрм. скавалыжник Нвг. Тв. О. С. (сквалыжник М. ib.).

Нѣкоторыя из приведенных здѣсь форм относятся ко второму полногласію (см. выше. с. 39). Таковы: черев, ерешь, веперь, себер. В остальных вставка условлена группой согласных [1]).

Нелюбовью языка к извѣстным сочетаніям согласных объясняются в большей части случаев и приставки гласных в началѣ слов. Гдѣ такое объясненіе не приложимо, там приставка гласнаго, вѣроятно, вызвана какою либо аналогіей.

Из стремленія избѣжать извѣстной группы согласных иногда переставляется гласный звук: праповѣдать вм. попровѣдать Смб. К. I. 4. ерпива (=ревнива) Пск. Ш. 372 ирпивый ib. 222. Такія случаи однако очень рѣдки. Почти всегда переставляется не гласный, а согласный звук (почему примѣры перестановки см. ниже, в отдѣлѣ согласных).

6.

Йотація и перегласованіе.

В началѣ слов гласные нерѣдко облекаются йотом. Чаще всего это бывает тогда, когда из двух соприкасающихся между собою в рѣчи слов первое заканчивается на гласный, а второе начинается с гласнаго.

---

[1]) С—мысел ср. сербское мисао. Формы бодер и т. п., без сомнѣнія, объясняются также как сербскія добар, остар и пр. См. Ягича Podmladjena vocalizacija u hrvatskom jeziku. Rad jugo-sl. Akademije. Кн. IX. 1869. Шмидт не вѣрно понимает явленіе, возводя свекар, добар к свекъръ, добъръ. Zur Geschichte II. 62 пр. Таких звуковых форм эти слова и подобныя им никогда не имѣли.

цвиты ялые Еп. Ш. 177. юсход ib. 474. юсхода Рз. ib. ю нас Лх. К. VIII. 47. поклонился й юпал ib. 48. ярмяк Ол. О. С. Тв. Аф. Ш. 373. Вд. Н. Сб. II. 164. ялтарь Св. А. Г. О. елтарь Нвг. ib. на юлицу Н. О. А. Г. О. коей ярды Втг. Пм. 225 [1]).

С йотаціей гласных тѣсно связано явленіе перегласованія, заключающагося в измѣненіи звуков *о*, *а*, преимущественно послѣдняго в *е*.

Такое превращеніе *а* в *е* происходит, главным образом, под вліяніем *й* и заключающих его в себѣ шипящих звуков. Послѣ *й* и шипящих неударяемое *а* измѣняется на *е* во всей почти области русскаго языка:

егненок, счмень, еровой, езвить, еишница Нвг. Арх. Прм. віеть СВ. евился, евляться Нлп. и т. п.

Приведенные здѣсь примѣры относятся к сѣверновеликор., но всѣ они, за исключеніем віеть=вѣять, слышатся и в южном.

е на мѣстѣ неударяемаго *я* выдерживается только в мо-

---

[1]) Йот в нѣкоторых из этих случаев имѣет значеніе придыхательнаго звука. Сверх *й*, придыханіями в русском языкѣ являются *в* и *г* (h). Послѣднее в великорусском рѣдко: Гадамій Вр. 40 в Гардани ib. 41. Евго ib. 40. го (Не рыдай, Адамій, го прекрасным раю) ib. 41. гу ва снѣ Тл. К. П. 282. дружьги Од. К. V. 34—5. (ib.—дружья). со щельг(h?)и ib. Г. 645. — Придыхательное *в* является часто при звуках а, о, у; рѣдко— при е (ѣ): вангуля Кр. Э. С. V. 105. варханг ельском Од. К. П. 209. Вастракань Ол. Г. 962. 684 (Острахань ib. 705). вакшаться Пск. О. С;

вочи ib. Ш. 227. вон (он) Кр. Д. О. С. Тл. К. П. 280. вот юности Од. ib. 208. воснована Тл. ib. 281. вострыи Ол. Г. 701. (ib. острыи). возёра ib. 776. воспа, вострый, вотчим СВ. восударыня ib. (ib. осударыня) Восподь СВ. Тт. Кдн. Ирб. (Осподь Тт. Кдн. СВ. ВУ);

у вУласа Кр. Э. С. V. 66. вуглей, вугол Клж. Д. вуточка Пск. Ш. 553. вуздушку ib. 551. в у этого купца Лв. Аф. III. 33. каравуль Ол. Г. 673. каравульный ib. 118; мясовѣдье Пск. Тв. Д. О. С.

сковском говорѣ юж.-влкр.; в других на мѣстѣ перегласованнаго *я* находим большею частью *и*: Ивангелья Рнб. К. П. 538 (но Явангелья ib. 539). правой Кр. Э. С. V. 113 и т. п. Это *и* является не непосредственно из *я*, а через *е*. Сохраненіем послѣдняго московскій говор, как и нѣкоторыми другими чертами, представляется болѣе архаичным, чѣм остальные южно-великорусскіе.

В сѣверно-великорусском под вліяніем *й* измѣняется не только начальное *а*, но иногда и начальное *о*: един Арх. Аф. II. 84. Ас. Л. Р. Л. II. 14. Ол.—ая ib. една Смб. К. I. 1. едно́во Ол. един едново ib. екаменѣл Он. Пм. 356.

Что *един* и пр. предполагает *один* и пр. доказывается формою *йодин* Чрп. Н. Сб. V. 39, между ними посредствующею. Ср. также три звуковых формы мѣстоимѣнія 3 л. м. р. в им. п. ед. ч.: *он*—*йон* Мс. А. Г. О. и во многих мѣстностях сѣв. и южной Россіи—*ен* Ол. Г. 117. 437. 1135. Кр. Э. С. V. 40. 55. Иск. Ш. 296.

Через йотацію же слѣдует, думаю, объяснять и форму: езеро Нвг. (см. мои Отчеты 42).

Встрѣчаются и в малорусском формы с *е* вм. *йо*: едним Чрнг. Дрг. 18. еднаго Пдл. ib. 47: една ib. 55. един Глцк. ib. 262. у еднім покое ib. 315.

Из области южно-влкр. могу привести лишь один примѣр: есенью Рз. О. С., который, без сомнѣнія, предполагает йосенью, если только вѣрно, что езеро явилось из озеро через йозеро.

Послѣ шипящих, также как и послѣ *й*, *а* измѣняется на *е* в обѣих частях великорусскаго:

расшенитесь Иск. Ш. 528. 533. (но—расшанитесь ib. 548). щедить ВЛ. А. Г. О. (но—чаловѣк, чаго ib). лошедь Нвс. ib. (но—шаптать ib.) чесовня, честокол ib. Э. С. II. (но—чашуя ib.) чесы, чійку Мд. А. Г. О. чесы Прх. ib. (но—часать ib.) Врхт. ib.

Из этих примѣров видно, что в южно-влкр., послѣ шипящих, *а* и *о* чередуются. Это чередованіе не есть слѣдствіе перегласованія *а* в одних случаях и удержанія его

в других. Каждое неударяемое *а* послѣ шипящих переглас-суется, но появившееся таким образом *е*, как звук неуда-ряемый, обращается в *я* (*а* послѣ шипящих), по извѣстному закону южно-великорусскаго. Что *а* послѣ шипящих есть звук вторичный доказывается формами с *а* на мѣстѣ *е* основнаго или по крайней мѣрѣ изстари в обще-русском языкѣ существующаго: жаванье Тмб. Д. О. С. чаловѣк Лк. А. Г. О. чаво, хочатся, жавать ib. Рѣдкіе случаи с *а* вм. *е* при шипящих в сѣв.-влкр.: щамить Нвг. О. С. щадушный Влг. Тв. Нж. ib. жаланные Ол. Р. III. 379.—ых ib. 351.— слѣдует отнести к числу спорадическихъ явленій обращенія *е* в *я*, о чем сказано выше (с. 61).

Послѣ *й* и шипящих по преимуществу, но не рѣдко и при других согласных, неударяемое *я* обращается в *е* в великорусском; так это измѣненіе замѣчается при слѣду-ющих звуках:

ц: двѣнадцеть Он. К. II. 11. церя и церицу Лк. А. Г. О. (ib. цаловать).

с: мѣсець Он. К. I. 87. устилаютсе Шк. ib. 68. садил-се Он. ib. IV. 75. догадалосе Ол. Г. 1021. обвернулосе ib. 1322. садилсе Он. Пм. 376.

Вм. *се* при глаголах в южно-влкр. часто является *си*.

Иногда, но рѣдко, такое измѣненіе замѣчается и в сѣ-верном: простиласи Ол. Г. 41. воротидоси ib. 10. опира-лоси ib. 584.

В нѣкоторых говорах сѣвернаго вм. *се—сё*, чего нѣт в южном—и—через отвердѣніе *с—со*: запечалилсо Ол. Г. 863. кланялсо ib. 907.

м: време К. V. 7. Арх. Тт. времечко Ол. Г. 57.

л: петлеми Он. К. III. 48. поглежу Вл. Э. С. V. 35. угледать Ирб. угледѣл Ол. Г. 972. балентрасить Арх. О. С. (балантрясить Тв. ib.) умышлешь Крл.

р: ребина Нвс. Э. С. II (рябина ib.) ребой СВ. редо-вой, реды Нвс. Э. С. II. крепива (предполагает кряпива) ib. А. Г. О. кренп Уст. отрехпул Он. Пм. 359.

в: везал Ол. Г. 989—ть Арх. Тм. Ирб.

п: перстнеми Оп. Пм. 361. поклопется Вр. 18.

т: вытенули ib. 74 тегло Нвс. Э. С. II.

Чаще такіе случаи встрѣчаются в сѣверном, но они свойственны и южно-великорусскому. Рѣшительно несвойственно послѣднему перегласованіе ударяемаго *я*, тогда как на сѣверѣ оно представляет обычное, в массѣ случаев встрѣчающееся явленіе. Этой чертою сѣверное рѣзко отличается от южнаго, сходясь с галицкпм говором малорусскаго.

Вм. ударяемаго *я* является в сѣверном *е* послѣ слѣдующих звуков: *й, ж, ч, ш, щ, ц, з, с, в, п, м, н, д, т, л, р*. Слѣдовательно, измѣненіе имѣет мѣсто при всѣх согласных, за исключеніем *б* и трех гортанных, с которымп *я* не сочетается.

й: остоеться Крг. одпело Вл. Э. С. V. 47. боерина Оп. К. II. 11. осіей Вл. Э. С. V. 35. пьепыё ib. 36. е(я)сли, естреб Арх. Влг. Прм.

Смѣняется на *е* под вліяніем йота и ударяемое *о*: е́днева Ол. пп е́днява Чбк. Мгп. 7 е́дна ib. 38 е́дну Нж. Пм. 121.

Сюда же относятся вышеприведенные—*е*сенью, *е*н и *е*зеро.

Шипящіе:

пробуженится Оп. К. III. 60. срежепся ib. 56. прощеится Вл. Э. С. V. 28. крпчеть Млж. А. Г. О. качеть СВ. качей ib. начельник ib. Крг. чеща Арх. Тт. чешша Блз. Крг. чей (=чай) Ек. Д.

В области акающаго нарѣчія *е* послѣ шипящх является пз ударяемаго *о* только в одном, на сколько мнѣ извѣстно, говорѣ, прп том таком, который, как можно думать по нѣкоторым его звуковым чертам, образовался пз окающаго: шешпя Лк. А. Г. О. счестлпв ib. щи(е)вель ib.

ц: велпцеют Оп. К. I. 24: стрпцеёт ib. Пм. 374. молцетп ib. 367. запецелиться Крг. повѣпцелись ib. (ib. повѣпняли). завѣцѣю Вт. забрецели ib. обвѣпцели ib. вѣпцепье Крл. живонацельные Вл. Э. С. V. 83.

з: взеть Он. Пм. 353. взели Вт. зеть Млж. А. Г. О. Ол. Вт. Прм. озебнуть Ек. Д. хозеин К. У. ib.

с: седь (б. м. сѣдь, по вліянію темы наст. нр?) Ол. Г. 421. Ирб. косевчатым Ол. Б. 39. со всекима Он. Пм. 359.

Не знаю как понимать форму следкнх Н. Т. Ш. 198. вм. сладкнх. Предполагает неорганическое умягченіе *л* (слядкнх)?

п: опеть Вт. петь Млж. А. Г. О. Вт. Прм. Ярп.

м: на мегкой Вл. Э. С. V. 47. мета Млж. А. Г. О.

румён А. Г. О. предполагает, вѣроятно, не *румяи*, а *румѧц*, румец. С таким суфиксом слово это встрѣчается в древних памятниках (Lex. pal. sl. Миклошича).

н: кнезя Вл. Э. С. V. 42. кнезь Он. К. III. 64. минеть, попеть Втг. Вт. знели (сняли) ib. гонеть, ровпеть; гоней, ровней Тт. Кдн. СВ. исполпеть Втг. пенеть Влг. Д. пенька Млж. А. Г. О. пепя Прм. однежды (из одняжды?) Ек. А. Г. О.

д: дедя Врхт. А. Г. О. Тт. Кдн. СВ. дединa Арх. О. С. ходечаго Арх. Аф. III. 44 родетце (родятся) Вл. Э. С. V. 49.

т: перекрестесь Вт. Втг. натегивает ib.

л: оставлею,—ёшь Он. Пм. 360. удивлептсе ib. 369. гулеть Млж. А. Г. О. легу Арх. Аф. II. 44. легем Вт. не гленится ib. заотправлелпсе Он. К. III. 69. на проклет Тв. Ш. 329. петлéми Оп. Пм. 368.

р: гренули Вл. Э. С. V. 33. предено ib. 49. прежа Млж. А. Г О. преник Врх. А. Г. О. преники Вт. крежику Ол. Г. 1007. крежу ib. Р. III. 248. грезь Вт. Втг. ковыреть ВУ. горецяя Оп. Пм. 377. горечь камень Н. Лд. Н. Сб. II. 172 (ib. горячь). животворещова Млж. А. Г. О.

Не понятно *крей* Уг. Яр. О. С., в значеніи *подль*, если только оно предполагает *край*. Можно бы думать о неорганически умягченном *р*, о формѣ *кряй*, но близкую к крей форму находим и в южно-влкр.: кри Рз. О. С.

Выше было уже замѣчено, что во многих случаях с *е* вм. *я* это послѣднее стоит на мѣстѣ ѧ.

Не мало, однако, как видно из приведенных примѣ-

ров, и таких случаев, в которых измѣнившееся *я* =древнему *я*.

Измѣненіе *я*, = ѧ и = *я*, на *е* совершается независимо от ударенія и от качества послѣдующаго слога, имѣя мѣсто как в ударяемых слогах так и в неударяемых, как перед слогами твердыми так и перед мягкими [1]).

Относительно явленія перегласованія с сѣв.-влкр. сходится галицкое поднарѣчіе малорусскаго. И в нем измѣняется на *е*, при тѣх же согласных, что и в сѣв.-влкр [2]), и также независимо от характера послѣдующаго слога, *я* ударяемое и неударяемое, равное древнему ѧ и древнему *я*.

Как в сѣв.-влкр. так и в галицком *я* не всегда однако при извѣстных согласных превращается в *е*; иногда, при условіях, которыя могли бы, казалось, вызвать его измѣненіе, оно остается неизмѣненным. Причина этого вѣроятно заключается в неодинаковом произношеніи *я* послѣ согласных, или — другими словами — в неодинаковой степени мягкости согласнаго предшествующаго звука.

Из других славянских нарѣчій перегласованіе, как извѣстно, по преимуществу развито в чешском. В нем не только *а* в *е*, но и *и* (*у*) перегласуется в *ѣ*, чего в русском нѣт [3]).

---

[1]) Г. Потебня говорит, что в сѣв.-влкр. это измѣненіе условливается мягкостью послѣдующаго слога. Два изслѣд. 118. Вышеприведенные здѣсь примѣры (и даже примѣры, приведенные г. Потебней См. ib. 80 81) противорѣчат этому утвержденію. Переход очевидно не зависит от характера послѣдующаго слога, хотя и вѣрно то, что он *чаще* имѣет мѣсто перед мягким, чѣм перед твердым слогом.

[2]) См. примѣры у г. Потебни (Два изслѣд. 118). Случаи перегласованія *я* в сѣв.-влкр. и галицком не вполнѣ однако тожественны. Так в галицком измѣняется конечное *я*, чего нѣт в сѣверном; в послѣднем измѣняется срединое *я* послѣ гласнаго, чего нѣт в галицком. (См. ib.).

[3]) Не сюда ли относятся *вила* (=юла)? Пск. Д. О. С. Отмѣчу еще форму *батишка* (батюшка) В Л. А. Г. О. Обще-русскую форму *либо* вм. *любо* объясняю не перегласованіем *ю* в *и*,

Перегласованіе *я* в *е* – явленіе в русском языкѣ очень древнее. Оно замѣчается уже в памятниках XI ст. [1]).

V.

Ударенія.

Хотя, в общем, закон ударенія в русском языкѣ вездѣ один, но, в частностях, можно отмѣтить, между сѣверным и южным великорусским не мало разности в постановкѣ ударенія.

Обозначаю важнѣйшіе из относящихся сюда случаев.

В существительных именах удареніе нерѣдко падает на коренной слог там, гдѣ в южно-влкр. оно стоит на гласном флексіи или образовательнаго суфикса: ру́чей Нвг. жи́ла пѣт Дм. дро́ва Крг. па́стух Вт. из за па́стуха ib. спи́на ib. (но—спина́ О. С.) сви́нью ib. на ко́нях Бз. ко́ней ib. двѣ вёрсты Прп. (но—вёрста́ ib.)

Такая постановка ударенія вовсе не составляет однако правила,—нерѣдко бывает наоборот, т. е. удареніе переносится с корня на флексію: чаща́ Блз. из две́ри в две́рь Ол. слыхо́м, видо́м Вт. змѣя́ (род. п.) Крг. звѣря́ Блз. братья́ ib. платья́ Мрм. пальцо́в Бд.

В полногласном двусложном хо́лод удареніе перемѣнится иногда на второй слог: холо́д Вт.

Предлог, стоящій перед именем то принимает на себя удареніе, то является неударяемым: до́ гор Мрм., но—под гору́ Вт.

В трехсложных существительных удареніе ставится иногда на первом слогѣ, когда в южно-влкр. оно падает на

а смѣной *ю* на *и*, аналогичной со смѣной *у* на *ы*: *и* в либо есть видоизмѣненіе (через йотацію) *ы* (как *и* в Рим). Тоже в древне-русской формѣ меж*и*, являющейся из меж*ю*.

[1]) См. мой Очерк и пр. 63.

третій; иногда наоборот в сѣверном переносится удареніе с перваго слога на третій, с корня на флексію:

сло́бода Мрш. за́берёг Нвг.

у берегу́ Блз. на лошади́ Нл. яблоне́й Крг.

В полногласных трехсложных первое или второе *о* сочетаній *оро, оло* ударяется в сѣверном тогда, когда в южном оно является лишенным ударенія: хо́лодно Вт. воро́та Нвг. хоро́ша Крс.

В четырехсложном кобы́лица Блз. *ы* удерживает удареніе. Ср. кобы́ла.

Прилагательныя в им. п. ед. ч. м. р. переносят нерѣдко удареніе на послѣдній слог: крѣпко́й Нвг. жарко́й Дм. крупно́й Вд. гладко́й С. Р. толсто́й Вд. О. времеино́й Нвг.

Тоже замѣчается иногда и в жен. родѣ толста́я Нвг.

Вм. ино́й, ину́ю—и́нной Блз. и́ную Вт.

Из. числительных особенность ударенія представляют: по́лтора Блз. на цеты́рёх лошадях Вт.

Мѣстоименіе имя́ (=им) постоянно является с удареніем на послѣднем слогѣ.

Мѣстами ударяется послѣдній слог в тв. п. мѣстоименій *мы, вы,* употребленном вм. дательнаго: к вами́, с нами́ Прм.

В прилагательных двусложных краткой формы удареніе падает иногда на послѣдній слог: лёго́к Лб. моло́д Блз. (Ср. вышеприведенное холо́д).

В род. п. мѣстоим. никто, ничто удареніе ставится на втором слогѣ: нико́во, ничо́во Нвг.

В глаголах можно отмѣтить слѣдующія особенности сѣвернаго ударенія.

В двусложных глаголах с неопр. накл. на *чи* удареніе ставится то на первом то на втором слогѣ: си́кци Крг. жечи́ Блз.

В глаголах сложных с предлогами удареніе часто переносится на предлог: вы́дан(ё)м Крг. за́вил Крг. по́слал Нлн. по́гнал ib. по́звал Мрм. со́брал Крг. по́ложил Мрм. во́зьми Он. Пм. 229.

Сюда же можно отнести и засѣянно ib. 237.

Иногда в безпредложных глаголах ударепіе падает на первый слог: йдут Мрм. йкать ib. вопить ib. стегнет Вт.

В трехсложных и многосложных глаголах удареніе ставится иногда на коренном слогѣ там, гдѣ в южном оно падает на тематическій или соединительный гласный звук или на гласный личнаго окончанія: ужаснулся Вт. отдохнем ib. предположил Мрм. обробѣла Алкс. богатѣть Блз.

Есть и обратные случаи, т. е. ударяемость в южновлкр. кореннаго слога, а в сѣверном тематическаго, соединительнаго гласнаго или гласнаго личнаго окончанія: понудил Нл. остановится Блз. изловить Крг. падает Бз. спитё Ярс. ѣдите Крт. несете Блз. не продадите ли ib. хотитё, дадитё Чрп. пропадите Нвг. лежите ib. не полетите Ярс. явитесь Крг.

В глаголах сложных с *ся* удареніе переходит иногда на мѣстоименіе: напилей Уст.

В парѣчіях сложных с предлогами иногда предлог является ударяемым: опасно Сзд. Крг.

В нѣкоторых безпредложных трехсложных нарѣчіях ударяется в сѣверном не послѣдній слог, как в южном, а предпослѣдній: высоко Лб. глубоко Нвг. далеко Прс. [1]).

Наоборот. в нѣкоторых двусложных удареніе переносится с перваго слога на второй: можно Нвг. дужо Дм.

Удареніе в сѣверно-великорусском не вездѣ одинаково, но разности его в разных частях этого нарѣчія незначительны. Отличія от южно влкр. в большей или меньшей степени замѣчаются в нем относительно удареніа повсюду. Это доказывается вышеприведенными примѣрами [2]).

Не рѣшаюсь, на основаніи их, дѣлать какіе либо общіе заключенія и выводы касательно разности удареніа в сѣверном и южном великорусском. Вопрос об этой разности

---

[1]) Ср. Толковый Словарь Даля I. 315.

[2]) См. также примѣры, приведенные Далем в его статьѣ О нарѣчіях. 30. 31. 35. 42.

и причинах ея есть сложный, важный и почти еще не тронутый наукою вопрос [1]). Он ждет спеціальной разработки. Можно думать, что обслѣдованіе законов народнаго рускаго ударенія и опредѣленіе причин замѣчаемой разности его в двух главных частях великорусскаго нарѣчія прольют не мало свѣта на многое остающееся теперь неяснym в явленіях русскаго вокализма.

Из вышепредставленнаго обзора измѣненій гласных звуков в великорусском ясно, что измѣненія эти в южной половинѣ этого нарѣчія находятся, большею частію, в зависимости от ударяемости слога; в сѣверной — наоборот — присутсвіе или отсутствіе ударенія на данном гласном большею частію не вліяет на качественное измѣненіе его.

Эта разность в условіях измѣненія гласных, в связи с разностью в постановкѣ ударенія, дает основаніе думать, что и в звуковом строѣ древне-русскаго было нѣчто, различавшее сѣверное нарѣчіе от южнаго.

Быть может количественная сила гласных там и здѣсь была не одинакова. Нѣт причин отрицать долготу для древне-русскаго. Напротив, есть основаніе думать, что она была ему нѣкогда свойственна Потеря ея должна была повліять на измѣненіе ударенія. Во многих случаях мы, без сомнѣнія, имѣем удареніе теперь не там, гдѣ оно стало в древности. Перемѣна в ударенін не могла остаться без всякаго вліянія на звуковой строй слова, в котором совершилось оно. Весьма возможно поэтому, что и нѣкоторыя звуковыя явленія сѣверно-великорусскаго стоят косвенным образом в зависимости от ударенія. Но выяснить эту зависимость, если допустить ее, можно только *исторіей русскаго ударенія*, которой не только нѣт, но для которой даже и матеріала не имѣется.

---

[1]) Статьи ак. Я. К. Грота о русском ударенін (Филологическія Разысканія I. 317—420) весьма цѣнны и важны; но в них по преимуществу разсматривается удареніе литературнаго языка.

Б.

Согласные.

I.

Смягченіе согласных.

1.

Гортанные.

Памятники древне-русской письменности показывают, что свойство гортанных, по которому они могли сочетаться только с широкими гласными, претерпѣвая перед узкими непосредственное смягченіе, поколебалось в русском языкѣ очень рано. Уже в памятниках XI ст. находим сочетанія *ге, кѣ, хѣ, кѧ, ки.* Всего только шесть примѣров на всѣ памятники этого вѣка [1]). В памятниках XII встрѣчаем: *ги, ки, хи* (вм. *кы, хы*), *кѣ* [2]). Почти тѣже случаи представляют и памятники слѣдующих двух столѣтій [3]). В XV в большей части области русскаго языка смягченіе гортанных было, по всей вѣроятности, уже утеряно; но, конечно, не вездѣ. Хотя многіе случаи смягченія, представляемые памятниками этого вѣка [4]), могут быть объясняемы как письменные архаизмы, но часть их можно относить на счет особенностей живой народной рѣчи. В XVI ст. едва ли смягченіе этих звуков имѣло мѣсто гдѣ либо в тѣх частях великорусскаго, гдѣ не находим его теперь. А мы не встрѣчаем его в настоящее время нигдѣ в области собственно-великорусскаго языка. Исключеніем относительно этого утвержденія являются только немногіе архаизмы: обще-рус-

---

[1]) См. мой Очерк и пр. 63. 64.
[2]) Ibidem. 79.
[3]) Ibid. 92. 106.
[4]) Ibid. 135.

ское друзья, олон. лузя и т. п. [1]). В Нвс. у. Тл. г. гортанные смягчаются в дат. и предл. пад. ед. ч. существительных: при дорозѣ, на порозѣ, в кабацѣ, на версѣ Э. С. II. 99, но населеніе так говорящее, по всей вѣроятности, вышло из бѣлоруссіи. В тѣх же формах гортанные смягчаются и в бѣлорусском. Лишь изрѣдка остается в них гортанный не смягченным: по дорожкѣ Б. П. Ш. 363. по дорогѣ ib. 426, но ib.: матцѣ.

И так, в бѣлорусском гортанные смягчаются только в двух формах имен перед *е* =древнему *ѣ*; перед другими узкими гласными и в других формах они не измѣняются. Явленіе смягченія их существует, слѣд., и в бѣлорусском только в остатках. Древнее свойство гортанных не сохранилось и в нем.

И в малорусском характер этих звуков не тот, какой имѣли они в древности. Хотя в формах оно и сохраняет смягченіе гортанных, но послѣдніе могут в нем сочетаться и с узкими гласными: кінь=конь и т. п., галицк: хітрий кідати; укр.: з кіста (с тѣста) Дрг. 194. ловкі ib. 287. прихільніший ib. 171. Хотя в этих случаях *і* не есть звук основной, а вторичный, но по произношенію он не разнится от основнаго, и слѣд. тот факт остается во всей силѣ, что гортанные в малорусском *могут* сочетаться с узким *і*. Можно поэтому утверждать, что хотя малорусское относительно смягченія гортанных является болѣе архаичным, чѣм великорусское, но что архаичность эта есть болѣе архаичность форм именнаго склоненія, чѣм фонетики. Несмягченіе гортанных в формах великорусскаго вызвано, я думаю, не стремленіем избѣжать этого смягченія, но притягательным дѣйствіем аналогіи одних падежей на другіе.

---

[1]) В заимствованном словѣ *кинжал* *к* измѣнилось на *ч*: чинжал Тм. Э. С. VI. 2. чинжалище Ол. Г. 1048. Смягченіе, замѣчаемое в народных духовных стихах, не имѣет никакого отношенія к живой рѣчи. Оно вызвано подражательностью церковному языку и часто является не у мѣста: руца об руцу Д. С. К. 206 и т. п.

Напр. в формах—рѣкѣ, о волкѣ, об орѣхѣ, духи, боги и т. п.—гортанные потеряли смягченіе по вліянію тѣх падежей, в которых они искони оставались несмягченными. Так и в глаголах, из того же стремленія к уравненію форм в звуковом отношеніи, иногда вытекает несмягченіе гортаннаго там, гдѣ оно должно бы имѣть мѣсто: пекешь, пекет, напр., вм. печешь, печет—не потому, чтоб язык имѣл нужду, по особенностям его фонетики, в смѣнѣ *че* на *ке*, а по вліянію 1-го лица—пеку на звуковую форму 2-го и 3-го. Обратное этому явленіе, но возникшее из той же причины, представляют случаи неорганическаго смягченія гортаннаго: толчу (потому, что толчешь, толчет и пр.) и т. п.

Есть однако нѣкоторая разность в характерѣ гортанных великорусскаго с одной формы и малорусскаго с другой: гортанный *к* получает мѣстами в первом, и нигдѣ во втором, умягченное произношеніе перед гласными *а*, *у*, *о*, изображаемое на письмѣ сочетаніями *кя*, *кю*, *кё*. Такое произношеніе *к* мало свойственно сѣверу, но нерѣдко замѣчается на югѣ:

Ванькя Прсл. Д. копейкя Мц. ib. маминькя Кр. ib. горькя ib. Э С. V. 46. палочкя, кадочкя Нвс. Э. С. II. паробкя Ол. Г. 560. толькя ib. 56. рѣдькя Ефр. А. Г. О. бойкя Лв. ib. хозяйкя Здн. ib. точкя Мх. ib. кочкя Мс. ib. Дунькя Рмн. ib. сайкя Ткр. Э. С. I. 131. [1]).

шапочкю Мц. Д. чайкю Кр. ib. кашкю Млж. А. Г. О. берёзынькю ib. (но—осинушку ib.) бочькю Вн. ib. на рѣчкю НД. ib. куманькю Рмн. ib. ткют Тв. Д.

шибкё Рмн. А. Г. О. подь кё ib. ловкёй, ми(е)лкёй Млж. ib. заморьскёй, молодецькёй Тт. Кдн. (но—руськой, деревеньской ib.) высокёшенькё Ол. Г. 704. порткёв ib. Хотя малорусскому и не чуждо сочетаніе гортанных с *і*, но, большею частію, там, гдѣ нѣкогда за гортанным слѣдовало *ы*, слышится теперь среднее *и*; в карпатском говорѣ даже

---

[1]) Такое произношеніе *к* есть в болгарском („*а* иногда смягчается в *я* на концѣ.“ Петровскій. Матеріалы и пр. (см. выше) 410.)

удерживается *ы* при гортанных [1]). В великорусском при гортанных *и*, стоящее на мѣстѣ древняго *ы*, произносится также как и основное *и*; другими словами,—вм. древних сочетаній *гы, кы, хы* находим в нем теперь сочетанія *ги, ки, хи*=млр. *гі, кі, хі*.

Не смотря на то, нельзя однако сказать, чтоб сочетаніе гортанных с *ы* было совершенно чуждо современному великорусскому. Изрѣдка оно замѣчается, и не только тогда, когда *ы* является звуком вторичного и даже третичнаго образованія, но, в немногих случаях, и при основном *ы*:

кахыкать Арх. Д. О. С. кыкать Ирк. О. С. безногым Крсн. К. П. 133. безрукым ib. слыхывал Нж. К. I. 37. откухываю Пск. Ш. 260. упрахываю ib. 567. свахыньку Нж. Пм. 88—ка Чбк. Мгн. 151. 152—ой ib. 131. тошнёхынька, груснёхынька и т. п. Лк. А. Г. О.

Вѣроятно, однако, что в древности сочетанія гы, кы, хы были болѣе гортанными, чѣм в настоящее время в отмѣченных случаях.

Как в архаических остаткак смягченія так и в постоянных случаях его, смягченное *г* в русском языкѣ превращается в *з* [2]).

Такое претвореніе его указывает на основное произношеніе *г* за *h*. Послѣдній звук дѣйствительно господствует в значительной части области русскаго языка, именно—во всем малорусском и в большей части южно-великорусскаго. В московском говорѣ послѣдняго и в сѣверно-великорусском он слышится лишь изрѣдка в немногих словах [3]).

Как произносился этот гортанный в древне-русском?

Весьма возможно, что *з* из *г* во многих случаях пред-

---

[1]) Два изслѣдованія 127.

[2]) В малор. есть формы с начьльным *дз* вм. *з* из *г*; но онѣ не первичны. (См. ниже с. 145).

[3]) См. Фил. Разыск. Я. К. Грота I. 279. 280 и мои Замѣтки и пр. 226. 296.

полагает ступень *дз* [1]); но нѣть основанія думать, что она предполагается во всѣх случаях. Считаю вѣроятным, что древне-русскій знал как придыхательное *h* так и нѣмое *г*. С теченіем времени в одной части русскаго языка возобладал первый из этих звуков, в другой — второй [2]). Опредѣлить, в каких именно словах *г* звучало нѣкогда так и в каких иначе, можно было бы лишь в том случаѣ, еслиб было опредѣлено, когда *з* из *г* предполагает *дз* и когда является из *г* непосредственно.

2.

Зубные *д* и *т*.

Зубные *д* и *т* в русском языкѣ смягчаются, как извѣстно, по общему правилу в *ж* и *ч*. Такое смягченіе их проявляется в громадном количествѣ случаев, но оно не исключительно господствует в нем.

Изрѣдка эти звуки смягчаются в русском также как в старо-славянском. Вм. *ч* из *т* никогда правда не слышится *шт*, но кое гдѣ является *щ*: свѣча, но освѣщать, а не освѣчать и т. п. В таких случаях можно видѣть или вліяніе церковных книг или дѣйствіе звуковой аналогіи (ср. *щ*=*шч* из *ст*, *ск*: пущать и т. п.)

Вмѣсто *ж* из *д* является иногда, хотя и рѣдко, *жд*:

урождай Нвг. ВУ. СВ. Ирб. Арх. рожду Ол. Р. III. 102. зарождается ib. 428.

горождане Кдн. съижденіе Тт. (с неорганическим смягченіем *д*, по аналогіи с другими сходными по образованію словами).

---

[1]) *з* из *дз*—смягченія *г*, как *ж* из *дж*—смягченія *д*. Высказанное мною мимоходом в 1 Отчетѣ моем замѣчаніе о группѣ *зд* (через перестановку из *дз*—смягченія *г*. Замѣтки 17. 18) считаю и теперь вѣроятным.

[2]) О времени утвержденія господства *h* в малорусском см. Потебни Замѣтки о малор. н. 71.

саждаючи Ол. Г. 1146. 1170.

прихожда́не Арх. (ib. прихо́жане). прихождать Тт. обвождать лошадь ib. провождать Тм. Э. С. VI. 3.

обиждать ib. забиждать Пнз. Пск. Тв. Д. О. С. обиждал Ол. Б. 276. обиждаться Кдн. обижда Рз. О. С. (по аналогіи с нужда, или потому что *жд* в обиждать?)

гождаться Пнз. ib.

В бѣлор. и малор. также есть случаи с *жд* вм. *ж*: саждающь Э. С. III. 10. увижду Б. П. Ш. 361 догаждать Дрг. 18.

Сомнительно, чтоб всѣ эти случаи, а равно и такіе, как обще-русское ну*жд*а и под., могли быть объясняемы вліяніем церковнаго языка на народный.

Считаю вѣроятным, что эти случаи с *жд* стоят в связи с случаями *дж* (вм. *ж* из *д*), имѣющими мѣсто в бѣлор. и малор. [1]) и чуждыми великорусскому.

Связь эта понимается мною так. Если вѣрно, что бѣлор-малрс. *дж* не есть явленіе относительно новое [2]), а удержалось в языкѣ изстари, как ступень болѣе древняя обще-русскаго обычнаго смягченія *д* в *ж*, то можно допустить, что и случаи с *жд* предполагают *дж*, т. е. что напр. ну*жд*а или прихо*жд*ане из ну*дж*а и прихо*дж*ане и т. п.

Так, если признать за *дж*. приписываемую этому сочетанію древность. Если же допустить, что малор. и бѣлор. *дж* — явленіе относительно позднее [3]), то формы с этим

---

[1]) Два изслѣд. 71. 124. Иногда в бѣлор. вм. *дж* — *дз* (конечно, по вліянію массы слов, имѣющих это вторичное смягченіе *д*): уродзай Б. П. Ш. 212.

[2]) Как, допускает г. Житецкій, который не разобрав того, что говорит о *дж* г. Потебня, думает, что сошелся с этим ученым во мнѣніи. Очерк и пр. Житецкаго. 239. Ср. Потебни Два изслѣд. 124. К исторіи звуков 39. 40.

[3]) Не рѣшаюсь утверждать этого, но не считаю невозможным. В древне-русском *жд* чередуется с *ж* (см. примѣры в разных мѣстах моего „Очерка"). Это чередованіе в большей части случаев, конечно, должно быть понято как чередованіе

сочетаніем слѣдует объяснять из форм с *жд*: уродзай=уроджай из урождай и т. п. Во всяком случаѣ ни *дж* ни *жд* не могли явиться из *ж*, а или первое предполагает второе или второе первое.

Если признать большую древность за *жд*, то надо допустить, что уже в древности смягченіе *д* в нѣкоторых словах подверглось в русском языкѣ перестановкѣ, как в старо-слав. во всѣх случаях, без исключенія [1]).

русских звуковых форм с старо-славянскими; в нѣкоторых однако *жд* могло явиться в памятниках потому, что было в народном языкѣ. Если в послѣднем было и *дж*, почему оно ни разу не проявилось в древней письменности? Только в XVII ст., по утвержденію г. Житецкаго, заявляет себя *дж* в памятниках. Это обстоятельство во всяком случаѣ набрасывает сомнѣніе на его исконность в языкѣ. С другой стороны, есть в малорусском явленіе несомнѣнно позднее, представляющее аналогію с *дж*: это *дз* из *г* в случаях как—дзвін, *дз*еркало, дзвір, одзеро. Приписывать этому *дз* древность едва ли кто рѣшится, тѣм болѣе, что оно является и в словах заимствованных изчужа в позднее время. Таковы *дз*иглик и *дз*индзивер, о которых см. Потебни Замѣтки о малор. нар. 62—3. *Если* допустить, что *дж* новѣе *жд* и *ж*, то появленіе его в малор. может быть объясняемо трояко: перестановкой *жд*, наклонностью языка к употребленію этого сочетанія (почему—*дж*аворонок вм. *ж*аворонок и под.) и даже, в нѣкоторых случаях, народной этимологіей, вліяніем одних форм на другія (ходжу, потому что ходишь: *д* неорганически возстановлено, как напр. *к* в пекчи и под).

[1]) На формы старо-слав. смягченія *д* и *т* я смотрю согласно обще-установившемуся о них мнѣнію. Новый и оригинальный взгляд на эти формы высказан был недавно пр. Кочубинским. Основная вокализація I. 28—67. Никак не могу раздѣлить этого взгляда и даже сомнѣваюсь, чтоб он нашел себѣ сторонников. Не смотря на всѣ доводы г. Кочубинскаго (в разбор которых здѣсь входить было бы неумѣстно), считаю рѣшительно невѣроятным старшинство русскаго смягченія *т* (*и*) перед другими славянскими, развитіе *щ* из *ч* (*тш*) „через постепенное нарощеніе впереди *ч* паразитнаго шипящаго консонанта“ (48), развитіе *j* из *ж*, объясненіе *dz* из *дж*, появленіе (в ст.-слав.) *шт* из *щ* (*штш*) и т. п. Не признавая положенія Данничча, по которому смягченіе *д* и *т* в свистящіе древнѣе

От обще-русскаго смягченія зубных *д* и *т* в *ж* и *ч* и от смягченія *д* в *жд* и *дж* слѣдует отличать бѣлорусское смягченіе *д* в *дз* и *т* в *ц*. Это смягченіе есть вторичное явленіе, котораго древность не знала. Самыя условія, при которых являются *дз* и *ц* из *д* и *т* разпятся от тѣх, которые вызывают *ж* и *ч* из этих звуков. Смягченіе *д*, *т* в шипящіе вызывается, как извѣстно, исключительно вліяніем *й*, между тѣм *дз* и *ц* на мѣстѣ *д* и *т* являются в бѣлорусском перед каждым узким гласным [1]). Даже независимо от характера послѣдующаго гласнаго звука, одна мягкость *д* и *т*, чѣм бы она ни условливалась, превращает их в *дз* и *ц* [1]).

Превращеніе мягких *д* и *т* з *дз* и *ц* — черта спеціально бѣлорусская.

Ни малорусскому ни великорусскому она не свойст-

ступенью их смягченія в шицяшіе (dj i tj u istorij slov. jez. Rad jugosl. ak. Кн. I 1867), я еще менѣе могу допустить положеніе обратное. Двоякаго рода смягченіе зубных *д* и *т* стоит одно от другаго совершенно независимо. В одних слав. нарѣчіях *й* (*j*) сочетаній *дй* (*дj*) и *тй* (*тj*) перешло в звук шипящій (ж, ш), в других в свистящій (з, с). Перестановка (отрицаемая г. Кочубинским) *тш* в *шт* и *дж* в *жд* в старо-слав. условилась, быть может, твердостью в нем этих сочетаній. Извѣстно, что в старо-слав. шипящіе были тверды. Твердо произносимое *тш* не могло образовать *ч*: из *тша*, *тшу* и т. п. явилось *шта*, *шту* и пр. а из *тшя*, *тшю*—*ча*, *чю* и пр. Что касается до *щ*, то нѣт никакого основанія считать его смягченіем *т*, если не смотрѣть на него как на знак = шт (ѱ); *щ* = *штш*, как и соотвѣтствующее ему *ждж*, предполагают не *тj* и *дj*, а другія звуковыя сочетанія. (*зд* и *зг*. См. Потебня Зам. о малор. нар. 81).

[1]) Г. Кочубинскій не принял в разсчет особенностей условій, при которых в бѣлорусском появляется *дз* и *ц*, и относительно смягченія *д* и *т*, невѣрно соединил бѣлорусское с тѣми нарѣчіями, которые вовсе не знают смягченія этих звуков в шипящіе.

[2]) Вм. напр. дьякон, дьявол в бѣлорусском *дзякон*, *дзявол*,—не потому, что за *д* в этих словах слѣдует *й*, а потому, лишь, что *д* в них мягко: при твердом произношеніи *д* оно в них не измѣняется: дьякон, дьявол Блр. Сл. Носовича.

венна [1]). Гдѣ она встрѣчается за предѣлами бѣлорусскаго нарѣчія [2]), тамъ слѣдуетъ предполагать бѣлорусскихъ выселенцевъ.

Всѣ области бѣлорусскаго нарѣчія *дз* и *ц* вм. *д* и *т* слышатся въ Нвс. у. Тл. губ.: пицъ А. Г. О., въ Н. Л. у. Пнз. г.: радзимай. Д. и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Нж. г.: не быць Ард. А. Г. О. пустсь ib. Э. С. V. тсеэ ib. К. III. 79. въ золотсѣ ib. 78. дзе ib. увидзѣл ib. 79. Кп. Як. 78 (ib. увидѣл) отведзи ib. Л. Р. Л. II. 118. гдзе Арз. А. Г. О. пойдземце ib. дзисятко Срг. ib. тсія Лк. ib. тетсирев ib. плотсину, плоцину ib. (окающій говоръ), свѣтцол мѣсяц ib. и т. п.

Дзеканье замѣчается не по всей области бѣлорусскаго. Такъ въ Погарѣ Чрн. губ. *д* и *т* остаются неизмѣненными и при мягкомъ произношеніи ихъ. Въ силу распространенно-

---

[1]) В заблудовском говорѣ, относимом г. Потебней к малорусскому, есть дзеканье; но именно эта черта заставляет смотрѣть на него, как на переходное звено от бѣлор. к малорусскому или наоборот, а не считать его рѣшительно малорусским. В силу той же причины можно считать переходным звеном от великр. к бѣлор. говор ситкарей. Об особенностях говора ситкарей см. Э. С. I, о заблудовском говорѣ ib. III. О дзеканьѣ в сѣв.-великр. см. Даля О нарѣчіях. Ср. мои Замѣтки и пр.

[2]) Предѣлы эти шире опредѣленных Шафарикомъ (Slov. Narodopis. 2-ое изд. 1842 С. 29—30) и Далемъ (О нарѣчіях 55). К губерніям, в которых—по Далю—живут бѣлоруссы, слѣдует добавить: часть псковской, тверской, черниговской и даже московской. Первыя двѣ губ. Даль относит к сѣверному нарѣчію. Это не точно: лишь часть населенія этих губ. удерживает неударяемое *о*, другая часть акает и даже дзекает. В псковской губ. бѣлорусскій элемент в населеніи находим в уѣздах: В. Л., Н. Рж., Опч., Хл.: в тверской – в Н. Т., Рж., Збц., Крч., Ост. (См. Списки населенных мѣст россійской имперіи). В московской губ. черты бѣлор. н. замѣчаются в уѣздах: волоколамском, рузском и можайском. В черниговской—в уѣздах: сураж-ском, городнянском, новозыбковском, мглинском, черниговском и стародубском. (ibidem.) В смол. губ. бѣлоруссов нѣт только в уѣздах гжатском и сычевском (ib).

сти дзеканья в бѣлорусском, можно думать, что там, гдѣ его нѣт, оно было, но утерялось. Когда появилась посредственная смягчаемость *д* и *т* в бѣлорусском,—опредѣлить нельзя. Не только древніе, но и старинные русскіе памятники не представляют случаев написанія *дз* и *ц*. Это обстоятельство не может однако служить рѣшительным доказательством, что дзеканье—явленіе очень новое. Оно могло жить в языкѣ издавна, не будучи отмѣчено в письменности вслѣдствіе консервативнаго характера послѣдней и того обстоятельства, что *з* и *с* в *дз* и *тс* (*ц*) не звучат с рѣзкою опредѣленностью [1])

На мѣстѣ древняго переходнаго смягченія *д* и *т* встрѣчается теперь иногда непосредственное смягченіе их: ходю, летю и т. п. Тоже и в таких же случаях замѣчается и в зубных свистящих: возю, носю и т. п. Эти случаи непосредственнаго смягченія вмѣсто переходнаго не представляют собою фонетическаго явленія, т. е. они условлены не особенностью характера зубных, а аналогіей, стремленіем к звуковому уравненію форм: ходю — потому, что ходишь, ходит и т. д.; носю—потому, что носишь и пр.

3.

Губные.

Смягченіе губных через *л* проведено в народном русском языкѣ дальше чѣм в литературном: успленье Нвг. за-

---

[1]) И у современных нам запісывателей образцев бѣлорусскаго нарѣчія, иногда встрѣчаем *д'* вм. *дз*: *дзярёвы* Б. П. Ш. 428, но *дьярёвы* ib. Безсонов в своем сборникѣ бѣлорусских пѣсен вовсе не употребляет *дз* и *ц* для выраженія мягких *д* и *т*. О произношеніи послѣдних см. его замѣчаніе в предисловіи к Сборнику. Стр. LXXXVI.

сыплешь ib. доставлешь Ол. Г. 512. заграблят Вт. притерпленье Риб. К. П. 539.

Впрочем эти формы и подобныя им, чуждыя литературному языку и нерѣдкія в народном, не свидѣтельствуют об усилившемся в послѣднем стремленіи к смягченію губных: всѣ онѣ вызваны аналогіей: терпленье по аналогіи с вступленье и т. п., заграблят—потому что в 1 лицѣ ед. ч. граблю и т. п.

Также как приведенныя великр. формы объясняются аналогичныя в малорусском: сплять—потому что сплю. Замѣчается и обратное явленіе — воздѣйствіе на 1 лице ед. ч. н. вр. других лиц: галицкое спью[1])—потому что спишь спит, т. е. смягченія в первом лицѣ нѣт, потому что нѣт его во втором и третьем.

Непосредственным смягченіем губных малорусское разнится от великорусскаго: в первом сочетанія бя, вя, мя, пя, произносятся не как б'а, в'а, м'а, п'а, а как бйа, вйя, мйя, пйя (хотя и не всегда), при чем губной лишь изрѣдка произносится мягко, а большею частью твердо: кипьячаго Дрг. 338. въятір ib. 348. пьятницю ib. 125. завъяже ib. 4. завьяжу ib. 8. травъяную ib. 28. кипъячу ib. 119. кипьячаго ib. 338. и т. п. (Но—привязувані ib. 64 имя ib. 90. на памяти ib. 17. и т. п. [2]). Такое сочетаніе губных с *ĭ*, представляемое памятниками уже в XV в. [3]), великорусскому несвойственно.

---

[1]) Два изслѣдованія 128. Сюда же слѣдует отнести и сѣдлецкія формы: любю, терпю, кормю, приведенныя Житецким. Очерк и пр. 250.

[2]) См. об этом явленіи — Потебни Два изслѣдов. 128—9. Рѣдко обратные случаи, т. е. сочетаніе мягкаго губнаго + *а* вм. сочетанія—губной — йа: сѣдлецкое *пляпця* Очерк Житецкаго 250.

[3]) См. мой Очерк. 135. Сказанное тамже о формѣ *устьюг*—невѣрно: *Устюг* из *Устьюг*, а не на оборот. Поправка сдѣлана г. Потебней (К исторіи звуков.)

В великорусском сочетаніе — губной + *йа* (как и вообще согласной + йа) возможно почти исключительно лишь в том случаѣ, когда этому *йа* соотвѣтствует древнее *иа*: пьяный = п'йаный = др. пианыи и т. п. [1]).

Такія формы образовались через сокращеніе *ия* в *ья* и затѣм через отпаденіе *ь*, оставившаго свой слѣд на мягкости, предшествовавшаго ему согласнаго. В малорусском *ь* в подобных случаях не оставляет слѣда на губном звукѣ: пъян, пйан, а не пьян, п'йан [2]). Конечно, такая твердость губнаго — явленіе вторичное. Отвердѣніем губных объясняется и появленіе сочетаній бъя и пр. вм. бя, т. е. б'а и пр. Потеря мягкости губнаго возмѣщена в этих случаях появленіем *й*. Язык устранился от превращенія мягкаго слога в твердый (*б'а* в *ба*) и избѣгнул непосредственнаго смягченія губнаго, оторвав его, так сказать, в произношеніи от слѣдующаго *й* [3]).

Что малорусское *бйа* и пр. вм. *бя* и пр. черта вторичная, а не унаслѣдованная от отдаленной древности, то доказывается отсутствіем подобных сочетаній в памятниках до XV в., отсутствіем их в великорусском как теперь так и в древности, и — наконец — тѣм обстоятельством, что за исключеніем губных всѣ остальные согласные сочетаются, умягчаясь с *а* не *йа*, как в великорусском так и в малорусском (дядя, т. е. д'ад'а, а не дйадйа и т. п.).

---

[1]) Единственные извѣстные мнѣ случаи сочетанія губнаго + *йа* вм. сочетанія: мягкой губной + *а* — это вышеприведенное слово вьятка вм. вятка = вѣтка и полымья (вм. полымя) Срт. Л. Р. Л. IV. 47.

[2]) Два изслѣдованія 129.

[3]) Однако в XV ст. жеребьяти, а не жеребъяти (Очерк 135). Быть может это случай неточной передачи звуков памятником?

II.

Умягченіе и отвердѣніе согласныхъ.

Непосредственное смягченіе согласныхъ большею частію сохраняется и теперь в народном русском там, гдѣ оно было в древности; но во многих случаях согласные, бывшіе нѣкогда мягкими, отвердѣли, и наоборот—бывшіе твердыми неорганически умягчились.

Отвердѣніе и умягченіе согласных замѣчается в концѣ слов и в срединѣ, в корнях и суфиксах.

Слѣдующіе согласные и в слѣдующих случаях утеряли свойственную им прежде мягкость—одни, твердость—другіе.

а) *Плавные.*

р вм. *рь*: вйхор Вд. тюрма Ол. Б. 89. СВ.

ра вм. *ря* (=*р'а*): тетера Заур. Д. О. С. раскоракою Ол. Г. 585. поздрамп ib. 905.

ры вм. *ри*: брычать Кр. Д. О. С. рынуться Тм. Э. С. VI. 3. на Ярылу Ш. 81. грыбы Влд. Ярс. брытый Лк. Нж. Сб. V. 336.

В словах Рым Д. С. К. 171 (—у ib. 169) крык Ол. Г. 228. Мрм. СВ. Влд. Ярс. и в производных от послѣдняго (крычит Ол. Г. 574. Нвг. скрычит К. VII. 64 и пр. закрычал Ол. Г. 18. 173. Р. IV. 7. скрычал ib. Г. 81. крыкнул ib. 664. крыкучи ib. 89. крыкнет Втг. Пм. 231) считаю, наоснованіи вышесказаннаго (с. 105) *ы* основным звуком).

В большей части области бѣлорусскаго *р* почти во всѣх случаях твердо, почему слоги ря, рю, рё, ре превращастся в ра, ру, ро, рэ [1]).

---

[1]) Сборник бѣлор. пѣсен Шейна представляет нѣкоторыя колебанія в передачѣ такого характера бѣлор. *р*: в нем иногда для одной и тойже мѣстности встрѣчается и твердое и мягкое *р*: брялп (брелп) 76. господарь 81, но —пирад ib. гразп ib. 82. Сомнительно, чтоб такія звуковыя противорѣчія существовали в дѣйствительности.

Не чуждо это явленіе и малорусскому; но в нем, как и в великорусском, отвердѣніе *р* замѣчается рѣдко, нигдѣ не составляя правила [1]).

Постоянное превращеніе мягкаго *р* в твердое есть, таким образом, исключительно бѣлорусская черта, которою это нарѣчіе разнится от других частей русскаго языка и, до нѣкоторой степени, сходится с польским и вообще тѣми западно-славянскими, которым свойственно переходное смягченіе *р* [2]).

Умягченіе твердаго *р* замѣчается в слѣдующих случаях:

рь вм. *р*: столарь Мрм. (=столяр), сахарь Пск. Тв. О. С. Ср. сахарем К. V. 64. 170.—ю Нвг. Н. Сб. IV. 23; в срединѣ слов послѣ *ер* = др. *ьр* и—рѣдко—*ор* = др. *ър*: серьцю Арх. Ш. 555, перьвый Крг. корьмить ib.—л. Вт. по церькви Д. С. К. 171.

ря вм. *ра*: кряпива Врн. Д. О. С ряма Вд. царяпать Мрм. дряпица ib. разгоряется Ол. Б. 43. 64. сгоряет Крг. гряновитую Ол. Г. 98. завтря Нвс. Э. С. III. 134. ВУ.

рё вм. *ро*: завтрё ib. грём Ол. Г. 665. трёсточка Крг. трёстиночка Ол. Р. III, 148.

ри вм. *ры*: крпса Мрм.

Такое неорганическое умягченіе *р* не чуждо и малорусскому: гряпицю Дрг. 417. гряд ib. 124 [3]).

Твердое *л* вмѣсто мягкаго замѣчается в отдѣльных, относительно немногих словах во всѣх трех частях русскаго языка.

л вм. *ль* в концѣ слов в великорусском не встрѣчается; в бѣлор. пыл вм. пыль Б. П. Ш. 303.

л вм. *ль* в срединѣ слов мѣстами в великор. является нерѣдко в именах прилагательных с суфиксами *ьн* и —

---

[1]) Два изслѣдованія 131. Постоянная твердость заблудовскаго *р* — черта бѣлорусская.

[2]) Сходство—в нетерпимости сочетаній *ря*, *рю* и пр.; разница—отсутствіе в бѣлорус. переходной смягчаемости *р*.

[3]) См., сверх того, Потебни Два изслѣдованія. 130.

иногда—в сравнт. степени: сплны К. VII. 56. сплно ib. правплныя Ол. Р. IV. 48. столно-кіевской ib. 977. 1002—3—5. болной, печалной, хмѣлной СВ. ВУ, Кдп. Тт. Грз. болшой Вт. болше Лк. Нж. Сб. V. 336.

Сверх того *л* вм. *ль* слыщится в слѣдующих словах: петелка Мрм. па—у Ол. Р. IV. 22. сколзкому ib. Г. 454. кални Тв. Аф. I. 102. алны Влд. О. С. толко К. VII. 64. (Ср. млр. тілко Дрг. 87).

ла=ля: пакла Нвс. Э. С. II. пустомела Збц. А. Г. О. столарнчал Ол. Г. 1249.

ло=ле=лё: солопое Ол. Г. 878. цѣплованье Д. С. К. 179. шпраплоты Б. П. Ш. 211. зялоней Э. С. III. 264. слозкамп ib. 226.

лу=лю: злущая Мрм. истоплу Квр. См. 18.

лы=ли: клын Б. П. Ш. 382.

В малорусском отвердѣвает *л* в прплагательных с суф. *ы*, в сравн. степени [1]) и в нѣкоторых существительных: мелнпка Дрг. 5. малчик ib. 123. крплце ib. 292.

Обратныя явленія—случаи умягченія *л*:

ль=л: умусель Пск. Тв. О. С. дятель Ол. Г. 1276. СВ. Ирб. перепель Ол. Г. 1318. ангиль Вт. (ib. ангил). шкатулька Крг.

ле=ло: дуплё Мрм.

ли=лы: полинь ВВ. Д.

лю вм. *лу*: плювець Э. С. III. 250.

Умягченіе *л* в древне-русском не встрѣчается; умягченіе *р* попадается уже в памятниках XIII ст.

Твердое *р* в древне-русском изрѣдка встрѣчается в памятниках уже с XI в., являясь в памятниках несомнѣнно русских по происхожденію с XIII [2]).

---

[1]) См. примѣры в кн. Два изслѣд. 130.

[2]) См. примѣры в моем Очеркѣ и пр. 65. 81. 93. 108. 119. 136. 153. 165. 172. 179. Нѣкоторые из случаев употребленія твердых плавных вмѣсто мягких в старинных русских памятниках можно объяснять лишь особенностью способа писанія, но другіе вѣроятно предстевляют собою особенности живой рѣ-

Отдѣльные случаи отвердѣнія плавных древнѣе таких же случаев отвердѣнія других согласных, за исключеніем свистящих и шипящих.

б) *Свистящіе.*

Мягкость *ц* составляет, как извѣстно, одну из черт отличающих древне-русскій язык от старо-славянскаго. Эта черта выдерживается и по настоящее время в большей части случаев в сѣв.-великор.

ць: молодець Нвг. ноць Мкр. А. Г. О. сестриць Млж. ib. и т. п.

ци: молодци Ол. Г. 502. братци ib. купци Крг. горюшици Млж. А. Г. О. и пр. поц(ч)инить Крг. розлуцити Вл. Э. С. V. 32 и пр.

ця: пятница Нвг. кольця, отця ib. птица Вт. куриця Млх. А. Г. О. дѣвица ib. крыльця Ол. Г. 577. дровця ib. 524. трудница Р. Ш. 349. лица Крг. и т. п. кормильцям Ол. Б. 56. отвѣц(ч)яет Ард. К. VI. 80 и пр.

цю: тонцюют Нвг. и пр. серьцю Арх. Ш. 555. дворцю, купцю Крг. и т. п.

це и *ць* (=*ц'е*): серце Ол. Б. 79. церные Вл. Э. С. V. 33. дѣвицѣ Млж. А. Г. О.

цё: словцё Ол. Г. 503. борцёв ib. 492. молодцёв ib. 768. Он. К. IV. 75. отцёвско Ол. Г. 543. парниц(ч)ёк Вт. цёрт ib. и т. п.

В нѣкоторых из тѣх же говоров встрѣчаются однако изрѣдка и случаи отвердѣнія *ц*, — слоги *ца цо* и пр. вм. *ця, цё* и пр.:

собацка Крг. клиц ib. доц Втг. Пм. 225.

цому Мрм. свиданьицо Втг. Пм. 84. пированьицо Ол. Г. 502.

сердца ib. Б. 162. братца ib. Г. 843. яспица, се-

чп. Так можно думать по сравненію их с соотвѣтствующими случаями современнаго русскаго языка. Сверх того, твердые *р, л* в нѣкоторых русских памятниках встрѣчаются большею частью в опредѣленном кругу слов, что, конечно, не случайно.

трица Вт. частым Вл. Э. С. V. 29. цасуютсѣ ib. 23. колаца, сейцас Крг.

птицы Ол. Г. 702. старцы ib. 646 и т. п.

Мягкость *ц* по преимуществу сохраняется на сѣверовостокѣ окающаго нарѣчія; рѣже встрѣчается она в югозападной части [1]). В всем акающем нарѣчіи *ц* постоянно твердо. Бѣлорусское, слѣд., относительно этой черты сходится с южно-влкр.; сѣверное же великорусское — с малорусским, тоже сохранившем древнюю мягкость *ц* [2]).

Сѣверно-великорусское не только сохранило мягкость *ц*, но и умягчает иногда то срединное *ц*, которое нѣкогда было (а в других частях русскаго языка и теперь остается) твердым. Впрочем очень лишь рѣдко замѣчается такое неорганическое умягченіе исконнаго твердаго *ц*; *ц* в срединѣ слов мягко по преимуществу, даже почти исключительно, тогда лишь, когда оно стоит на мѣстѣ *ч*: цярь Мкр. А. Г. О. нацяльник Вт. цюмаки Он. Пм. 373. цюдовища Ол. Г. 864. туця Он. К. II. 11. и т. п.

За исключеніем перваго из этих примѣром, во всѣх остальных и множествѣ им поодбных (см. ниже) *ц* мягко лишь потому, что мягко было *ч*, котораго оно является замѣною [3]).

с отвердѣвает часто в мѣстоименіи *ся*, вм. котораго являются формы:

са: учплса ВУ. СВ. Мз. Ирб. Кнг. бросилса Сткр. Э. С. I. 155. призадумалса Нж. К. К. III. 32. прогнѣвалса ib. VII. 75. моетса Вл. старалса Крг. спугалса ib. спитса Вт. прошлялса ib. хвалилиса Нж. К. III. 32.

---

[1]) См. мои Отчеты.

[2]) Твердость *ц* перед *е* и *и* (=основному *и*) (Два изслѣд. 127) условливается особенностью этих звуков в малорусском (о которой выше упомянуто.)

[3]) Сверх цярь (и пярица) можно отмѣтить мягкое *ц* еще в словѣ цыган (Два изслѣд. 86). Других примѣров мягкости срединнаго *ц* не знаю, да вѣроятно их и нѣт. Нельзя слѣд. со стороны этой звуковой черты противопоставлять великорусское малорусскому, как то сдѣлал Максимович в своих возраженіях П. А. Лавровскому. (Новыя письма. День 1863 г.).

миноваласа М. А. К. П. 464. попригнулпса ib. 463 и т. п.

со (через *сё—се* из *ся*): запечалилсо Ол. Г. 863. повѣрилсо ib. 893. обнадѣялсо ib. 891. кланялсо ib. 907. и т. п.

сы (из *си* через *се*): занялсы Пшх. Э. С. II. 5.

Даже при сокращеніи *са* изрѣдка вм. *сь* является *с*: боюс Лк. А. Г. О. бойтес ib.

В числительных—двадцать, тридцать и пр. (= двадесять, тридесять и пр.) мѣстами сохраняется еще основное *с*, являющееся то мягким, то твердым: двѣпадсять Смб. К. I. 2. трпдсять Нвг. ib. II. 1., но пятнадсать Сзр. ib. VIII. 225 и т. п.

В других случаях отвердѣнія *с* почти не замѣчается. Могу отмѣтить лишь один случай с *сы* вм. *си* в корнѣ слова: на сыпем море Ол. Р. IV. 48 и один случай с *са* вм. *ся* тоже в корнѣ: дисатспны Рж. Аф. I. 385.

Чаще, но не часто, встрѣчается обратное явленіе — умягченіе твердаго *с*:

сь вм. *с*: баському Клж. А. Г. О. сьвит Крг. сьними Ард. Э. С. V. грецеськy Оп. Им. 371. [1]).

ся=са: на часях Пск. Тв. Д. О. С. сядпсь (по вліянію *я* формы паст. вр.?) Мс. А. Г. О. плакся Тур. Тбл. г. Д.

сё=со: молитвы Іисюсёвой Мс. А. Г. О. не высёвывай Лп. Аф. 61. посёл Оп. Г. 126. 854. 861.

В примѣр умягченія *з* могу привести лишь одно слово—польза Мрм. [2]) и лишь одно в примѣр отверденія этого звука: колодиза Тл. К. VIII. 195 и пр. [3]).

в) *Шипящіе*, которые в древне-русском языкѣ были постоянно мягки, теперь, как и *ц*, то сохраняют эту мягкость то произносятся твердо.

чь и *чя* слышатся в сѣв.-влкр. часто: копечь Кдн. овчя ib. и т. п. Еще чаще являются там сочетанія шипящих с *ё* и *ю*:

---

[1]) О формах с малоумягченным *с* см. в моих Отчетах.

[2]) Не есть ли это первоначальная форма слов? Ср. стезя.

[3]) О неорганическом смягченіи *з* и *с* в малорусском см. Два изслѣдованія 127.

жёнка Хл. А. Г. О. вжё Пск. Д. О. С. ножём Крг. зажёг Вт. насажёно Он. Пм. 355. соньчё ib. К. III. 62. чёлый (=цѣлый) Вт. чёло Чбк. Мгж. 160. пшённый Хл. А. Г. О. пошёл Мрм. Крг. шёл ib. шёлк ib. дѣтушёк Грз и т. п.

на встрѣчю Шд. Аф. I. 252. ночюй ib. II. 69. личюшко Ол. Б. 5. словечюшко ib. и т. п.

Во всѣх этих и подобных случаях шипящіе произносятся на сѣверѣ очень мягко. Не чуждо сѣверу, хотя и рѣдко слышится, такое мягкое произношеніе их даже при *и*: мужик, шити Вт. Обыкновенно в этом случаѣ при шипящем является звук средній между *и* и *ы*.

В южно-влкр. шипящіе отвердѣли, но не во всѣх случаях и не повсемѣстно. Иногда и в этом нарѣчіи замѣчается мягкость шипящаго и в концѣ и в срединѣ слов: Алдокимовичь Кр. Э. С. V. чяму, чяра ib. А. Г. О. страшён Срп. К. П. 274. почёстным Рнб. ib. 537.

Едва ли однако в этих примѣрах шипящіе также мягки как и на сѣверѣ. Вѣрнѣе, что в них сочетанія чя, чё и пр. выражают нѣчто средне межлу крайне мягким произношеніем шипящаго (чя, чё) и полным отвердѣніем его (ча, чо).

Не смотря на многочисленные случаи сохраненія сѣв.-влкр. мягкости шипящих, звуки эти и в нем уже получили наклонность к отвердѣнію. Особенно часто встрѣчается на сѣверѣ отвердѣніе шипящих при *о*,—сочетанія *чо, жо, шо* вм. *чё. жё, шё*:

жона Вт. Мрм. Вл. 2. Прм. жонка Нвг. жоной Он. К. III. 14. жонату Он. Пм. 355. жо Шд. К. III. 14. такжо Вт. и т. п.

пошол Нвг. не дошодши Нж. К. VI. 204. ешшо Вт. пышот Шд. Аф. II. 69 и т. п.

чово Рмн. А. Г. О. ничóво Нвг. чоловик ib. кольчо Млж. А. Г. О. подарочок Пск. Ш. 230. ночовати Нх. К. VI. 204. хочот Шд. Аф. I. 447. плачот ib. 450. шепчот ib. III. 115 и т. п.

В бѣлорусском, как и в южно-влкр. шипящіе, большею

частію тверды; и в малорусском твердость шипящих уже преобладает под мягкостью их [1]).

В древне-русском отвердѣніе шипящих началось не позже XII ст. [2]).

г) Губные.

Непосредственное смягченіе конечных губных в южновлкр. большею частью утеряно; в сѣверном оно только теряется; на ряду с отвердѣвшими конечными губными нерѣдко встрѣчаются губные непосредственно умягченные: коробь Крсн. К. I. 40. Ол. Влд. Яр. В. У. СВ. (ib. корап). кровь, рубь, рупь Крг. Влд. Яр. кадовь Влд. Ярославь Квр. См. 41. домовь Арх. О. С. коромь (и—кором) Пск. Тв. Д. О. С. всутерпь Нвг. ib. порозмовь Вл. Э. С. V. 23. оставь Блз. Влд. Яр. и т. п.

Неорганическое умягченіе конечных губных встрѣчалось мнѣ лишь в двух примѣрах: серпь, ястрипь Мрм.

Вообще такое умягченіе губных рѣдко. Могу отмѣтить лишь слѣдующіе случаи:

ва вм. *вя:* церквя Млж. Э. С. I. 56.

вё=во: обзавёд Пск. Тв. Д. О. С: певёд Ол. Г. 150.

ми=мы: мило, ми (=мыло, мы) В. В. Д. [3]).

Немного случаев и отвердѣнія губных перед гласными:

вы=еи: вышня Кл. М. О. С. вышанья Кр. Э. С. V. 44. 52. давыча М. А. О. С.

Сюда же относится и—выма (—мыма=мимо) Пск. О. С. Рж. Э. С. I. 243.

пы=пи: пыраги, пыла Млп. Д.

мы=ми:—часто на сѣверѣ в твор. пад. мн. ч. сущ.: людмы Ол. Г. 218. Нвг. грудмы Ол. Г. 614. конмы ib. 190.

---

[1]) Два изслѣд. 128.

[2]) См. мой Очерк. 93.

[3]) Как понимать формы: бе(о)гатый Ол. Г. 867 и коме(о)ной ib. 767 (ib. командой)? Предполагают ли они умягченіе *бо, мо* в *б'о, м'о* (=бё, мё), т. е. формы бёгатый, комёной, или в них *е* явилось непосредственно из *о* (как, вѣроятно, в Котенке Ол. Г. 836. Садке ib. 384)?

конямы ib. 172. слезамы ib. Б. 138. рублямы Ол. К. П. 21. царямы Птрз. ib. 294. меж глазамы Он. Пм. 355.

Изрѣдка *мы* вм. *ми* слышится и в других случаях: именно, в корнѣ нѣкоторых слов и в суфиксѣ *енька*, измѣняемом на *ынька* (через *инька*): мыло, мылость ВВ. Д [1]). мамыньку Тмн. ib. [2]).

В бѣлорусском: вельмы Б. П. Ш. 255. мыску ib. 284.

Всѣ эти случаи представляют отвердѣніе губных перед *и*. Перед другими гласными они остаются непзмѣнными [3]).

д) Зубные *д* и *т* отвердѣвают и умягчаются в немногих случаях.

Конечное мягкое *д* превратилось в твердое только в одном словѣ — гвозд Пск. О. С. Ср. гвозда, — у Ол. Г. 65. 201.—ов ib. Р. П. 233.

В такой формѣ это слово является и в бѣлорусском: гвоздом Б. П. Ш. 333. 388.

ду вм. *дю* иногда встрѣчается в дѣепричастных формах: глядучпсь Арх. К. VI. 114 (но—глядючпсь ib. Л. Р. Л. П. 112) и в именах с суфиксом *юшк*: дядушку Пск. Ш. 239. людушкп Ол. Б. 2. медвѣдушко Вт.

ды вм. *ди* в словах: Владымір Ол. Г. 446. 698. и — здыял ib. 759.

В бѣлорусском: жолуды Б. П. Ш. 50.

В именах с суф. *юшка* отвердѣвает и *т*: зятушка Ол. Г. 1181.

ты вм. *ти* нерѣдко в формах мѣстоименій *тот* и *этот*: тых Ол. Г. 702. Нвг. эты В. Л. А. Г. О. Ол. Г. 393. Вѣроятно, впрочем, что в этих случаях сказывается не фо-

---

[1]) Там же, как то выше уже замѣчено (с. 158), встрѣчаем и обратное явленіе *ми* вм. *мы*.

[2]) Это слово встрѣчается и в формѣ мамоньку, которая вѣроятно образовалась через форму маменьку.

[3]) Форма—каманю Пск. Ш. 555 (=камяню = каменю)—единственное мнѣ извѣстное исключеніе. В бѣлорусском—кумацца вм. кумяцца Б. П. Ш. 171.

нетическое явленіе, а особенность формы. Есть однако и несомнѣнный случай отвердѣнія *т* перед *и:* по памяты Трп. К. П. 311.

Отвердѣніе *т* перед *о (то* вм. *тё)* представляет форма зятовья Ол. Г. 598.

та вм. *тя* в словѣ—тата Арх. Пск. О. С. татенька Ол. Г. 598. 615. А может быть *тата* не предполагает *тятя.*

Конечное *т* в гласных не отвердѣвает; в неопр. накл. глаголов в нѣкоторых говорах замѣчается наклонность к его отвердѣнію [1]).

Рѣдко встрѣчаются и случаи неорганическаго умягченія *д* и *т.*

дь вм. *д*: дроздь Ол. Г. 1276. СВ. Ирб. падь (вм. над =надо: „надь покинуть мнѣ старость великую“) О. Г. 1150. предьки Грз. из подь Ол. Г. 1152 [2]). дьму Пск. О. С.

ди=ды: лодирь Тмб. О. С. Ср. лодырь Тв. Ярс, ib.

дя=да: покудя Сткр. Э. С. I. 239.

дю=ду: невздюжить Пск. Тв. О. С. (невздужиться ib.) льдю Блз.

И в твор. над. ед. ч. *д* в этом словѣ мягко: льдём ib.; но им. ед. ч. сохраняет твердое *д:* лёд.

Формы: назад*ь* Ол. Г. 1152—79. 1213—97. 1323. наперед*ь* ib. 1318. не предполагают форм—назад, наперед. Ср. назад*и*, наперед*и*.

Формы: будьто Тл. Ш. 290. Ол. Г. 753. младшаго Он. К. Ш. 60. старѣе и правильнѣе форм—будто, младшаго.

ть вм. *т*: дроть Пск. О. С.

---

[1]) См. мои Замѣтки и пр. 225. 329. Явленіе это очень рѣдко.

[2]) Быть может подь не предполагает подъ, представляя с послѣдним одну степень древности, как близъ и близь? В древних памятниках *подь* не встрѣчается, но встрѣчается *исподь* (См. Lexikon p. sl. Миклошича). Если признать для древне-русскаго существованіе *подь* наравнѣ с *подъ*, то вышеприведенныя (с. 3) формы из грам. ок. 1300 г. подьдавать и подѣдали явятся формами органичными.

тё вм. *то*: стёк Арх. Д. О. С. истёпка Хлм. А. Г. О.

тю вм. *ту*: тюфлей Вл. Э. С. V. 27. стюдено Млж. А. Г. О. птюха Пск. Тв. Д. О. С.

тя вм. *та*: птяха ib.

Формы с *е* вм. *о*—ште, ще Мкр. А. Г. О. кустечик Ол. Р. II. 55 — вѣроятно предполагают посредствующія с *ё*: штё, кустёчик.

е) Примѣры умягченія гортаннаго *к* выше приведены. Сочетаній *гя, гю* и пр. не встрѣчается; почти не встрѣчается и умягченія *х*; знаю один лишь примѣр с *хю* вм. *ху*: вверхю Ирб.

ж) Особенно часто, сравнительно с другими согласными, умягчается и отвердѣвает носовое *н*.

н вм. *нь* нерѣдко в именах существ. с суфиксом *енька*: Ильюшенка Ол. Г. 228—38. маменка ib. 606. ученку ib. 1131. дороженки ib. 241.—ой ib. 643.—ку ib. 715. рѣченки ib. 237. 440; и в прилагательных на *к-ой*: бѣленкой Ол. Г. 1141. удаленкой ib. 1304. коротенкой ib. Р. I. 171.

на вм. *ня* часто в именах существит. ж. р. мягкаго склоненія: кнегина Ол. Г. 498. 570. — ы Вл. Э. С. V. 13. пожна Яр. О. С., простина Влд., колокольна, купальна СВ. Ярн. ВУ. Тт. Кдн. на конюшну Ол. Б. 89. во спальну ib. Г. 570. погоною (предполагает—погона) ib. 59 [1]), яблына Блр. Э. С. III. 209.

В южно-влкр. таких форм нѣт. Только слѣдующія три слова представляют в этом нарѣчіи измѣненіе *ня* па *на*: набось Мц. А. Г. О. намного ib. (=нябось вм. небось, небойся и нямпого из немного), впавѣ (= внявѣ = въявѣ) Кр. Д. О. С.

но вм. *нё—не*: в именах существит. рѣдко: няночки =пянёчки) Ол. Г. 1278; но очень часто в именах прилагательных, смѣняющих *н—ій*, через *н—ей, н—ёй*,—на *н—ой*. Сообразно с таким измѣненіем в им. п. м. р., *н* явля-

---

[1]) А может быть явилось из—погонёю. Из приведенных имен с *на* не всѣ предполагают *ня*: спальна, напр. основная форма, сокращеніе спальная.

ется твердым в им. п. и других родов, а равно и падежах косвенных: осенной, прежной, ранная, утренное СВ. ВУ. Ирб. Тт. Кдн. Арх. нижной Нвг. лишную Крг. ранново Вл. Э. С. V. 28. Ол. Б. 282—ому ib. 42—ную ib. 211 поздному ib. Г. 419. но прежному ib. Б. 139. прежнаго ib. Г. 186. лѣтной ib. 1262. осенные ib. 1052. крайной Вт. поздной Влд. Ярс. утренная ib. и т. п.

Из области южно-великор. могу привести один примѣр отвердѣнія *и* в прилаг.: ближному Мс. А. Г. О.

ну вм. *ню*—рѣдко: Добрынушку. (Быть может, предполагает измѣненіе Добры*ня* на Добры*на*) Ол. Г. 865. (—юшку ib. 824). княгинушкой Ол. Г. 19. 46. канучить Нж. Д. О. С.

ны вм. *ни*—только в концѣ слов: оны Он. Пм. 355. Ол. Б. 1. Г. 7. 672 (ib.: опи) Клж. Врн. Д. В. Л. А. Г. О. Бз. одны В. Л. А. Г. О. одным Ол. Б. 10. Г. 444. алны Влд. О. С. (ални Рз. ib.).

Есть случаи отвердѣнія *и* и в бѣлорусском: липа Б. П. Ш. 4. 269. сѣны 360., и в малорусском: доганать Дрг. 392.

Не чуждо тому и другому и обратное явленіе—умягченіе *и*: пѣсеньку Б. П. Ш. 52. жинька (галицк.) Дрг. 428. гривню (Хрк. г.) ib. 375.

Случаев неорганическаго умягченія *и* в южно-великорусском не знаю; в сѣверном оно встрѣчается нерѣдко:

на=ня: малиня Тв. Д. О. С. воснях Крг.

ню=ну: королевисьню (предполагает — королевись*ня*) Он. Пм. 314.

нь=н: злачень перстень Ол. Б. 129. лоханьку Нвг. Н. Сб. IV. 12.

нё—но: тошнё Ох. А. Г. О. дороднё Он. К. П. 513. стольнё Ол. Г. 656. (ib. стольно). правильнё ib. 388. не—ib. 186.

Такія звуковыя формы этих парѣчій условились смѣною в прилагательных, от которых они произведены, окончанія *и—ый, и—ой* на *и—ій, и—ей*. Эта смѣна является часто, представляя собою явленіе прямо обратное вышеот-

мѣченной смѣнѣ *и—їй* на *и—ый* и *и—ой, и—ёй*. Умягченіе *и* в прилагательных, как и отвердѣніе его, сказывается во всѣх родах и по всѣм падежам: колиснёй Он. Пм. 353. из под западнёй Ол. Г. 472. сердешняя ib. В. 139. безсчастнюю ib. Р. III. 418. булатнюю ib. 17. дородній ib. Г. 574. дородня ib. сильня ib. 461. сильних ib. 1054.

Форма—пшенём Ол. Г. 692, при имен. пшено, напоминает вышеприведенную льдём, при имен. лёд.

В одном словѣ *нё* вм. *но* находим в корнѣ: нёкти Ол. Г. 29. нёктями ib. 765. 816.

В том же словѣ слышится даже *не* вм. *но*: негтем Ол. Р. III. 295. негтиное Птрз. Пвц. К. П. 158. занеготье Пск. Д. О. С.

С *е* находим слово ноготь и в болгарском (нокът и некът. См. Lexicon pal. sl. Миклошича). В старинных памятниках постоянно нокъть, но в глаголѣ, произведенном от этого слова встрѣчается в них и *е*: некътовати (ib.).

Возможно поэтому, что в сѣв.-влкр. неготь не предполагает ноготь, а относится к послѣднему как пепел к попел. Если же не так, то неготь явилось из ноготь при посредствѣ нёготь. Ср. сказанное выше о бегатый и коменей. Однако, хотя градація: е—ё—о и несомнѣнна, существованія обратной доказать нельзя.

Из всѣх вышеприведенных примѣров неорганическаго отвердѣнія и умягченія согласных видно, что явленіе это, почти чуждое южно-влкр., изрѣдка встрѣчающееся в бѣлорусском и малорусском, сильно развито в сѣверно-великорусском.

Эта звуковая черта была свойственна ему, хотя конечно не в такой степени развитія, как в настоящее время, изстари. Уже в памятниках первых вѣков русской письменности—XIII и даже XII—замѣчается иногда отвердѣніе и умягченіе согласных в сѣв.-влкр. памятниках.

Сюда относятся формы: Всеволодь, Варламе, нивц, въху и т. п. [1]).

---

[1]) См. мой Очерк. 74. 78.

Причину этого явленія, даже и предположительно, опредѣлить трудно. Оно сказывается в двух противоположных одно другому направленіях: отвердѣвают мягкіе слоги и умягчаются твердые. В словах и формах сходных по образованію и даже почти тожественных замѣчается то то, то другое. Ср. вишн*а*, но малин*я*; гвозд, но дрозд*ь*; ближн*ой*, но больнѣ*й* и т. п.

Только в нѣкоторых случаях с вѣроятностью можно объяснить отвердѣніе и умягченіе согласных дѣйствіем аналогіи.

III.

Мѣна согласных.

Как не знал древне-русскій язык большинства вышеотмѣченных разнообразных случаев мѣны гласных звуков; так не знал он и большинства нижеприведенных случаев перехода согласных одного в другой. Измѣненіе звучных в отзвучные и обратно было ему совершенно чуждо; за рѣдкими исключеніями чужды были ему смѣшенія согласных звуков одного органа и, внѣ воздѣйствія узкаго гласнаго или *й*, переходы согласных из одного органа в другой. Стеченіем согласных и их взаимодѣйствіем, нетерпимостью языка к нѣкоторым согласным группам, вызывались и в древности измѣненія согласных. Но число этих измѣненій было не велико. В современном народном русском языкѣ мѣна согласных и их смѣшеніе значительно превосходит соотвѣтственныя явленія в разрядѣ гласных. Мѣняются и смѣшиваются в нем звуки согласные одного органа и разных. Мѣна и смѣшеніе происходят и в началѣ и в срединѣ и в концѣ слов, и перед гласными и перед согласными. Нѣт ни одного согласнаго звука, который,— хотябы в нѣкоторых, немногих случаях,—не потерпѣл возможнаго для него измѣненія; большая часть звуков, между

собою родственных, мѣняются взаимно. В послѣдующем приводится возможно полный перечень извѣстных мнѣ случаев мѣны согласных в великорусском.

а) *Плавные* и *й.*

р часто смѣняется на *л* [1]).

пелепелка К. VII. 57. клендель Врн. О. С. пліузь Всг. ib. золок В. Л. Хл. ib. *с*плечь Тмб. Пнз. Мс. ib. всклень Пнз. (вскрень Тв. Тмб.) ib. куделюшка Ср. К. V. 59. сталовѣрскій Тх. Ш. 250. Шелементьевом Ол. Г. 131. порфилу ib. 684.

Обратных случаев—смѣны *л* на *р* не знаю.

л переходит в *в, н* и *й.*

л=*в*:

перед гласными: шавить Нл. Б. 322;

перед согласными и в концѣ слов: вавхон Влг. О. С. савдат Тт. повзать СВ. ВУ. Яр. товковать, довбить ib. ходив Ирб. А. Г. О. [2]).

В такой формѣ прош. вр. является еще в уѣздах СВ. и ВУ. Влг. г., гдѣ на мѣстѣ *л* этой формы слышится звук средній между *у* и *в*, как бы краткое *у* [3]). Тоже в вельском говорѣ. В этом послѣднем *л* = *у* не только в причастіи спрягаемом, но и в срединѣ слов, когда *л* слѣдует за *о*, = древнему *ъ*, и предшествует согласному; равно и в концѣ прилагательных на *л*(*ъ*): моувиу Э. С. V. 23. свитёу мисечь ib. 40. росчвёу ib. 25 соупышко ib. 33. и т. п.

В тѣх же случаях находим эту звуковую смѣну в бѣлорусоком: соупце Б. П. Ш. 112. тоучи ib. 360. погпау ib. 22. бувау ib. 85. поиу ib. 456. тоустая ib. 425. и. т. п.

В малорусском при измѣненіи *л* [4]) на мѣстѣ его является *в*.

---

[1]) Эта смѣна явленіе не новое; но в древнем языкѣ она ограничивалась немногими случаями.

[2]) Ср. Даля О парѣчіях 44.

[3]) См. мои Отчеты 331.

[4]) Случаи измѣненія и примѣры см. в кн. Два изслѣд. 133—4. Ср. ibid. 70.

Между говорами и нарѣчіями, смѣняющими *л* на *в* и на *у*, конечно, нѣт существенной разницы: *в* переходит в краткое *у* и обратно. И так, всѣ тѣ нарѣчія и говоры, которые смѣняют *л* на *в* или *у*, этою чертою роднятся.

Смѣна эта, в тѣх случаях, когда она имѣет мѣсто, слышится во всем бѣлорусском и малорусском. Но в великорусском она свойственна лишь немногим говорам [1]) и выдѣляет их рѣзко от всѣх остальных. Остается вопросом: самостоятельно ли развили означенные говоры сѣв.-влкр. смѣну *л* на *в* (в концѣ слов и перед согласными), или слѣдует признать для них эту черту заносною [2]).

Едва ли это явленіе стоит в прямой связи с сочетаніем *глухаго* + плавный; т. е. едва ли, напр., формы — вовк, воук и т. п. условлены тѣм, что в них ов, оу=ол, ъл. Ср. вышеприведенное *савдат*, в котором *ъ* никогда не было. В большинствѣ случаев *ов* стоит на мѣстѣ *ол=ъл*, но это объясняется тѣм, что в большинствѣ случаев слова с *ол* + согл. = древним *ъл* + согл.

л=н:

перед гласными: кормпнеч. Вл. Э. С. V. 28. Стар. Э. С. I. 153. ожереньицо Ол. Р. III. 432. маненько Квр. См. 76. манёшенько Нж. Пм. 84. коныбели Кр. А. Г. О.;

---

[1]) Сверх означенных мѣстностей *л* смѣняется на *в* еще в кирилловском у. Нвг. г. См. Шевырева Поѣздка в Кирилло-Бѣлозерскій монастырь II. 107—11. Я в кирилловском уѣздѣ, в извѣстных мнѣ мѣстностях (см. мои Отчеты), смѣны этой не встрѣчал. По утвержденію Даля и в южно-влкр. (рязанском, — по его дѣленію нарѣчій) „есть наклонность замѣнять букву *л* в концѣ глаголов 3 *л.* прош. вр. буквою *в* или *у*.“ О нарѣчіях 46. Ср. ibid. 51.

[2]) В Списках населенных мѣст Европейской Россіи утверждается, что в Вологодской губ. есть малорусскія и бѣлорусскія поселенія, что послѣднія по преимуществу встрѣчаются в СВ. у. по р. Лалѣ. Утвержденіе это не обставлено доказательствами. Если оно вѣрно, то важно бы знать, — не там ли в СВ. смѣняется *л* на *в*, гдѣ живут бѣлорусскіе выселенцы.

перед согласными и в концѣ слов такой смѣны нѣт; исключеніе: кинь Нвг. Тв. Д. О. С.

н=л:

перед гласным: комлата Лк. Нж. Сб. V. 337. помли Вт. оглянное Вр. 173—4. полидѣльник Врн. Д. О. С. поледильник Мрм. млил, млилось Нж. А. Г. О. присталища Слб.;

перед согласными и в концѣ слов: присталь Ол. Г. 284. 367. сухмель Нвг. знакомелька Вт. священьник Рж. Аф. I. 384.

л=й:

только в концѣ нѣкоторых слов: конопей Еп. Ш. 38. ской Тмб. О. С.

Обратная смѣна *й=л*—перед гласными, в началѣ слов: лязык Блз. А. Г. О. лезеро Нвг. (Зм. 12).

И в этих двух словах *л* есть видопзмѣненіем *й* [1]). Ср. сербск. Љелень [1]).

В одном словѣ встрѣтилось *л* вм. *й* перед гласным в срединѣ: струличка (струи(е)чка) Чбк. Мгн. 8.

й=н: няма Ор. О. С. внавѣ Кр. Д. О. С. [3]).

---

[1]) Трудно допустить, чтоб в *лязык* удержалось коренное *л*: *l*ingua.

[2]) Miklosich. Vergl. Gram. 325. I. Впрочем такое сродство *й* с мягкпм *л* достаточно доказывается смягченіем губных через *л*: люблю=lublu=lubju.

Что *й* может видопзмѣниться в *н* (мягкое) перед гласным, доказывается, сверх подобных случаев, извѣстными малорусскими формами: м*н*ясо (=мп'асо) из м*й*асо, пмня (=пмн'а) из пм*й*а. Ср. также чешскія формы, ňemčina=jemčina, ňeňe=jehne. O podřečí dudlebskim. 13. (Sbornik vědecki mus. kr. českého I. 1868).

Даже в старо-слав. есть случаи появленія *н* на мѣстѣ *й*: ıадро—ıнадро—нѣдро—надро. (См. Lexicon Миклошича 1143). В болгарском вм. извор, езеро—*н*извор, *н*езеро (Петровскій. Матеріал и пр. 416). В виду таких случаев можно думать, что и *н* мѣстоименій личных (к *н*ему, от *н*его, с *н*им и т. п.), а равно и глаголов, сложных с предлогами (сънити, вънпде и т. п.), есть видопзмѣненіе *й*. Новое мнѣніе об *н* в этих случаях вы-

Обратных случаев не знаю. (Быть может сюда же слѣдует отнести—варайдать Арх. О. С.? варан(нь?)дать Ол. ib.

Вмѣсто *р* встрѣчается *в* и *н*. На тот и другой случай имѣется только по одному примѣру:

хвабрый Врн. Д. О. С. спопить Тм. Э. С. VI. 2.

б) *Носовые* —

н и *м* взаимно мѣняются.

н=*м*:

перед согласными: мрав Вт. лѣса брымскіе (=брынскіе=брянскіе) Смб. К. I. 33;

перед гласными: мара Пск. Тв. Д. О. С. мырять Нж. Тмб. ib. вымимайте Вд. Н. Сб. II. 64. Мпкулай Ол. Г. 397.

м=*н*:

перед согласными:

литонской король (из — литовской, через литомской) Смб. К. V. 168;

перед гласными:

подыни Нвг. нимо Аф. III. 418. Кстр. О. С. нпмоходом Сбр. Д. О. С. почь (=мочь) Кр. Орл. Арх. О. С. пямлить ВУ. Прм. ib.;

в концѣ слов:

не зань (=не замь=не замай) Пск. Тв. О. С. зень Арх. Ол. ib. [1]).

в) *Губные.*

Мѣны губных звуков разнообразны.

б переходит в *в*, *м*, *п* и *г*.

б=в: вавхон (балкон) Влг. О. С. волшевница Мрм. В бѣлор. у *в*обрѣ Б. П. III. 221.

сказано недавно пр. Бодуэном де Куртенэ. См. его статью о так называемой „эвфонической вставкѣ“ *н* в славянских языках (Филолог. Зап. 1876 г.). Что *н* в означенных случаях не есть *эвфоническая вставка*, то, конечно, не подлежит никакому сомнѣнію.

[1]) В малор. парон Дрг. 213 (по – парому ib.

б=м: ламзить Нж. О. С. Ср. лабзить Тмб. ib. паромка Кр. Э. С. V. 57.

б=п:

в концѣ слов в южно-влкр. постоянно, в сѣв.-великор. не всегда (рупь Ол. Влд. Ярс., но — рубь ib. корабь ib. ВУ. СВ.);

в срединѣ слов — постоянно перед согласным (шупка и т. п.), очень рѣдко (и только в южно-влкр.) перед гласным: шупачку Кр. А. Г. О.

б=г—только в словѣ гумага Кшп. А. Г. О.

в переходит в *б*, *м*, *ф*, *к*, *л*, *р*.

в=б:

перед гласным только в одном словѣ: обощ Грб. А. Г. О. абощ Лк. ib.;

перед согласными—при сочетаніи: *в* + плавный:

бреда Вт. Д. О. С. Бладыка Ол. Б. 4. соблекли Д. С. К. 175. [1]).

в=м:

в началѣ слов—один случай: мнук Мрм.; в срединѣ часто, в южно-влкр., в окончаніи дѣепричастія прошед. вр. дѣйств. зал., измѣняющаго *ів-ши* на *ем-ши*: накоплёмши Сзр. К. VI. 187. скоплёмши Срт. ib. 4. сожжёмши ib. напоёмши ib. V. 125. завладомши Орл. ib. VI. 42. ростватёмши Кр. Э. Т. V. 33. поплакамши Нж. Пм. 85. и т. п.; нерѣдко перед *н*: дамно, рамно и т. п. Кр. А. Г. О. налимную Ол. Б. 119. палимной ib. 197; перед *ц* в словѣ — пилцо Чрп.; перед *с*: литомскому Ол. Г. 647.

в=ф:

очень рѣдко в началѣ слов: фыпь Тм. Э. С. VI. 2; еще не обычнѣе такая смѣна в срединѣ слов: Елисафета Д. С. К. 156.

в=к только в словѣ — кукшин Тм. Э. С. VI. 2. Лк. Нж. Сб. VI. 338. Крг.

---

[1]) II в чешском v=b только перед гласными и плавными. Casopis и проч. 1863. sv. 4. c. 345. Sbornik vědecky I. 19. Sembera. Dialektologie 21.

в=р: тоже один случай—скрозь р(в)и(ѣ)ки Крг.

в=л:

перед согласными:

Алгимья (Евгенія) Кр. Э. С. V. 36. Алдокимовичь ib. 64. Алдоха Врн. Д. колды (из ковды, ковда = когда) Нж. Тмб. О. С. Рз. Д. Вт. талды Нж. Тл. А. Г. О.;

перед гласными:

треложить Ол. Г. 228. 262. Збкл. Д. О. С. потреложить СВ. Прм. Кнг. упалому Ол. Г. 164. слободу ib. Б. 125.

м переходит в *б* и *в*:

м=б:

перед гласными:

хобяк С. Р. Д. О. С. бурза Ол. Г. 284.—ов ib. 399. боржамецкое ib. 449. мерлог Пск. Тв. Д. О. С. мерлуга ib.;

перед согласным *л* в одном лишь словѣ: блада Ол. Б. 8.—ую ib. 82.

м=в:

перед гласным:

выма (=мимо) Рж. Э. С. I. 243. Пск. О. С. Викула Ол. Г. 150. воздывалосе К. VIII. 1. в Муровѣ Ол. Г. 131. яндову ib. 647;

перед согласными:

вного Прс. Д. Вт. ВУ. СВ. по вногу Ол. Г.

п переходит в тѣже звуки и в *ф*.

п=б исключительно перед гласными: вертебипище Тв. О. С. баут Тмб. ib. бахтать Кстр. ib. безобасышно Нж. Пм. 82 (ib. безопасышно) черябать Тмб. Пск. О. С. сабоги Св. А. Г. О. Мрм. сабожки Квр. См. 167.

п=м—только в началѣ двух слов—*п*тица и *п*чела: мтица Нж. О. С. мтичка Ярс. ib. мтаха Нж. Кстр. ib. мцела, мчела Кстр. А. Г. О. мчельник Кстр. Д. О. С.

п=ф—очень рѣдко; встрѣчается лишь один примѣр: фшеничная мука Тм. Э. С. VI. 2.

ф переходит в *п*, *хв* и *х*.

ф=п только перед гласными:

трапить Клж. О. С. пашпиник Нвг. Пилип Лк. Н. Сб. V. 338.

ф=хв тоже только перед гласными: Хвилип Клж. Орн. Д. Ал. А. Г. О. Лв. ib. Здн. ib. Мс. ib. Хведор Чр. ib. Хвевраль ib. Стехван Ефр. ib. Сохвія Орл. К. П. 436. хвунт Счв. А. Г. О.

Этот переход почти исключительно свойствен южновлкр.; на сѣверѣ он рѣдкость: Хвомка Крг. но ib. Фомка.

Обратное явленіе — *ф* вм. *хв* имѣет мѣсто и на югѣ и на сѣверѣ в началѣ слов, перед гласными *о* и *а*:

фалить Клж. Д. Ал. А. Г. О. фалю Чрн. ib. пофальбами Ол. Г. 399. пофастать ib. 1006. пофастают ib. 1192. фатать Ал. А. Г. О. фатал Ол. Г. 1165. фатаючи ib. 1081. фою ib. 1075. 1111. фост ib. 1136. 1164. Ал. А. Г. О. Лх. ib. форостина Тл. А. Г. О. [1]).

ф=х:

перед гласными:

Хавронья Мрм. Хевраль ib. Лк. ib. Г. О. Хомка Юх. ib. Хома Мс. ib. Хилип Хл. ib. Хедор ib. Хекла ib. хунт ib. Рз. ib. Кс. ib. Ефр. ib. хорма Хл. ib. хилип Вт. Д. хабрик Лк. Нж. Сб. V. 339;

перед согласными:

сахьян Кр. Э. С. V. 113. хрукты Мс. А. Г. О.

И эта смѣна почти исключительно имѣет мѣсто в области южно-великорусскаго [2]).

г) *Гортанные.*

Гортанные мѣняются взаимно и — в немногих случаях—переходят в губные.

г измѣняется в *к*, *х*, *б*, *в* и *д*.

г=к: часто в концѣ слов в сѣв.-влкр.:

---

[1]) Тѣже случаи в галицком малор. (Два изслѣд. 137) и в сербском.

[2]) Нѣкоторые случаи мѣны губных в малор.: *б=в*: згувю Дрг. 329; *в=б*: вам бже 283 *в=ф*: фетер 63 (но ib. вітир), форчит 260; *п=б*: скрибкою 52. *п=м*: захлимается 127; *ф=п*: картопельки 193; *ф=х*: хунтов 189 и т. п.

перок Втг. Пм. 232 (но—перогом ib.) мок Арх. долок Вт. на берек ib. (но—лег ib.) рок Ол. друк Ек. А. Г. О. флак Блз.

Перед согласным извѣстен мнѣ лишь один примѣр смѣны *г* на *к:* кля (=гля=для) Ярс. А. Г. О.

В одном только словѣ таже смѣна и перед гласным: басыка Ол. Г. 465 (обыкновенно—бясыга ib.).

г=х в южно-великоруск. обыкновенно на концѣ слов; в сѣверном рѣдко: конечное *г*, если не измѣняется в *к*, то остается в нем при своем звукѣ. Однако шах Ол. Г. 15. Даже перед гласными в этом словѣ и производных от него сохраняется *х:* шахом ib. 509. перешахивал Блз.

г=б только в двух словах перед *л* и *н*: благолит Слб. застебнуть Тмб. Тв. Д. О. С.

г=в:

перед согласными в нарѣчіях:

товда Прс. Д. ковда ib. Влд. Д. О. С. ковды Тх. Ярс. О. С. всевда Втг. Пм. 232;

перед гласными:

Вольву Ол. Г. 1168. (Ср. Вольга ib.) повост Вт. блавородіе, блавословеніе Ек. А. Г. О. вербовой лис(т) ib. мнова (много) Оп. Пм. 314.

Сюда же можно отнести и Восподь, восударыня Вт., если только формы эти не возникают из форм с опущенным *г*: Осподь, осударыня ib.

Как ни ограничено число случаев смѣны *г* на *в* перед гласным звуком, возможность этой смѣны ими все же достаточно доказывается. В виду этих случаев и формы *ово*, *аво* и пр. вм. *ого*, *аго* и пр. в род. п. ед. ч. прилагательных и мѣстоименій могут быть разсматриваемы как слѣдствіе звуковой смѣны, совершившейся независимо от дѣйствія какой либо аналогіи [1]).

---

[1]) Именно дѣйствіем аналогіи объяснено это явленіе в Zeitschrift für vergleichenden Sprachforschung Kuhn'a. 1875. 8-er B. 3-es H., в статьѣ Л. Малиновскаго: Uber die Endung des gen. sing. masc. neutr. der pronominalen und zusammenge-

Явленіе это свойственно по преимуществу сѣверно-влкр., которому исключительно принадлежат и вышеприведенные примѣры с *в* вм. *г* перед гласным [1]). В южно-влкр., за исключеніем московскаго говора, в бѣлорусском и малорусском *г* (*h*) в род. п. прилаг. и мѣстоим. удерживается. До XV ст. смѣны *г* на *в* в этой формѣ русскій язык, на сколько можно судить по памятникам, нигдѣ не знал [2]).

г=*д* перед гласными в слѣдующих словах:

варыздать Тмб. О. С. Ср. варызгать М. Тв. ib. плиздавица Ост. т. ib. Ср. плизгавица Ст. ib. анделами Вр. 65. архандельской ib. 45. [3]) мереда Влд. О. С. Ср. мерега Ор. ib.=др. р. мережа=ст. сл. мрѣжа [4]).

к смѣняется только на *г*, *х* и *т*.

к=*г*:

перед гласным:

гармузинные Ол. Г. 593. сголзопул ib. 454. голыблется Он. Пм. 357. зголубантсе Вр. 18. зголыбалосе Он. К. П. 513. зергало Сткр. Э. С. I. 132. ежовига, клуп(б)нига Мрм. кострига, черпига, сосняг и пр. Тм. Э. С. VI. 2. г(к)иль Нвг.;

перед согласными только в началѣ слов при сочетаніи с *р* и *л*: груглы Ол. Б. 91. гречет ib. Г. 1018. глубенпка Тм. Э. С. VI. 2.

к=*х*:

---

setzen declination im russischen und kaschubischen. Моя замѣтка по поводу этой статьи в Филол. Записк. 1877. N. 2.

[1]) По свидѣтельству Даля *г* в род. над. прил. и мѣстоим. сохраняется в нѣкоторых мѣстностях олонецкой, архангельской, костромской п—в заволжской части—нижегородской губ. (О нарѣчіях).

[2]) Первые случаи этой звуковой смѣны являются в XV в. См. мой Очерк и пр. 136.

[3]) *д* в этих двух словах явилось на мѣстѣ *г* вѣроятно в то еще время, когда этот послѣдній звук не мог, не измѣняясь, сочетаться с *е*.

[4]) С *г* вм. *ж* слова мерега ср. *г* вм. *з* слова стега (=стезя) Кр. Пск. О. С.

перед гласными:

хатомоцку Рж. Аф. I. 387. балхон Ол. Г. 492. Мрм. балхончику Г. 1236. клюхами ib. 509. поталыхивать ib. 218. стохан Вт. Д. О. С.;

перед согласными, при сочетаніи *к* с *р* и *в*:

храспая Вл. Э. С. V. 28. хвас, брюхва Пшх. Э. С. III. 5.

х в — охханья Ол. Г. 759. вызвано ассимиляціей, *х* в—х кому Втг. Пм. 226 или наоборот—диссимиляціей.

к=т:

перед гласным:

типарис Пск. Ш. 527. стипёлося Збц. А. Г. О. Тіен море М. А. К. П. 333. (ib. Кіён море). в Тіевѣ ib. 625. стипертом ib. 628. этипажи Квр. См. 28. на тіарду (тіард —кіард—кіатр—театр) ib. 47. Ваньтя Прс. Д. (ib. Ванькя);

перед согласными *р* и *в*:

трахмал Тм. Э. С. VI. 2. трахмалена Блх. Нж. Сб. III. 156. твѣт и производныя (примѣры см. ниже).

х смѣняется на *г, к, в, ф* и *хв*.

х=г: грущатую Тл. К. VII. 25. Других примѣров не встрѣтил.

х=к:

перед гласными:

в пазоки Тмб. Аф. II. 27 (в пазхи ib. 26). коровода Квр. См. 101. кутор Лк. Нж. Сб. V. 338. Снг. А. Г. О. корошенькой Ол. Г. 1066.

перед согласными, при сочетаніи *х* с плавными: крам Снг. А. Г. О. клеспула Ол. Р. II. 21. ваклять Кр. О. С. клѣв Тм. Э. С. VI. 2. прокладный Ол. Р. III. 329. проклаждаться ib. Г. 59. Р. IV. 64.

х=в—очень рѣдко в концѣ слов: трёв Нвг. на трёх дубав Вт.

х=ф:

перед гласными:

футор Тмб. О. С. фомяк Вт. куфарка Мрм. СВ. ВУ. Клж. Д.;

перед согласными:

фто (=хто=кто) Пшх. Э. С. II. 4. куфня Мрм. Ирб. СВ. В. У. Ол.;

в концѣ слов: царевыф, малыеф Млж. А. Г. О. всѣф ib. приближенныеф ib. пф, нежданныеф Сткр. Э. С. I, 150.

х=хв только в *охвота* и производных: охвота Арх. Ол. Р. Ш. 301. охвочь ib. Г. 832. охвочь ib. 1189. Тоже в бѣлорусском Б. П. Ш. 129. 262.

д) *Зубные д* и *т.*

Зубные *д* и *т* мѣняются взаимно и с гортанными—*д* с *г*, *т* с *к*.

д=г. Знаю лишь два случая такой смѣны: в одном *д* измѣнилось в началѣ слова перед *л*, в другом в срединѣ перед гласным: гля ib. Нвг. Тмб. О. С. Ол. ib. Г. 437. (ib. зля 1251). Б. 81. 255. Втг. Пм. 230. конговой (=кондовой) Влг. Д. О. С. [1]).

т=к. И эта смѣна встрѣчается рѣдко, хотя и чаще предъидущей. Она имѣет мѣсто почти исключительно перед гласными:

флейка, карантуль (тарантул) Тм. Э. С. VI. 2. Кпт ib. кисовы Ол. Г. 135. 170. кѣсто Клж. Д. (Ср. малор. кісто);

перед согласным—один случай: кма (=тма, тьма) Вт. О. С. [2]).

р и *л* вм. *д* лишь в словѣ *свадьба* и производных: свальба, свалебная Вт. сварбишной ib. сварёбный Тхв. Д. О. С. сварьба Нвг. Тв. О. С. Срг. А. Г. О. сварбу Чбк. Мгн. 21. [3]).

Взаимная мѣна *д* и *т* опредѣляется слѣдующими случаями.

---

[1]) В малор. *г* вм. *д* в черга Дрг. 77.

[2]) Слово плящій=палящій имѣет в Тм. г. формы клящій и тлящій Э. С. VI. 2. Вѣроятно из этих двух форм послѣдняя явилась из первой: *к* смѣняется на *т*. Но странно *к* вм. *п* (клящій вм. плящій).

[3]) И в чешском слово svadba является в формѣ svarba. Sembera. Dialektologie 22.

В концѣ слов в южно-влкр. постоянно, в сѣверном нерѣдко *д* переходит в *т*: гот Кр. Э. С. V. 45. поть ib. горот Мрм. дѣт Втг. Пм. 227. назать Он. ib. 355 и т. п. [1]).

Тоже и в срединѣ слов перед отзвучным согласным: ягатка Кр. Э. С. V. 72 и т. п.

В срединѣ слов перед гласным *т* вмѣсто *д* встрѣчается очень рѣдко: гат(д)ит Мрм. лотычка Нж. Пм. 123. [2]).

Наоборот — *д* вм. *т* является особенно часто именно перед гласным звуком: ленда Блх. Нж. Сб. III. 155. лендачка Кр. Э. С. V. 70. Кстр. Нж. О. С. очудился Шд. Аф. II. 115. Ол. Г. 1225. очудилась ib. 395. 398. 417. Р. IV. 225. Аф. II. 527. очудилось Влг. дак Ол. Г. 225. Оп. Пм. 355. Крг. скатерёдочка Ол. Г. 876. глодочки ib. 541. демьян ib. Б. 110. смерёдушка Остш. Д. О. С. эдаки Лк. А. Г. О.

Перед согласным *д* и *т* рѣдко: зд(ст)учать Кр. Д. О. С. баляндрасы ib. О. С. нодья (=под'йа) Арх. ib. зачадья (с зачадья было свѣту бѣлаго) Трп. К. П. 310.

Изрѣдка *д* вм. *т* является и в концѣ слов, и не только в сѣв.-влкр.: в тредь свисту Ол. Г. 597. руковядь Арх. О. С., но и в южном: чудь свѣт Лп. Аф. III. 119 [3]).

е) *Свистящіе.*

Свистящіе мѣняются взаимно и с шипящими и переходят изрѣдка в звуки других органов.

з измѣняется в *с* и *ж*.

з=*с* постоянно в южно-великорусском и иногда в сѣверном в окончаніи слов и перед согласным отзвучным:

рас Вт. скаска ib. княсь Кр. Э. С. V. 79. слѣс ib. 41. слёс ib. и т. п.

---

[1]) В малор. кат(д)ь Дрг. 270.

[2]) В малор.: *та* вм. *да* Дрг. 201; перед *р* в началѣ слов: тругіи ib. 211.

[3]) Малор. предлог *от* измѣняется на *од*: одбою Дрг. 17. одвитус 318. одгуляли 124 и т. п.

В других случаях *з* на *с* не смѣняется.

з=*ж*:

перед гласными:

ближешенько Ол. Г. 287. витяжами ib. 909. муржамецкое ib. 449. 764. P. IV. 46. [1]).

перед согласными *й*, *м* и *н*:

дружья—братья Рз. Ш. 469. дружью—братью Ол. Г. 419. дружья ib. 993. дружьё Крсн. К. П. 63. неижьмѣнную Ард. Э. С. V. подражню Тл. Ш. 450.

В одном словѣ *й* вм. конечнаго мягкаго *з*: рай(=разь =развѣ) Мрм.—В—стега Кр. Пск. О. С. на мѣстѣ *з* основное *г*.

с переходит в *з*, *ц*, *ш*; сверх того на мѣстѣ *с* встрѣчаются изрѣдка *х*, *ф*, *в*, *т*.

с=*з*:

перед гласным в одном только словѣ запоги Блх. Нж. Сб. 155. [2]);

перед согласными: знялась Вт. зняли Кшн. А. Г. О., и перед всѣми звучными: збирается Нвг. и т. п. грузно (= грусно=грустно) Вт.

В бѣлорусском предлог *с*=*з* перед каждым согласным. В ржевском говорѣ даже коренное *с*, начинающее слово=*з*: звинния Э. С. I. 238. и т. п. [3]).

с=*ц*:

перед гласными очень рѣдко: цебичка (собачка) Клж. О. С. отцуда (отсюда) Мц. А. Г. О.;

перед согласным *к* и послѣ сочетанія *тс*: бацко Кз. О. С. перевяцку (=перевяску=перевязку) Пм. 413. купецкой Тл. Ш. 148. татарцкую Ард. К. VI. 48. по мужечки

---

[1]) *ж*уборить Ол. О. С. не вмѣсто ли зуборить? *ж*абтаться Орд. О. С.=*з*аботиться не того ли корня, что и это послѣднее?

[2]) Ср. вышеприведенное *с*абоги: при сохраненіи перваго согласнаго в этом словѣ измѣняется из отзвучнаго в звучный—второй и на оборот.

[3]) Два изслѣдованія 73. В малор. тоже *з* вм. *с*(ъ): з того Дрг. 56 и пр.

(=по мужецки=по мужескп) Ол. Т. 615. точмяна (=тоцмяна=то(е)смяна) ib. 1052. 1192. учитця ВУ. СВ. Ярн. битцо Тт. Кдн. считатьце Втгр. Пм. 234. попадаетцы Тв. Аф. III. 367. ругаетця; женптця, женитца Вт. выбираютцё Вл. Э. С. V. 35 и т. п.

Сюда же относятся и *дц* вм. *дс* в числительных: двѣнадцать и пр. [1]); обратное явленіе в дѣепричастіи на *си* вм. *ци* из *чи* (вм. *ши*): ушодси (=ушодци=ушодчи=ушедши) Нвг.

с=ш:

перед гласными:

тышаць Он. К. I. 87. без проша Рз. III. 330. шабля Хл. А. Г. О.—ей Ол. Р. II. 246. шошки Шд. Аф. III. 427. шолить Млн. О. С. шельшина Шк. I. 83. еши (=есп) Ард. К. VI. 78. Кн. Як. 78. Ас. Бгр. ст. Д.;

перед согласными *в, к, м, п*:

швая Тхв. Д. О. С. шкляно Арх. О. С. шкирд ВВ. А. Г. О. ошмѣлился Мрм. яшно Прс. Д. воспрошпися Крсн. К. П. 124. родшво (=родс(т)во) Вт.

с=х:

перед гласными:

вяха Клз. О. С. вѣха (извѣстіе) Сбр. Д. О. С. хоня Пск. Ост. ib. [2]) ряхая Тмб. ib. тряхать Пск. Тв. ib. опояхать Пск. ib. Нвг. — ся Хл. А. Г. О. подпояхавши Вр. 128.;

в концѣ слов:

жах Кр. О. С. голох Алт. Д. О. С.;

перед согласными:

---

[1]) В малорусском в числительных такого образованія и *дс* и *дц*: одинадцяти Дрг. 126. одинадьсять ib. В мѣстоименіи *сей* в малор. часто *ц* вм. *с*: ця Дрг. 134. цёго 65. цьи Кд. у ціп бочці 106. цю. 26 и пр. В галицком малор. *ц*село вм. село (Два изслѣд. 136). Встрѣчается в малор. *ц* вм. *с* и перед *т*: пицтолів ib. 213. пицтолет ib. богацтво (=богаство=богатство) 222. В бѣлорусском—*ц*вѣчкп (свѣчкп) Б. П. Ш. 365., с чѣм можно сравнить влкр.: цвол (=ствол. Через форму *свол*, условленную выпаденіем *т*) Вн. А. Г. О.

[2]) Не сюда ли относится и *хны* (он давно *хны*) Кстр. О. С.?

ужахнется Срт. Пм. 323. ряхнуться Пск. Тв. Д. О. С. (ib. ряснуться) пахмарно (и пахмурно) Кр. ib. жухторить Клз. ib. (жустерить Рз. ib.). затрухнуть Пск. Тв. ib. (затруснуть ib.). пехтерь Арх. О. С. (ib. пестерь).

В этих примѣрах *х* вм. *с* является перед согласными *м*, *н*, *т*, перед гласными широкими и в концѣ слов.

Смѣна *с* на *х* свойственна в извѣстных случаях (быхъ—бысте и т. п.) всѣм славянским языкам изаревле. В древнерусских памятниках, кромѣ таких общих, есть и частные случаи этой звуковой смѣны: въху (=вьсю) Вкл. Варл. 1192. на Рухѣ Пск. I лѣт. П. С. Р. Л. IV. 192. в Рухѣ Пск. II. л. ib. V. 15.

Послѣдніе два примѣра показывают, что *х* вм. *с* может появиться и не перед широким гласным. В современном русском случаев смѣны *х* на *с* перед узким гласным, на сколько извѣстно, не встрѣчается. Большая часть приведенных случаев этой смѣны относится к сѣв.-влкр., но она не чужда и прочим частям русскаго языка; встрѣчается изрѣдка и в других славянских нарѣчіях [1]).

с=*ф* в одном словѣ=фтаратель Влг. О. С.

Вѣроятно, и в этом словѣ *с* измѣнилось на *х*, и *ф* явился из этого послѣдняго. Ср. вышеприведенное *ф*то.

Совершенно одиноко стоят слѣдующіе два слова, представляющія странную смѣну *с* на *в* и *ш*: волдат Рз. Д. О. С. ветьма Кз. Вр. 69.

ц измѣняется в *с* и *ч*; сверх того на мѣстѣ этого звука в нѣкоторых корнях находим основное *к* и видоизмѣненіе послѣдняго—*т*.

ц=*к*:

перед гласным:

кежь Крг. О. С. Ср. др. русское цѣжь. Лавр. сп. вр. Нестора под 997 г.;

перед согласными в словѣ *квьт* и производных:

---

[1]) См. замѣтку об этом явленіи Ягича в Archiv für sl. Fil. 1877. 2-er B. 2-es H. 400.

квѣт Кр. Опч. О. С. квѣтка Тл. ib. квѣтной Кр. ib. квѣсти Опч. ib.

Чаще в этом словѣ слышится *т*, предполагающее *к*:

твѣт Грб. А. Г. О. Лв. ib. Кр. Э. С. V. 108. Орл. Хл. О. С. Сткр. Э. С. I. 132. твѣты Хл. А. Г. О. Збц. ib. Юхн. ib. Чбк. Мги. 30 твѣточки Квр. См. 21. твѣтенье Смб. Д. О. С. твяту Врн. ib. твѣсти Влд. ib. твѣсть Мс. А. Г. О. твѣтно Смб. К. II. 49. 67. однотвѣтное ib. VI. 112. ростви́темшп Кр. Э. С. V. 37.

Мѣстами это слово является с начальным *с*:

свиточки Пск. Ш. 446. Ирб. Прм. Нвг. свѣток Сткр. Э. С. I. 135. Тмб. О. С. свитами Мс. А. Г. О. свѣла Тм. Э. С. VI. 3.

Свѣт предполагает *ц*вѣт, *т*вѣт предполагает *к*вѣт; *к* в послѣднем может быть основным, не предполагающим *ц*, как и в польском kwiat.

Впрочем, надо замѣтить, *к* может, так сказать, возрождаться из свистящаго или шипящаго, в который оно нѣкогда претворилось. На возможность этого возрожденія указывают, сверх вышеприведенной формы *к*ежь, слѣдующія двѣ формы, в которых *к* является на мѣстѣ *ч*:

токило Опч. О. С. кудесный С. Р. Д. О. С.

к в послѣднем могло сохраняться и изстари (ср. коудесити и пр. Lexicon pal. sl. Миклошича), но в остальных двух оно несомнѣнно явленіе вторичное, так так в древности *к* не могло сочетаться ни с *ѣ* (цѣжь) ни с *и* (точило).

ц=*с*:

изрѣдка в концѣ слов:

молодес Ек. Д. (вѣроятно, так и в другпх словах с конечным *ц*);

послѣ согласных:

сверх вышеприведеннаго *с*вѣт, иногда перед *т*: постп (=поцти=почтп) Прс. Д. унистожилось Чрп., и часто перед *н*: яспица (= яицница = япчница) Вт. зысно ib. О. С. (и—зычно ib.) на востосьпую Он. К. III. 47. кирпсьный ib. 72. брасьную ib. IV. 75. королевисьну ib. I. 78. гу-

досьник ib. III. 13. молосный Кдн.—ное. Прс. Д. Блх. Нж. Сб. III. 155. столесник ib. 157.

перед гласным:

пшениса Шд. А. Г. О. курпса яйсо снесла Юхн. ib. огурсы, безсонниса Врхт. серква Ирб. сарь ib. Нвс. ib. овса Нвс. ib. сана, яйса, бойса Тм. Э. С. VI. 3. улиса сарь Ирб. сапля ib. Тт. Кдн. пессяный (=песцяный=песчаный) СВ. песьяный Ол.

Кромѣ означенных здѣсь мѣстностей смѣна эта нигдѣ в русском языкѣ не встрѣчается. Она составляет исключительную черту нѣкоторых немногих говоров, являясь по преимуществу в восточной полосѣ сѣвернаго нарѣчія.

ц=ч:

в концѣ слов:

отечь, купечь Нвг. конечь Кдн. вѣнеч Хл. А. Г. О. кузнеч Млж. ib. молодечь Грх. Д. и т. п.;

перед *а*:

росцичам Вл. Э. С. V. 29. неразмоусцича ib. муценича Рмн. А. Г. О. овча Мд. Д. овчя Кдн. курича Н. Т. молодича Нвг. пшенича Кн. А. Г. О. сончя Вт. лича Он. К. I. 87. улича Тт. перьяча Ол. Г. 148. чарь Ард. К. VI. 77. Кн. А. Г. О. Арз. ib. чаря Ол. Г. 1293. Вт. чарей ib. 1204. чарство Лк. А. Г. О. Рж. Аф. I. 383. чапля Ксм. А. Г. О. на тринадчатой Вл. Э. С. V. 13. тридчать Он. К. I. 87. борчами Ард. Э. С. V. поборотчя ib. съпзжаютча ib. дзѣлатча ib. А. Г. О. (окающій говор) принимаютча ib. (акающій говор) и т. п.

перед *ё, е* (=*е* и =*ѣ*):

чепи Бгр. А. Г. О. черяпать Мд. Д. чѣп М. А. ib. чѣловать Пск. А. Г. О. черква Прх. ib. Крт. ib. Ас. ib. Ох. ib. Арз. ib. Лк. ib. (ib. церковь). черковь Тв. Рмн. Кн. ib. чѣной Он. Пм. 355. полотенчё Нвг. удальчов Ард. Э. С. V. сонче Он. К. III. 62. кольчо Млж. А. Г. О. Хл. ib. собраньчём Вл. Э. С. V. 29. словче Ол. Г. 776. пивчо Кн. А. Г. О. писемчё Вл. Э. С. V. 50. и т. п.

перед *и*:

чифирь Бгр. А. Г. О. молодчи Ард. Э. С. V. половичи

Нлн. птичи ib. рукавичи ib. Н. Т. А. Г. О. чиганочка Ол. Г. 76. чипями М. А. К. П. 462 и т. п. батчишка (=бачишка = бачюшка = бацюшка = батюшка) Н. Т. А. Г. О. тчибѣ ib. [1]).

Как видно из приведенных примѣров, смѣна *ц* на *ч* в южно-влкр. ограничивается немногими отдѣльными словами; в сѣв.-влкр. стремленіе к этой замѣнѣ развито сильно. Это естественно, так как переход *ц* в *ч* предполагает мягкость перваго из этих звуков; мягкость же *ц* сохраняется именно на сѣверѣ.

Мягкое *ц* с теченіем времени или отвердѣвает, или наклоняется по произношенію к *ч*, в которое затѣм и переходит. Есть в сѣв.-великор. говоры, в которых *ц* имѣет звук средній между чистым *ц* и таким же *ч* [2]). Это переходные говоры от тѣх, которые сохранили мягкое *ц*, к тѣм, которые превратили его в опредѣленное *ч*. Как замѣститель *ц*, *ч* то произносится мягко, то твердо. Конечно, древнѣе тѣ случаи, в которых *ч* из *ц* сохраняет свойственную этому послѣднему мягкость.

Перед согласными звуками переход *ц* в *ч* является рѣдко, и когда является, то, конечно, предполагает как и при глаѣных звуках, мягкость *ц*: чвитут чвиты (из—*цьвитут цьвиты*) Оп. К. II. 12. чвѣтнаго ib. Пм. 353. чвѣтном Ард. Э. С. V.

Сюда же относятся и тѣ случаи, в которых превращенное *ц* не основной звук, а замѣститель других звуков: по мужечки (=по мужецьки=по мужеськи) Ол. Г. 615. точмяна (=тоцьмяна=то(е)сьмяна) ib. 1052. 1192. лючки (=люцьки=людськи) Вт. О. С.

В малорусском мягкое *ц* не получило наклоненія к *ч*.

---

[1]) Такая передача (*тч*) звука *ч* из *ц* встрѣчается и у Даля в его статьѣ о нарѣчіях. Тамже *тш* и даже *цч* на мѣстѣ *ц* (с. 35. 36). Я на мѣстѣ *ц* слышал вездѣ или средній звук между *ц* и *ч* или чистое *ч*.

[2]) См. мои Отчеты (Замѣтки и пр. 10. 224).

Смѣна *ц* на *ч* хотя в нем и встрѣчается, но также рѣдко как и в южно-влкр.

Тоже слѣдует сказать и о бѣлорусском. И в нем (чаще в ржевском говорѣ, чѣм в других) смѣна *ц* на *ч* ограничивается немногими словами.

ж) *Шипящіе.*

Гораздо распространеннѣе смѣны *ц* на *ч* обратная смѣна—*ч* на *ц*.

ч=ц по преимуществу перед гласными звуками, нерѣдко в концѣ слов, рѣдко перед согласными.

Конечное *ч=ц*:

подпиц Кс. О. С. пец, пецка Арз. А. Г. О. ноць Мкр. ib. Ард. ib. доць Кшн. ib. клиц Крг. помоц Рж. Аф. I. 387. проц Ол. Г. (но—прочь ib.) Кдм. Д. (рѣдко) и т. п.

ча=ца (*ця=ця*):

плотницять Вт. вѣнцались Ол. Г. 544. (ib. вѣнчались) замолцали ib. 1091. звоницаты ib. 1323. летацаго Ол. Г. 340. вцора Смб. Ард. А. Г. О. цасовня Тв. А. Г. О. цасы Кшн. ib. цас Хл. ib. сейцас Ол. цась Пск. Тв. Д. О. С. цай, цвай Арз. А. Г. О. цяем Ол. Б. 140. цалнок (п—чалнок) Лк. ib. цадо Ол. Г. 470. пацяльник Вт. Крг. зацялся Он. К. III. 59. поцял Он. Пм. 355. цашка Инс. А. Г. О. Кн. Брв. Д. колаца Ол. туця Он. К. II. 11. сцяслив Крг. и пр.

че=це (*чё—чо=цё—цо*):

цетыре Он. К. I. 89. Вт. цецьверо Вт. цево Кн. А. Г. О. Вт. Ол. Б. 213. па цево это Ег. Д. нпцёго Ол. Г. 914. цё Р. IV. 225. тцево Грб. А. Г. О (цаво Хл. ib. цово Кшн. ib. Збц. ib.) церф, цпрвяк Млж. ib. цело Ох. ib. целом Ол. Г. 1098. целовѣк Рмн. А. Г. О. целавѣк Кс. ib. Крт. ib. (цыльек Рз. Мщр. О. С. цалэк Кс. Ег. Д.). через (п—через) Вт. Ол. Г. 914. цей, цья, поцему СВ. цожело Вт. церпая Ол. Г. 258. цорная ib. 33. надалецѣ—далечѣ ib. Р. III. 20. вецер Тв. А. Г. О. парнищёк Вт. поценёк Он. К. I. 82. поцевать Вт. руценки Ол. Г. 256. муценича Рмн. А.

Г. О. лутце, легце Нвг. Уст. Чрп. Крл. могуцей Шк. К. I. 80. дремуцій Ард. К. VI. 77. грецеську Он. Пм. 371. цол (чел) Арз. А. Г. О.

чи=ци:

цитать Кн. А. Г. О. Кдн. сципали Вл. Э. С. V. 40. цистить Кдн. цихотка, цырей Трж. А. Г. О. стаканцык Н. Л. Инс. Д. концик Грб. ib. унуцык Рж. Аф. I. 387. пономарцики Вт. малецык (п — малечик) Пск. Тв. Д. О. С. бороцына (барщина), обоцына (община) Инс. А. Г. О. росцичам Вл. Э. С. V. 29. гвоздисцитых ib. 27. неразмоусцича ib. 24. поцинить Крг. уцить Нвг. уцится Вт. вышедци, ушодци Нвг. ѣдаюци, пиваюци Ол. Г. 308. и пр.

чу=цу (*чю=цю*):

цюмаки Он. Пм. 373. цудо Ох. А. Г. О. цюдовища Ол. Г. 864. цугун Инс. А. Г. О. цужи Сткр. Э. С. I. 155. цют Ол. Г. 684. хоцу Нвс. ib. тысяцу Квр. См. 169. (тысяцы ib. тысяца Кс. Д.) и пр.

Перед согласным *к* суфикса *ьк*:

яицки Ол. Г. 217 (но ib. яичко), потницки ib. 161. (но ib. потнички), молоцка, угароцки Уст., руцка с руцкой ib. кренделецков Н. Т. А. Г. О.

Перед согласными *н* и *т* превращается *ц* из *ч* в *с*, о чем выше уже сказано.

В мѣстоименіи *что* является и *с* и *ц*: сто Влг. Тт. цто Брв. Д. Лк. А. Г. О.

Изрѣдка *с* вм. *ц* из *ч* встрѣчается даже перед гласным звуком:

ременсат (=ременцат=ременчат) Ол. Г. 779. колсан (=колцан=колчан) ib. Р. IV. 8.

И эта смѣна—*ч* на *ц* [1]),—как и обратная, почти исключительно развита в сѣверном-великорусском [2]).

---

[1]) Сверх отмѣченных здѣсь случаев, см. приведенные выше. С. 154—5.

[2]) О степени распространенности этого явленія (чаще замѣчаемаго чѣм обратное) в сѣв.-великр. см. мои Отчеты (Замѣтки и пр. 19. 121. 224. 300. 330).

В южном, как показывают приведенные примѣры, она является лишь исключеніем, в нѣкоторых немногих мѣстностях. Несвойственна эта смѣна и малорусскому [1]), Но в бѣлорусском она встрѣчается нерѣдко в нѣкоторых говорах, не только в сосѣдящих с сѣверно-великор. нарѣчіем, но и в удаленных от послѣдняго,—там, слѣд., гдѣ допустить сѣв.-влкр. вліяніе невозможно:

ци=чи Б. П. Ш. 48. 452. цикала 132. цапцом (и—чепцом) 165. цераз ib. цираз 149. поцываешь 105. за цым 57. в цистом 105. цистому 216. пцёлка ib. горяцым 483. круцынушкой ib. цот 452. отголосоцки 483. щетоцку 165. подароцков 55 и пр. [2]).

Цоканье (т. е. смѣна *ч* на *ц*)—весьма древняя черта в сѣв.-влкр.: оно замѣчается уже в нѣкоторых памятниках XI ст. [3]).

В современном сѣв.-влкр., как видно из вышеприведенных примѣров, *ч* независимо от его происхожденія смѣняется на *ц* (и *ч* из *к*, и *ч* из *тт*, *кт*, и *ч* из *т*), но не *каждое ч*. Нѣт ни одного говора, как бы сильно не было в нем развито стремленіе к смѣнѣ *ч* на *ц*, который не знал бы звука *ч*; в каждом на ряду с случаями измѣненія *ч* на *ц* находим и случаи сохраненія перваго из этих звуков; а в нѣкоторых при смѣнѣ *ч* на *ц* встрѣчаем даже обратную. Опредѣлить, когда *ч* должно перейти в *ц* и когда остаться неизмѣненным, я, на основаніи извѣстных мнѣ, к этому явленію относящихся случаев, — не вижу возможности. Неясной остается и причина этой смѣны как в древнем так и в современном русском языкѣ. Мягкость *ч* не могла вызвать его превращенія в *ц*: послѣдній звук на мѣстѣ *ч* (как и всякій другой свистящій на мѣстѣ шипящаго)

---

[1]) Два изслѣд. 137. К двум приведенным там примѣрам из галицкаго добавлю еще два: один из украинскаго: цьи=чьи Алекс. у.). Дрг. 69., другой из галицкаго: пьец ib. 275.

[2]) Эти данныя относятся к уѣздам лепельскому, себежскому и витебскому, по преимуществу к послѣдним двум.

[3]) См. мой Очерк и пр. 64.

не может быть понят как слѣдствіе органическаго видоизмѣненія послѣдняго; *ц* есть *замѣна ч.* Эта замѣна вызывается стремленіем избѣгнуть в извѣстных случаях шипящаго звука. Но остается вопросом: почему является это стремленіе, обнаруживающееся, при том, по разным говорам не с одинаковою силой [1])?

Аналогію с измѣненіем *ч* на *ц* представляют измѣненія других двух шипящих в соотвѣтствующіе им свистящіе; но эти измѣненія встрѣчаются несравненно рѣже смѣны *ч* на *ц*, являясь в ограниченном кругу слов, в небольшом числѣ случаев.

ж=*з*:

перед гласным:

зябры М. А. О. С.

зарко Ол. Г. 290.

завороночек ib. 327.

мез уши ib. 300.

хызинка ib. 543.

за́лоза Пск. Тв. Д. О. С. залѣзо Лк. А. Г. О. зелѣзо Хл. ib. зелѣзной Вт. зелизо Св. А. Г. О. золѣзо́ Ох. ib. Нвг. Нкл. Кдн. Тт. ВУ. СВ. Ирб. Арх.

земчужный Пск. Ш. 363. земчуг Лк. А. Г. О.;

перед согласными *к* и *н*:

рогозка Нвг. Нкл. Тт. Кдн. ВУ. СВ. Ирб. Арх. порозной ib. дорозной Ол. Р. I. 158 [2]).

ш=*с*:

---

[1]) Для уясненія этого явленія важно возможно полное собраніе и разсмотрѣніе относящихся к нему данных по каждому говору в отдѣльности. Слова с *ц* вм. *ч*, общія всѣм говорам, должны быть признаны за древнѣйшія. Таких слов, вѣроятно, окажется не особенно много.

[2]) Нѣкоторые из этих слов в такой же звуковой формѣ существуют в малорусском и бѣлорусском: зализо (Старосвѣтскій Бандуриста II. 322), зелѣзо, зелѣзный и пр. (Слов. Бѣлор. нар. Носовича). земчуг (ib.). Замѣчается смѣна *ж* на *з* в этих нарѣчіях и в нѣкоторых других случаях: зездом Дрг. 135. заірзав ib. 360. зарзали Б. П. Ш. 347.

перед гласным (рѣдко):

салаш Мрм. салажик ib.;

перед согласными:

л: слюзы Ол. Р. III. 391. Блз.

п: спеньки Ол. Г. 547.

й: пѣсью Рз. О. С.

п: басью Он. Пм. 369. окромѣсьной ад. Вр. 74.

к: батюска, матуска Инс. А. Г. О. (нигдѣ, на сколько извѣстно, в других мѣстностях).

Взаимная смѣна шипящих представляет слѣдующіе случаи:

ч мѣняется с *ш* и *щ* и переходит в *ж*.

ч=ш:

рѣдко перед гласным: шово Збц. Д.;

часто перед согласными *л* и *т*: королевишной Ол. Г. 711. маломошны ib. Р. III. 24. (но—маломочнаго ib. 128). и т. п. машты Ол. Г. 367. 732 и т. п. [1]).

Особенно часты такіе случаи в южно-влкр.; на сѣверѣ они, конечно, имѣют мѣсто лишь там, гдѣ *ч* не превращается в *ц*.

Рѣдко (за исключеніем дѣепричастных форм на *чи* вм. *ши*) встрѣчается обратное явленіе: *ш=ч*:

почлиной Ол. Г. 579. роскочныя яства М. К. П. 51 [2])

ч=щ:

почти исключительно перед гласными:

кирпищат Сз. зв. К. I. 67. перщатки Ол. Г. 962. пещеры ib. 345 (но—печерах ib. 320). Щурилы ib. 523. помущается ib. 71. щеботы ib. Р. IV. 59. хощет (по вліянію церковнаго языка?) Шк. К V. 3. щан ib. (но—чан ib. 5). щану Ол. Г. 1142;

перед согласным извѣстен мнѣ лишь один случай этой звуковой смѣны:

---

[1]) В малор.: коршму Дрг. 209 смашного 106 и т. п.

[2]) В малор. галицком—до чколы Дрг. 363. О формах, подобных — менчий, крашчий и пр. см. А. А. Потебни Замѣтки о малор. нар. 85 и сл.

вѣковѣщная Тв. Ш. 217.

Обратное явленіе—*щ*=*ч*—только перед гласными:

хручатую Смб. К. VII. 27. возмучается Вр. 46. 90. возвращался ib. возвращусь Ол. Г. 323. обчество ib. Б. 291. вобче ib. 161. обчую ib. Г. 731. спучается ib. 308. радочен ib. 1303. чеколда Тв. Д. О. С.

ч=*ж*:

знаю лишь один случай такой смѣны перед гласным: жимерица Тл. Д. О. С. и один перед согласным: новóбражного Рж. Э. С. I. 239.

ж в концѣ слов,—в южно-влкр. постоянно, в сѣверном нерѣдко, но не всегда,—переходит в *щ*; тоже и в срединѣ перед *к*. Рѣдко замѣчается эта смѣна в других случаях:

лошецкой Вл. Э. С. V. 50. худошеством Ол. Г. 521. понемношечку ib. 961. шана Кст. Д. мошно Ол. Г. 287. 672. 1252 [1]).

щ мѣняется с *ч* и *шт* и переходит в *шш*.

щ=*ж* встрѣтилось мнѣ лишь в одном словѣ:

жужукать Блх. Нх. Сб. III. 154.

щ=*шт*:

ешто Ск. А. Г. О. Влг. О. С. ешта Врн. Д. шти Вс. А. Г. О. штювать Прм. О. С. штёпочки Он. К. III. 45. ушишта ib. Пм. 368. пляштого ib. К. III. 35.

шт=*щ*:

ѣщё (=ѣштё=ѣште) Сткр. Э. С. I. 136. щё и що (=штё=што=что) Тт. Кдн. Вт. и пр. (см. ниже — в отдѣлѣ форм). Сюда же относится и—дващи (двашти=дважди=дважды) Острг. Тмб. О. С.

---

[1]) Не вѣрнѣе ли, впрочем, понимать мошно, как мочно? Слово это в такой звуковой формѣ встрѣчается в слѣдующих выраженіях:

А готовы оны (терема) да мошно жить перейти 287.
Да взять теби мошно Опраксу Королевичну 672.
А наношено народу там видь смѣты нѣт,
Смѣты нѣт да смѣтить нéмошно. 1252.

щ иногда =*ш*, гораздо чаще двойному *ш*, — вслѣдствіе ассимиляціи втораго звука, входящаго в *щ* с первым (*щ* =*шч*):

мошши Нж. К. VII. 76. пр. спущшает Он. К. III. 59. старичишшо ib. 45. плошшади ib. пишшу Вр. 40. свѣшши ib. 90. попришша ib. распрошшаюся Кр. Э. С. V. 49. шшыпать ib. 75. шшука, шшетина, чашща, ешшо Блз. свишшет Вт. пушше ib. пушшо Нж. К. I. 35. свяшшенник Арх. шшоцики Вт. шши Сткр. Э. С. I. 132. глазишша Он. Пм. 368. прошшай Мс. А. Г. О. ишшо Мц. ib. Ефр. ib. ешшо СВ. Тт. Кдн. слашше ib. шшот Ефр. А. Г. О.;

товариши Пск. Ш. 147. радошен Сзр. К. VII. ише Он. К. III. 59. IV. 75. ишё Влд. К. II. 97. вешь Рж. Э. С. I. 239 [1]).

И так, шипящіе мѣняются с свистящими и между собою. С другими звуками они не сближаются [2]). Вм. *ч* в немногих случаях, встрѣчается *т*:

дѣвитья коса Тв. Ш. 482. помать ib. 238. поть Рз. ib. 474. Сткр. Э. С. I. 134. пет (вм. петь = печь) Влд. Д. О. С.;

но вѣроятно в этих случаях *т* не непосредственно возникает из *ч*, а предполагает смѣну послѣдняго на *ц*. Ср. дѣвить=дѣвпць Тв. Ш. 385 [3]).

Кажется *ч* не вездѣ звучит одинаково. В нѣкоторых источниках для выраженія его употреблены слѣдующія сочетанія согласных:

тсч: прятсчется Кп. Э. С. V.

чш: яичшко, свѣчьшка Бгр. А. Г. О.

цш и *чш*: цшево, чшаво, цшудо, чшудо Кн. ib. минутычшку Срг. ib.

тш: тшолнок Лк. ib.

---

[1]) И в малорусском встрѣчается *ш* вм. *щ*: шо Дрг. 2. 3. 12, шо ше буде ib.

[2]) В малор. *й* вм. *ж*: кае Дрг. 67.

[3]) В бѣлор. на мѣстѣ *чи* встрѣчается и *ци* и *ти* Б. П. Ш. 428.

тщ: тщерква ib.

тчш (!): тчшеловѣк Срг. ib. шапотчшка ib. тчшичыре ib.

Конечно, эти сочетанія далеко не точно передают особенности произношенія *ч* в означенных мѣстностях (послѣднее из них едва ли даже возможно для какого бы то нибыло языка); но всѣ они свидѣтельствуют о том, что произношеніе *ч* в нѣкоторых говорах дѣйствительно представляет какую то особенность.

Большая часть всѣх вышеприведенных случаев мѣн и измѣненій согласных относится к сѣверно-великорусскому. Это нарѣчіе, представляя большую, сравнительно с южным, устойчивость гласных звуков, отличается большим разнообразіем явленій в средѣ согласных.

Не всѣ, впрочем, приведенные примѣры представляют собою явленія в строгом смыслѣ этого слова фонетическія т. е. не всѣ они объясняются сродством звуков и возможностью, вслѣдствіе этого сродства, перехода одного звука в другой. Нѣкоторые из отмѣченных звуковых смѣн вызваны ложной аналогіей, другіе являются слѣдствіем народной этимологіи. Но в большинствѣ случаев смѣны эти условлены родством звуков.

Для характеристики этого родства особенно важны измѣненія согласных перед гласными. В случаях этих измѣненій встрѣчаем, за относительно немногими исключеніями, парныя явленія, т. е. *мѣну* согласных.

Для наглядности привожу здѣсь параллели этого явленія [1]):

р=л; (р=в, в=р); (р=н).

л=в, в=л; л=н, н=л; л=й, й=л.

н=м, м=н.

м=б; м=в.

---

[1]) В скобках поставлены тѣ звуковыя измѣненія, которыя являются в отдѣльных случаях.

б=в; (б=г).
(в=г); г=в; (в=ф).
п=б, (б=п).
ф=п; ф=хв, хв=ф; ф=х, х=ф.
(г=к), к=г; (г=х); г=д, (д=г).
к=х, х=к; к=т, т=к.
д=т, т=д.
з=ж, ж=з.
с=ш, (ш=с); с=з; с=ц, ц=с; с=х; (с=в).
ц=к; ц=ч, ч=ц.
(ш=ж).
ж=ч, (ч=ж); ч=ш; ч=щ, щ=ч; ч(ц?)=т.
щ=шт, шт=щ; щ=шш=щ.

И так, измѣненіе согласнаго перед гласным в большинствѣ случаев есть мѣна; наоборот—лишь в меньшинствѣ случаев мѣняются согласные измѣняющіеся перед согласными.

Смѣны согласных перед согласными характеризуют не столько самые измѣняющіеся согласные сколько группы, сочетанія их.

В концѣ слов мѣны согласных почти совсѣм нѣт; случаи же смѣны не разнообразны, представляя большею частію измѣненіе звучнаго в отзвучный.

IV.

Измѣненія согласных.

На ряду с мѣной согласных в предъидущем отмѣчен уже ряд измѣненій их в группах [1]. Всѣ остальные; еще

---

[1]) Из вышеприведенных примѣров видно, что измѣненія совершаются в слѣдующих парных сочетаніях согласных:
бк=пк; бз, бк, бн=мз, мк, мн.
вр, вл=бр, бл; вн, вш, вц, вск=мн, мш, мц, мск; вг, вд, =лг, лд.

неупомянутыя явленія в средѣ согласных подводятся под слѣдующія рубрики: ассимиляція, диссимиляція, опущеніе, вставка, приставка, перестановка.

1.

Ассимиляція и диссимиляція.

Ассимилируются согласные в слѣдующих сочетаніях:

бм=мм: не омманывай Арх. К. VI. 120. омманывает Нлп. Вр. 79. омманывать Тв. Аф. III. 370. омманула Ол. Г. 115. оммѣривать Блз. омморок Нвг.

бв=вв: оввѣют Ол. Р. IV. 37.

бп=пп: оппекет ib.

тд=дд: оддать Вт. оддасть Кр. Э. С. V. 59.

цс=сс: цыссёба (=цысцеба=ц(ч)ищ(шч)оба Взн. Д. О. С. писсяной СВ.

шс=сс: мусскому (=мушскому=мужскому) Вл. Э. С

пт, пч=мт, мч.

мл=бл; мн=вн; мск=иск.

фй, фр=хй, хр.

н'к, н'н,=лк, лн; нр, нск=мр, мск; нтр=ндр.

гл, гн=бл, бн; гд=вд.

кр, кл=гр, гл; кр, кв=хр, хв.

хр, хл=кр, кл; хт, хн=фт, фн.

дк=тк; дс=дц.

тй=дй; тс=тц.

зк=ск; зй, з'м, з'н=жй, жм, жн.

ст=зд; сн=зн; сб. и пр.=зб. и пр.; ск=цк; св, см, сн, ск=шв, шм, шн, шк; св=цв; сн, см, ст=хн, хм, хт; ст=фт; см=цм; св=цв.

цв=св=тв=кв; цп, цт=сн, ст; цв, цк, цм=чв, чк, чм.

чк, чн, чт=цк, цн, цт; чн, чт=шн, шт; чн, чт=щн, щт; жк, жн=зк, зн.

шл, шп, шй=сл, сп, сй; шн, шк, шс=сн, ск, сс; шн, шл =чн, чл.

V. 22. научисся Арх. Аф. II. 44. садиссё Вл. Э. С. V. 22. пробудиссе Он. Пм. 371. кланяясся Квр. См. 122.

шц (из *шч=щ*)=*сц*: пгрисца Вл. Э. С. V. 23. прибѣжисце ib. 24.

шс=шш: умываещша Чрд. Д. учишша Ек. А. Г. О. не оберешша ib. [1]).

щ (=*шч*)=*шш*: шшасье Ирб. А. Г. О. шшитать ib. спушшать Ек. ишше ib.

Сюда же относятся и вышеприведенные примѣры с *шш* вм. *щ*.

зж=жж: ѣжжал Нж. Пм. 82. узъижають Кр. Э. С. V. 61 .[2]).

дн=нн: поннями (=подними) Тв. Аф. III. 368. ланно (ладно) ib. 367. А. Г. О. Cткр. Э. С. I. 132. винно (видно). сегоння (сегодня) ib. нно (дно) ib. ннем (днем) ib. вренно Тв. А. Г. О. ронная мать ib. во послѣнніе Млж. ib.

Едва ли однако это дѣйствительные случаи ассимиляціи; уподобляются одни другому только звуки близко родственные между собой. Вѣроятно, в приведенных примѣрах удвоеніе *н* вызвано отпаденіем *д* [3]). Иногда при отпаденіи этого звука *н* не удваивается: бли(д)ной Млж. А. Г. О. би(д)ной ib. [4]).

Диссимиляція звуков проявляется по преимуществу при столкновеніи шипящих звуков в словѣ:

шч (*щ*) = *сч*: пусче Кн. Л. Р. Л. II. 118: Ард. Э. С. V. К. VI. 77. косисчете К. VI. 78. трусшоба Ек. А. Г. О.

---

[1]) Вм. *шс* в тв. у. *шст*: ругаешстя, ошибаешстя Э. С. I. 180.

[2]) В бѣлорусском находим в этом словѣ группу *ждж* и *здж*: поѣзджае Б. П. Ш. 188. поѣзжджау ib. 202 и т. д. Сочетаніе *ждж* в том же нарѣчіи является еще в словах — *дождь* и *гвозжу*: гвожджу ib. 24. дожджами ib. 319.

[3]) Есть один случай обратнаго явленія—диссимиляціи *нн* в *дн*: молодня (=молонния=молонья) Рсл. О. С.

[4]) Не знаю, как объяснить формы *жжу*, *жжал* Инс. А. Г. О. вм. *жду*, *ждал*. Не предполагают ли онѣ неорганическаго смягченія *д*?

исшо Скп. ib. Слб. выросшу Нж. Пм. 118 сшека Бгр. ст. Д. сшепа ib. сшипывали Мс. А. Г. О. сшипать Ирб. А. Г. О. сшипатсь Сткр. Э. С. I. 136. сшалкатсь ib. пусшайтсе Рж. Аф I. 387. [1]).

Вмѣсто усвоенной литературному языку, порожденной диссимиляціей звуков, формы *мягко*, в сѣверно-великор. народном мѣстами встрѣчается *мякко* Сткр. Э. С. I. 131 (*мяко* Ол. Г. 715). Весьма однако возможно, что в такой формѣ этого слова имѣем не остаток старины, а лишь возвращеніе к первичной формѣ через позднѣйшую ассимиляцію диссимилированных раньше звуков. Ср. *лекко* вм. *легко* Сткр. ib. нелеккая Втг. Пм. 226.

2.

Опущеніе.

Опускаются слѣдующіе согласные: *й, б, в, г, к, х, д, т, н, л, р, п, с, ч, ш.*

й опускается в началѣ слов, в концѣ, в срединѣ—по преимуществу перед гласными.

Опущеніе *й* в началѣ чрезвычайно рѣдко. Мнѣ встрѣтился лишь один сюда относящійся случай: ад = яд Кшр. Э. С. II. 83.

Конечное *й* часто опускается в бѣлорусском: вишневы Б. П. Ш. 51. ня би (не бей), поби ib. 136. пи ib. 244. пи же ib. 433 и т. п. [2]); в сѣверном и южном великорусском, особенно в послѣднем, опущеніе конечнаго *й* замѣчается рѣдко (в том и другом—никогда в повелительном наклоненіи): домо(й) Лп. Аф. I. 62. храбры(й) Ол. Г. 302.

---

[1]) К диссимиляціи, кажется, нужно отнести и слѣдующіе случаи: выпщали (выѣзжали, через формы: выпижжали, выпшшали?) Лк. А. Г. О. пріѣждять (пріѣзжать — пріѣжжать—пріѣждять?) Тт. Кдн.

[2]) Опущеніе *й* в этом случаѣ не составляет непремѣннаго правила: чужій ib. 480. пижей 360 и пр.

щастливѣ, несчастнѣ Чбк. Мгн. 53. смѣлѣ, вѣжливѣ Он. Пм. 376.

Чаще, но однако же рѣдко, встрѣчается в великорусском опущеніе срединнаго *й*:

перед согласным:

убирась Вт. да(й) ка Вт. к мому (=к мойму) Св. Мжр. 39. свого Ол. Г. 780. подём ib. 253. подёмте ib. 234. поди Мс. А. Г. О. поду Чрп. Д. О. С. Рмн. А. Г. О. выду Ол. Б. 228. выдет ib. 11. сюды то(й)ди Блз [1]);

перед гласным:

овча (= овчья) Вт. дяков ib. сяючим (= сіяючим= сьяючим) Ол. Г. 664, [2]), ко Божой (ко Божьей=ко Божьёй =ко Божёй) ко церкви Вт. с косой дѣвичей Пск. Ш. 557. коровя Тмб. Аф. II. 513. позволеня ib. 24. сватова (=сватовя=сватовья) Птрз. К. П. 508.

Опущеніе *й* в случаях подобных послѣдним трем сильно развито в бѣлорусском, гдѣ оно вызывает обыкновенно удвоеніе согласнаго предшествующаго йоту:

подлаввя Б. П. Ш. 19. лошаддю Рж. Аф. I. 386. абротте ib. пѣнне ib. Э. С. I. 237. каппё ib. у Василля ib. 213. Илля ib. 239. Авдоття ib. подполля Б. П. Ш. 19. баранню ib. подпечча ib. Ягорьря ib. 77. Юрьря ib. 123. суддзя ib. 135. счасцця ib. 194. трецци ib. 265. ко Божжому ib. 484.

Не вездѣ однако и в бѣлорусском прп опущеніи *й* является удвоеніе: сват с сваціяй ib. 322. [3]).

б перед гласным звуком опускается мѣстами в словѣ ба(б)ушка Лк. А. Г. О. Чбк. Мн. 72. Блз. п—часто—в род.

---

[1]) Вм. пойдём—подём в Пшх. поом. Ср. вышеприведенное Мрм. пэхал=поѣхал.

[2]) В малор: сяе Дрг. 287.

[3]) В том же говорѣ (Лепельскій у.) и удвоеніе. Нѣкоторым говорам оно кажется совсѣм несвойственно. См. Два изслѣд. 72. Удвоеніем согласных в случаѣ опущенія *й*, предшествующаго гласному, бѣлорусское сходится с малорусским (украинским). Об удвоеніи в послѣднем—Два изслѣдов. 137.

и дат. пад. ед. ч. мѣстоименій личных 1-аго и 2-аго лица и возвратнаго:

цеѣ Ард. К. VI. 80. сеэ ib. Э. С. V. теѣ Нж. К. II. 90. сеѣ ib. I. 34. таѣ Нвс. Э. С. II. саѣ ib. Кр. Д. Рз. О. С. тея Ол. Р. III. 195. тія ib. Б. 103. тіѣ ib. 4. 90. тея, сея Влд. Сдг. Мрм.

Перед согласным в сочетаніи *бв*: о(б)вернулся Ол. Г. 113, но—обвернулся ib. 102. Р. III. 280.

В группѣ *бв* южно-влкр. большею частію опускает *в*, но в сѣверном не рѣдко сохраняются оба звуки этого сочетанія: обвоз Прм. обвѣщать Арх. ib. обвѣт, обвязанность Ек. А. Г. О. обвѣшшался Нлн. обворотил Арх. Аф. I. 171. [1]).

В—озяци (=озябци=озябти) Стркр. Э. С. I. 135. губной звук не удержался перед *т*(*ц*), согласно с древней фонетикой. Ср. гретн вм. гребти (Lex. pol. sl. Миклош.; ib., однако, озѧсти).

Начальное *в* перед гласным звуком отпадает в словѣ (в)идишь Кшр. Э. С. II. 82 [2]), срединное *в* изчезает в нѣкоторых словах перед *у*: дѣушки Лк. А. Г. О. дѣушкѣ Квр. См. 6.—у ib. 11. 41. лоушку Арх. Аф. II. 44. слоутник Крл. О. С. слоущій Тл. Д. О. С. золоущку Квр. См. 22. 146.

Чаще отпадает *в* перед согласными в группах *вз*, *взг*, *взд*, *вск*, *вст*, *всл*, *вкр*:

(в)зыграть Ол. Г. 138. (в)зглянуть ib. Б. 68.—у. ib. 188. Г. 186.—и ib. 687. не(в)згодушка ib. 178. (в)здох ib. 236. Р. II. 9. (в)здорная ib. Б. 220. (в)скочнть ib. Р. III. 452. дурако(в)ская, зубцо(в)ская Лк. А. Г. О. (Ср. сказанное выше—на с. 16). па(в)скій Тл. Д. О. С. (в)ставай Ол. Г. 24. (в)стал ib. 59. Нвг. (в)круг Ол. Р. III. 452. (в)слѣд ib. Г. 852 [3]).

---

[1]) Возможно оказывается мѣстами даже сочетаніе *бг*: обглянулся Пск. Тв. Д. О. С.

[2]) В малор. начальное *в* опускается—перед гласными—(в)озьми Дрг. 26. 115 и перед согласными—(в)ремня ib. 13. 126.

[3]) домолать Пнз. Тмб. О. С. молать Кз. Д. О. С. — через опущеніе *в* или вслѣдствіе какого либо уподобленія, аналогіи?

г опускается перед согласными *д, л, р, н* и — в немногих случаях — перед гласными:

Осподин Бт. осударь ib. Ол. Г. 927. киняня ib. 38. Нж. Пм. 123 — и Чбк. Мгн. 156. — ющка Нж. К. IV. 86. аньял Лп. Аф. III. 117. Олья (Ольга) Блх. Нж. Сб. III. 156 [1]).

(г)дѣ Квр. См. 7. (г)ля(д)п Кр. Д. О. С. када Кшр. Э. С. II. за(Г)рунюшку Пск. Ш. 224. по(г)реба Ол. Б. 16. (но — погреба ib. 18.) я(г)нить Пск. О. С. засте(г)нуть ib. Тв. Д. О. С. — тся Ол. Г. 526. раствор(г)нути ib. Р. III. 151.

Иногда сочетаніе *гн* на сѣверѣ сохраняется: раздвигнули Крг. простыгнуть Арх. О. С.

к опускается в сочетаніи *кн*:

тол(к)нуть Тв. О. С. Нвг. зат(к)нуть Пск. Тв. Д. О. С. зам(к)нул Нвг. зам(к)ну Ол. Г. 348 — ите ib. 614. Б. 122. стол(к)нутся ib. Г. 776 — 8. стос(к)нется ib. Б. 36. 197. стоснулся ib. Р. IV. 19.

Опущеніе *х* встрѣтилось только в группѣ *схв* слова — с(х)ватиу Вл. Э. С. V. 37.

Отпаденіе *д* перед гласным имѣет мѣсто в корнях гляд, нд, сяд — в нѣкоторых немногих говорах: (г)ля(д)п Кр. Д. О. С. не гля(д)ят Сткр. Э. С. I. 132. и(д)и, по(д)и, прово(д)п ib. схо(д)и Кшн. А. Г. О. ся(д)ись ib.

В концѣ слов: уѣз(д) Вт. гвоз(д) В. У. гвозьё Вл. Э. С. V. 34. гораз(д) Вт.

Сюда же относится и слово — дош (=дождь=дожд=дож) Вт.

В срединѣ слов в сочетаніях *дн, дств. дч*:

па(д)черь Пм. 193.

сенни (= седни) Влг. Арх. обѣння (= обѣдня) Мшк. А. Г. О. отхо(д)ный Тв. Д. О. С. Ср. вышеприведенные примѣры с *н* и *нн* на мѣстѣ *дн* [2]).

---

[1]) Странно — дол(г)онько Ол. Г. 690.

[2]) В началѣ слова *д* группы *дн* опущено в — (Д)нѣпр Ол. Р. III. 176.

уга(д)путь Арх. О. С. упа(д)путь Кр. ib. ро(д)с(т)во, слѣ(д)с(т)во ВУ. СВ. Тт.

т опускается чаще других звуков.

В сѣв.-влкр. сильно развито стремленіе к опущенію конечнаго *т* в сочетаніи *ст, сть*:

не ѣс Оп. К. III. 42. ѣс Арх. Аф. I. 170.

нсь Шк. К. III. 42. Тм. Э. С. VI. 4.

есь Нж. К. I. 36. Оп. ib. 89. Нвг.

сись Ол. Б. 164. сѣсь ib. 107. 195. Ярс.

дас (даст) Блз. Нвг.

перс Он. К. II. 76. волось Вл Э. С. V. 22. цась Тв. Пск. Д. О. С. горсь Тм. Э. С. VI. 4. пусь ib. СВ. ВУ Ярн. хвос Нвг. кось, шесь Крг. тросъ. грусь ВУ. рѣчпс Ол. Р. III. 151. Ярс. кус(т) Тм. Э. С. VI. 4. гось Втг. Пм. 232. болѣзь Вт. (не из — болѣзнь а из болѣсть) нещасья Лк. А. Г. О.

Такіе случаи чужды южно-влкр. [1]) и малорусскому, но встрѣчаются в бѣлорусском:

ись Рж. Э. С. I. 257. радось ib. кось Б. П. Ш. 78. ёс(ш)ь ib. 147. 303. пе ѣсь ib. 391. ѣсь ib. 420. рось. 429.

В срединѣ слоч *т* опускается в велико-русском перед *й, к, л, н, в, п, с, д* сочетаній: *стй, стк, стл, тн, стн, ств, тп, тст, тд*:

хресьянин Нж. К. I. 34. Вр. 118—скую.

невѣска Пнз. Д. Тм. Э. С. VI. 2.

услана (=устлана) Ол. Б. 100.

гло(т)нешь ib. Г. 833. сглонул Грг. срѣнуть Вдд. Тмб. О. С. шануть Вт. Прм. ib. груз(ст)но Вт. свершна К. IV. 70. персиями Чбк. Мгн. 131. богатесьво Вр. 157. богаство Кр. Э. С. V. 39. доро(д)ством ib. 40. замужсво Он. К. II. 12. родшво (родство) Вт. из отецесьва Он. Пм. 359. ѣсва Чбк. Мгн. 57.

о(т)пустил Крг. Нлн. остегнул Крг. о(т)дай ib.

жалослив Ол. Р. IV. 106. охваслив ib. Г. 789.

---

[1]) Только в Тмб. изнависъ Д.

Остальные вышеозначенные согласные звуки опускаются рѣдко.

ч только перед *с* суфикса *ств*: одиноство Кр. Д. О. С.

п только в сочетаніи с *т* в словѣ (п)тица Ол. (п)ташка ib.

с в началѣ немногих слов при сочетаніи с *к, м, т*: (с)комаровчато Ол. Т. 607. (с)коморошина ib. 608. (с)только ib. 117. (с)тупай Влд. (с)мотри Тв. Д.

р—в одном словѣ в началѣ: (р)ёбро Сткр. Э. С. I. 133. и в одном в концѣ—доб(р) Пск. О. С. Нвг. Уст.

л—в одном словѣ перед согласным: то(л)ко Вл. Э. С. V. 46. и в двух перед гласным: по(л)удновать Пнз. О. С. б(л)а(го)слови Кр. Э. С. V. 40.

Опущеніе *н* встрѣчается не рѣдко, но в одном лишь случаѣ—в косвенных падежах мѣстоименія 3 лица: по ей Рз. Ш. 645. с им Влд. с ими, с ей Нвг. у ёво, в ём Вт. Квр. См. 18. (с нее ib. 19).

В—подъиму ib. 109. опущено *н* того же характера (т. е. *н* явившееся из *й*).

паре Влг. Арх. О. С. предполагает вѣроятно не пар*ень*, а паря: лотрыга Пнз. О, С. — форма первичная: лонтрыга явилась из нея через вставку *н*. Ср. польское łotr.

Быть может, и забрецяли Он. Пм. 377 [1]) древнѣе забр*ен*чали.

ш опущено в формѣ—врё(шь) Влг. Арх. слы (=слышь =слышишь) Тмб. Д.

В нѣкоторых словах выпадают цѣлые слоги:

баслови (благослови) Кр. Э. С. V. 40.—ите Ол. Г. 174. да(ве)ча Ор. О. С. (кре)стины Прм. ib. на(до)ть Ол. К. III-64. на(до)б Ол. Р. IV. 71. ш(ес)ти Кстр. О. С. Ол. Г. 905. мо(же)шь ib. 82. 92. 442. Р. IV. 33. хо(че)шь Ол. Г. 41. 440. гыт (говорит) Влг. Арх. Ей Бо(гу) Арх. Д. О. С. уска(ка)л Ол. Г. 695. Владимір(ов)на ib. III. лит(ов)ска ib. 587. и т. п.

---

[1]) Формой забряцали слѣдует дополнить то, что сказано выше о глаголѣ бренчать (с. 13).

3.

Вставки и приставки.

Вставляются в срединѣ слов слѣдующіе звуки: *й*, *в*, *с*, *р*, *д*, *т*, *х* и *п*.

й: взойшла Опч. Ш. 229. зайшол ib. 296. пойшол ib. дойшли Рж. Аф. I. 384. пойслав ib. 355. пойдойду Ол. Б. 176 [1]). деймон Срт. Д. О. С. Д. С. К. 172—а ib. 212. евойной Пск. О. С. байна Нвг. Крг.

В послѣднем словѣ, быть может, имѣем перестановку: байна из банйа (банья) вм. бан'а (баня). Хотя такое сочетаніе (согласный + явственный *й* + гласный) в таких случаях великорусскому почти чуждо, но однако, — очень рѣдко—оно встрѣчается в нем: сверх вышеприведенных уже (с. 17. 150) форм — вьятка и полымья, могу указать еще на два сюда относящихся примѣра:

рéменью (=рéменю=ремню) Крг. к колодизью Д. С. К. 223. (но—колодизя ib.) княгинья Нвг. Ш. 503.

в: осва (оса) Пск. О. С. охвотник Нвг.— Арх. охвота и пр. (см. выше). мордва Трж. Д. эвтот Ол. Б. 61. Г. 613. Оп. Пм. 356. эвтим Чбк. Мгн. 102.

с: ланстрыга Врн. Д. О. С. эстой Пск. Ш. 316. без эстого Ол. К. П. 438.

р: пузро (пузо) Кз. О. С. [2])

д: ндрав Чбк. Мгн. 237. пондравиться ib.—лось Ол. Г. 605. здря Арх. О. С. здрѣл Ол. Г. 360. 1088. сождру ib. 445. ублаждать ВУ. СВ. Арх. вм. ублажать—быть может по вліянію слов, имѣющих *ждд* из *dj* вм. *дж* (см. с. 143—4).

т: строк Влг. строку Ол. Г. 378 —чное ib. 641. подвѣсточку ib. Б. 4. 83. иструб Пск. Тв. О. Т. кретсало См. ib.

х: встрепехтались Рз. Ш. 473. к эхтому Ол. Б. 163.

---

[1]) В малор. найняла Дрг. 105.

[2]) См. об этом словѣ Будиловича Первобытные Славяне Ч. I. (Кіев. 1878), 24. 235.

н: по янхонту М. Ш. 378. йенте Клж. Д. [1]) (другіе примѣры см. выше—стр. 13—14).

В противоположность вышеупомянутому опущенію *н* в косвенных падежах мѣстоименія 3 лица послѣ предлогов, замѣчается иногда в нем *н* перед *е* в формах, употребленных без предлога: а чѣм *н*ее вы вытопчите Опч. Ш. 201. а чѣм *н*ее вы поймаете ib. и кто *н*ю во дворѣ понмаает Ол. Г. 691.

Встрѣчается с начальным *н* и род. п. этого мѣстоименія, употребленный в притяжательном значеніи: снял с *н*ею шеи Крг. (Зм. 124), от *н*его посвисту Ол. Г. 445. от него поѣздки ib. 133.

Думаю, что *н* в этих и подобных случаях не есть вставочный звук, а видоизмѣненіе *й*.

В нѣкоторых словах и формах является *удвоеніе* согласнаго.

Всего чаще удваивается *н*:

воронново, конопляннво Вт. павинно ib. йнной Блз. по о́нному свиту ib. (Зм. 194), засѣянно Втг. Пм. 234.

з: удвоивается в—раззор Млж. А. Г. О. раззореную Ол. Б 139.

Случай удвоенія *ж* представляет форма — дрожжи́т Ен. А. Г. О.

ч удваивается в глаголах на *чи* из *гти*, *кти*: жеччи теччи, леччи Чрд. Д.

Гораздо рѣже вставных согласных встрѣчаются приставные в началѣ и концѣ слов:

с матерьюй, с дочерьюй Тв. Э. С. I. 180.

здля (=для) Клж. Д.

*х*французз. Хфедор Ефр. А. Г. О.

столько (=только) Врн. Д. О. С. Ол. Б. 4.

---

[1]) О значеніи вставочных *в*, *с*; *х*, *н* в мѣстоименіи *этот* весьма вѣроятная догадка высказана г. Бодуэном де Куртенэ в вышеупомянутой статьѣ его „О так называемой ефвонической вставкѣ *н*.“ Стр. 49—50. отд. от.

4.

Перестановка.

Во многих словах нѣкоторые согласные, а иногда и цѣлые слоги, мѣняются между собою мѣстами.

Перестановка всего чаще замѣчается при столкновеніи *р* с другими согласными:

праповѣдать (=попровѣдать) Смб. К. II. 4.
ернива (=ревнива) Пск. Ш. 372. рнивый ib. 222.
рнав Кз. О. С. Лк. А. Г. О. нернавиться ib.
корчевяжиться (=кочевр—) Пск. Тв. Д. О. С.
соморота (=соромота) Шд. Аф. I. 144.
квардат Нвг.
арбан (анбар) Вд.
ральчик (=ларчик) Арх. О. С.
суворость (суровость) Смб. ib.
врать (=рвать) лен. Влг.
чевряк (=червяк).
протомойки (=портомойки) Ол. Г. 665.
скидры (скирды) ib. 698.
трупда (=тундра) Прм. Тбл. О. С.
себр и серб Клж. Д.
горовлю (=говорю) Влг.
марьтіал (=матерьал) Крг.

Перестановка слогов с другими согласными и обмѣн этих согласных мѣстами встрѣчаются в слѣдующих словах:

гнила Мс. А. Г. О. гниляны Ол. Г. III.
раскливить (=расквилить) Арх. О. С.
жиломустина (=жимолостина) Пск. Тв. Д. О. С.
придикоте (=придитеко) Вм. не пойкаце (=не пойц(т)ека) Откр. Э. С. I. 148.
незля (=нельзя) Клж. Д.
равзѣ (=развѣ) Арх. О. С.
не замог (=занемог) Грз.
бунбить (=бубнить) Тв. Д. О. С.
свербигуз Ор. О. С. (свергибуз Орл. ib.).

темеситься (=метуситься) Пск. ib.
по гринди (=по гриднѣ) Ол. Г. 1214.
извенесть Тв. Д. О. С.
сунтал (=султан) Крг.
соловьечиком (=соловейчиком) Скз. Эрленв. 8.
камешник (=каменщик) Вт.
яшкаться (=якшаться) Кр. Д. О. С. [1]).

---

[1]) О различнаго рода измѣненіях согласных, подобных отмѣченным в этой (IV-ой) главѣ, в других слав. нарѣчіях — см. упомянутые не раз уже статьи Иречка, Котсмиха, Петровскаго и книгу Шемберы.

ФОРМЫ.

А.

Имена и мѣстоименія.

(СКЛОНЕНІЯ).

I.

Имена существительныя.

1.

Смѣшеніе родов.

В числѣ особенностей форм имен существительных народнаго русскаго языка не послѣднее мѣсто занимает измѣненіе в родѣ. Многія имена оказываются переведенными из одного рода в другой [1]).

Случаев измѣненія мужескаго или женскаго рода на средній, можно сказать, вовсе нѣт; выпало жеребье Пдж. К. П. 505.—едва ли не единственный случай такого измѣненія.

---

[1]) В жизни языка, слѣд., и такая категорія как род не остается неизмѣнною. Перемѣны в родѣ имен, условленныя различными причинами, замѣчаются во многих языках. Индоевропейскій праязык знал всѣ три рода; нѣкоторыя из вѣтвей его уже потеряли средній род. См. Миклошича Vergl. Grammatik. IV. Vergl. Syntax der slaw. Spr. 1868—74. С. 18. Существующія славянскіе языки хотя и владѣют всѣми тремя родами, но в нѣкоторых из них можно уже отмѣтить факты, как бы указывающіе на начало паденія категоріи рода. Так словинскій язык обнаруживает мѣстами наклонность переводить имена средняго рода в мужескій: dober vin, zrn je lep, globoki jezer (Ibidem 20).

Средній род в двух слѣдующих примѣрах:

Говорил же дѣвчиночк*у* чернóм*у* Ол. Г. 77. Там не выросло ль зеленое крапивушк*о* ib. 543.—вызван по всей вѣроятности, не стремленіем перевести слово из одного рода в другой, а чисто внѣшним обстоятельством. Нельзя не замѣтить, что примѣры эти однородны: то и другое слово оканчивается на *ко*. В сѣв.-великор., которому принадлежат они, окончаніе *ко* преобладает над *ка*: оно является не только в среднем родѣ, но и в мужеском. Это преобладаніе форм с *ко* над формами (женскаго рода) с *ка* могло в нѣкоторых случаях ассимилировать послѣднія с первыми.

Если это так, то в южно-влкр. (вслѣдствіе измѣненія неударяемаго *о* на *а*) слѣдует ожидать обратнаго явленія—смѣны *ко* на *ка*. Такая смѣна дѣйствительно встрѣчается:

Не сказать ли вам прò горюшк*у*,
Про свое горе прò великое? Тл. Ш. 313.

Переход слов из средняго рода в мужскій и женскій, особенно в послѣдній, является часто.

Мужскій род вм. средняго:

на крутой крылец Ол. Г. 518. 1016. на крылечик Срт. Ш. 340. на красной—ib. 290.

в ножечной острей Ол. Г. 566.

яблок гиплой Брв. Д. [1]).

един чадо Смб. К. VI. 112. — объясняется согласованіем по смыслу, как—малóй паробк*я* Ол. Г. 560. славн*ого* козак*у* ib. 863. ко старому козакѣ ib. 475.

Женскій вмѣсто средняго:

---

[1]) Во всѣх этих примѣрах слова ср. р. приняли окончаніе мужескаго,—почему, естественно, и прилагательныя к ним относящіяся стоят в мужеском родѣ. Но как понять слѣдующіе случаи: сѣно хорош, яйцо свѣжій, полотенце бѣл? Брв. Даль, приводя эти примѣры, замѣчает „в Боровском уѣздѣ, *как увъряют*.... средняго рода нѣт, а уравнен он с мужескім.“ (О нарѣчіях 47—8). В ворон. г.: курин*ая* яйцо, чист*ая* лицо. Ibid. 50. В калуж. тупая шило Лх. А. Г. О.

Иное объясненіе должна получить форма — свою чад*у* Кр. Э. С. V. 26. Здѣсь женскій родъ вм. средняго вслѣдствіе фонетической причины — смѣны конечнаго неударяемаго *о* на *а* (чáд*а* вм. чáд*о*). Тою же причиной объясняются и слѣдующіе случаи употребленія женскаго рода вмѣсто средняго:

разбил камень копыт*ой* (указывает на имен. копы́т*а* вм. копыт*о*) Пск. Ш. 226.

не пером и не чернил*о(а)ю* Рз. ib. 461. вс*я* синяя мор*я* М. К. П. 281. по *матушки* по морю (им.: мор*я* вм. мор*е*) М. А. К. IX. 249.

ясн*а*(о) солнц*а* (=сонце=сонця) М. ib. 16 (XVI).

мо*я* поштень*я* Врн. Д. и т. п.

Но в слѣдующих случаях замѣщенія средняго рода женским нельзя уже видѣть дѣйствія чисто фонетических причин:

послѣ этой поры до этой времечк*и* Ол. Г. 163. 1259. а прошло то тому времечк*и* е шесть годов ib. 133.

милый яблочк*и* не примет ib. P. III. 456.

как съѣл купец ту*ю* яблок*у* ib. 306. под облачку Г. 463. в облачк*у* ходячую Б. 122. под облакой Г. 578. ниже облаки ходячія ib. 626.

Формы эти предполагают в имен. п. *ка* вм. *ко*, но для такого измѣненія суфикса нельзя допустить фонетической причины: 1) сѣв.-влкр. не измѣняет *о* на *а*; 2) средній родъ переходит в женскій не только в именах на *ко*; но и в других, между прочим в таких даже, которые заканчиваются на ударяемое *о*:

пщен*у* ѣдят Ол. Г. 561. пшен*у* бѣлояров*у* ib. 864. пшоною ib. 33.

по тучной ребрѣ ib. P. II. 6.

на лѣв*ой* бедрѣ Тм. г. К. I. 93.

одн*а* курева Ол. Г. 707.

во стойл*у* (коня) убирает ib. Б. 89.

с племен*ью* (указывает на имн. племень) ib. Г. 30.

у ты*я* стремены у правыя ib. 752. (указывает на им. стремен*ь* ж. р.).

просу сѣяли Опч Ш. 201. Чбк. Мгн. 107. хлопота пришла Он. К. I. 54.

Не ясны изрѣдка встрѣчающіеся случаи употребленія прилагательных женскаго рода при существительных средняго на *ье*, с удареніем на *е*:

ружьё добрая и дорогая Врн. Д. золоту ружьё (2-жды) М. А. Як. 99. на востру копьё Мж. К. П. 46. [1]).

Вмѣсто женскаго рода в нѣкоторых немногих словах является мужескій:

мыш, мыш*а* Тм. Э. С. VI. 4.

ступень ступи*л*, другой ступи*л* Ол. Г. 193.

никако*го* заступки ib. 788.

гуся лебя*дя* ib. 1097.

от купел*я* ib. Б. 194.

со серебря*ным* со цѣпочк*ом* Пск. Ш. 223.

всего свое*го* прохлад*у* Од. К. П. 223.

молодёж не хоро*ш* Квр. См. 11. [2]).

Гораздо чаще замѣчается обратное явленіе — употребленіе женскаго рода в словах мужескаго:

ужина Уст. Блз. ужин*ъ* Лп. Аф. I. 388. (Ср. в Словѣ о п. Иг.: завтроку, обѣду и ужинѣ).

веща Св. А. Г. О. мѣла (мѣл) Лк. ib.

вреда́ Блз. вреда́, кедра́, тигра́ Тм. Э. С. VI. 4.

румянищ*а* (—ец.) Св. Мжр. 14.

у заяц*ы* Ол. Р. I. 472.

с холм*ы* на холм*у* ib. Г. 79. 162. 440.

щалашу (вин. п.) Тв. Аф. I. 100. 101.

в э*той* покои (пм. п.—поко*й*?) Ол. Г. 650—53.

славнаго казак*у* Ол. Г. 863. ко старому козак*ъ* ib. 475. малой паробкя ib. 560.

---

[1]) Не относится сюда—со всем *ружьем* со желѣзною Орл. К. II. 435: *ружьем* вм. *оружьем*, при имен. оружья вм. оружье, вслѣдствіе смѣны на *я* неударяемаго *е*.

[2]) Непопятно согласованіе в слѣдующих случаях: наѣл*ся* змѣ*я*, дал ему перв*ая* змѣ*я* Влг. (Зм. и пр. 342 — 3); глагол в муж. родѣ, а прилагат. в женском.

похода частенькая Остр. Ш. 207. покажи нам походу ib. чеботой убита Н. Т. ib. 196.

при пути большой М. К. V. 81. путь моя хорошая Ол. Г. 247, вышла путь счастливая ib. 402. во тою пути 575. на той же путп ib. 16. в котору путь Б. 165. эта олень Блз. рожу вѣяную Б. П. Ш. 33.

Слово родитель употребляется и в муж. р. и в женском: родитель моя матушка Ол. Б. 14 [1]).

Странно—ров глубоку Нлн. Вр. 134. Быть может, по аналогіи с кровь (кров, при потерѣ мягкости конечнаго губного)? [2]).

Из всѣх приведенных примѣров слѣдует, что наименѣе устойчивыми в сохраненіи рода оказываются имена средняго рода; наиболѣе сильными, ассимилирующими с собою другіе, — имена женскаго рода, как и в формах склоненій.

2.

Падежныя окончанія.

В формах склоненія народный русскій язык представляет не мало случаев смѣшенія падежных окончаній, но в тоже время он хранит в них не мало, сравнительно с литературным, архаичнаго.

---

[1]) Слово потопь (водяной потопи Д. С. К. 222.) вѣроятно не предполагает потоп. Ср. топь. Нож булатшою Ол. Г. 511. 538. хотя и можно бы объяснять аналогіей с словами, подобными ночь, вошь, но вѣроятнѣе, что булатною есть только кажущаяся женская форма, условленная пѣсенным растяженіем послѣдняго слога:

ён наставил свою нож булатнею 511.

вынимал то свой он нож булатною 538.

(ою—ею—ію—ій). - В слѣдующих примѣрах женскій род условлен согласованіем по формѣ приложеній с опредѣляемым словом: сказует про святителю Миколу чудотворцу Нлн. Вр. 90. видѣл святителю Миколу чудотворцу ib. 94.

[2]) В малор. кровь, вслѣдствіе отвердѣнія губнаго, встрѣчается в муж. родѣ: кров очи й залив Дрг. 198.

Преобладающими формами являются формы темы на *а*.

Еще в доисторическое время обнаружился упадок форм согласной темы, падежныя окончанія которой уже в древнѣйшихъ памятникахъ славянской письменности являются в смѣшеніи с окончаніями падежей темы на *і*. За тѣм из этой послѣдней, тоже в отдаленной древности многія слова стали переходить в тему на *а*. В том же направленіи совершаются измѣненія в формах склоненія и в настоящее время.

Именительный падеж.

Имена согласнаго склоненія на *ы* м. р. (камы и т. п.) всѣ без исключенія оканчиваются на *ь* (*ень*): камень, пламень, ячмень и т. п.

Имена на *мя* (= мѧ) или сохраняют это окончаніе: имя и. т. п., или видоизмѣняют его на *ме*: време и т. п.; или оканчиваются на *ень*: времень Ол. Г. 133. (ср. кремень), или—наконец—переходят в тему на *а*, принимая окончаніе средняго рода: именѣ Лв. А. Г. О.

Из имен на *ы* ж. р. кое гдѣ сохраняется это окончаніе в словѣ свекры (=свекровь) М. Я. Ш. 139. Тоже слово и другіе того же образованія большею частью переведены в тему на *і* и оканчиваются на *овь*: церковь, свекровь и пр.; или—в тему на *а* (из темы на *і*, а не непосредственно из согласной) и заканчиваются на *ова*: свекрова Ол. Г. 333.

Имена согласной темы на *и* мѣстами на сѣверѣ сохраняют древнія окончанія: мати Ол. Г. 151. Втг. Пм. 230. Влг. дочи́ Г. 587. Вт. доци́ ib.; мѣстами слышатся с окончаніем *ерь*: матерь Влг. дочерь Вт.

Вслѣдствіе забвенія значенія суфикса *мя* и полнаго отожествленія имен его имѣющих с именами темы на *а*, в им. п. мн. ч. встрѣчаются иногда формы с потерею так называемаго парощенія *ен*: время Нж. Д. О. С. знамѧ Смб. К. IX. 9. (IX). Первая из этих форм указывает на имен. ед. ч. *време* и на склоненіе этого слова как *поле*; вторая—на склоненіе *времѧ*, как *земля* и т. п.

Суфикс *ес*, кромѣ слов небо и чудо, утерян во всѣх

остальных; словеса не побычплись Рз. Ш. 464. только пѣсенный архаизм.

Из имен темы на *і* замѣчательно слово *людь*, имѣющее в Кстр. г. собирательное значеніе (Д. О. С.), а в Казанской—единичное: людь=человѣк (ib.).

Без сомнѣнія, форма *людь* древнѣе чѣм *люд*: она предполагается всѣми формами мн. ч. Как люди, людие склоняется по темѣ на *і*, так и ед. ч. этого слова должно быть отнесено к той же темѣ, должно было измѣняться по образцу *путь* [1]).

Слова день и олень склоняются в сѣв.-влкр. по темѣ на *і*: р. п. дни Блз. Влг. олени Блз.; дат. к зовтрешнему дни ib. и т. д.

Многія слова из темы на *і* перешли, как то выше уже замѣчено, в тему на *а*. Сверх общеизвѣстных сюда относящихся случаев, можно отмѣтить слѣдующіе двѣ формы, условленные таким переходом: ржа (=рожь). Нвг. мыша (мышь) Арх. О. С. [2]).

Обратных случаев — перехода из темы *а* в тему *і* — вовсе не встрѣчается [3]).

Древнее окончаніе *ыни* вм. позднѣйшаго *ыня* сохраняется на сѣверѣ в словѣ государыни (им. ед. ч.) Ол. Г. 746. 779. 998. 1138. 1230. Иногда конечное *и* в этом словѣ

---

[1]) В старинных памятниках не *людь*, а *людъ*; но еслиб послѣдняя форма была основною, то для мн. ч. имѣлись бы формы: им. п. *люди*, а не *людие*; р. п. *людъ*, а не *люди* и. т. д.

[2]) О послѣднем словѣ вѣрнѣе будет сказать, что оно *возвратилось* в тему на *а*: *ш* в нем из *с*, как показывает сравненіе с родственными языками (μῦς, mus); *с* же могло превратиться в *ш* только под вліяніем *й*, слѣд. мышь=мысjъ. Слово это должно было нѣкогда склоняться как конь. (В словарѣ Востокова при словѣ *мышь* вопрос: mascul. et femin? Для древнѣйшей поры, без сомнѣнія, первое).

[3]) Только иноземное персонь (вм. персона) Ол. Б. 107. (Ср. персоней Влг. Зм. 342.) представляет случай такого перехода. Что кажется до *мочь* (=моча) Ол. Г. 312, то в его формѣ можно видѣть звуковое сокращеніе условленное теченіем стиха.

отпадает, оставляя слѣд на мягкости предшествующаго ему *н*: государынь ib. 1092.

Окончаніе *ищи* (жалощи и т. п.), сохраняющееся в малорусском, изчезло в великорусском [1]).

Слова темы на *а* в им. ед. не представляют особенностей; в им. мн. их окончанія разнообразны.

Имена с суф. *ин* оканчиваются во мн. ч. на *е*, *а*, изрѣдка на *я*, *и*: бóяре Нвг., но бóяра ib. бояря Ол. Г. 730, но—бояри ib. 731. бояра Р. IV. 149.

Кіевляна Г. ib. 1098. граждана ib. 1160. крестьяна ib. Б. 130. христіана ib. 160. заморяна ib. Р. IV. 71.

Имена собирательнаго значенія оканчиваются на *ья*, иногда на *ьи*.

твоё братьё Ол. Г. 217. всѣ братьи Шк. К. I. 80. глазья Пск. Тв. О. С. гусья заблудущія Ол. Г. 173. всѣ жеребья ib. 394.

В ед. ч. такіе имена оканчиваются на *ьё*: твоё братьё ib. 217. дружьё—братьё хороброё ib. 218. князьё--бояре Рнб. К. П. 537.

Имена, в которых оканчанію *ьё*, *ья* предшествует звук *в*, иногда опускают *й*, принадлежащій окончанію:

сынова Ол. Г. 844. сватова ib. 845. дарева ib. 92. дарова ib. 953., но даревья ib. Р. II. 7.

Как послѣдняя форма объясняет предпослѣднюю, так сынов*а* и пр. предполагает сынов*ья* и пр. (сыновья=сыновйа—сыновя=сынов'а—сынова) [2]).

Татарева Ол. Г. 742. 237. тоже представляет собою форму собирательнаго значенія, вм. Татаревья (южно-влкр. *Татарвá* есть сокращеніе формы Татар*ева*).

---

[1]) Что это окончаніе было свойственно и теперешнему великорусскому доказывается, сверх свидѣтельства памятников, нѣкоторыми встрѣчающимися на сѣверѣ названіями поселеній. См. мои Отчеты 28. Есть такія названія поселеній и в южновлкр. См. Списки населенных мѣст Рос. Имперіи.

[2]) Сюда же вѣроятно слѣдует отнести и—ржева, льнева Нвг. Там же, в собирательном же значеніи—ржище, овсище (Зм. 24).

Татаревы Смб. К. VIII. 195. — из Татаревьи. Ср. вышеприведенное братьи.

Послѣднее окончаніе (*ьи*) хотя и встрѣчается в именах собирательнаго значенія, но принадлежит не им, а именам на *ей* в им. ед.: соловьи, ручьи и т. п. Тѣже имена в собир. значеніи оканчиваются на *ья*: жеребьи неправильные Ол. Г. 395, но—*всь* жеребья ib. 394.

И форма—соловья (соловья сидят, вычищаются) М. А. Як. 115. К. VII. 35. должна быть понята тоже как форма собирательнаго значенія, указывающая на им. ед. ч. не соловей. а соловьё (Ср. братьё и пр.)

При числительном *три* в именах ставится мѣстами правильно форма мн. ч. вмѣсто формы двойственнаго:

на трп годы Лж. К. I. 58. о цѣло трп годы Ол. Р. 753. три годы пройдет ib. 177. исполнится это времечко трп годы ib. 606.

Но и при числительном *два* в народном языкѣ встрѣчается иногда мн. ч. вм. двойств.:

два рубли Грз. два ясные соколы Лж. К. VIII. 28. два старцы Ол. Г. 647. [1]).

Так и в бѣлорусском и малорусском:

не только — трп сыны Б. П. Ш. 265. трп сады ib. 228. три знами Дрг. 80, но и—два воукп Б. П. Ш. 22. два коржі Дрг. 79.

В именах муж. р., имѣвших нѣкогда окончаніе *ъ*, древняя форма им. мн. па *и* встрѣчается лишь как архаизм. Обыкновенно им. и равный ему (в предметах неодушевленных) винительный мн. ч. заканчиваются в этих именах на *ы* и на *а*:

---

[1]) При числит. *два* и *три* встрѣчаются еще случаи употребленія существительнаго в род. п. мн. ч. или единств. с оконч. на у: на трп раз Ол. Г. 12. по трп годов ib. 780. два году ib. 606. трп деньку ib. 666. трп разу ib. 294. и т. п. (Матеріал и пр. 39). При числ. *двое, трое* ставится иногда имен. мн. вм. род.: эти двое козаки Лх. К. VII. 29. троп сѣнп Пск. Ш. 519. трое новые вороты ib. 523. трое Жидове Б. П. Ш. 391.

В глазы Пск. III. 203. О. С. Ол. Г. 624. голубы (что указывает на им. ед. — голуб) Г. 624. сусѣды ib. Б. 149 погребы Г. 124. 1120. под крутые берегп Рз. III. 461 и т. п.

куста Смб. К. VII. 157. всѣ генерала Ол. Г. 174. братцы—товарища ib. 168. 186. полопа рассейскіи ib. 479. глазепочка завидливы ib. 530. рожка ib. 1237. бочка́ ib. обруча 1278. о пола́-да дубовыя ib. 610. во лужка Квр. См. 23.

Слѣдов., окончаніе *ы* встрѣчается в народном языкѣ там иногда, гдѣ в литературном *а* и наоборот.

Употребленіе окончанія *а* в им. и вин. мн. слов м. р. свойственно по преимуществу сѣв.-влкр.

Замѣчательно, что даже в именах ж. р. и в прилагательных краткой формы встрѣчается это окончаніе для им. и вин. мн. ч. Это явленіе составляет однако чрезвычайную рѣдкость. Знаю лишь три сюда относящихся случая, из которых один принадлежит южно-влкр.:

А у дуры у бабы волоса долги,
Волоса долга да дума коротка Ол. Г. 890.
Идут как тутова три женщина ib. 1113.
поклонился в нога Лв. А. Г. О.

За исключеніем этих случаев имена ж. р. в им. и вин. сохраняют свойственныя им окончанія.

Большею частью и имена средняго рода удерживают в этих падежах древнюю форму на *а*:

изголовьица моя Смб. К. IX. 154. копьица Ол. Г. 741. крыльица ib. 578. плеча ib. 168 и т. п.;

но есть уже случаи перенесенія на средній род окончанія женскаго, т. е. *ы*, и муж., т. е. *и*:

тѣлы Нвг. Н. Сб. III. 7. вороты Пск. III. 523. М. К. VII. 64. Млж. А. Г. О. болоты ib. на колѣни Ол. Г. 1157. под облаки ib. 740 [1]).

---

[1]) В вин. п. мн. ч. нѣкоторых слов средняго рода, употребленных с предлогом, отпадает конечный гласный: по плечь отсѣк Арх. К. I. 48. по колѣи Ол. Г. 566. на очь ib. P. IV.

Особенно часто с таким окончаніем являются имена ср. р. во мн. ч. в бѣлорусском:

дро́вы, пра́вы Рж. Э. С. I. 236. по дровы Б. П. Ш. 367. письмы ib. 377. тры(а)вы ib. 429. в озири стоючіи ib. через три сялы ib. 459.

Звательный падеж.

Форма зват. п., сохраняемая по настоящее время малорус. и великорусском (Б. П. Ш. 89, 129, 251, 337, 470) в великорусском была потеряна издавна [1]). В живой рѣчи великорусскаго народа, в тѣсном смыслѣ этого слова, формы зв. п. теперь нигдѣ не встрѣчается. Даже в пѣснях, как архаизм, оно является необыкновенно рѣдко:

что же ты, сестрице, да не в вокрутѣ Ол. Г. 786.

молодой Ивунушко Дубровпчу! ib. 490.

ай же ты ратаю-ратаюшко! ib. Р. I. 19.

дѣвко ib. Б. 316. голубонько ib. 317. вдовушко ib. 22. [2]).

Родительный падеж:

В именах м. р. ед. ч. нерѣдко в народном языкѣ является *у*, гдѣ в литературном *а* и иногда наоборот:

сну Ол. Р. III. 306. Г. 178. из луку ib. 489. смѣту (указывает на им. смѣт вм. смѣта) нѣт ib. 1299. от вѣнцу ib. Б. 321. в пол свисту ib. 444. три году Р. III. 207. и т. п. огню нѣт Пск. Ш. 226. чара полна меда Тл. ib. 432.

От слова урок—р. п. урка ВВ. А. Г. О., что, конечно, объясняется дѣйствіем аналогіи.

---

81. Такіе случаи не представляют особенностей форм, объясняясь фонетически.

[1]) Когда именно утерялась она, опредѣлить с точностью трудно. Вѣроятно не раньше XIV ст. См. Очерк и пр. 96—7.

[2]) Имена м. р. на *ко* в зв. п (сусѣдушко Б. 15. медвѣдушко Вт. Зм. 260) не могут быть приняты здѣсь в разсчет: в них и пм. п. оканчивается на *ко*.—Ай, Ваня Капитаня Срп. Ш. 63. передѣлка малор. формы — Ай, ты, Йване Капитане Грайвр. ib. 58.

От *мыш* (=мышь), согласно вышесказанному об этом словѣ, р. п. мыша Тм. Э. С. VI. 4. (дат. мышу и т. д.).

Тѣ имена согласнаго склоненія, которые смѣнили суфикс *мя* на *ено* имѣют в род. *а*: стремена (от стремено) Крг. [1]).

Удержавшія *мя*, но смѣшавшія слова имѣющія этот суфикс с словами на *я* (как земля и т. п.) имѣют в род. *и*: времи [2]).

Измѣнившія *мя* на *ме* оканчивают род. на *я*: время Сбр. Д. [3]).

В именах ж. р. на *а, я* в сѣв.-влкр. и в южном замѣчается, хотя и не повсемѣстно, смѣшеніе род. п. с дательным:

у сестрѣ М. К. II. 65. из рѣкѣ Орл. Д. от Добрынѣ Ол. Г. 847. [4]).

Тоже и в именах отечественных ж. р. на *овна, евна, ична*:

от Мамелфы Тимофеевнѣ ib. 775.

Чаще однако эти имена оканчивяются на *ой*:

королевичной Ол. Р. III. 12. до Васпльевной ib. 453. Никулпчной ib. 46. и т. п.

Во мн. ч. господствующими окончаніями для род. (и винит.) п. являются *ов, ев, ей*.

Окончанія *ов. ев* в именах м. р. встрѣчаются в русскпх памятниках уже в XI ст.; в настоящее время онп имѣют мѣсто во всѣх родах:

---

[1]) Согласно с этим оканчиваются и прочіе падежи: стремену,—ом и т. д.

[2]) Не встрѣтилось мнѣ такой формы, но можно допустить ее (для род. дат. и пр. ед. ч.) по аналогіи с вышеприведенной формой для им. мн. знамп. Тв. ед—времью едва ли однако гдѣ слышится.

[3]) Полное склоненіе это по Далю (О парѣчіях 43): времё, время, времю, времем, о времѣ. Такое измѣненіе слов с суфиксом *мя* есть и в малор: свого имя Дрг. 90.

[4]) Слово *половина* раз встрѣчалось послѣ предлога *с* в формѣ им: с половин*а* дня М. К. IX. 11. (XI).

м. р: бояров Ол. Г. 480. глазов Нж. А. Г. О. пожов Лк. ib. господов ib. зміёнышов Рнб. К. П. 539. царевичев Ол. Р. III. 218. князевичев ib. 105. ключев ib. 924. 1249. грошев ib. 437. звѣрьев ib. 227. богатырев ib. 683. пастырев ib. 834. пріятелев Рз. Ш. 467. татаревьев Г. 705.

ж. р: птицов Рж. Э. С. I. 240. галков Нж. А. Г. О. палков ib. лодков ib. Ас. ib. ягодов Смб. III. 342. книгов Чрд. Д. боярышнёв Смб. К. VII. 52.

с. р: тѣлов Нвг. Н. Сб. III. 7. селов Ол. Г. 747. пивов ib. 384. 427. яблоков ib. Р. II. 306. устов Арх. К. V. 99. окнов Вт. полёв Рж. Э. С. I. 241.

Даже в именах темы на *і* и согласной встрѣчается для род. (и вин.) п. это окончаніе:

голубов Ол. Г. 832 (голубей 1140). звѣрёв Рж. Э. С. I. 241. огнёв Кляж. Д. днёв Мц. А. Г. О. (дён Ол. Г. 308. Крг.).

семь жердов Тв. Ш. 236. лошадёв Стр. Д. ряцов (рѣчей) Рж. Э. С. I. 258. доцов ib. кастёв ib. Аф. I. 388. лебедёв Тв. Ш. 497.

из струменов Ввнг. К. П. 533. временев Св. А. Г. О.

Не смотря на такую роспространенность окончанія *ов*, во многих словах для род. (и вин.) пад. находим окончаніе *ей*, даже в тѣх случаях, гдѣ в литературном языкѣ *ов*. По преимуществу (но неисключительно) *ей* имѣет мѣсто в именах собирательнаго значенія, в оканчивающихся на *ії* в имѣющих суфикс *ьц*:

молодцей Арх. К. VI. 117. борцей ib. Ол. Г. 1191. купцей ib. Г. 376. 924. у старицей ib. 1166. отцей, огурцей Мкр. А. Г. О. овцей ib.

князьей, зятьей Блз. братьей Крг. татаревей Ол. Г. 184. платьей Кр. Д. саловей (— твоих всѣх распустила) М. А. Як. 114. К. VII. 34. (Ср. вышеприведенную форму для им. мн.: соловья). роей Тм. Э. С. VI. 4. дядевей Ол. Р. III. 374.

свадьбей, судьбей К. У. Д. пазвей Тм. Э. С. VI. 4.

з запебесей Ол. Г. 35.

даней пошлинней Нж. Пм. 115.

ангелей Вр. 143. бѣсей ib.

Слѣдовательно, как окончаніе *ов* из темы на *а* перешло в тему на *і*. так *ей* (первоначальное *іи*)—наоборот—из темы на *і* вошло в тему на *а*.

Свойственная в древности этой послѣдней форма род. мн. м. р. равная имен. ед., в народном языкѣ слышится рѣдко. Сверх общепзвѣстных сюда относящихся случаев (аршин, солдат и пр.), в сѣв.-влкр., в нѣкоторых мѣстностях, употребляется форма год (вм. годов) Нвг. Тв. О. С. Ол. Р. IV. 60. 314.

Винительный падеж.

Вин. над=или имен. или род. [1]); слѣдовательно, что сказано о послѣдних, относится к нему.

Отличное от им. и род. окончаніе имѣет вин. только в ед. ч. имен женск. рода. Иногда и в ед. ч. ж. р. он не разнится от имен., т. е. оканчивается на *а, я*. Обыкновенно такая форма винительнаго в современном сѣв.-влкр. (как и в древне-русском) встрѣчается при неопр. наклоненіи:

жеравиха брать Вт. ошибка что б не слѣлать ib. достать живая молодовая вода Блз. творить квашня ВУ. некому тратить да золота казна Он. Пм. 353. коснть трава, топить баня и т. п. Нвг. Ол. Влг. и пр. [2]).

Но есть (в сѣв.-великор. и бѣлорусском) случаи, хотя и рѣдко встрѣчающіеся, употребленія винит. в формѣ именительнаго и при глаголах изъявительнаго наклоненія:

старина скажу стародавную Ол. Г. 1266. да спустил

---

[1]) Вин., равный имен., в именах предметов одушевленных встрѣчается как архаизм, но то только в пѣснях: сѣла баба на баран Рз. Ш. 32. садился злой да на доброй конь К. П. 627. Д. С. К. 166. У малоруссов такая форма вин. встрѣчается и в живой рѣчи: де вже Бог ошукати Дрг. 89. Во мн. ч.: вівці пасу ib. 106. и т. п. По свидѣтельству Даля (О парѣчіях 44) в Сибирѣ говорят: стригу овцы, пасу коровы.

[2]) О степени распространенности в сѣверно-великор. употребленія вин. в формѣ имен. при неопред. накл. см. мои Отчеты.

он паленицу на сыру земля ib. 467. да учини, да учини, паночек, слава Б. П. Ш. 129. ён же бярець камянну стрѣла ib. 109.

Всѣ эти примѣры—из пѣсен. Не знаю, встрѣчается ли вин. п. в формѣ имен. при глаголах изъяв. н. в живой народной рѣчи.

Кажется, в такой формѣ винительнаго можно видѣть зародившееся в языкѣ стремленіе к уравненію его с именительным, т. е. к потерѣ особеннаго окончанія для вин. ед. ч. имен женскаго рода [1]).

В южно-влкр. и малор. винит. в формѣ именительнаго не встрѣчается ни при неопр. ни при изъявительном наклоненіи.

Свойственное ед. ч. жен. р. окончаніе вин. п. на *ю*, сверх имен темы на *а*, встрѣчается в нѣкоторых именах согласнаго склоненія:

дитю Тл. К. VII. 98.

дочерю ib. Ш. 422.

свекровью Мц. А. Г. О.

Первый из этих примѣров свидѣтельствует, что *дитя* склоняется как *земля* (дити. дитѣ, дитей, о дитѣ). Ср. сказанное выше о словѣ *знамя*.

Второй примѣр указывает на имепит. дочер*я* (форма дочер*я*: дочер*ь* : дочи=церква : церковь : це(ь)ркы).

Третій случай объясняется формой имен. свекров*ья*.

Тоже слово встрѣчается и в архаичной формѣ: свекры Тл. Ш. 413.

Странны формы—матеря, дочеря Мц. А. Г. О.,—в которых на женскій род перенесено окончаніе мужескаго. По такой формѣ винит. (собственно родительнаго) падежа можно ожидать для дательнаго формы—матер*ю*. Существует ли такая форма? [2]).

---

[1]) Миклошич об этом явленіи — в Vergl. Syntax der sl. spr. 346. О вин., = имен., при изъяв. накл., в древне-русском —ibid. 371. Ср. мой Очерк. 33.

[2]) Форма матери в слѣдующем примѣрѣ—на кого ты покидаешь свою матери Тл. К. II. 3.— вызвана условіями стиха.

Дательный падеж.

Олень, день и—в бѣлорусском—цесць имѣют в дат. ед. правильное окончаніе *и*.

Раз встрѣтилась такая форма для слова *отец*: отц*и*—батюшку Втгр. Пм. 225. (но—ib.: отцю 256).

О формѣ врем*ю* выше уже сказано.

Форма по имен*ю* Ол. Г. 1048 указывает на имен. п. име*нь* и на склоненіе этого слова по темѣ на *а*. Ср. времень.

От—*мать* встрѣчается форма мат*и* (А Мати Пресвятой Богородицѣ Арх. К. I. 49): она свидѣтельствует о потерѣ в этом словѣ *ер* и о склоненіи мать, как дверь.

Имена отечественные ж. р. оканчиваются, как и в род. п., на *ой*:

Офимьи Олександровной Ол. Г. 132. молод*ы* Настаеьи да Микуличной ib. 214.

Краткая форма прилаг. молод*ы* вм. молод*ѣ*, вслѣдствіе смѣшенія дательнаго с родит., довольно распространеннаго в именах сущ. ж. р.:

к сестры Щ. Д. Арх. Ол. Г. 1130. к желы Нвг. Сб. III. 13. Пск. Ш. 533. к погоды ВВ. А. Г. О. ко толпы Рз. Ш. 446. ко березы Ол. Г. 440. ко заутрины ib. Р. IV. 7.

Во мн. ч. изрѣдка в пѣснях встрѣчается дат. п. на *ом* в именах темы на *а* и *ем* в темѣ на *и* (послѣднее окончаніе не чуждо и живой рѣчи народа):

Татаришком Ол. Г. 714. по стойлом К. IV. 99. копачом Б. П. Ш. 131. гостем Смб. К. VI. 121. госцём Б. П. Ш. 296. лошадём Нвс. А. Г. О. людзем Рж. Э. С. I. 257. Б. П. Ш. 145. по сѣнём ib. 136.

В нѣкоторых говорах сѣв.-влкр. вм. дат. мн. употребляется творительный:

по глазьми Сткр. Э. С. I. 135. по полями це по цистыем ib. 135. лошадьмы (=—ям), людьми (=—ям) Нвг. к полатами Вт. и т. п. [1]).

---

[1]) О степени распространенности в сѣв.-влкр. этого смѣшенія дат. и твор. см. мои Отчеты и статью Даля О нарѣчіях.

За предѣлами сѣв.-влкр. дат. в формѣ творительнаго не встрѣчается; и в сѣв.-влкр. смѣшеніе дат. с творительным замѣчается рѣдко. Явленіе это условлено не потерей суфикса дательнаго, а смѣшеніем падежей: гдѣ тв. п. и употребляется вм. дательнаго, там и дат. ставится на мѣстѣ творительнаго. Быть может, это смѣшеніе двух форм предшествует потерѣ одной из них.

Творительный падеж.

В ед. ч. особенностей немного.

племенью Ол. Р. III. 401. IV. 141. указывает на им. ед. племень и на употребленіе этого слова в ж. р.

знаменьем вм. знаменем („Впереди, то идут—в барабаны бьют, за има то идут со знаменьем“) Шк. К. VIII. 120. не представляет особенности формы: слово знаменье употреблено в значеніи знамя, оттого и тв. п. на *ьем*.

между плечью Ол. Г. 365. предполагает плечь, или—вѣроятнѣе—плечье. Ср. оплечье. В послѣднем случаѣ это не твор, ед. ч., а род. двойственнаго („Он кинул головушку межу́ плечью“).

За морью церква Срк. Ш. 63.—вслѣдствіе смѣны в им. ед. конечнаго *е* на *я* и условленнаго этой смѣной перехода слова из средняго в женскій род.

Силью („Я тебя, Авдотьющка, не силью брал“) Остр. Ш. 83. если не предполагают неорганическаго умягченія *л* в им. ед. (силя вм. сила), то должно быть объясняемо аналогіей. А быть может сплью вм. силйу, т. е. в формѣ силою б. м. опущено *о*, и *л*, под вліяніем йота, превратился в *ль*.

сило́м (=силою) Ол. Г. 225. 273. 1014. Р. IV. 213. Влг. без сомнѣнія по аналогіи с словами кругом, верхом и т. п.: оно употреблено в смыслѣ нарѣчія.

В именах с суфиксом единичности *ин*, вѣроятно по аналогіи с окончаніем прилагательных притяжательных на *ин*, встрѣчается иногда тв. ед. на *ым*:

с Татарипым Ол. Г. 1282.

Рѣдкую особенность представляет форма тв. на *ам* вм. *ою*: за рыбам (=за рыбою) Кр. Яр. А. Г. О.

Ее нельзя объяснять ни так как объясняется сербская форма тв. п. ж. р. на *ом*, ни так как галицкая на *ов*, *ев* [1]): *ам*,—если только вѣрно показаніе источника, на который я ссылаюсь — встрѣчается в именах ж. р. на *а*, сверх творит., еще в предл. ед. и в именит. мн. (б. п. и в других?):

на водам (=на водѣ ib. в избам ib. головам, рукам (=головы, руки) ib.

За исключеніем означенной мѣстности [2]) нигдѣ в русском языкѣ эти странныя формы не повторяются.

Бѣлор. з мацій (с матерью) Б. П. Ш. 388. объясняется так, как вышеприведенная форма дат. пад. ед. ч. мати.

В именах ж. р. темы на *а* послѣ согласных *б*, *м*, *н*, *т*. *р* творит. п. ед. ч. в бѣлорусском оканчивается на *эй* вм. *ой*:

з бабэй, з брамэй, з шубэй и т. т. д. (Б. П. Ш. 531).

Иногда вм. *эй* слышится в этих случаях *ый* (ib.)

Это послѣднее обстоятельство и то, что *эй* вм. *ой* является только при нѣкоторых, а не всѣх, согласных, показывает, что *эй* в тв. п. не есть особенность формальная а фонетическая. Или *э* есть видоизмѣненіе *ы* или *а* (*ой* переходит в *ай*, вслѣдствіе неударяемости *а*; *ый* из *ай*, согласно сказанному выше—с. 94. 96. 99. 100).

Во мн. ч. твор. п. в былинах встрѣчается с архаическим окончаніем на *ы*, *и*:

Заросла дорога лѣсы брявскими Нж. К. I. 36.

Собиралися стады они стадами Ол. Г. 330.

Низки поклоны поклоняется ib. 562.

вмѣстѣ с Новыгорожаны ib. 1186.

---

[1]) ногов Дрг. 257. полыменев ib. 268. (вм. ногою, полыменею) и т. п. Вѣроятно, формы эти условились отпаденіем *й* и превращеніем *оу* в *ов*. Ср. Два изслѣдованія 118.

[2]) Красноярскаго у. село Никольское. Жители — бывшіе крестьяне кн. Юсупова — выселенцы из разных губерній. Так по рукописи А. Г. О. В Списках населенных мѣст Евр. Россіи (кн. II. с. XII) сказано, что в Никольском живут малорусы.

Такое окончаніе твор. п. переносится иногда даже на слова ж. р.:

с гостинами жоны Нж. К. IV. 76.

горючіим слезы заливается Влд. ib. VI. 58.

В живой рѣчи такія формы не встрѣчаются.

Довольно распространеннымъ является на сѣверѣ и не чуждо бѣлорусскому окончаніе твор. на *ми* (и *мы*) вм. *ами*:

слезьми Б. П. Ш. 379. 399. слезми Э. С. III. 219. Нж. К. Ш. 35. слезмы Ол. Р. III. 342. словми Чбк. Мгн. 144. палицми Крг. рукмы Ол. Г. 764. улицми ib. 1064. меж глазмы Оп. К. I. 87. добрыми комоньмы Ол. Г. 67. конмы ib. 190. с сусѣдмы ib. Б. 82. людмы ib. 202. князьямы и боярмы ib. Р. IV. 84. воротмы Ол. Г. 754. ушми ib. 52. ушмы Он. К. I. 87.

Слѣд., окончаніе это встрѣчается во всѣх родах. Оно вызвано или аналогіей с именами темы на *i*, или условлено опущеніем *а*. Вѣроятнѣй послѣднее, так как *ми* вм. *ами* встрѣчается по преимуществу в пѣснях [1]).

В нѣкоторых сѣверных говорах для твор. множ. встрѣчаем окончаніе древняго двойственнаго: суфикс *ма* вм. *ми*:

чашкима, ложкима, книгима, дѣвкима, деньгима, работникима СВ. сарафанымa, огородымa ib. конима ib. Ол. Г. 712. орѣхима Шк.

Слѣдовательно, суфиксу *ми* предшествует или *и* или *ы*, смотря потому на который из этих звуков оканчивается им. п. мн. ч. [2]). Изрѣдка вм. *и-ма*, *ы-ма* находим в тв. *а-ма*: молебнама Ол. Г. 700. со своима товарищама Шк. К. V. 12. Вѣроятно, такая форма тв. (*а*-ма) предполагает им. мн. на *а*: молебна, товарища и т. п. (Ср. сказанное выше об окончаніи им. мн.).

Употребленіе творительнаго мн. в формѣ дательнаго свойственно большей части говоров сѣв.-влкр нарѣчія.

---

[1]) Впрочем это окончаніе не чуждо и живой рѣчи. Оно встрѣчается и в древних памятниках, в именах темы на *а*, уже в XI ст. См. мой Очерк и пр. 70.

[2]) Ср. мои Отчеты (Замѣтки и пр. 333—4).

Мѣстами, как уже сказано выше, дательный и твор. падежи мѣняются между собою суфиксами, но несравненно чаще встрѣчается замѣна творительнаго дательным при отсутствіи обратной. Нѣкоторые говоры почти не знают твор. мн. и вѣроятно особенность его формы в большей части сѣв.-влкр. современем совершенно изчезнет.

Твор. с суфиксом дательнаго — явленіе столь распространенное в сѣв.-влкр., что было бы излишне приводить здѣсь сюда относящіеся примѣры [1]).

Южно-великор. употребленіе твор. в формѣ дательнаго несвойственно [2]); но в бѣлорусском оно, в нѣкоторых говорах, встрѣчается нерѣдко: с дровам Рж. Э. С. I. 241. с ключам Б. П. 218. (поила) разным напиткам ib. 233. дош(с)кам заставили ib. 309. а тут табѣ.. остацися, с нам пташкам куропаткам растацися ib. 323. гвоздзям руки прибивали ib. 392. с горацим слезам ib. 483 и т. п.

Предложный падеж.

Многія имена темы на *i* приняли в предл. ед. окончаніе темы *a*:

в кровѣ Смб. К. VI. 112. на Русѣ ib. 121. Ол. Г. 775. по любѣ ib. Р. II. 53. по дикой степѣ Срт. К. VIII. 279. на пецѣ Млж. А. Г. О. на путѣ, на лошадѣ Тм. Э. С. VI. 4. в горстѣ ib. в грязѣ, в банѣ, во ржѣ Крг. и т. п.

Окончаніе *и* в именах мягкаго склоненія на *a* встрѣчается очень рѣдко: в ран Пск. Ш. 221.

Обычным окончаніем для имен этой темы являются звуки *ъ* и *у* (*ю*). Нерѣдко *ъ* стоит там, гдѣ в литературном языкѣ *у*, и наоборот:

---

[1]) См. примѣры в моих Отчетах и приложеніях к ним. Там же — о степени распространенности такой формы творит. в сѣв.-влкр.

[2]) На сколько мнѣ извѣстно, в области южно-влкр. только в Мд. у. Клж. г. в Дороховской волости говорят с каням (=с копями) А. Г. О. и т. п. Но населеніе этой волости, по свидѣтельству автора рукописи (св. села Пречистая Баталина) А. Г. О, составилось из давних (лѣт за 300) выходцев из новг. и тверск. губ. и позднѣйших (лѣт за 90) из смоленской.

во лбп Ол. Г. 613. в садѣ Квр. См. 5. по суденушкѣ Н. Т. Ш. 197;

в Кіеву З. В. Д. К. VII. 53. при Федору М. А. Як. 18. при царю при Ивану Брв. К. VI. 170. на дѣлу Ол. Б. 230. на страху ib. Г. 360. на перстню ib. 251.

В сѣв.-влкр. в именах ж. р. вм. *ѣ* в предложно́м *ы*, т. е. предложный, как и дательный, смѣшивается с родительным:

в школы ВВ. А. Г. О. на горы Ол. Г. 747. на казны ib. 961. в чары ib. 45. на красы ib. Р. Ш. 178. во той вины ib. IV. 68. на главы Оп. Пм. 355. на головы, на кортины, по воды Арх.

Изрѣдка такое окончаніе предл. встрѣчается даже в именах м. и ср. р.: на дворы ВВ. А. Г. О. на мѣсты ib.

Во мн. ч. в словах темы на *і* изрѣдка встрѣчается сохраненіе древняго окончанія *ех*:

в напастех Чбк. Мгп. 27. на лошадёх Орл. Д.

В бѣлорусском это окончаніе предложнаго не только в темѣ на *і*, но иногда и в темѣ на *а*:

у гостёх Б. П. Ш. 239. 246. по сѣнёх ib. 537. у караблёх ib. 259. у варопех ib. 186.

Раз встрѣтилось в темѣ на *а* окончаніе предл. *ох* и раз *их* на мѣстѣ древняго *ѣх*: в зеленых садах Ол. Г. 369. в шатрих ib. 589. Живой рѣчи такія формы совершенно чужды; рѣдкость онѣ и в пѣсенной [1]).

Малорусское в формах склоненія имен существительных осталось вѣрнѣе типу древне-русскаго, чѣм другія части русскаго языка. В нем нѣт подобных вышеотмѣченных случаев рѣзкаго смѣшенія падежных окончаній. Нѣкоторыя формы, издавна утерянныя в великорусском, оно сохраняет по настоящее время (зват. пад., имен. мн. и дат. един. с слогом *ов*: *ове, ові*). Разрушающее формальный строй языка дѣйствіе аналогіи в малорусском сказалось

---

[1]) *ох*(ъ) вм. *ѣх*(ъ) встрѣчается изрѣдка и в древне-русском. См. мой Очерк 70. 157. 169. 175.

в меньшей степени чѣм в великорусском. Тѣм не менѣе большая часть тѣх существенных измѣненій в формах имен существительных, которая совершилась в русском языкѣ в первые четыре вѣка нашей письменности [1]), свойственна на столько же малорусскому как и великорусскому. Развитіе форм имен существ. в обѣих главных частях русскаго языка шло, слѣд., по одному пути. Разница относительно этого развитія между обоими нарѣчіями не в направленіи движенія, а в силѣ его. Процесс паденія форм имен существ. в малор. совершается медленно; в великр., особенно в сѣверном, развивается быстро. Сѣв.-влкр., не смотря на многія представляемыя им формальные архаизмы, оказывается наименѣе сравнительно с другими частями русскаго языка устойчивым в сохраненіи падежных форм. Их смѣшеніе, независимо от дѣйствія звуковых причин, началось в нем издавна: уже в XI ст. находим в предл. п. случаи употребленія согласнаго склоненія с окончаніями темы на *а* (см. мой Очерк и пр. 71), в XII ст. в им. п. мн. ч. имен мягкаго склоненія темы на *а* встрѣчается уже *и* (ib. 76. 82), в XIII в именах той же темы твердаго склоненія уже смѣшивается род. ед. с дат. (полгривне вм. полгривны Рус. Правда по сп. 1282) и т. д.

II.

Имена прилагательныя.

Им. п. ед. ч. м. р. окапчивается на *ый (ій)*, *ой (ей)*, *ай*. О взаимном отношеніи этих окончаній выше уже сказано.

В бѣлорусском или *ый* и—через стяженіе —*ы*, или *эй*. хлопотнэй Рж. Аф. I. 385. 388. млодэй ib. слѣпэй Вс. А. Г. О.

---

[1]) Данныя характеризующія измѣненія форм с XI по XVI ст. см. в моем Очеркѣ и пр.

Об этом окончаніи слѣдует сказать тоже, что выше сказано об *эй* вм. *ой* в тв. п. ед. ч. сущ.

Прилагательныя притяжательныя на *ов, ев* встрѣчаются иногда в полной формѣ: имя Христовое Вр. 66. царевый поход М. Ок. 68.

Прилагательныя качественныя слышатся нерѣдко в краткой формѣ:

мила дочь, лѣтня пора, горячо кушанье Тбл. А. Г. О. добра Внв. ib. татарска вѣра Вс. Аф. III. 493. солова кобыла Нвг. добро, красно село Влд. тёмна ноць Мрм. друга́ сестра ib. и г. п.

Вѣрнѣе, впрочем, формы эти назвать *сокращенными* (образовавшимися через стяженіе из полных), так как в них удареніе стоит на том же слогѣ, что и в полных: ми́ла, а не мила́ и т. п.

Тоже и во мн. ч.: ка́ри глаза Тбл. А. Г. О. до́бры Внв. ib. и т. п.

Для им. мн. ч. полных форм окончанія неодинаковы: ыи (іи), ыя (ія), ые (іе).

Каждое из этих окончаній употребляется по всѣм родам:

ыи: халсты альляныи Кр. Э. С. V. 78. злыи мужики Нж. Цм. 115. ясныи очи М. К. V. 81. добрыи кони Ол. Г. 718. ковры ты шелковыи ib. Р. III. 172. кровати тисовыи ib. Г. 1053. дровця словыи ib. 524. унемныи дѣти ib. Б. 179. топорики булатніи ib. Р. III. 190. скамейки окольніи ib. Г. 377. и т. п.

ыя: сапожки одноличныя Ол. Г. 785. кости слоновыя ib. 172. спроты безпріютныя Ол. Б. 124. коньица мурзамецкія Г. 741. ворота новыя Мс. А. Г. О. луга́ зяленыя ib. дочери безотнія Ол. Б. 124. платья рабочія ib. Р. III. 190. и т. п.

ые: дроворубные топоры Ол. Г. 554. перины пуховые ib. 1053. полные бочки ib. 1117. гуселышка яровчатые ib. 164. цюжіе люди Млж. А. Г. О. и т. п.

В южно-влкр. вм. *ыи*, при неударяемости *ы*, нерѣдко является *аи*: лп(ѣ)са тёмнаи Кр. А. Г. О. буйнаи вѣтры

ib. и т. п. Это — фонетическое явленіе, о котором выше уже упомянуто (С. 93).

В бѣлорусском окончаніе *ыя* встрѣчается очень рѣдко (Б. П. Ш. 532), *ые* и *ыи* употребляются безразлично во всѣх родах:

синіе краски Б. П. Ш. 6. вина залёные ib. 211. кубки залотые ib. рѣчьки бѣгучіи 429. озери стоючіи ib. и т. п.

В малорусском только одно окончаніе для всѣх трех родов—*ии* (*іи*).

В *винит* пад. множ. ч. повторяются окончанія именительнаго.

во погреба глубокіи Ол. Г. 784. груди бѣлыи ib. 745. ѣствы сахарныи ib. Р. III. 207. во покои во любимыя ib. Г. 596. на ножки на рѣзвыя ib. Р. III. 354. платьи цвѣтныя ib. Г. 775. на сапожки крестьянскіе ib. Р. III. 354. на колѣни лошадиные Г. 1157. во палаты княжецкіе ib. 756. и т. п.

Древнее окончаніе вин. мн. на *ыя*(=ыѧ) и его видоизмѣненіе *ые* [1]) нигдѣ не встрѣчается [2]).

В винит. ед. ч. ж. р. употребляется мѣстами краткая форма:

до́бру Внв. А. Г. О. в царску службу Шд. Аф. I. 394.

Быть может, это архаизм, а быть может слѣдствіе позднѣйшаго стяженія, как вышеприведенные формы им. ед.

В ж. р. ед. ч. вм. *ую* встрѣчается *ою* (в южно-влкр. *аю*): калику перехожою Ол. Г. 1334.

В *родит.* п. ед. ч. или сохраняется неизмѣнно древнее *аго*:

---

[1]) Через перегласованіе, уже с XIII ст. Очерк п пр. 96.

[2]) Изрѣдка в языкѣ былин попадается как будто бы архаическое ые=ыя=ыѧ для вин. п. мн. ч. м, р.:

да собрал мужиков деревенск*іе*.
и собрал голей он и кабацкіе Ол. Г. 1135.
да стрѣляет он во голубей во сизые ib. 1140.

Весьма однако возможно, что такіе формы условлены отпаденіем конечнаго *х*: сизые вм. сизы*ех* из—сизы*их* (через диссимиляцію).

темняго Кр. Э. С. V. 74. любезнаго Лк. Аф. II. 118 [1]) лошадинаго Ол. Р. IV. 123. почестнаго ib. Г. 1017. россійскаго ib. Р. II. 245;

или вмѣсто *аго* являются его фонетическія видоизмѣненія—*ага, ого, ава, аво, ово, ова.* Первое из этих окончаній свойственно большей части южно-влкр., второе слышится постоянно в малорс. и кое гдѣ (см. выше с. 172—3) в сѣв.-влкр.; третье в московском говорѣ южно-влкр.; четвертое, пятое и шестое—в сѣвр.-влкр.:

широкага Кр. Э. С. V. 57. старага Н. Д. А. Г. О. великого Ол. Г. 961. старого Он. Пм. 354. цервого ib. 372. до завтрово Арх. К. III. 46. гостиново Ол. Р. IV. 123. Ярославскаво ib. Г. 1312. бѣлова ib. Б. II. 59 и т п. [2]).

В именах на *ій* являются соотвѣтствующія приведенным окончанія: *яго, его* и пр. Вм. *его* на сѣверѣ, мѣстами, *ёго*: колпсьнёго Он. Пм. 362. и т. п.

В ж. р. ыя (=ыѧ) уже в XII ст. нерѣдко измѣняется на *ые*, в XIII—на *ое* и даже *ой* [3]). Эти окончанія существуют, по разным мѣстностям, в живой народной великорусской рѣчи и в настоящее время:

воды живыя и молодыя Арх. Аф. II. 47. княгинушки моло́дыи Ол. Г. 45.

молодыё Тт.

с чужіё дальніё сторонушки Э. С. I. 152.

В бѣлорусском р. п. ед. ч. ж. р. оканчивается постоянно на *ые* Б. П. III. 532.

В пѣснях сѣв.-влкр. встрѣчаются сверх того окончанія *оя, ою, ію* (*ыю*) являющіяся или, по условіям стиха,

---

[1]) Так в означенных здѣсь источниках. Но неударяемое *о* в южно-влкр. должно превращаться в *а*, слѣдует поэтому ожидать форм на ага вм. аго, которыя дѣйствительно являются в тѣх же мѣстностях.

[2]) См. вышеприведенныя (с. 58. 59. 173.) замѣчанія об этих окончаніях и мои Отчеты.

[3]) Очерк и пр. 83. 94.

вслѣдствіе пѣсеннаго растяженія, из *ой*, или представляющія пѣсенное же видоизмѣненіе окончаній *ое, іе* (ые):

сироты горьк*ію* Сткр. Э. С. I. 147.

из за перв*оя* струйки Ол. Г. 30.

с восточною стороны ib. 128. головы лошадиною ib. 683. от заутрени раннею ib. 122.

В род. м. р. мн. ч. на сѣверѣ в пѣснях часто являются полныя формы прилаг. на *ыих, іих*. Их можно бы объяснять условіями стиха. Но, кое гдѣ, онѣ встрѣчаются, как кажется, и в живой народной рѣчи: добрыих ВВ. А. Г. О.

В нѣкоторых говорах Нж. г. имѣющих оттѣнок бѣлорусскаго нарѣчія, род. мн. оканчивается на *эх* вм. *ых*: слѣпэх Вс. А. Г. О. [1]).

Там же—*эм* вм. *ым* и в *дат.* мн. ч.: слѣпэм А. Г. О.

В бѣлорусском *эй* вм. *ой*—в дат. ед. ж. р. Б. П. Ш. 532. Тоже окончаніе в этом нарѣчіи имѣют падежи творит. и предл. ед. ч. ж. р. (ib.). Без сомнѣнія это *эй* предполагает общерусское *ой*.

В сѣв.-влкр. не только в пѣснях но и в живой народной рѣчи (на сколько извѣстно, в одной только мѣстности) слышатся изрѣдка полныя формы прилагательных (на *ыем* вм. *ым*, через диссимиляцію гласных): молодыем робятам Чрп. Н. Сб. V. 39.

В ед. ч. вслѣдствіе смѣшенія дат. с род. в именах существ. ж. р. и прилаг., к ним относящіяся, смѣняют окончаніе дат. на окончаніе родит.: да ко тою ко березы ко покляныя Ол. Г. 440.

Окончанія *ое* и *ею* в прил. ед. ч. ж. р. свойственны только пѣсням и условлены теченіем стиха:

а и ко тыи заутрени ко раннею Ол Г. 298. старой каликѣ матерое ib. P. IV. 81. каликѣ перехожое ib. и т. п.

---

[1]) добр*ов* конив М. А. Як. 39. Это странное окончаніе прилаг. вѣроятно условлено вліяніем сосѣдящаго с ним существительнаго.

В *твор.* п. ед. ч. прилагательныя м. р. являются изрѣдка на сѣверѣ с окончаніем *ом* вм. *ым*:

за столом бѣлодубовеньком Ол. Р. IV. 116. (ib. бѣлодубовеньким). бѣлом лицом Арх. Як. 24.

Такое окончаніе встрѣчается и в нѣкоторых древнерусскик памятниках (см. мой Очерк и пр. 147. 157. 169).

Полная форма твор. ед. м. р. на *ыем* (из *ыим*) слышится в живой рѣчи там же, гдѣ и дат. с таким окончаніем: бѣлыем платком Чрп. Н. Сб. V. 39.

В слѣдующих примѣрах форма твор. ж. р. условлена потребностями стиха:

силой могучѥ Ол. Г. 1244 (вм. могучіей, через отпаденіе *ій*).

силушкой своей да богатырскіи ib. 1004. (пѣсенное удлиненіе слова, вм. богатырской) и т. п.

Изрѣдка, и, на сколько извѣстно, только в пѣснях, встрѣчается творит. мн. ч. ж. р. краткой формы на *ами* вм. *ыми*:

грознами казнити казнями Влд. К. VI. 57. с гостинами жопы Нж. К. IV. 86.

Свойственное существительным смѣшеніе дательн. мн. с творительным повторяется на сѣверѣ и в прилагательных:

горючіим слезы (—ами) Смб. К. VII. 56. с богодано-(ы)ем(и) родителям Крг. и т. п.

Встрѣчается, очень однако рѣдко, в прилагательных, вѣроятно, по вліянію существительных, к которым они относятся, окончаніе твор. мн. употребительное в послѣдних *ми* (вм. *ами*):

золотми ключми Св. Мжр. 59.

Мѣстами придаг., как и существ., имѣют в твор. мн. окончаніе двойственнаго: *ы-ма, и-ма, а-ма*:

красныма, хорошима, бойкима СВ. со старыма Он. Пм. 359. со угрюмыма ib. желтыма песочкамы Пдж. К. П. 470. мелкама камешкамы ib. бурлацкима головушкам Ол. Б. 4. травкамы шелковма ib. Г. 405.

Единственная особенность предложнаго надежа — это

употребленіе в нем, в ед. ч., окончанія творительнаго [1]). Особенность эта имѣет мѣсто в нѣкоторых говорах влкр. (по преимуществу в сѣв.-влкр.) и в бѣлорусском:

по милым Тл. Ш. 213. на добрым конѣ Ор. К. I. 7. во чистым Нж. ib. 34. в селѣ Федоровским Смб. К. VII. 121. пр. на жемчужным ib. VIII. 33. в дальним разстояніи Вс. А. Г. О. в соленым озерѣ Тбл. ib. в первым дому ib. на чужіим островѣ Ас. ib. в астраханским царствѣ ib. Д. на большим Лб. в любым мѣстѣ ib. на правым Нж. Пм. 116. на печным столбѣ Квр. См. 42. у зелененьким лузѣ Б. П. Ш. 180. по золотым ib. 202. и т. п.

Всѣ вышеприведенные случаи измѣненій прилагательных показывают, что и в них, как и в существительных, совершается процесс смѣшенія и паденія форм. Малорусское нарѣчіе и в формах прилагательных представляет меньше измѣненій, чѣм великорусское; но за то в послѣднем в прилагательных встрѣчаются и нѣкоторыя архаичныя формы, малорусскому чуждыя [2]).

III.

Имена числительныя.

Особенностей в формах числительных имен немного. И в них народный язык представляет соединеніе древних форм с позднѣйшими.

---

[1]) Формы подобныя слѣдующим—на кобылѣ соловою Ол. Г. 437. на тыя горы(ѣ) да на высокія ib. 747. при пути дорогѣ при широкіе ib. Р. II. 6. условлены требованіями стиха. Форма—на святу Божьявом Лп. Аф. III. 117. предполагает им. п. *Божьяв*: суфикс *ов* (*ев*) приставлен к суфиксу *ій*(ъ).

[2]) О сравнит. степени прилагательных выше уже сказано. Для выраженія превосходной степени употребляются окончанія *ѣющій, ящій, яной, оной*: спльнѣющій Тм. Э. С. VI. 4. человѣк добрѣющій Сбр. Д. высокяной (высочайшій) Ек. А. Г. О. свѣтляной, страшоной ib. и т. п.

Числительное *один* употребляется иногда в полной формѣ как прилагательное имя:

на одиной дух Шк. К 85. одноё Чбк. Мгн. 61. одное Еп. Ш. 174. олная Пск. Д. одною сову Тл. Ш. 185. в одную ноченьку Ол. Г. 977.

В предл. пад., как и в прилаг., встрѣчается смѣшеніе с твор.: в одним мѣстѣ Ас. Д.

Есть случаи сохраненія звука *и* в косвенных падежах этого числительнаго: одиного Ол. Г. 367. единого Нж. Пм. 365.

Раз, в былинах, встрѣтилось употребленіе слова *одна* вм. *первая*:

Тридцать молодцев без одиного,
Сам Соловей во тридцатыих,
Тридцать *одна* его матушка Ол. Г. 367.

От *два* встрѣчается в родит. п. *дву* — форма двойственнаго:

Есть у тя силы с *дву* меня,
А смѣлости, ухватки половины нѣт Ол. Р. I. 21.

Форма того же падежа *двуюх* (двуемѣсячный и двуюх годов) ib. Р. III. 281. быть может искаженіе древней формы *двою*.

двым, двых Пск. См. О. С.—через смѣну *у* на *ы*.

двуми городами Ол. Р. III. 157. — форма болѣе древняя, чѣм литературная двумя; суфикс *ми* в ней вѣроятно по вліянію соотвѣтствующей формы от числ. три и четыре.

двоима Шк. СВ. представляет правильное склоненіе двойств. числа. Ср. древнее двѣма.

И числит. три, четыре, шесть встрѣчаются в тв. п. с суфиксом двойственнаго ч. *ма*: трёма городама Ол. Г. 436. трёма, троима СВ. четверыма ib. шестима ib.

Удерживается в три и четыре и правильное окончаніе твор. п. мн.: треми Крг. тримя Влд. К. VI. 59. трёми Квр. См. 32.

В третья удвоивается конечный гласный в пм. и вин. п.: третьяя Ол. Г. 86. третьюю ib. 272. Р. III. 247.

Ко третью церему ib. Г. 370. указывает на склоненіе третій, как Божій и т. п.

четырюх Арз. А. Г. О. из четырёх через смѣну *ё* на *ю*.

Окончаніе предл. (и род.) *ех*, свойственное числ. трп и четыре перенесено на числ. с суф. *ть* и *мь*:

питёх Стрц. Д. на восьмёх столбах Орл. ib.

Числ. на *ть* в твор. п. имѣют иногда *ти* вм. *тью*: за шести печатями Шд. Аф. I. 385. с девяти печатями ib. II. 251. с двѣнадцати богатырями Блз. Вѣроятно, такія формы условлены сокращеніем слова и предполагают окончаніе на *ьми*: шести из шестьми, а не из шестью и т. п.

Для выраженія смѣшанных чисел, состоящих из цѣлаго числа и половины, употребляется мѣстами древнее сочетаніе *пол* с послѣдующим ему количественным в род. п.: пол пята, пол сема, пол десята, пол девята ста Ч. Я. Д. Еп. А. Г. О.

сто употребляется как имя существительное: два ста бояринов Срт. К. VI. 129. другое сто Арх. ib. 160.

Иногда *сто*, слѣдуя за числительными два, три, остается в пм. п. ед. ч.: три сто тысяч Ол. Г. 1185. Тоже замѣчастся и на числ. *девяносто*: два девяносто пудов ib. 1180. трп девяносто пудов ib. 313.

IV.

Мѣстоименіе.

Личное мѣстоим. перваго л. ед. в формѣ *яз*,—посредствующей между *азъ* и *я*,—дважды встрѣтилось мнѣ в языкѣ былин:

яз то Дюку вѣдь вѣдь не матушка Ол. Г. 1113.

Только *яз* Владимер одпн холост хожу Он. Пм. 372.

Вѣроятно, *яз* в этих случаях по вліянію книжнаго языка: уже в XII стол. находим в памятниках *я* (Очерк и пр. 83).

Род. и вин. п. ед. ч. мѣст. первых двух лиц и возвратнаго имѣют слѣдующія формы:

мне Смб. К. I. 20. у мня Ол. Г. 1052, Б. 12. 18. Вт. у меня ib. мине Кр. А. Г. О.

тобя Ол. Г. 453. 563. Р. IV. 38. тебя Г. 1088. тибе Кр. А. Г. О. те („мнѣ *те*, татарин, не любити“) ib. тя Блз. Ол. Г. 7. 17. 115. 1066. 1206. 1278. Р. I. 91. III. 279. тія Ол. Б. 103.

собя Оп. Пм. 372. сея Квр. См. 5. про ся Нвг.

Послѣдняя форма—архаизм.

тя—или форма вин., перенесенная на род., или предполагает форму тея, тія, из которой явилась через стяженіе.

те или из *тее* (тея) или из *тя*.

я вм. *е* в окончаніи род. п. (меня и пр.)—по аналогіи имен м. р. темы на *а*.

О формах тобя, собя выше уже сказано (с. 69). Остальныя приведенныя здѣсь формы условлены опущеніем или гласнаго звука (мне) или согласнаго (тея).

Дат. падеж:

ми („*ми* охвота то поѣхать ко рѣченькѣ“) Ол. Г. 663. —архаизм. мине Б. 73.

тоби ib. 152. тіѣ ib. 4. 128. 192. тѣ ib. 104. Тв. Ш. 484. Он. Пм. 273. Вп. А. Г. О.

собѣ Рнб. К. П. 563. сибѣ ib. 564. сѣ Вн. А. Г. О.

Прочіе падежи ед. ч. особенностей не представляют. Во множ. смѣшиваются дат. и твор.:

с вам Ол. Г. 1319. Сткр. Э. С. I. 145. Рмн. А. Г. О. к нами, с вами Ос. А. Г. О. Врхт. ib.

3 лице в вин. п. ед. ч. ж. р. сохраняет в Олонецкой г. (и, на сколько извѣстно, нигдѣ больше) древнюю форму—*ю*. В пѣснях этого края она встрѣчается часто. Р. III. 208. Б. 99. 116. 124. Г. 439. 465. ню ib. 691. Не чужда такая форма даже живой народной рѣчи (см. Замѣтки 125).

Болѣе распространенною на сѣверѣ для винит. п. является, встрѣчающаяся и в родительном форма — *ею* Нвг.

Н. Сб. III. 3. 5. В. У. Д. Ол. Г. 1265. снял с нею шеи Крг. [1]).

Общеупотребительныя формы *ея* и *ее* сокращаются в *ей*: схватил ей, цѣловал ей Крг. за ей поступки Ол. Г. 29.

В предл. ед. м. р. употребляется для 3 лица форма творительнаго:

я в им толку не знаю Тбл. А. Г. О. Влд.

Это смѣшеніе предл. с творит. замѣчается и на нѣкоторых других мѣстоименіях:

в маим домѣ, в таким случаѣ Ас. Д. не в каким Рж. Аф. III. 383. о моим братѣ Тбл. А. Г. О. в этим мѣстѣ Вс. ib. и т. п.

Во многих мѣстностях сѣв.-влкр. дат. мн. ч. 3 лица имѣет форму *имя́* вм. *им.* Шк. К. VIII. 120. Тм. Э. С. VI. Ирб. А. Г. О. Тбл. ib. Вт. Прм.

Не ясно образованіе этой формы. Не явилась ли она из формы двойствен. ч. *има,* через неорганическое умягченіе *м*?

И от мѣстоименія *тот* встрѣчается такая же форма дат. мн.: тѣмя Тбл. А. Г. О.

Древнее *указательное тъ* является в неудвоенной формѣ только тогда, когда употребляется в значеніи члена в нѣкоторых великор. говорах. Формы его в этом случаѣ слѣдующія:

о-т (а-т), та, то; е-т (я-т), та, то: человѣк-о-т, женщина-та, яйце-то Крчв. А. Г. О. и т. п.

Во множ. ч. безразлично для всѣх родов—*ть* и *ти*: люди-тѣ Вт. гоны-ти ib.

Из косвенных падежей член употребляется только в винит. ед. ч. ж. р.: дѣвку ту, дорогу ту ib.

Употребленное не как член мѣстоименіе это имѣет в м. р. или удвоенную форму (*тот*) [2]) или является

---

[1]) *ю* и *ею* в в. п. ед. ч. ж. р. свойственно также малор. галицкому. Дрг. 268. 284. 315.

[2]) В малорус. удвоеніе имѣет мѣсто не только в муж., но и в женск. и средн. родах: тота Дрг. 271. тоту ib. 279. Осадца Граматика̀ русскаго языка 1862. С. 72.

в сочетаніи с *и*, как прилагательныя полнаго окончанія. той, тая, тое. В косвенных падежах послѣ *т*—пли *о*:

тоим Ол. Г. 761. тоём ib. 779. на тое шеломце ib. 243. тое Еп. Ш. 174. на тоем Г. 909. 998.,

пли — что чаще—*ы*:

на тыё сторону Кр. А. Г. О. тыпм Лк. Нж. Сб. V. 338. на тыя Ол. Г. 747. у тыя ib. 752. под тып ib. 740. тыи (вин. п. ср. р.) ib. 1014. на тым P. IV. 56. тых Нвг. и т. п.

Судя по такпм формам, можно думать, что той образовалось из *тый* (ъ+и=ып, как добръ+и=добрыи и т. п.).

Вмѣто *ы* в нѣкоторых формах этого мѣстоименія встрѣчается *а*:

с *тах* пор Тм. Э. С. VI. 5. Аналогію с этим представляет *сях* вм. *сих*: до сях пор Чс. Д.

Б бѣлорусском той, тая, тоя(е) имѣет *ы* в твор. ед. м. р. (тым), р. ед. ж. р. (тые) и во всѣх падежах множ. числа.

Не чужды народному великорусскому и формы с *ъ* для ми. ч. этого мѣст.: тѣми петлеми Он. Пм. 368. во тѣм во градѣ Сзр. К. П. 325. при тѣм, на тѣм (предл. в формѣ творит.) Тм. Э. С. VI. 9.

Мѣстоименіе *сесь*, = по образованію *тот*, в великор. слышится только в нѣкоторых мѣстностях Сибири (Ирк. Якут., Камч.): сесь год и сешь год О. С. [1]).

Сей, = по образованію *той*, в великорусском вышло из употребленія [2]). Мѣсто его заступает *этот*, бѣлор. hэтот.

Измѣненіе этого мѣстоим. представляет полную аналогію с измѣненіями тот, той:

этая Нж. К. Ш. 46. мимо этія (вм. этыя) палаты Ол. Г. 1136. этую палату ib. 277. этую шапку ib. 366. в евтом Влд. и т. д.

---

[1]) В малор. это мѣстоим, является с удвоеніем по всѣм родам: сесь, сеся. сесе и пр. Осадца Грам. 74.

[2]) Малорусскому, наоборот, чуждо этот; оно сохраняет *сей*.

Вопросительныя кто и что особенностей в их измѣненіях в великорусском народном не представляют, но формы им. п. мѣстоименія *что* по разным мѣстностям разнообразны:

што Ярс. Тт. Кдн. ВУ. и т. п.

ште Мкр. А. Г. О Тт. Кдн. ВУ. Вт.

шчо Сп. А. Г. О. що Вс. А. Г. О. Мкр. ib. Ск. Рз ib. Вн. ib. Н. Д. ib. Н. О. ib. Пшх. Э. С. II. 5. Нвс. Э. С. II. (ib.: што) Клж. Д. Рж. Аф. I. 333. Вт. Шк.

щё Клж. Д. Кр. ib. Н. О. А. Г. О. Тт. Кдн. ВУ.

ще Кр. Д. Тмб. ib. Ох. А. Г. О. Лп. Аф. III. 117. Вт.

щи Кзл. Д.

сто Влг. Тт.

цо Прм. Кнг.

чо ib. Тмб. О. С.

Всѣ эти формы, за исключеніем послѣдних двух, условлены фонетическими причинами; всѣ онѣ предполагают *что*, являясь его видоизмѣненіями. Но *чо* (и его звуковая варьяція *цо*) едвали предполагает *что*. Вѣроятнѣй, что форма эта, как и западно-слав. *со* (*цо*) [1]), представляет собою чистый мѣстоименный корень (*чь* = *къ*), без приставки *то*.

В вопросит. мѣст. *чей* в бѣлорусском *е* не сокращается в *ій* (чеего а не чьего и т. д.). Тоже и в малорусском. Наоборот, в косвенных падежах *притяжательных* мѣстоим. мой, твой, свой находим в этих нарѣчіях *ій* вм. *е*: мойму и пр. С опущеніем *ій* получаются в малор. формы — мого, твому и пр.

Такое сокращеніе *е* и опущеніе *ій* не чуждо и великорусскому, как показывают формы: мово Рнб. К. П. 541. супротив твова ib. мому Св. Мжр. 39. и т. п.

От тѣх же мѣстоименій встрѣчаются и архаичныя формы: моея́ красоты да не на долго Вт. (Зм. 241). в своя

---

[1]) Крайне сомнительно, чтоб польское *цо* (*со*) развилось из *чьео*, как допускает г. Бодуэн де Куртенэ. О древне-польском языкѣ. 31.

домы Он. К. III. 24. свое (=своя=своѧ) волосы остриг Чбк. Мгн. 86. свое косточки Нж. Пм. 120. [1]).

Эти данныя принадлежат, впрочем, языку пѣсен.

В мѣстоим. наш, ваш встрѣчаются полныя формы, как в прилагательных:

нашій Ол. Г. 130. ваше(у)ю Москву ib. 98.

От *весь* вин. п. ед. ч. ж. р. на *ею* и *ее*: на Росеюшку всею Чбк. Мгн. 83. всеё Д. С. К. 209. (Ср. ею и её в в. п. мѣст. 3 л. ж. р.).

Нѣкоторыя мѣстоименія, с окончаніем прилагательных, являются, как и эти послѣднія, в усѣченной формѣ:

кака это вещь Тбл. А. Г. О. котора Нвг. котора молодца Ол. Г. 1195. котору ib. 576.

От мѣстоим. *оба* в косвенных падежах встрѣчаются формы с *о*, *ы*, *ъ* и *у* послѣ *б*:

обоим идут Пск. Тв. Д. О. С. у обѣх Ол. Г. 1151. Нвг. обыим ib. Б. 148. обѣм руками Вт. обум Ол. Г. 127.

В послѣдней формѣ *у* вѣроятно из *ы* (обыим—обым—обум); остальныя объясняются аналогіей с формами *тот*.

Мѣстоименіе притяжательное *их* измѣняет окончанія по родам: их, их*а*, их*о* Срт. Д. О. С.

Оно принимает даже полное окончаніе: ихій Ур. О. С.

Во мн. ч. употребляется с окончаніем *и*: их*и* то жены Св. Мжр. 78.

Вмѣсто притяжательных *его*, *ея* — *евоный*, *еёный* ВВ. Пск. А. Г. О. Нвг. и пр.

---

[1]) *е* вм. *и* в окончаніи этих мѣстоименій встрѣчается однако и в им. п. мн. ч. м. р., гдѣ оно не должна бы быть: мое маки Чбк. Мгн. 124. Вѣроятно, вслѣдствіе такой формы им. п. и в вин. мн. *ех* вм. *их*: на моех товарищев ib. 46.

Б.

Глагол.

(СПРЯЖЕНІЯ).

1.

Неопредѣленное наклоненіе.

Достигательное наклоненіе в современном русском языкѣ не сушествует нигдѣ: оно слилось с неопредѣленным [1]).

Неопредѣленное накл. в южно-влкр. оканчивается постоянно на *ть*: древнее неопр. накл. на *ти* в нем, как и в литературном языкѣ, удерживается лишь тогда, когда *ти* стоит под удареніем (нести и пр.). В том же случаѣ в бѣлорусском *ци* (цы), обыкновенно *ць*. В сѣв.-влкр. и малор. в н. н. и *ть* и *ти*, независимо от ударенія. Первое окончаніе — в большинствѣ говоров сѣв.-влкр., второе в относительно немногих. Оно часто слышится в губ. Вт., Влг., Прм., (особенно в первой — см. мои Замѣтки 229), изрѣдка в Нвг. Нжг. и быть может еще гдѣ либо:

сѣяти, ѣхати, выпити, шити, заплатити, брати и пр. Вт. спати и пр. Влг. дѣлати, ходити, говорити Врхт. А. Г. О. Чрд. Д. украсти Блз. жити Нж. Аф. III. 497.

Исключительно *ти* нигдѣ не господствует; наряду с ним встрѣчается и *ть*.

Мягкость *т* в н. н. вездѣ сохраняется [2]).

Глаголы на *чи, чь*, — из гортаннаго + *ти*, — имѣют в неопр. накл. современнаго русскаго языка разнообразныя формы. Они или заканчиваются на *чь* или на *чи*, или — через удвоеніе *ч*—на *ччи*; или возстановляют гортанный звук

---

[1]) О времени пзчезновенія его см. мой Очерк и пр. 113. По наблюденію А. А. Потебни дост. наклон., слившись с неопр. по формѣ, долго отличалось от послѣдняго по управленію. Из записок по русской грамматикѣ II. 299.

[2]) См. однако Замѣтки 329.

перед *т*, представляя сочетанія *гт*, *кт*; или возстановляют гортанный, удерживая *ч*:

жечи́, лечи́ Тм. Э. С. VI. жечи, толчи Блз.

жеччи, леччи Чрд. Д. волоччи Прм. О. С.

могти Кр. О. С.

берегчи Сзн. зв. Пм. 257. жегчи Тбл. А. Г. О. зажегчи Арх. К. II. 45. запрек(г)чи Вт. волокчи Арх. О. С. спкци Крг. ссѣкци Он. К. II. 60. россѣкци ib. I. 55. пекчи Тм. Э. С. VI.

Формы с двойным *ч* вѣроятно предполагают формы с гортанным + *ч*, из которых возникли через ассимиляцію; а эти послѣднія, равно как и формы с *гт*, *кт*, вызваны вліяніем формы настоящаго времени: могти, могчи—потому что могу, могут и т. п. [1]).

Глагол *идти* кое-гдѣ слышится в древней формѣ—*ити* Тв. Ш. 98. Г. 754. Чаще — или итти (наиболѣе распространенная форма), или идить Кр. итить Рз. Ш. 465. В бѣлорусском исци́, ици́ Слов. Носов. идзитсь Рж. Э. С. I. 241.

Глагол выкуть (образованный по аналогіи с *кинуть* и т. п.) в сѣв.-влкр. употребляется в правильной формѣ: вынять Нвг.

В нѣкоторых глаголах неопр. накл. представляет смѣшеніе тем, перевод слова из одной темы в другую.

Тема *а* вм. согласной:

жага́ть Пск. О. С. (однокр. жагнуть ib. жануть Влд.) жга́ть Ол. Г. 473. сожгать ib. 685. зажгать ib. 484. пожгать ib. 335.

двига́нуть Пск. Д. О. С.

Тема *я* вм. *и*:

звонять Прм. О. С. Тбл. Д. палять ib. Д. О. С.

Тема *а* вм. *я*:

дыхать Нвг.

---

[1]) Также объясняются и малорус. формы бѣгти, могти и пр. Осадца (Грам. 33) невѣрно считает их *нестяженными*.

Тема *я* вм. *а*:

перерублял (указывает на неопр. н.: перерублять) Ол. Г. 184.

Тема *ѣ* вм. *я*:

явлѣть, терѣть Ек. А. Г. О. промышлѣть Арх. О. С.

Тема *ѣ* вм. *и*:

царѣл Ол. Г. 620 (указывает на н. п.: царѣть). печь затопѣлась Тбл. А. Г. О. говорѣла Нвг. ходѣла Ол. и. т. п.

Тема *и* вм. *ну*:

расшатплился (указывает на п. н. расщатптпся) Блз. обманпился (н. н. обманпться) Нвг.

Тема *и* вм. *а*:

ронила (указывает на и. н. ронить) слезы Тл. К. П. 282. Пвц. 291.

Тема *ова* вм. *а*:

наймовать Блз. [1]).

В слѣдующих двух случаях звуковая форма неопр. п. образована по аналогіи с настоящим временем:

*воя*тп (=выть) Ол. Г. 333, потому что в*ою*; п*ая*ть (=пѣть) Хл. Пск. О. С., потому что п*а*(о)*ю*. Формы—пѣпл пѣила Мрм. Сдг. указывают на неопр. н. пѣ*и*ть.

В нѣкоторых глаголах *и* вставляется для образованія многократнаго вида:

быпвал (н. н. быпвать) Ол. Г. 1157. порыпвай (н. н. порыпвать) ib. 1308. [2]).

Такія формы в этих (закапчивающихся в темѣ на гласный звук, принадлежащій корню) глаголах вызваны аналогіей с обычным для многократнаго вида окопчаніем на *ывать, ивать* (изрѣдка *евать*):

сказывливать Тм. Э. С. VI. 5. ночевывать, не надявывать ib. продаевали (н. н. продаевать) Втг.

---

[1]) Глаголы на *ова* в млр. имѣют *ува*, конечно, по вліянію наст. вр.: куп*ую*ватп, потому что куп*ую* и т. п.

[2]) Первый из этих глаголов в многократном видѣ имѣет еще слѣдующія звуковыя формы: бывавал М. К. П. 538. бывывал Д. С. К. 146. Срт. Л. Р. Л. IV. 10.

поклю*и*вал (предполагает поклюивать вм. поклевывать) Он. Пм. 381.—по вліянію наст. вр. (*клюю*).

2.

Повелительное наклоненіе.

В повел. накл. пѣт таких особенностей, которыми народный язык отлпчался бы от литературнаго. В нем, как и в послѣднем, пов. н. в ед. ч. оканчивается на *и* только тогда, когда этот звук стоит под удареніем; неударяемое *и* или превращается в *и*—послѣ гласнаго, или изчезает, смягчая предшествующій гласный:

не уѣдь Ар. К. V. 97. не заѣдь Ол. Г. 660. подстрѣль ib. 575. бласловь ib. 1215. освѣть Тмб. К. VIII. 320. пот(д)ь ко мнѣ Врхт. А. Г. О.

Такое сокращеніе и опущеніе признака пов. н., если он лишен ударенія, свойственно и мн. ч: опохмѣльте Ол. Г. 1236. кладьте ib. 1004.

Свойственнаго малорусскому опущенія *е* в личном признакѣ 2 л. (берпть вм. берпте и т. п.) великорусскій не знает.

Чуждо ему и окончаніе *мо* в 1 л. мн. ч. пов. н.: даймо и т. п.—спеціально малорусскія формы.

Слѣдующіе случаи вызваны смѣшеніем тем или уравненіем темы наст. вр. с темой неопр. н.:

не мечай Пск. Ш. 546. заржай Ол. Г. 822. понесай, принесай Тв. Э. С. II. отложайте Ол. Г. 993. брехай Влг. не ѣздяйте К. П. 629. оставляйся Ол. Г. 350. не куплись ib. 744. не обидуйся Крл. смотряй Вс. Аф. III. 499.

Формы—клай (=клади) Ол. Д. О. С. грень ib. О. С. прань Прс. ib. стрѣнь Арх. Л. Р. Л. II. 114. — вызваны ложной аналогіей (стрѣнь—ср. двинь, надѣнь, клай — ср. знай и т. п.).

гляжь Пск. Тв. Д. О. С. предполагает гляжи, с неор-

ганическим смягченіем *д*, условленным звуковой формой наст. вр. гляжу).

одежь одежу Ол. 465. надежь ib. 121. 944. одежи Чрп. от удвоеннаго корня *дед*.

3.

Изъявительное наклоненіе.

а) *Настоящее время.*

Настоящее время глагола *есмь* в современном народном великорусском, за псключеніем 3 лица ед. ч., не существует.

Только в пѣснях изрѣдка, как архаизм, встрѣчаются формы 2 лица ед. и множ. ч.: ой вы гой *естя* мои князья бояре Нж. Пм. ой же *вы еси* Оп. К. I. 87. Слѣд., ед. ч. употреблено вм. множественнаго — указаніе на полное забвеніе значенія формы.

Нерѣдко, в пѣснях, 3 л. ед. ч. употребляется вм. 1 и 2 л. ед. и всѣх трех лиц множ. ч.:

ты ли есть Л. Р. Л. II. 121. ай же вы калики есть незнаемы Ол. Г. 185. есть ты нынь во живности ib. 998. я не женатый есть ib. 561. есть я стар казак ib. 443. есть мы города нунь Кіева ib. 85.

Вм. *есть* мѣстами слышится есте, *естя*, *есци* (см. выше — с. 5.) и — нерѣдко на сѣверѣ — *е* Нвг. Ол. и пр.

Из других архаическихъ глаголов сохраняют в сѣв.-велнкор. нѣкоторыя древнія формы глаголы дать и ѣсть.

ѣси Ол. Г. 1185. 1160. Крл. съѣси Г. 1146. поѣси Млж. А. Г. О. даси ib. Рмн. ib. Чрц. Блз. продаси Млж. А. Г. О.

Сохраняются эти архаическія формы и в бѣлорусском (Б. П. Ш. 536).

В малор. и во 2 л. мн. ч. удержались древнія формы: дасте, ѣсте.

3 л. мн. ч. от дать в малор., как и в великор., неправильно на *уть*: дадуть.

С таким окончаніем в великор. встрѣчается 3 л. и от глагола ѣсть:

ядуть Мс. А Г. О; в бѣлор. ядуць Б. П. Ш. 119.

Глагол вѣдать (вѣдѣти) в великорус. архаичных форм наст. вр. не сохранил [1]); в малорусском, при сочетаніи с предлогами, он спрягается как дамь, ѣмь.

Форма вѣд*у* Тв Э. С. I. 178. знаю—вѣду ib. Ш. 85. не вѣду Блх. Нж. Сб. III. 156 явилась из вѣдаю, через стяженіе. Ср. выму, выстиру Тв. Э. С. I. 180. сдѣлу, сбѣгу ib. сказыву, дѣлу Инс. А. Г. О. и т. п.

1 лице в неархаических глаголах оканчивается на *у*, *ю*. В нѣкоторых, немногих говорах глаголы на *а—ю* теряют *у* в 1 л., которое вслѣдствіе того получает форму уравнивающую его с формой 2 л. пов. н.:

не знай (=не знаю=не знайу) Шд. А. Г. О. дѣлай Арз. ib. слушай ib. пѣй ib. (Ср. с этими случаями столь распространенное в великор. и чуждое малор. окончаніе тв. ед. ч. сущ. ж. р. на *ой* вм. *ою=ойу*).

В Перм. г. есть говоры, в которых употребляется 3 л. ед. ч. вм. 1-аго:

сдѣлает (=сдѣлаю) Шд. А. Г. О. сходит (=схожу) Врхт. ib.

Сомнительно, чтоб так говорили природные русскіе. Нигдѣ в области русскаго языка смѣшенія личных окончаній не замѣчается. Быть может, это черта языка обрусѣлых инородцев?

Второе лице особенностей не представляет. В говорѣ Ситкарей, вслѣдствіе развитаго в нем стремленія вокализовать личныя окончанія, 2 л. оканчивается на *шо* (из шё, ше): идзёшо и т. п. Э. С. I.

Третье лицо оканчивается в сѣв.великор. повсемѣстно и в малорусском—галицком на *т*; в остальных частях ма-

---

[1]) Исключеніе—архаичное выраженіе: Бог вѣсть.

лорусскаго, в бѣлорусском и южно-великорусском, за исключеніем московскаго, на *ть* (*ць*) [1]).

Опущеніе личнаго окончанія 3 л. ед. ч. имѣет мѣсто во всѣх частях русскаго языка:

бье Кр. Э. С. V. 55. жрё Ктр. Д. несё Внв. А. Г. О. поё Прх. ib. уйде Н. Д. ib. будё Ол. Г. 1082 зобле ib. 77. ён ба Нвг. пойдё Вт. милуе ib. потеряе Втгр. Пм. 231. гуляя Б. П. Ш. 105. ни бере ib. 454. кличе ib. 453.

В тѣх же говорах *ть* или *т*; в малор. опущеніе *ть* в глаголах 1 спряженія постоянно. Во 2 спр. личный признак малор. или опускает или—что чаше—сохраняет. Тоже и великорусское. В южно-великор. послѣ опущенія *ть* вм. конечнаго *и* большею частію является *я*:

говори Ол. Г. 586. 1047. отгони ib. 864. бѣжи, лети Влд. К. VIII. 151. лети Тв. Ш. 477. любя (—пт) Остр. ib. 127. гладя (—пт) Кр. Э. С. V. 53. ходя Прх. А. Г. О. сиди ib. ѣдя Лв. ib. кипя Н. Д. ib. пиши Здн. ib. пиша Пвл. ib.

Это *я* на мѣстѣ *и*, конечно, не образуется из этого послѣдняго звука непосредственно: оно предполагает смѣну *и* на *е*,—не как звуковое при том явленіе, а как слѣдствіе смѣшенія спряженій.

я стоит на мѣстѣ неударяемаго *е*: любя—любе—люби и т. п. И в малорус. при опущеніи в глаголах 2 спр. личнаго признака является иногда в 3 л. *е* вм. *и*: рибу варе Дрг. 214.

Что *е*, *я* в этом случаѣ могут быть поняты как слѣдствіе смѣшенія спряженій, а не как фонетическія явленія [2]), доказывается нерѣдкими случаями употребленія в 3 л. мн. ч. в глаголах 2 спр. окончанія 1-го:

шутють, возють, ходють Тмб. Д. уронют Мрм. допо-

---

[1]) Только в Тв. г. и Чист. у. Кз. г. в акающих говорах встрѣчается *т* вм. *ть* (Аф. I. 100. 216. III. 367). Вѣроятно эти говоры превратились в акающіе из окающих.

[2]) А. А. Потебня видит в этом случаѣ звуковое успленіе. Два изслѣд. 115.

сют Чбк. Мгн. 58. бронють Кр. Э. С. V. 26. просють ib. 79. будють Тл. Ш. 427. любют Квр. См. 6. возговорют Сзр. К. VI. 202. Клж. ib. VII. 23. рубют М. ib. VI. 208. хвалются Аф. 146. [1]).

Такіе случаи есть и в бѣлорусском:

просюць Б. П. Ш. 31. пособюць ib. 425. говорущь ib. 427. лятуць ib. 328.

Во мн. ч. опускается в 3 л. личный признак только в сѣв.-влкр. и притом только в глаголах 2 спр.:

держа Ол. Г. 1116. приходя ib. 127. ходя ib. 1072. говоря ib. 1118. горя ib. 1099. кося Нвг. ѣздя Вт. [2]).

Сохраненіе *т* я *ть* в 3 л. мн. ч. глаголов 1 спр. по всей вѣроятности условлено потребностью различенія форм 1 л. ед. и 3 мн., которыя, с опущеніем личнаго признака в послѣднем, отожествились бы в звуковом отношеніи.

В одних и тѣх же говорах возможно в влкр. и сохраненіе и опущеніе *т*, *ть* в 3 л. Но есть и такіе говоры в сѣв.-влкр., которые для 3 л. знают только гласное окончаніе. У Ситкарей 3 л. оканчивается на то: идзёто, идуто Э. С. I. 71. В новг. г. есть говоры, в которых или отбрасывается *т* или к нему приставляется *а*: или идё, лети, или идёт*а*, летит*а* [3]), но никогда—идё*т*, лети*т*. И формы идёта и т. п., как вышеприведенныя формы наст. вр. говора Ситкарей, вызваны стремленіем вокализовать окончаніе.

Тѣм же стремленіем, стоящим внѣ преемственной связи с древним личным окончаніем на глухой звук, объясняются и формы 1 л. мн. ч. на *ма*: знаема, дѣлаема ВВ. Д.

---

[1]) Обратных случаев нѣт; раз только встрѣтилось мнѣ *ят* вм. *ут*: пасят стадо Орл. К. П. 437. Формы ед. ч. с *и* вм. *е*: кулик кулик*и* Лх. К. VIII. 47. пиши Здн. А. Г. О. и т. п. объясняются фонетически: неударяемое *е* смѣнилось в них на *е*.

[2]) ѣдя три богатыря Ол. Г. 682. вѣроятно по аналогіи с ѣзд*я*(т).

[3]) На сколько извѣстно мнѣ, особенность эта встрѣчается лишь в двух пунктах Нвг. у, См. мои Отчеты (Зм. 26).

Ситкари в этом лицѣ и числѣ имѣют *мо*: идзёмо Э. С. I. 71.

2. л. мн. ч. особенностей не представляет, оканчиваясь вездѣ на *шь* (*ш*).

Ряд слѣдующих особенностей, представляемых народным языкам сравнительно с литературным, в звуковой формѣ глаголов наст. времени, условлен дѣйствіем аналогіи, уравненіем и смѣщеніем тем.

даваю Арх. Д. давает Ол. Г. 791. — вслѣдствіе уравненія темы наст. вр. с темой неопр. накл.

По той же причинѣ—пяю (из—п*ью*, потому что п*ьть*), пяешь Врн. Д. О. С., пію (из п*ью*=пею, через превращеніе неударяемаго *ь*, = *е*, в *и*), піешь Кр. О. С., піетсь (=поет) Рж. Э. С. I. 528., пѣе Б. П. Ш. 241., пѣець ib. 280., пѣюць ib. 174. (п в пов. п. пѣй ib. 327).

отдадём Н. Т. А. Г. О.—вѣроятно по аналогіи глаголов 1 спряженія.

легем Крг. стерегет Ол. стерегем Тмб. Д. бягеть ib. бѣгёт Лк. А. Г. О. магить (может) Кр. ib. ня магишь Б. П. Ш. 429. по вліянію звуковой формы 1 л. (бягеть,—потому что бягу и т. д.).

бяжу Вт. зацлатю ib. и т. п.—наоборот—по вліянію на 1 л. звуковой формы 2 и 3.

ха*т*ишь Рз. Д.—потому что хо*т*ят, мо*ж*ут—п. ч. мо*ж*ешь и т. п.

Таких случаев, вызываемых стремленіем уравнять со стороны звуков формы разных лиц наст. вр. народный язык представляет множество.

Не мало в нем случаев и уравненія тем:

скака*ю* (вм. скачу, потому что неопр. н. скака*ть*) Пск. Д. щекотает Ол. Г. 689. стучает ib. 146. цышает огнем Як. 137. требоваю Лк. А. Г. О. радоваешься Смб. К. VI. 113. и т. п.

Вм. поки*д*аю—поки*н*аю Тл. К. II. 3. по вліянію формы ки*н*у.

Многія особенности условлены измѣненіем глагольной темы:

притоповает Слб.—тема *ова* вм. *ыва*.

просватает (=присватытает) Ол. Г. 46. натягает (= натягивает) ib. 871—тема *а* вм. *ыва, ива*.

звоняет Тбл. А. Г. О. — тема *я* вм. *и*. По той же причинѣ от лазить, ѣздить, ползить—3 л.: ѣздять Н. Д. А. Г. О. ползять ib. ѣздіют Орб. Д. лазять Врн. ib.

поскользит Арх. К. I. 51.—тема *и* вм. *ну*:

виснит Крг.—тема *ну* вм. *и*

хвастует Шк. К. VI. 94—тема *ова* вм. *а*, и т. п.

б) *Будущее время.*

Особенная форма для буд. вр. в славянских языках, как извѣстно, потеряна еще в доисторическое время. Уже в первых памятниках славянской письменности для выраженія будущаго употребляются описательныя формы. Формы эти в древне-русском были разнообразны [1]). Современный великорусскій сохранил из них немногія. В южно-великор., как и в литературном, для выраженія будущаго служит только сочетаніе *буду* и *стану* с неопр. накл. даннаго спрягаемаго глагола [2]). В сѣв.-влкр., сверх того, в немногих говорах будущее составляется из *имy* и неопр. накл. спрягаемаго глагола:

---

[1]) Объясненіе этих форм см. в изслѣдованіи А. А. Потебни: Из записок по русской грамматикѣ II.

[2]) Это сочетаніе употребляется только в глаголах несовершенных. В глаголах совершеннаго вида возможно сочетаніе с неопр. н. только 3 л. ед. ч. н. вр. глагола *быть:* как мнѣ будет притти домой Тл. Ш. 245. не отвинтить будет Нвг. слезами вам от смерти будет не отплакаться Як. 32. ваша казна будет явится Нлн. Вв. 140. а только же им кого да послать будет Ол. Г. 415. в котору мнѣ дорожку пойти будет ib. 576. и тут то Ильи будет преставиться ib. 1204. цѣм то будет вам перенять Арз. А. Г. О. и т. п. Во всѣх этих случаях *будет* с неопр. накл. образует безличный глагол.

я тея иму уважать Пшх. Э. С. II. 4. имёт ли эфтот лён прясться ib. иму дѣлать, имём дѣлать Грз. [1]).

Образованіе будущаго посредством *хочу* и *начну* потеряно в русском языкѣ повсемѣстно [2]).

Будущее, составленное из сочетанія *буду* + причастіе на *л*(ъ), в живой великорусской рѣчи не употребляется [3]), но изрѣдка встрѣчается в языкѣ сѣв.-великор. пѣсен:

Кто то вѣдь не перескочит,

Тот *будет* трою проклят на вѣку то *был* Ол. Г. 294.

в) *Прошедшее еремя.*

Формы прошедших простых—аориста и преходящаго,—как показывают памятники, или совсѣм вышли из употребленія или стали по крайней мѣрѣ изчезать уж в XII вѣкѣ [4]). В XV ст. даже в памятниках консервативнаго характера письма, каковы лѣтописи, простыя прошедшія времена очевидно употреблялись только по преданію: в них смѣшиваются и чисда и лица [5]).

Формы прошедших сложных древне-русскаго языка были разнообразны [6]). Современный великорусскій язык знает из них немногія.

Прошедшее время выражается в нем всего чаще причастіем на *л*. Глагол *есть* при этом причастіи в живой великорусской рѣчи никогда не употребляется [7]).

---

[1]) В малор. *иму* сливается с неопр. накл. спряг. глагола (робитиму, робитимешь и т. д.), чего нѣт в великорусском.

[2]) на дворѣ *хочет торозить* Мц. А. Г. О = замораживает, начинает морозить: *хочет* в этом случаѣ выражает зарождающееся, имѣющее совершиться дѣйствіе.

[3]) В зап.-млр. будущее, образованное из такого сочетанія, свойственно, по вліянію польскаго, и живой рѣчи. См. вышеназванное изслѣдованіе А. А. Потебня. II. 211.

[4]) Так было по крайней мѣрѣ на сѣверѣ. См. мой Очерк и пр. 81. Было ли так на югѣ, рѣшить нельзя по неимѣнію древнѣйших южно-русских памятников.

[5]) Ibid. 159. 170.

[6]) См. о них А. А. Потебни Из записок и пр. II.

[7]) О случаях употребленія *есть* и пр. при причастіи на

В языкѣ пѣсен 3 *л.* ед. ч. при причастіи на *л* встрѣчается:

захамкал есть Ол. Г. 241. сердился есть ib. 288. подарил е ib. 17. уѣхал е молиться ib. 169. находился в лисях е ib. 778. [1]).

Древнее сочетаніе, в сослагательном наклоненіи, аориста *быхъ* с прич. на *лъ* оставило свой слѣд в современном великорусском на употребленіи при глаголах союза *бы* (читал бы и т. п.), а в юз. малорусском, сверх того, на формах, подобных був-бим, був-бись и пр. [2]).

Чуждое древнѣйшим памятникам, но являющееся уже в письменности XII ст. прошедшее двойной сложности (н. вр. вспомогат. глагола + причастіе на *л* того же глагола + такое же причастіе глагола спрягаемаго), встрѣчается и по настоящее время в живой рѣчи малорусов [3]); в великорусском нарѣчіи оно имѣет мѣсто только в пѣснях:

приложился был Ол. Г. 238. никого не наглядѣл тут был ib. 262. сказал был ib. 295. [4]) эти королю были рѣчи не понравились ib. 1196.

В памятниках церковных и лѣтописных нерѣдко в дре-

л в малор. (гдѣ—в сз. и юз. говорах образуются даже стяженныя формы – оравем (орал) и пр.) см. ibid. 134—160.

[1]) Там же встрѣчаются случаи и неумѣстнаго употребленія *есть* при глаголах настоящаго времени: плачу есть Ол. Г. 61. иной хвалится есть ib. 761. на няво есть злые псы притугают Гж. К. П. 566.

[2]) Из записок по русской Граммагикѣ II. 195.

[3]) прибігла була Дрг. 245. сказали були ib. 226. заснула була ib. 166. лучше б уже я була молчала ib. 66.

[4]) О других случаях, представляющих слѣды такого состава прошед. вр. в севременном русском, см. вышеназванную книгу г. Потебни II. 181. В языкѣ пѣсен *был* употребляется не только в сочетаніи с причастіем на –*л* спрягаемаго глагола, что имѣет основаніе в формѣ прош. вр. древняго языка; но—иногда – как и *есть* (ср. выше)—ставится неумѣстно при наст. вр. спрягаемаго глагола: ту приходя пастухи было гусиныя Ол. 27. пріѣзжает Олеша Попович был ib. 244.

вне-русском встрѣчается прошедшее образованное из наст. вр. аориста или преходящаго глагола *быти* и причастія дѣйств. залога наст. вр. [1]). В современном русском языкѣ нѣт слѣдов такого сочетанія для выраженія прошедшаго.

Рѣже встрѣчается в древне русском прошедшее, составленное из *есмь, быхъ, бѣхъ* + прич. прош. вр. д. зал. на *ъ* (*въ*) [2]). Мѣсто причастія в памятниках поздних — XV—XVI ст.—занимает дѣепричастіе [3]). Слѣды такого прошедшаго современный народный великорусскій язык сохраняет во множествѣ случаев. В обѣих частях великорусскаго для выраженія прошедшаго времени весьма употребительно сочетаніе—*был* + дѣепричастіе пр. вр. спрягаемаго глагола:

---

[1]) Из записок и пр. II. 6 и слѣд. Языку грамат и т. п. памятников, менѣе консервативнаго характера письма чѣм лѣтописи, прошедшее такого состава несвойственно. Это обстоятельство заставляет думать, что в историческую пору жизни русскаго языка такія формы прошедшаго времени живой рѣчи народа были уже чужды.

[2]) Ibidem II. 12. и слѣд.

[3]) Начало превращенія причастія дѣйств. залога в дѣепричастіе восходит к XIII в. Очерк 99. В современном русском причастія дѣйств. зал. почти не употребительны. Дѣеприч. частіе (древнее причастіе) п. вр. д. з. на *а* (см. о нем Очерк 32—4) изчезло. Дѣепричастіе того же времени и залога на *я* слышится рѣдко, употребляясь при том иногда в значеніи прошедшаго времени: полоня ее, за мужь выдали Тл. К. VII. пр. 195. напоя коня, стал думу думати ib. V. 126 Употребительнѣй для наст. вр. окончаніе *учи*: перед батюшкой стоючи, перед матушкой плакучи Вд. Н. Сб. II. 158. Окончанія дѣепричастія прош. вр.: *ши*: заблудявши, ходявши Крг. не вѣр(пв)ши Тт. вевши (вм. ведши, по аналогіи с оругими случаями на *ши*) Пск. Ш. 526.; *мши* (фонетическое видопзмѣненіе *ши*): раствитемши Кр. Э. С. V. 58. заведемши Тл. Ш. 202. напоёмши Срт. К. V. 125. народимшись Пск. Тв. Д. О. С; *вши* (из *ши*): видивши К. II. 630. раскинавши М. А. Як. 31.; *тши, дши* (вм. *дши*—фонетическое видопзмѣненіе, и вмѣсто *ши* — в силу аналогіи): не доѣхатши К, VIII. 53. подошедши Чбк. Мгн. 133. датши, взятши, имѣтши Орб. Д. не ѣтши Ол. Г. 1319.

были оставши М. А. Як. 25. я был пріѣхавши, был пришовши Хл. А. Г. О. был вставши Нвг. и т. п.

Иногда дѣепричастіе для выраженія прошедшаго времени употребляется одно, без вспомогательнаго глагола:

был хотѣвши (=хотѣл) и хотѣвши (=хотѣл) Ирб. А. Г. О. пришовши Пск. ib. ушот, ушотши Прх. ib. сѣмши (=сѣл) Мс. ib. взявши (=взял). Вт. взявши да и пошол Тм. царь уѣхал и заложивши он свое зало Крг. [1]). тяби отдавши (=тебѣ отдал) Н. Т. А. Г. О. этот стал обѣднявши (=обѣднял) Скз. Эрлнв. 103. и т. п.

Употребленіем дѣепричастія — с одной стороны, дѣепричастія + вспомогательный глагол — с другой иногда различаются оттѣнки во времени: пріѣхадчи ВВ. А. Г. О. значит пріѣхал *теперь*, был пріѣхадчи ib.—пріѣхал *прежде*.

Из форм страдательнаго залога возможны в народном языкѣ только прош. и будущ. времена из глагола быть и причастія страдательнаго прошедшаго времени спрягаемаго глагола на *н* и *т*: был бит, будет бит и т. п. [2]).

Состояніе глагольных форм в современном народном великорусском, как можно видѣть из представленнаго здѣсь очерка, ничѣм существенным не отличается от того вида их, в каком являются онѣ уже в памятниках XV стол. [3]).

---

[1]) Слѣдовательно дѣепричастіе сочетается с личным глаголом посредством соединительнаго союза. О случаях такого сочетанія предложеній в древнерусском см. Потебни Зам. о малор. нар. 21. Из записок и пр. II. 78.

[2]) Причастіе страд. наст. вр. неупотребительно в народном языкѣ. Суфиксы прич. прош. *н* и *т* в нѣкоторых глаголах мѣняются: зватаго К. IV. 65. взяно Нвг.

[3]) См. мой Очерк и пр. 144—6.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

В заключеніе представленнаго обзора звуков и форм великорусскаго нарѣчія, считаю не лишним сказать нѣсколько слов о взаимном отношеніи главных частей русскаго языка.

Внѣ всякаго сомнѣнія стоит та научная истина, что русскій язык представлял нѣкогда единую цѣльную лингвистическую особь. С теченіем времени он распался на части.

Когда совершилось это распаденіе и сколько главных частей (нарѣчій) заключает в себѣ современный русскій язык—эти два, давно уже поставленные вопроса, вызывали в разное время и у разных лиц различные отвѣты.

Нѣкоторое лексическое сходство малорусскаго с польским дало повод, в двадцатых годах текущаго столѣтія, не только польским но и нѣкоторым русским писателям, посмотрѣть на малорусское нарѣчіе, как на разновидность польскаго языка. Так Греч в Опытѣ исторіи русской литературы, изданной им в 1822 г., заявляет, что „малорусское нарѣчіе *родилось* и усилилось от долговременнаго владычества Поляков в юго-зап. Россіи и может даже назваться *областным польским*“ (с. 12—13). При тѣх средствах, какими располагала русская филологическая наука в 20 годах, такой взгляд многим мог и не показаться вопіющею нелѣпостью. Однако и тогда уже нашлись люди, выступившіе с рѣшительным отрицаніем ложнаго мнѣнія о принадлежности малорусскаго нарѣчія польскому языку. Скоро послѣ изданія упомянутой книги Греча явилась статья о русском (малорусском) языкѣ перемышльскаго каноника Могильницкаго [1]). Автор этой статьи считает малорусское на-

[1]) Когда именно и гдѣ была впервые напечатана эта статья—не знаю. В 1820 году она была переведена с русскаго (малорусскаго?) на польскій и помѣщена во львовском журналѣ

рѣчіе существующим с глубокой древности. Он отличает его от церковно-славянскаго и великорусскаго, но отожествляет с бѣлорусским. Об отношеніях малорусскаго к польскому автор высказывается так: „подобно народу и язык южно-русскій отнюдь не произошел от польскаго, а напротив того несравненно ранѣе польскаго цвѣл и развивался.“

В том же смыслѣ высказался и Бодянскій в статьѣ „Разсмотрѣніе различных мнѣній о языкѣ сѣверных и южных Руссов“ [1]). И он рѣшительно возстает против мысли о тѣсной связи малорусскаго с польским. В бѣлорусском он видит смѣшеніе польскаго, великорусскаго и малорусскаго, но, по сущности, не отличает бѣлорусское от послѣдняго.

Несравненно важнѣе упомянутых мнѣній были тѣ взгляды на отношеніе русских нарѣчій, которые высказал в 1839 году Максимович в замѣчательной для своего времени книгѣ: Исторія древней русской словесности.

Он различает три части в русском языкѣ; велико—мало—и бѣло-русское нарѣчіе. [2])

Древнѣйшею основою этих нарѣчій (языков) был язык восточных славян. Так как эти славяне „состояли из многих особых отраслей, в разной степени между собою родственных; то без сомнѣнія и в языкѣ этих отраслей уже

Czasopism naukowy (Вып. 3-ій С. 56—87.) под заглавіем Rozprawa o języku ruskim. В 1837 г., в переводѣ с польскаго она явилась в Ж. М. Н. Пр. (Ч. 17). В 1857 г. Кулиш перепечатал ее во II томѣ Записок о южной Руси (с. 261—279) под заглавіем: О древности и самобытности южно-русскаго языка.

[2]) Эти три части русскаго языка Максимович считает не за три нарѣчія, а за три языка „наравнѣ с прочими западно-славянским и даже с большим правом (!) чѣм языки польскій, чешскій, сербскій и словацкій, ибо сіи послѣдніе сходнѣе (!) между собою чѣм южно-русскій с великорусским и даже с бѣлорусским“ (97). Мысль, без сомнѣнія, ложная; Максимович, впрочем, и не остался при ней.

издревле существовали свои большія или меньшія особенности, которыя и были коренными внутренними причинами мѣстных разностей в языкѣ русском“ (98). Слѣдовательно, раздѣленіе русскаго языка на нарѣчія Максимович объясняет не внѣшними причинами, а органическим послѣдовательным развитіем діалектических разностей, издревле существовавших в русском языкѣ. Естественно, поэтому, что он должен был отвергнуть мысль об образованіи малорусскаго в средніе вѣка, вслѣдствіе смѣшенія русскаго с польским (100). Южно-русское нарѣчіе явилось не позднѣе древняго періода (ibid.) [1]. Вліянія польскаго на малорусское Максимович не отрицает, но замѣчает, что оно сказалось преимущественно на галицком, частію волынско-подольском (ib.). И это вліяніе не значительно; существенных особенностей польскаго в малорск. вовсе нѣт (100—1). Сравненіе малорусск. с великорусск. приводит Максимовича к убѣжденію, что первое стоит ближе к сѣверно-великорусскому, чѣм к южному (100). О бѣлорусском он высказывается так: „по своему общему образованію он (бѣлор. язык) ближе к великорусскому; но в частных примѣтах и словах он имѣет много общаго с южно-русским, и занимает между ними средину“ (106). В том же, в сущности, смыслѣ высказался Максимович об отношеніи частей русскаго языка и в 1848 г. в книгѣ: Начатки русской филологіи.

В 1841 г. явилась замѣчательная статья о русских нарѣчіях Надеждина: Mundarten der Russichen Sprache [2]).

В ней развита оригинальная и остроумная теорія, не подкрѣпленная однако данными ни из исторіи русскаго я-

---

[1]) Древній період, по Максимовичу, „от шестидесятых годов IX-го до послѣдней четверти XIII-го“ (ibid. 6).

[2]) Статья эта (написанная по поводу изданія Коппитара Hesichii Glossographi discipulos et Επιγλοσσισης Rossus in ipso Constantinopoli sec. XII—XIII. Vindobonae 1840) помѣщена в Jahrbücher der Literatur 1841. Band 95. S. 191—240.

зыка, ни из современнаго его состоянія. Сущность мнѣнія Надеждина сводится и слѣдующим положеніям.

Издревле существовали два главныя нарѣчія русскаго языка, по двѣ стороны водораздѣла балтійских и черноморских рѣк: *понтійско-русское* (=малорусское), которым говорили Угличи, Тиверцы, Дулебы, Суличи, Сѣверяне, Поляне и Горяне (223—4); и *балтійско-русское* (=бѣлорусское), которым говорили Древляне, Дреговичи, Полочане, Кривичи и—вѣроятно—Радимичи и Вятичи (224—5). Обѣ части русской земли—понтійская и балтійская, юг и запад—высылали от себя колонистов на финскій восток, гдѣ, мало по малу, вслѣдствіе столкновенія и смѣшенія понтійцев и балтійцев, выработалась третья раса русскаго племени — *великорусы*, и — через смѣшеніе и взаимодѣйствіе понтійскаго и балтійскаго нарѣчій—третье русское нарѣчіе—великорусское (225—6).

Происхожденіе бѣлорусскаго и малорусскаго от смѣшенія русскаго языка с польским Надеждин, конечно, отвергает: эти два нарѣчія для него, как видно из вышесказаннаго,—основныя; великорусское—вторичное, по времени его образованія.

В 1850 г. вопроса о раздѣленіи русскаго языка и об отношеніи его нарѣчій коснулся И. И. Срезневскій в книгѣ Мысли об исторіи русскаго языка. Он высказался по этому вопросу так: „*Давни*, но *не исконны* черты, отдѣляющія одно от другаго нарѣчія сѣверное и южное, великорусское и малорусское (40) [1]); не столь уже давни черты, разрознившія на сѣверѣ нарѣчія восточное—собственно великорусское и западное—бѣлорусское“ (ibid.). Бѣлорусское, по этому

---

[1]) Опредѣленіе по вопросу о времени раздѣленія русскаго языка на два нарѣчія высказался И. И. Срезневскій в 1856: „XIII—XIV вѣк был временем образованія мѣстных нарѣчій великорусскаго и малорусскаго, как нарѣчій отдѣльных“ (Извѣст. Ак. Наук. Т. V. В. II. С. 68).

мнѣнію, есть, слѣдовательно, только часть, поднарѣчіе великорусскаго.

В 1852 г. остановился подробно на вопросѣ об отношеніи малорусскаго к великорусскому П. А. Лавровскій в своей книгѣ О языкѣ сѣверных русских лѣтописей. Он пришел к заключенію, что „русскій язык до XIII—XIV ст. был один нераздѣльный; что, кромѣ мѣстных отличій, в нем вовсе не было замѣтно распаденія на два отдѣльныя нарѣчія“ (20); что в древней письменности русской „не обнаружилось никаких слѣдов нарѣчія малорусскаго, по крайней мѣрѣ, до конца XIV ст. и что отдѣленіе его от великорусскаго нарѣчія началось пріемом полонизмов“ (18—19).

В 1855 г. выступил Погодин с оригинальным мнѣніем касательно малорусскаго нарѣчія в Запискѣ о древнем языкѣ русском. „Язык лѣтописей, говорит он, а вмѣстѣ и язык церковный, был языком живым и говорили им великороссіяне“ (Изв. Ак. Наук 1856. T. V. B. 79). „Великорусское племя жило в Кіевѣ“ (ib. 78). „Послѣ Татар великороссіяне отодвинулись на сѣвер“ (81); а на мѣсто их „пришли малороссіяне.... от Карпатских гор“ (80). Это мнѣніе Погодина вызвало сильныя возраженія со стороны Максимовича. Завязалась оживленная полемика между этими учеными. Явился ряд статей с той и другой стороны. Как ни искусно изворачивался Погодин, защищая свое мнѣніе о позднѣйшем выселеніи малорусов в нынѣшнія малорусскія губерніи, он не мог подкрѣпить его вѣскими фактическими доводами. „Какое есть у тебя свидѣтельство историческое, спрашивал Максимович Погодина (ст. О миномом запустѣніи Украины. Рус. Бесѣда 1857 г., Полн. Собр. Соч. Максимовича T. II. 1876), на это переселеніе малоруссов из Карпат на Днѣпр в вѣк Татарщины?“ Такого историческаго свидѣтельства у Погодина не было: лѣтописи ни слова не говорят о движеніи русскаго народа с запада к востоку в этот період; а уж конечно такое явленіе, как передвиженіе цѣлых масс парода из одной русской страны в другую, не могло бы ускользнуть от вниманія лѣтописцев. С другой стороны, странно было бы думать, что массы на-

селенія из безопасных относительно мѣст идут в сторону, откуда туземцы вынуждены были бѣжать.

Мнѣніе Погодина нашло однако себѣ сторонника в П. А. Лавровском. В заключеніи своей статьи Обзор замѣчательных особенностей малорусскаго нарѣчія сравнительно с великорусским и древне-славянским нарѣчіями (Ж. М. Н. Пр. Ч. СП 1859) он говорит слѣдующее. „Малорусское нарѣчіе, стоящее всего ближе к великорусскому, составляет переход от него к южно славянским. Не встрѣчая в древних южно-русских памятниках черт, свойственных теперь малорусскому нарѣчію, должно обратиться с большим еще правом опять к гипотезѣ, высказанной нѣкогда Погодиным, относительно позднѣйшаго выселенія нынѣшняго малорусскаго племени с карпатских гор; гипотезѣ, объясняющей вообще родство говора малорусскаго с русинским карпатским и подтверждаемой общими чертами с сербским нарѣчіем, которыя легко могли развиться на сосѣдних с сербскими поселеніями Карпатах, в мѣстностях, гдѣ, по Багряпародному находилась великая Сербія“. В этой статьѣ г. Лавровскій, — вопреки тому, что утверждал прежде, — признал за малорусским нарѣчіем, на основаніи его особенностей, столько же самостоятельности, как и за другими славянскими нарѣчіями. Вообще это новое мнѣніе его о малорусском нарѣчіи рѣзко разнится от того, которое он высказал за семь лѣт перед тѣм.

Раньше чѣм появилась эта статья, подкрѣплявшая мысли Погодина, Максимович, в опроверженіе этих мыслей, напечатал свои Филологическія письма (числом одиннадцать)—в Русской Бесѣдѣ 1856 г. Кн. III. Письма эти адресованы к Погодину и направлены против двух его положеній: о тожествѣ русскаго языка с церковным, и об отсутствіи в древне-русской письменности слѣдов малорусскаго нарѣчія. Что до перваго положенія, то Максимовичу было, конечно, не трудно доказать заблужденіе Погодина; но опроверженіе втораго ему не удалось Приведенные им из древних русских памятников примѣры в доказательство того, что в языкѣ этих памятников сказываются особенно-

сти малорусскаго нарѣчія, характеризуют не это послѣднее а древне-русскій язык вообще [1]).

Несостоятельность доводов Максимовича была указана П. А. Лавровским в статьѣ его „Отвѣт на письма Максимовича к Погодину о нарѣчіи малорусском", помѣщенной в Основѣ 1861 N. VIII. В том же году и в том же журналѣ, N. XII, г. Лавровскій напечатал и другую свою статью о том же предметѣ „По вопросу о южно-русском языкѣ." Доказывая в той и другой статьѣ, что в древне-русских памятниках нѣт слѣдов малорусскаго нарѣчія, он повторяет в тоже время свою прежнюю, в 1859 г. высказанную, мысль о самобытности малорусскаго нарѣчія и, повидимому, не отказывается от погодинской гипотезы о позднѣйшем выселеніи малорусов из прикарпатских мѣстностей.

Не отказался и Максимович от своих мнѣній. Он не вступил непосредственно в полемику с Лавровским, но

---

[1]) Вот нѣкоторые из этих примѣров: „*Половци*. Я думаю, что чисто по великороссійски было бы *Половцы*" (107 — 8). „Если в кіевской лѣтописи написано: идущим же имъ к *Доцю*..... перебреде *Донець*.... дойти рѣкы *Доця*.... до города *Доця*,—то мы должны признать (?!), что это написано Малороссіянами" (108). „У Нестора написано: новгородцю сидящю *на порозѣ*; ясное дѣло, что это написано по малороссійски: великороссіянин сказал бы: *на порогѣ*" (116). „Каких тебѣ, спрашивает он при этом с торжеством Погодина, еще слѣдов, как эти чистыя малороссійскія формы: *на порозѣ, по дорозѣ*? (ibid.)... Вообще, нужно замѣтить, Максимович в своих сужденіях о великорусском и малорусском впал в ту грубую ошибку, что признал всѣ особенности, теперь эти нарѣчія характеризующія, за существовавшія издревле. Даже несомнѣнно позднія фонетическія черты русскаго языка он относит к глубокой древности. В Договорѣ Олега с Греками он останавливается на формѣ *головах*. „Если бы, замѣчает он, русскій посол говорил по бѣлорусскому или средне-русскому произношенію, то задунайскому Славянину, говорящему *глава*, ближе бы и написать *галава*. Но если написано *голова*, то это может служить примѣтою, что так написано повыговору другаго русскаго нарѣчія, всего вѣроятнѣе кіевскаго" (95).

в 1863 г. в газетѣ День явились его „Новыя письма к Погодину о старобытности малорусскаго нарѣчія," в которых он старается устранить доводы Лавровскаго и новыми доказательствами подкрѣпить свои прежнія мысли. Эти новыя доказательства Максимовича по качеству и значенію не отличаются от тѣх, которыя приводил он раньше [1]). Вообще его полемика с Погодиным мало способствовала к освѣщенію спорнаго вопроса. Рѣчь с обѣих полемизующих сторон велась с убѣжденіем и жаром, но факты древняго языка толковались ложно, пристрастно, а на данныя народнаго великорусскаго нарѣчія обращено было слишком мало вниманія. Чувствовалась настоятельная потребность, для рѣшенія вопроса об отношеніях малорусскаго к великорусскому, в таком научном трудѣ, который представил бы данныя для сопоставленія и сравненія особенностей этих нарѣчій. Этой потребности в значительной степени удовлетворили статьи А. А. Потебни – О звуковых особенностях русских нарѣчій (Фил. Зап. 1864 г. и отдѣльно в книгѣ Два изслѣдованія). Чуждый полемическаго задора, этот ученый, спокойно и безпристрастно, основываясь на памятниках и данных современнаго языка, разсмотрѣл вопрос об отношеніи русских нарѣчій и степени древности их особенностей. Бѣлорусское нарѣчіе г. Потебня признал частью южно-великорусскаго (Два изслѣдованія 53). „Раздробленіе русскаго языка на нарѣчія началось, по его мнѣнію, многим

---

[1]) В слѣдующих чертах древне-русскаго видит Максимович малоруссизмы: смѣна *у* на *в*, смѣшеніе *ы* и *и* (в примѣр приводиться форма *изиде*; ср. Житецкаго Очерк и пр. 133, см. Загадочные звуки 10—12), *ця* и пр.; смягченіе гортанных, опущеніе *ть* в 3 л. н. вр., *ыи* в им. п. мн. ч. прил., пов. н. на *ть* (ссылка на Слово о полу Игоревѣ—*понизить*, *вонзить*), см. об этих формах Потебни Замѣтки и пр. 59), зват. п., дат на *ови*— все черты, свойственныя всему древне-русскому языку. Столь же неудачны доказательства Максимовича и древняго существованія великорусскаго (IV письмо). В заключеніе своих писем Максимович опровергает мнѣніе Лавровскаго о близком родствѣ малорусскаго с сербским. Опроверженія, эти дѣльны.

раньше XII в."; (138), „быть может в X ст. или раньше обще-великорусское нарѣчіе выдѣлилось из древняго языка" (140).

В 1870 г. (в Фил. Зап., в 1871 отдѣльной книгой) тот же ученый напечатал свои Замѣтки о малорусском нарѣчіи. Эти замѣтки представляют нѣкоторыя дополненія и поправки к предыдущей статьѣ его о нарѣчіях. Вышеприведенных общих заключеній о раздѣленіи русскаго языка он в них не коспулся, и слѣдовательно не отказался от них. Эти заключенія представляют, можно сказать, послѣднее по времени слово науки в вопросѣ, о котором идет здѣсь рѣчь [2]).

---

[1]) В 1876 г. появилось обширное сочиненіе о малор. нар. г. Житецкаго — Очерк звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. О сочиненіи этом выше не раз уже упомянуто. С мнѣніями его автора можно и не считаться. Книгѣ г. Житецкаго нельзя отказать в цѣльности системы и послѣдовательности в проведеніи основных мыслей. Но мысли эти ничѣм не доказаны и являются научным предубѣжденіем. Такова напр. мысль его о допстопрической древности „подлясских" дифтонгов. Труд г. Житецкаго нѣсколько напоминает своими пріемами объясненій вышеназванныя статьи Максимовича. Как и послѣдній, он иногда, не колеблясь, относит к глубокой древности то, что принадлежит поздней порѣ несомнѣнно или может быть отнесено к ней с большою вѣроятностью.

[2]) В приведенном выше очеркѣ хода развитія вопроса об отношеніях русских нарѣчій, я отмѣтил лишь наиболѣе крупныя явленія, вовсе не заботясь о полнотѣ, относящихся к этому вопросу библіографических данных. Упомяну здѣсь еще о мнѣніях нѣкоторых историков касательно образованія великорусскаго племени, так как особенность племени предполагает особенность варѣчія. По мнѣнію Костомарова, „великоруссы, как показывает относительная близость их нарѣчія с бѣлорусским, имѣли также (как и бѣлорусы) кривскую основу, но по историческим обстоятельствам обособились и сформовались в настоящем видѣ..... через смѣшеніе с вятичами, южно-русами и новгородцами, при большей или меньшей подмѣси татарскаго, финско-турецкаго, татарско-турецкаго и монгольскаго племен"

Точно ли бѣлорусское нарѣчіе не больше как часть южно-великорусскаго?

На основаніи приведенных в этой книгѣ данных бѣлорусскаго нарѣчія и сдѣланнаго в ней сопоставленія этих данных с соотвѣтствующими великорусскаго нарѣчія, по моему мнѣнію, на поставленный вопрос слѣдует отвѣтить отрицательно.

Нѣт сомнѣнія, что бѣлорусское нѣкоторыми, и весьма важными при том, чертами близко роднится с южно-великорусским. Так достаточно вспомнить здѣсь о превращеніи в нем неударяемаго *о* в *а* и о рядѣ звуковых явленій, связанных с этим превращеніем. Очевидно, что вокализм бѣлорусскій должен был издревле имѣть нѣчто общее с вокализмом теперешняго южно-великорусскаго. Но, сходясь одними звуковыми чертами с южно-великор., бѣлорусское, как видно из предыдущаго, другими разнится от него и сходится с сѣверным; третьими — разнится от всего великорусскаго и сходится с малорусским, и — наконец — имѣет самостоятельныя, ему исключительно свойственныя звуковыя

(Сѣв.-русск. народоправства 1863. Т. I. С. 4). На вопросѣ о воздѣйствіи на русское племя инородцев остановился также Ешевскій „Налагая свою европейско-славянскую народность на племена чуждыя, претворяя их в себя, русское племя не подвергалось ли воздѣйствію подчиненных ему народов?“ спрашивает этот ученый и отвѣчает на этот вопрос, как и слѣдует, утвердительно (Русская колонизація сѣверо-восточнаго края. Вѣстник Европы 1866. Т. I. С 217). Но это вліяніе инородцев Ешевскій справедливо относит не к одному великорусскому племени. „Еще с большею ясностью, говорит он, видно вліяніе смѣшенія на юго-востокѣ. Кто не знает, из каких разнородных этнографическихъ элементов образовалось козачество на верховьях Днѣпра, по Дону и по Уралу? Самое имя Торков, Берендеев, Ковуев и других племен тюркского происхожденія, живших в кіевской губ., изчезло из памяти народной, хотя в лѣтописи нѣт слѣдов их ухода или истребленія, и многія лица малорусскихъ казаков сильно напоминают азіатскій облик этих изчезнувшихъ народов.“ (ibid. 220—21). „Довольно рѣзкое отличіе великорусскаго племени от малорусскаго может быть объясняемо развитіем посторонних примѣсей на общей обоим сла-

черты, которыя отличают его как от великорусскаго так и от малорусскаго.

Тоже слѣдует сказать и о бѣлорусскихъ формах.

Какова бы ни была ступень древности спеціально бѣлорусскихъ черт, онѣ, в настоящее время, отличают его от остальных частей русскаго языка. От великорусскаго нарѣчія бѣлорусское нѣкоторыми признаками, как то выше показано, разнилось уже в XIII ст. Несомнѣнно, что оно

вянской основѣ“ (ibid.). Дѣйствительно, возможно, что нѣкоторыя этнографическія особенности русских племен условились смѣшеніем чисто русскаго элемента с инородческим; но в рѣчи обѣих главных частей русскаго языка, за исключеніем нѣсколькихъ десятков восточных слов, не указано (да едва ли и будет когда указано) на что либо привившееся из языка поглощенных русскою народностью неевропейских племен. Бѣляев в великорусском племени видит результат смѣшенія на востокѣ колонистов, вышедших из разных частей Руси (Извѣстія антропологическаго отдѣла общества любителей естествознанія, состоящаго при московском Университетѣ. Т. I. М. 1865,—статья: Как образовалось великорусское племя и пр.). „С татарским нашествіем на русскую землю окончательно сложилось как бы новое русское племя великоруссов, в котором органически соединились всѣ живыя и дѣятельныя силы русских племен из всѣх краев русской земли“ (Ст. О великорусском племени. Сборник антропологических и этнографических статей о Россіи и странах ей прилежащих, изд. В. Дашковым. М. 1868. Кн. I. С. 127). Что в суздадьском краѣ и сопредѣльных ему сталкивались и смѣшивались между собою поселенцы из разных краев Россіи,—это несомнѣнно. Но нельзя думать, чтоб великорусское племя выработалось вслѣдствіе „органическаго соединенія“ племенных особенностей этих поселенцев. Это племя и нарѣчіе его возникло независимо от смѣшенія и скрещенія этнографических и лингвистичечких разностей. Принадлежащій великорусскому нарѣчію новгородскій говор сказывается нѣкоторыми ему свойственными чертами уже в первые вѣка русской письменности. Переселенцы с юга на сѣвер, с теченіем времени, теряли особенности своего говора. Великорусское племя и его нарѣчіе (как с другой стороны—и малорусское) развивались из зародышных особенностей, отличавших, хотя и малозамѣтно, населеніе сѣвера Руси от юга уже в глубокой древности.

ближе к великорусскому, чѣм к малорусскому; но вѣрно и то, что оно не отожествляется с первым. Поэтому старинное дѣленіе русскаго языка на *три* части не может, я думаю, считаться рѣшительно ошибочным [1]). Если же смотрѣть на бѣлорусское не как на часть *русскаго* языка, то, во всяком случаѣ, слѣдует видѣть в нем значительно обособившуюся часть *великорусскаго* нарѣчія [2]). Послѣднее, прежде чѣм распасться на сѣверное и южное, должно было раздѣлиться, как это нѣкоторые и принимали, на собственно великорусское и бѣлорусское.

Что касается до малорусскаго, то о его самостоятельности как части русскаго языка нѣт и не может быть ни спора ни сомнѣній [3]).

Но вопрос о степени древности его особенностей, как видно из предыдущаго,—вопрос спорный.

Особенности эти, отличающія малорусское от великорусскаго, двоякого рода: однѣ относительно новы, чужды древнерусскому (общерусскому) языку и являются спеціально—малорусскими признаками, не повторяясь в других частях современнаго русскаго языка; другія—унаслѣдованы от древне-русскаго. Послѣдних немного. В формах, правда, малорусское представляет немало архаичнаго; но звуковыя отличительныя его черты почти всѣ принадлежат к относительно позднему времени. Главнѣйшія из звуковых признаков, разнящих малорусское от великорусскаго (не включая в послѣднее бѣлорусскаго)—слѣдующія:

---

[1]) II. Отд. Ак. Наук вопрос — „считать ли бѣлорусское нарѣчіе самостоятельным нарѣчіем русскаго языка, или одним из нарѣчій великорусскаго“—признает еще не порѣшенным. (См. Зап. Ак. Наук. Т. XXXI. Кн. I. С. 36).

[2]) Частью великорусскаго вообще а не южно-великорусскаго только признает бѣлорусское нарѣчіе и г. Житецкій. См. его Очерк и пр. 257.

[3]) Степень самостоятельности малорусскаго нѣкоторыми учеными не в мѣру преувеличивается. Так Миклошич в своей Vergl. Gramm. разсматривает малорусское (и великорусское) на ряду с польским, чешским, сербским и т. д. Поступить так—значит смѣшать виды с разновидностями.

1) преобладаніе в малорусском вокализмѣ небнаго элемента: господство звука *і* над другими звуками;

2) вліяніе качества слога на измѣненіе гласнаго звука: превращенія под этим вліяніем звуков *о, е*;

3) потеря *ы* и появленіе средняго *и*;

4) твердость звука *е*, или—другими словами—несочетаемость с этим звуком мягких согласных;

5) смягченіе гортанных.

Из этих признаков только послѣдним малорусское является архаичнѣе великорусскаго; остальными, отличаясь от великоруск., оно отличается и от древняго обще-русскаго.

Для безпристрастнаго наблюдателя внѣ всякаго сомнѣнія является тот факт, что особенности малорусской фонетики условлены по преимуществу выработкою новых фонетических черт, чуждых древности; уклоненіем от звуковаго типа обще-русскаго языка.

Это обстоятельство отнюдь однако не может служить доказательством поздняго образованія малорусскаго, или—что тоже — (так как существованіе одного из двух главных парѣчій неизбѣжно предполагает существованіе другаго) поздняго раздѣленія русскаго языка.

Во первых, цѣльность этого языка нарушилась и распаденіе его на нарѣчія совершилось не тогда только, когда та или другая часть его выработала свои спеціальныя звуковыя или формальныя черты, несуществовавшія в русском языкѣ раньше; но тогда уже, когда одна из этих частей потеряла какія либо особенности, свойственныя языку в древности, между тѣм как другая сохранила их. Так русскій язык не существовал уже как одно цѣлое в ту, напр., эпоху, когда в одной его части гортанныя стали терять переходную смягчаемость, или когда *ъіи, іи*, в извѣстных случаях, в той же части стали превращаться в *ои, еи*.

Во вторых, как бы ни были поздни спеціально малорусскія особенности в том видѣ, в каком существуют онѣ теперь; в зародышѣ, как возможность, онѣ должны были существовать в отдаленной уже древности. Рѣзкія особености

языка или парѣчій не являются сразу. Для их постепенной выработки требуются сотни лѣт. Что бы ни вліяло с теченіем времени на измѣненія звуковаго строя южной половины русскаго языка, измѣненія эти неискаженія. Малорусская фонетика представляет органическую цѣльность, что указывает на органическое развитіе. Если даже допустить, что в числѣ причин, выработавших звуковой тип малорусскаго, были чуждыя вліянія, то все же необходимо признать, что вліянія эти не внесли в него ничего дезоргани, рующаго. Необходимо поэтому допустить, что в глубокой уже древности фонетика южно-русскаго языка заключала в себѣ *нѣчто*, из чего, независимо от внѣшних вліяній могли развиться существующія теперь в малорусском особенности. Быть может уже в XI—X ст. русскій язык не представлял со стороны звуков цѣльности в строгом смыслѣ этого слова [1]),—хотя, без сомнѣнія, в эту отдаленную эпоху, и даже позже, звуковая разность рѣчи сѣвера и юга Россіи была едва ощутимою. Раздвоеніе русскаго языка в ту пору было только намѣчено. Будущія рѣзкія разности двух главных его парѣчій находились, как выше уже замѣчено, в зачаточном состояніи. Опредѣлить точно это состояніе, отвѣтить положительно на вопрос, — что впервые нарушило цѣльность русскаго языка, из чего выросли появившіяся в нем позже разности — предоставляется наукѣ будущаго; пока возможны лишь предположительныя рѣшенія этого вопроса. С вѣроятностью можно думать, что первоначальная разность в звуках рѣчи русскаго сѣвера и юга была разностью количественною, а не качественною.

---

[1]) Разность в формах обнаружилась уже в историческое время, вѣроятно, не раньше XIII столѣтія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе . . . . . III.
Перечень источниковъ . . . . . VI.
Перечень мѣстностей . . . . . IX.

ЗВУКИ (1—202):

A. Гласные (1—138):

I. Замѣны изчезнувшихъ изъ языка звуковъ (1—30):

1. Слѣды и замѣны глухихъ 1
2. Слѣды и замѣны носовыхъ 12
3. Замѣны *ѣ* 16

II. Полногласіе (30—54):

1. Глухіе при плавныхъ. 2-е полногласіе. . 31
2. Первое полногласіе 40

III. Мѣна гласныхъ звуковъ (54—134):

1. Звуки категоріи *а* 54
а вм. *о* 54.—*я* (*а'*) вм. *е* 60.—*о* вм. *а* 62. *е*—*э* 66.—*е* вм. *о* 68.—*о* вм. *е* 69. *ё* (=*йо*) вм. *е* (=*йе*) 71.—*ё* (='*о*) вм. *е* (='*е*) 71.

2. Звуки категоріи *у* 84
у – *в* 84.—*у* вм. *ы* 86.—*ы* вм. *у* 87.

3. Смѣшеніе звуковыхъ категорій 89
ы—*и* 90.—*о* вм. *ы* 93.—*а* вм. *ы* 93.—*ы* вм. *а* 94.—*ы* вм. *о* 94.—*ый*—*ой* 97.—*ый*—*эй* 99.—*о* вм. *у* 100.—*у* вм. *о* 101.—*а* вм. *у*, *у* вм. *а* 104.—*и* (*і*) вм. *о* 105.—*и* вм. *е* 108.—*ей* вм. *ій* 113.—*е* вм. *и* 115.—

IV. Измѣненія гласныхъ (120—135):

1. Сокращеніе 121
2. Ассимиляція и стяженіе 121
3. Диссимиляція и растяженіе 123
4. Опущеніе. 124

5. Приставка и вставка. 126
6. Йотація и перегласованіе 128
V. Ударенія (135—188).
Б. Согласные (139—203).
I. Смягченіе согласных (139—150).
1. Гортанные 139
2. Зубные *д* и *т* 143
3. Губные 148
II. Умягченіе и отвердѣніе согласных (151—164.)
Плавные 151.—Свистящіе 154.—Шипящіе 156.—Губные 158.—Гортанные 161.—Носовые 161.
III. Мѣна согласных (164—191).
Плавные и *й* 165. — Носовые 168. — Губные 168.—Гортанные 171.—Зубные *д* и *т* 175.—Свистящіе 176.—Шипящіе 183.—
IV. Измѣненія согласных (191—203).
1. Ассимиляція и диссимиляція. 192
2. Опущеніе. 194
3. Вставки и приставки 200
4. Перестановка 202
ФОРМЫ (204—252).
А. Имена и мѣстоименія (Склоненія) (204—238)
I. Имена существительныя (204—225).
1. Смѣщеніе родов 204
2. Падежныя окончанія. 208
II. Имена прилагательныя (225—231).
III. Имена числительныя (231—233).
IV. Мѣстоименія (233—238).
В. Глагол (Спряженія) (239—252).
1. Неопредѣленное наклоненіе 239
2. Повелительное наклоненіе. 242
3. Изъявительное наклоненіе. 243
ЗАКЛЮЧЕНІЕ (253—266).

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
10. 17. 26.	21. 30. 25.	Влд.	Вд:
71.	28, 16.	Вдм.	Влд.
—	28		
11	5	Квгр.	Клгр.
—	22	П. П.	Истор. пѣсни млр. нар. (Антоновича и Драгоманова)
12	15—16	что в такой формѣ онѣ встрѣчались	что онѣ встрѣчались
14	21	Ѱ	Ѧ
17	24	измѣнено	измѣненіе
19	6 снизу	образовавшаго	образованнаго
—	1 —	носового	юсоваго
24	20	Ротизій	Ротозій
28	14	смотря цо том	смотря по тому
30	10 снизу	Изл.	Изв.
33	6	гласных	согласных
36	27	ее могу	не могу
39	11	Хлм.	Хл.
40	25	не дают нп	не дают ли
42	19	ожидать *o*	ожидать *ō*
45	7 снизу	рыгич	рычаг
57. 63. 90. 158.	24. 25. 13. 11. 14.	Яр.	Ярс.
58	8 снизу	пѣтушейка	пѣтушейла
59	20	Прм. В. Вл.	Прм. М. Нж. Влд.
61	1	*e*	*'o*
—	24	Ос.	Остр.
63	9	Вд.	Влд.
66	8 снизу	Произношеніе	Произношеніем
68	4—5	молодепкоюу	молодецкому
—	20	в этом	в этот
—	30	Тоб.	Тмб.
69	16	рабята	робята
72	13 снизу	бѣлорусскому	болгарскому
—	7 —	или и іо	или *іо*
78	8 —	антелём	ангелём
79	4	Шск.	Шк.
80	11	ёсиь	ёсць
88	1 снизу	Гиттала	Гаттала
89	3	*ьв* (јьв (=јъв)	*ьв* (=јъв)
91	9 снизу	zakladowe diolectogie	Zakladove dialectolgie
—	8 —	podžeči	podřeči
93	8 —	средствѣ	сродствѣ
94	15	Такое	Тоже
—	23	Из	Кз.
102	12 снизу	цопурхивить	попурхивать
112	18	сходно	сходных
115	13 снизу	Переходит в *и*	Переходит в *е*
—	—	конечное *е*	конечное *и*
120	9	переже	церіжків
122	7	Мгр.	Мжр.
—	7 снизу	удобленія	уподобленія
125	2 —	Тм.	Тт:

Стр.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
126	14	Ен и	Ен и
135, 162.	20. 16.	Бл.	Блз.
141	11 снизу	Ви.	Вив.
154	15	Млх.	Млж.
157. 188.	4снизу. 20	Нх.	Нж.
158	—	коме(о)ной	коме(о)ней
—	—	комоной	коменей
160	9	в гласных	в глаголах
165	14	Нл.	Ол.
222	24	*ми*	*ма*